

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И СОЦИАЛЬНЫЕ
ПЕРЕМЕНЫ:
ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ**

Том 11, № 4, 2018

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода
журнала – 6 раз в год

Решением
Минобрнауки РФ
журнал «Экономические
и социальные
перемены: факты,
тенденции, прогноз»
включен в Перечень
рецензируемых
научных изданий,
в которых должны
быть опубликованы
основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой
степени кандидата
наук, на соискание
ученой степени доктора
наук по научным
специальностям:
22.00.00 –
социологические
науки; 08.00.00 –
экономические науки.

Журнал размещается в
следующих рефератив-
ных и полнотекстовых
базах данных:
Web of Science (ESCI),
ProQuest, EBSCOhost,
Directory of Open Access
Journals (DOAJ), RePEc,
Ulrich's Periodicals
Directory, ВИНИТИ
РАН, Российский
индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала
направляются в
Библиотеку Конгресса
США и в Германскую
национальную
экономическую
библиотеку.

Все статьи проходят
обязательное
рецензирование.
Высказанные в статьях
мнения и суждения
могут не совпадать
с точкой зрения
редакции.
Ответственность за
подбор и изложение
материалов несут
авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vscsc.ac.ru>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тозин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сапир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (EHSS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штомпка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окреплов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, СанктПетербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 11, no. 4, 2018

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review. Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vscac.ru>

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHES), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanova, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tretyakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Doc. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu.Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти	9
---	---

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России	35
Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества	48

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Исаев А.Г. Региональные аспекты инвестиционных процессов: эмпирический анализ распределения капитальных ресурсов в Дальневосточном федеральном округе	63
---	----

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Лапин Н.И. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением	77
Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретические подходы к исследованию мотивации творческой трудовой активности населения в социогуманитарной мысли	90

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Международный ландшафт рынка российских экономических журналов	110
---	-----

ОТРАСЛЕВАЯ ЭКОНОМИКА

Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма)	125
--	-----

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

- Воронова Н.С., Мирошниченко О.С. Доходы населения как потенциал развития банковского кредитования: компаративный анализ российских регионов 144

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

- Дмитриева Т.Е. Экологизация биоресурсной экономики северного региона 160

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

- Хэ Сюнвэй. Оценка эффективности функционирования регионального экологического капитала Китая на примере использования эко-экономической зоны озера Поянху 173
- Мачей Чаплевски. Состояние развития информационного общества в Словении, Хорватии и Польше на фоне средних показателей по ЕС ..185

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

- Уханова Ю.В. Экспертный образ гражданского общества в России 202
- Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Наумов И.В., Козинская К.М. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства 217
- Павлов Р.Н. Политическая экономия как теоретико-методологическая основа для выявления основных тенденций развития социального предпринимательства 235
- Гужавина Т.А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность 252

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

- Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества 269
- Правила приёма статей 278
- Информация о подписке 284

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. Pension Reform and Exacerbating Issues of the Legitimacy of the Government 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Lenchuk E.B., Filatov V.I. Strategic Planning – the Way toward Sustainable Development of the Russian Economy 35
- Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Science and Technology Development in Russia and China: Comparative Analysis and the Prospects of Cooperation 48

MODELING AND FORECAST OF SOCIO-ECONOMIC PROCESSES

- Isaev A.G. Regional Aspects of Investment Processes: an Empirical Analysis of the Distribution of Capital Resources in the Far Eastern Federal District.... 63

THEORETICAL ISSUE

- Lapin N.I. Finding Ways to Significant Life Changes for the Better: Professional Discourses and Algorithm to Study Ways Preferred by the Population 77
- Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. Theoretical Approaches to Studying People's Motivation for Creative Labor Activity in the Socio-Humanitarian Thought 90

DISCUSSION PLATFORM

- Balatsky E.V., Ekimova N.A. International Landscape of the Market of Russian Economic Journals 110

BRANCH-WISE ECONOMY

- Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting Domestic Demand as a Driving Force of Economic Growth (on the Example of Domestic Tourism Sphere) 125

PUBLIC FINANCE

- Voronova N.S., Miroschnichenko O.S. People's Incomes as a Potential for Development of Bank Lending: Comparative Analysis of Russian Regions..... 144

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Dmitrieva T.E. The Greening of the Bio-Resource Economy of the Northern Region.... 160

FOREIGN EXPERIENCE

- He Xiongwei. Performance Evaluation of Regional Ecological Capital Operation of China: Taking Poyang Lake Eco-economic Zone of China for Example 173
- Czaplewski M. State of Development of the Information Society in Slovenia, Croatia and Poland in Comparison with the EU Average..... 185

SOCIAL DEVELOPMENT

- Ukhanova Yu.V. The Expert Image of the Russian Civil Society..... 202
- Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Naumov I.V., Kozinskaya K.M. Non-Formal Institutional Environment of Social Entrepreneurship 217
- Pavlov R.N. Political Economy – a Theoretical and Methodological Framework for Identifying Main Trends in Social Entrepreneurship Development 235
- Guzhavina T.A. Social Capital of the Urban Community: Trust, Solidarity, Responsibility..... 252

PUBLIC OPINION MONITORING

- Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society..... 269
- Manuscript Submission Guidelines 278
- Subscription Information 284

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1

УДК 323(470), ББК 60.3(2Рос)3

© Ильин В.А., Морев М.В.

Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru

Аннотация. В первые месяцы нового политического сезона, начавшегося после выборов Президента РФ в марте 2018 г., Правительством были приняты и находятся на стадии обсуждения меры, которые были встречены российским обществом и многими экспертами крайне негативно, особенно на фоне нашедших поддержку в социуме предвыборных обещаний главы государства и перспективных целей внутреннего развития, озвученных В. Путиным в Послании Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. Наибольший общественный резонанс был вызван законопроектом о повышении пенсионного возраста, хотя следует отметить, что он далеко не единственный в списке противоречивых управленческих решений, актуализирующих вопрос о соответствии государственной политики национальным интересам или, другими словами, о легитимности власти. В статье рассматриваются научно-теоретические и исторические основы легитимности власти. Представлены данные российских и региональных исследований общественного мнения, свидетельствующие о растущем недовольстве россиян первыми шагами Правительства в новом

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. Pension reform and exacerbating issues of the legitimacy of the government. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 9–34. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1

политическом сезоне, совпадающем с последним (согласно Конституции РФ) президентским сроком В. Путина. Приведены расчеты и мнения экспертов из различных областей научной и общественной деятельности, доказывающих непродуманность и противоречивость управленческих решений последних месяцев, создающих условия для потенциального снижения доверия главе государства и, в целом, обострения социально-политической ситуации в стране.

Ключевые слова: легитимность власти, пенсионная реформа, социальная стабильность, общественное мнение.

8 августа 2018 г. представители ряда патриотических, ветеранских, родительских, профсоюзных сил России официально обратились к Президенту РФ с письмом, которое подписали активные деятели общественности, науки, культуры, средств массовой информации и в котором они призывают главу государства «отказаться от курса, ведущего страну в пропасть», и «отправить в отставку наиболее одиозных деятелей Правительства, Администрации Президента, Центрального банка, Государственной Думы, Совета Федерации и других органов государственной власти РФ и субъектов РФ, обеспечивающих реализацию политики геополитических противников России»¹.

Сам факт появления данного документа во многом отражает ситуацию первых месяцев внутренней политической жизни, прошедших после выборов Президента РФ. Напомним, что этот период ознаменовался такими реформами и законопроектами, как повышение пенсионного возраста, увеличение пошлин на загранпаспорта, регистрацию транспортных средств, приобретение товаров в зарубежных интернет-магазинах. Обсуждается проект повышения пошлин на табачную и алкогольную продукцию, а также тарифов ЖКХ в 2019 г. Одновременно введены штрафы за злоупотребление правом на митинги...

Одним из резонансных событий стало решение об увеличении налога на добавленную стоимость (НДС) с 18 до 20%, хотя, судя по данным Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), 34% россиян уверены в том, что повышение НДС принесет экономике больше вреда, чем

¹ Письмо опубликовано на сайте информационного портала РИА «Катюша» (URL: <http://katyusha.org/view?id=10398>). Обращение к главе государства подписали 22 человека, среди которых известные представители общественности, науки, культуры, средств массовой информации. Полный текст письма представлен в *приложении 1*.

В России вообще очень мало внимания уделяют тому, хороша ли экономика. И много внимания – тому, хорошо ли чувствует себя правительство. А правительство хорошо себя чувствует тогда, когда может собрать больше налогов. Вот у них не хватает денег – они будут собирать больше. Для них это совершенно естественно... Пока люди не выходят на улицу, правительство может брать с них деньги – всё больше и больше... Но искать деньги в дырявом кармане – вообще плохой вариант. Деньги нужно создавать, а не искать. Нужно развивать экономику, чтобы она приносила больше налогов за счёт роста налогооблагаемой базы².

пользы (противоположной точки зрения придерживается 19% населения); 57% граждан считают, что данная реформа отрицательно повлияет на их личное благосостояние (иное мнение высказывают лишь 4% респондентов)³. Как отмечают эксперты, «налог на добавленную стоимость – один из наиболее удобных для власти, поскольку относится к легко администрируемым (то есть собираемым) налогам. Его повышение, разумеется, является болезненным для бизнеса. И, разумеется, бизнес будет стараться по максимуму переложить тяжесть повышения налога на потребителей, то есть граждан, закладывая повышение в цены товаров и услуг. И, разумеется, это не может не повысить инфляцию и не понизить жизненный уровень населения, причем вовсе не разово и не кратковременно»⁴.

² Интервью с директором программы «Экономическая политика» Московского центра Карнеги экономистом А. Мовчаном 05.07.2018 // Официальный сайт Московского центра Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/publications/76757>

³ О повышении НДС : пресс-выпуск ФОМ от 02.07.2018. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14058>

⁴ Бялый Ю. Пенсионный фарс – 2018 // Информационное агентство «Красная весна» от 29.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>

Все эти инициативы на самом деле не имеют никакого экономического смысла. Они преследуют цели геополитические и, я бы сказал, людоедские, потому что хозяева денег, прототип мирового правительства, ставят задачу по сокращению численности населения. И особенно по сокращению численности населения в Российской Федерации, потому что надо «зачищать» именно нашу огромную территорию в условиях сегодняшнего дефицита свободных территорий. И, безусловно, мировую олигархию интересуют природные ресурсы России. Так что всё очень логично и никакого отношения к каким-то экономическим, финансовым соображениям тут нет⁵.

Были приняты и другие законы — менее известные для широкого круга общественности, но не менее важные для уровня и качества жизни населения. В частности, 28 июля депутатами Государственной Думы одобрен в окончательном чтении законопроект «О создании специальных административных районов» (по сути, офшорные зоны близ Владивостока и Калининградской области, предполагающие нулевую ставку на доходы, полученные международной компанией); 30 июля Президент подписал закон «Об отмене штрафов за невозвращение валютной выручки» (по сути, отмена ранее существовавшего требования о возвращении валютной выручки, или, как отмечают эксперты, «можно привести аналогию: я еду на автомобиле. Отменили штрафы за превышение скорости, и получается, что это не отмена штрафов — это отмена пункта ПДД о допустимой скорости»⁶).

Вышеперечисленные действия Правительства в первые месяцы четвёртого президентского срока В. Путина пока что слабо согласуются с его предвыборными обещаниями и вполне объясняют тот факт, что за последние месяцы

поддержка главы государства резко снизилась, а по всей стране прокатилась волна протестных выступлений⁷.

Профессор МГИМО В. Соловей: «Я каждый день получаю по несколько писем от корреспондентов из провинциальной России. Они описывают одно и то же: „У нас прошел митинг против пенсионной реформы. Мы вышли впервые за 10 лет. Вышли представители всех партий. И главное, отмечают они: мы очень злые. И нас не успокоить. И мы будем становиться все злее”»⁸.

По данным ВЦИОМ и Левада-Центра, еще в апреле — мае 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента составлял около 80% (таблица). В июле — августе он «скатился» до 63–67%. Доля людей, готовых принять участие в акциях протеста, в начале года составляла 8–16%, в середине года — 28% (рост почти в 2 раза по данным ВЦИОМ и почти в 4 раза по данным Левада-Центра).

Аналогичная динамика общественных настроений отмечается и на региональном уровне. Так, по данным мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН, уровень поддержки Президента в июле — августе снизился с 70 до 66%, а доля людей, готовых принять участие в акциях протеста, возросла с 16,5 до 20,4% (самый высокий показатель с начала года).

Шаги, предпринимаемые Правительством в первые месяцы нового политического сезона, а также соответствующая реакция широких слоев населения всё больше заставляют задуматься о проблеме легитимности действующей власти и реализуемого ею политического и социально-экономического курса. Здесь уместно вспомнить о том, что сам автор термина «легитимность» — немецкий социолог, философ и экономист М. Вебер говорил о том, что

⁷ В конце июня — начале июля 2018 г. в 85 городах России планировались акции протеста против пенсионной реформы (источник: Митинги против повышения пенсионного возраста: где и когда / Информационное агентство Клерк.ру 26.06.2018. URL: https://www.klerk.ru/buh/news/475452/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com).

⁸ Программа «Особое мнение». Радио «Эхо Москвы». Эфир от 3 августа 2018 г. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/2251806-echo/>

⁵ Катасонов В.Ю. Деморазрушение // Газета «Завтра». 2018. № 31. 1 августа. URL: http://zavtra.ru/word_of_day/demorazrushenie_2018-08-01

⁶ Бялый Ю. Пенсионный фарс — 2018 // Информационное агентство «Красная весна» от 29.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>

Динамика поддержки Президента и протестных настроений

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018							
							январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август
Данные ВЦИОМ														
Уровень одобрения деятельности Президента	63	63	81	87	82	84	н.д.	н.д.	н.д.	81	80	73	64	63
Доля людей, готовых принять участие в акциях протеста*	18	20	17	20	24	22	16	16	16	20	19	29	н.д.	н.д.
Данные Левада-Центра														
Уровень одобрения деятельности Президента	66	64	82	86	76	82	80	76	80	82	79	н.д.	67	н.д.
Доля людей, готовых принять участие в акциях протеста**	16	17	13	12	13	14	н.д.	н.д.	8	н.д.	н.д.	н.д.	28	н.д.
Данные ВолНЦ РАН														
Уровень одобрения деятельности Президента	52	55	64	69	68	67	н.д.	69	н.д.	68	н.д.	70	н.д.	65,9
Доля людей, готовых принять участие в акциях протеста***	17,9	17,3	17,0	19,0	20,6	18,6	н.д.***	15,1	н.д.	16,1	н.д.	16,5	н.д.	20,4
<p>* Формулировка вопроса: «Если в нашем городе/сельском районе состоятся массовые акции протеста выступления против падения уровня жизни, несправедливых действий властей, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?» (вариант ответа «скорее всего да»; в % от числа опрошенных).</p> <p>** Формулировка вопроса: «Если в Вашем городе/сельском районе состоятся массовые выступления против падения уровня жизни, в защиту своих прав, Вы лично примете в них участие или нет?» (вариант ответа «скорее всего, да»; в % от числа опрошенных).</p> <p>*** Формулировка вопроса: «Как Вы считаете, могут ли в Вашем населённом пункте состоятся массовые выступления против роста цен и низкого уровня жизни? Вы лично примете в них участие?» (вариант ответа «да, скорее всего да»; в % от числа опрошенных).</p>														

легитимность — это «признание власти подчиненными, их добровольное согласие ей покоряться»⁹.

В отечественной истории было немало примеров того, как именно легитимность власти (а точнее ее отсутствие) приводили к краху российской государственности. Пожалуй, одним из первых таких примеров можно назвать царствование Бориса Годунова (1587—1598) — законно избранного правителя, действия которого, тем не менее, так и не стали легитимными в российском обществе, что в конечном итоге привело к Смуте и созыву Земского Собора, положившего начало правлению династии Романовых (1613).

⁹ Шпакова Р.П. Легитимность и демократия (уроки Вебера) // Политические исследования. 1994. № 2. С. 169—174.

¹⁰ Трунов Р. Исчезающая легитимность // Информационное агентство «Росбалт» от 20.03.2018. URL: <http://www.rosbalt.ru/russia/2018/03/20/1689721.html>

¹¹ Ланцов С.А. Кризисы легитимности в политической истории России // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 92—101.

Делегитимация царской власти в Московском государстве начала XVII века была обусловлена не только пресечением династии Рюриковичей и иными привходящими обстоятельствами (природными катаклизмами, неурожаями и голодными годами). Помимо всего прочего, это был глубочайший кризис государственного управления, осуществлявшегося Иваном Грозным аморальными и репрессивными методами¹⁰.

Опыт Смутного времени показал, что без легитимной, сильной, централизованной власти существование российского государства невозможно. Альтернативой самодержавию оказалась боярская междоусобица, а затем полное безвластие и анархия. Преодоление последствий Смутного времени было связано с восстановлением легитимной государственной власти, способной защитить страну от внешних врагов и обеспечить порядок и стабильность внутри ее границ¹¹.

Николай II и его приближенные не желали замечать, что традиционная легитимность, покоящаяся на вере и традициях, перестает соответствовать представлениям и ожиданиям заметной части общества. Иначе говоря, в условиях того времени прерогативы императора должны были быть ограничены, а в действительности подкреплены реальными конституционными и парламентскими институтами. Однако политические уступки, сделанные под напором Первой русской революции, расценивались самодержавием как временная передышка. Это сражение верховная власть выиграла, но, лишённая общественного доверия и поддержки, осталась единственной виновной во всех прошлых и будущих бедах – от Кровавого воскресенья и Цусимы до Ленского расстрела и Великого отступления русской армии в 1915 году¹².

Легальная власть императора Николая II (1894–1917) не спасла его от утраты легитимности, что закончилось отказом монарха от престола, революцией 1917 г., которая стала началом качественно новой эпохи российской и всей мировой истории и кровавой Гражданской войной.

Б. Ельцин был избран на пост Президента РСФСР и Президента России вполне легально (в 1991 и 1996 гг.), однако всем известно, насколько «легитимной» оказалась власть в период, не случайно получивший название «лихих 90-х». Дискредитация демократии и создание реальных предпосылок к авторитаризму – главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов того времени¹³.

Таким образом, мы видим, что соблюдение формальных процедур, делающих власть законной, не выступает гарантом ее сохранности. В свою очередь, легитимность власти – фактор, от которого ее существование зависит не меньше, чем от легальности. Тем не менее, последние законопроекты Правительства говорят о том, что действующая система государственного управления игнорирует значение легитимности. То ли от своей несменяемости на протяже-

¹² Трунов Р. Исчезающая легитимность // Информационное агентство «Росбалт» от 20.03.2018. URL: <http://www.gosbalt.ru/russia/2018/03/20/1689721.html>

¹³ Симонян Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемические заметки) // Социс. 2013. № 7. С. 143.

На заключительном этапе «перестройки» Б. Ельцин проявил себя как политический лидер, широко использующий популистские приемы и методы в борьбе за власть. Он учитывал перемены в настроении населения, обещая то, чего больше всего ожидали от него в данный момент. Конечно, менялись личные взгляды Ельцина, его политические цели, но популистские политические технологии оставались главным средством их достижения. Интересы борьбы за власть стали у самого Ельцина и у тех, кто его непосредственно окружал и поддерживал, брать верх над долгосрочными национально-государственными интересами страны. Установив контроль над властными структурами РСФСР, Ельцин и его окружение стали противопоставлять их союзному центру во главе с М. Горбачевым. Фактически российское руководство действовало заодно с сепаратистскими элитами ряда союзных республик, прежде всего прибалтийских. Такая политика неизбежно вела к распаду союзного государства, причем по тем искусственным границам, которые были установлены и неоднократно волевым образом менялись в условиях коммунистического режима. То, что такой вариант развития событий противоречит коренным интересам самой России, во внимание ни Ельциным, ни его сподвижниками и советниками тогда не принималось... Своими действиями Ельцин ослабил и государство, и демократию, и экономику. Свидетельством тому стали трагические события октября 1993 г., которые выявили наличие глубокого кризиса легитимности в посткоммунистической России¹⁴...

нии уже почти 20 лет, то ли от сохраняющегося фактически отсутствия альтернативы политического выбора... Есть и более жесткие мнения: некоторые из экспертов считают, что, мягко говоря, противоречивые реформы власти есть не что иное, как планомерная и целенаправленная деятельность коллективного Запада по уничтожению российской государственности руками внутренних политических и финансовых элит. То есть практически используется тот же механизм, который сработал в начале 90-х и который продолжает срабатывать с другими странами. Так, эксперты приводят ряд фактов, показывающих, что повышение пенсионного

¹⁴ Ланцов С.А. Кризисы легитимности в политической истории России // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 92–101.

возраста в разных странах проходит по одинаковой схеме и под диктовку Международного валютного фонда¹⁵:

✓ «Факт № 1: 2016 год, МВФ рекомендует Молдове увеличить пенсионный возраст. Президент Молдовы Игорь Додон назвал пенсионную реформу в Молдавии «социальным геноцидом» и заявил, что отмена пенсионной реформы — один из приоритетов его работы. 1 июля 2017 года правительство Молдавии повысило пенсионный возраст — до 63 лет у мужчин и у женщин.

Мы четко движемся по Плану США... Нас ждут новые непопулярные налоговые реформы, например, обложение личных дачных хозяйств, в котором все дырки бюджета будут затыкать не элиты, а простой народ. Это возвращение на путь Царской России. Все будет растянуто во времени, но наш магистральный путь, с которого мы не свернем — полный демонтаж социального государства. Именно это и есть реальная «многоходовка»... Мы —полуколония Запада и Китая. Наша политика двойственна — истинный вектор направлен на Запад, а для внутреннего использования — «патриотизм»¹⁶.

✓ Факт № 2: 2016 год, МВФ рекомендует Республике Беларусь повысить пенсионный возраст. Президент Александр Лукашенко назвал условия МВФ для получения кредита унижительными и неприемлемыми: «Нищим белорусский народ мы делать не имеем права». И подписал Указ о первом этапе повышения пенсионного возраста — на три года.

✓ Факт № 3: 2017 год, МВФ порекомендовал поднять пенсионный возраст в России. Продолжение этой истории всем нам уже известно...»

В череде новаторских идей, принятых и обсуждаемых кабинетом министров, особого внимания заслуживает реформа пенсионной системы — безусловно, самое резонансное событие последних месяцев внутренней политической жизни в стране. В критических статьях по этому

¹⁵ Скок А. Дожить до пенсии // Газета «Завтра». 2018. 28.06. URL: http://zavtra.ru/blogs/dozhit_do_pensii

¹⁶ Одинцов А.В. Пенсионная реформа: роковая ошибка Кремля // Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://gusrand.ru/analytics/pensionnaya-reforma-rokovaya-oshibka-kremlya>

Мы не готовы к тому, чтобы взять и повысить пенсионный возраст. Да, у нас растет продолжительность жизни, но для мужчин это 65 лет. Если мы поставим 65 лет выходом на пенсию, вы меня извините, это как будет? Отработал, в деревянный макинтош и поехал что ли?¹⁷

поводу неоднократно цитируются обещания В. Путина: «Пока я президент, пенсионный возраст не увеличится. При мне пенсионный возраст подниматься не будет»¹⁸. Но мы также хотели бы обратить внимание на то, что в ходе своей последней «прямой линии» В. Путин достаточно четко сформулировал цель любых шагов, предпринимаемых Правительством в отношении уровня и качества жизни нынешних и будущих пенсионеров: «**Хочу еще раз подчеркнуть, ключевая задача во всей системе пенсионного обеспечения — это значительное повышение уровня благосостояния и доходов пенсионеров**»¹⁹.

Мнение же российского общества относительно законопроекта о повышении пенсионного возраста сложно назвать противоречивым. Напротив, оно вполне однозначно. Петицию против реформы подписало почти 3 млн. человек. Против пенсионной реформы, по данным ФОМ, высказываются 80% россиян, при этом во всех возрастных группах доля разделяющих это мнение составляет более 70%. В большинстве случаев люди боятся просто не дожить до пенсии («Боимся, что не доживем до пенсии», «в нашей стране так долго люди не живут», «платим, платим в пенсионный, мужчины не доживают и деньги теряются», «работать на износ, а потом сразу умереть от истощения — кому тогда те взносы с заработанных денег?», «с повышением пенсионного возраста мы будем умирать на работе»). 49% граждан уверены в том, что «повышение пенсионного возраста недопустимо в принципе» (27% считают, что пенсионная реформа нужна, но «не сейчас и не

¹⁷ Стенограмма «прямой линии» с В. Путиным 16.04.2015 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49261>

¹⁸ Стенограмма «прямой линии» с В. Путиным 27.09.2005 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/23190>

¹⁹ Стенограмма «прямой линии» с В. Путиным 07.06.2018 // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/57692>

так»). Результаты исследования ФОМ показали также, что 64% россиян обсуждают пенсионную реформу со своими друзьями, коллегами по работе и т.д. И в ходе этих обсуждений они значительно чаще слышат аргументы «против» (57%), чем «за» (всего лишь 1%).

Интересную информацию дают также ответы россиян на вопрос о том, почему по их мнению, Правительство РФ приняло решение повысить возраст выхода на пенсию. Вот самые распространенные ответы²⁰:

1. 26% «Бюджет надо пополнить»; «бюджет трещит по швам»; «в бюджете не хватает денег»; «не хватает денег на дотации государственным компаниям»; «Россия готовится к войне, нужны новые доходы»; «большие траты в государстве – строительство Крыма, Сирия»; «денег не хватает на Сирию, Украину»; «нужно компенсировать затраты на чемпионат мира по футболу».

2. 15% «Дефицит людей трудоспособного возраста»; «из-за демографии»; «мало населения работающего у нас, не прокормят пенсионеров»; «мало работающих на одного пенсионера»; «сейчас мало работающих и отчисляющих взносы в Пенсионный фонд».

3. 11% «Меньше пенсии платить людям»; «меньше чтоб доживало пенсионеров»; «в кабалу загоняют, чтоб не доживали»; «народ чтобы не получал пенсии, умирал на работе»; «чтобы дошли, а на пенсию не уходили»; «чтобы меньше людей дожило».

А вот сколько людей разделяет официальную точку зрения Правительства:

1. 4% «Долго жить стали»; «мужчины и женщины стали жить дольше»; «повышается продолжительность жизни людей»; «правительство считает, что люди стали дольше жить».

2. 3% «Для повышения пенсий пенсионерам»; «чтобы нам, пенсионерам, больше платили»; «чтоб нам добавить пенсию, пенсионерам».

3. 1% «В других странах давно повысили»; «во всем мире так»; «делается под Европу»; «влияние Запада».

4. 1% «Время пришло»; «давно надо было принять»; «давно уже пора».

²⁰ Повышение пенсионного возраста: реакция граждан: Пресс-выпуск ФОМ. 2018.29.06. URL: <http://fom.ru/Ekonomika/14057>

Таким образом, мнение российского общества по поводу повышения пенсионного возраста не нуждается в дополнительных комментариях. Можно было бы предположить, что пенсионная реформа – шаг действительно непопулярный (причем непопулярный вполне ожидаемо), но необходимый. Как выразился Председатель Правительства Д. Медведев, «это как горькое лекарство. Человек не хочет его пить, но понимает, что, если он это лекарство не выпьет, все может закончиться гораздо хуже»²¹.

Официальная точка зрения Правительства (в частности, министра труда и социальной защиты РФ М.А. Топилина) исходит из того, что «сейчас единственное окно возможностей... другого периода в ближайшее время, когда сокращается количество входящих на рынок, другого такого периода больше не будет. Только через 20 лет, 22–23 года»²². Однако этот тезис категорически опровергают многочисленные научные исследования и экспертные оценки²³,

²¹ Кошеленко А. Медведев сравнил пенсионную реформу с «горьким лекарством» // Московский комсомолец. 2018.10.08. URL: https://www.mk.ru/politics/2018/08/10/medvedev-sravnil-pensionnuyu-reformu-s-gorkim-lekarstvom.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com

²² Топилин объяснил необходимость пенсионной реформы открывшимся «окном возможностей» // Новости канала «Интерфакс» от 16.07.2018. URL: <http://www.interfax.ru/business/621179>

²³ См. например:

1. Бялый Ю. Пенсионный фарс – 2018 / Информационное агентство «Красная весна» от 29.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>

2. Самсонова Т. В чем несправедливость пенсионной реформы? // Портал The Question от 29.07.2018. URL: <https://thequestion.ru/questions/403263/v-chem-nespravedlivost-pensionnoi-reformy>

3. Башкатова А. «НГ» подсчитала, сколько получают пенсионеры в результате реформы // Независимая газета. 2018.20.06. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-06-20/4_7248_minus.html

4. Отложенная пенсия для «досрочников» после повышения пенсионного возраста // Портал «Точка отсчета». URL: <http://skolkozarabativat.ru/novost-dnya/otlozhennaya-pensiya-dlya-dosrochnikov-posle-povysheniya-pensionnogo-vozrasta/>

5. Цыпляев С. Пенсионный маневр: интервью на радио «Эхо Москвы» от 07.07.2018. URL: https://echo.msk.ru/blog/tsuplyayev_s/2235806-echo/

6. Обухова Е., Пахунов К., Ивантер А. Это реформа, детка! // Журнал «Эксперт». 2018. № 26 (1080). 25 июня.

7. Скок А. Дожить до пенсии // Газета «Завтра». 2018.28.06. URL: http://zavtra.ru/blogs/dozhit_do_pensii

позволяющие вполне однозначно утверждать: **необходимости в данной реформе нет и цели, которые она преследует, достигнуты не будут, потому что для их достижения нужны совершенно иные механизмы** (некоторые выводы экспертов представлены на *вкладке 1*).

Таким образом, по расчетам экспертов «в случае пенсионного секвестра власти РФ разрешат существовать мужчинам на пенсии **лишь 9% своей жизни вместо нынешних 16%**», что станет **«абсолютным мировым рекордом социальной антигуманности государства»**.

Предыдущие «майские указы» президента от 2012 года были благополучно «забыты» на шесть лет (разовые выплаты бюджетникам в январе-феврале сего года перед выборами – не в счет). Ясно, что следующее «неисполнение» очередных майских указов уже от 2018 года вполне могло вылиться в рост социальной напряженности, недовольства руководством страны, возникновение протестных акций и т.д. Стоящим у штурвала неизбежно припомнили бы и предыдущие «указы». Именно поэтому столь важное значение придается исполнению «майских указов» президента, озвученных в этом году, – **для сохранения своего положения властям жизненно необходимо обеспечить успешную реализацию хотя бы видимой части хотя бы наиболее важных с социальной точки зрения пунктов этих указов... Надо понимать, что в отсутствие значимых внешних инвестиций экономика страны представляет собой замкнутую систему, имеющую определённый «объем и массу»... Все перераспределения происходят внутри системы, не оказывая влияния на ее объем и вес²⁴.**

Обещаемая Правительством ежемесячная прибавка к пенсии на 1 тыс. руб. также неспособна повысить уровень и качество жизни пенсионеров, поскольку **только для того, чтобы пенсионер «вернул себе недополученные деньги, пенсию надо увеличить более чем на 5 тысяч**

²⁴ Оформление загранпаспорта обойдется в 5 тысяч рублей: почему так дорого // Московский комсомолец. 2018. 19 июня (мнение аналитика ГК «Финам» А. Коренева). URL: <http://www.mk.ru/social/2018/06/19/oformlenie-zagranpasporta-obogetsya-v-5-tysyach-rublej-pochemu-tak-dorogo.html>

рублей в месяц», а если исходить из правительственных планов реформы **«мужчине надо прожить уже на пенсии 70 лет, а женщине – более 100 лет»...**

Таковы параметры правительственного проекта пенсионной реформы. **Очевидно, что они не просто не нацелены, а даже не учитывают целевую установку Президента на «значительное повышение уровня благосостояния и доходов пенсионеров».**

Следует при этом отметить, что такое игнорирование властью интересов широких слоев населения наблюдается далеко не впервые. Те же эксперименты с начислением и выплатой пенсий продолжаются на протяжении фактически всего постсоветского периода (*вкладка 2*)²⁵. В этот же ряд можно поставить многолетние проблемы обманутых дольщиков, реформу РАН, оптимизацию здравоохранения и образования и т.д.

Как мы видим из фактов (см. вкладку 2), пенсионеры далеко не впервые становятся объектом различных экспериментов, цель которых – латание дыр в бюджете или выполнение (любыми средствами) «майских указов» Президента. Это вполне объясняет, почему **Россия является одним из мировых аутсайдеров по уровню и качеству жизни пенсионеров.**

Так, в рейтинге Глобального пенсионного индекса²⁶ Россия стабильно занимает 40 место из 43 возможных, уступая только Бразилии, Греции и Индии (*приложение 2*). По Индексу

²⁵ Бялый Ю. Пенсионный фарс – 2018 / Информационное агентство «Красная весна» от 29.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>

²⁶ Глобальный пенсионный индекс (Global Retirement Index) рассчитывается французской компанией Natixis Global Asset Management с 2013 г. В него включаются развитые и развивающиеся экономики, являющиеся членами Международного валютного фонда, Организации экономического сотрудничества и развития и БРИК.

При расчёте индекса учитываются 18 индикаторов, которые распределены по четырём подиндексам: пенсионные финансы, материальное благосостояние, качество жизни и здоровье. Подиндексы отображают четыре ключевых аспекта пенсионного обеспечения: финансовые средства для комфортной жизни на пенсии, доступ к качественным финансовым услугам для обеспечения сохранности сбережений и увеличения дохода, доступ к качественным медицинским услугам, а также чистая и безопасная окружающая среда.

Вкладка 1

Экспертные оценки пенсионной реформы

Цитата	Источник	Об авторе
<p>По данным Росстата средняя ожидаемая продолжительность жизни мужчин превышает новый пенсионный возраст в 65 лет лишь в 37 наиболее благополучных из 85 российских субъектов Федерации! То есть в остальных 48 регионах России мужики в основном вымрут, не дожив до перспектив будущей пенсии... В 2017 г. ВОЗ определил (средний для мужчин и женщин!) возраст здоровой трудоспособности в России на уровне 63,4 года! То есть большинство российских мужчин и женщин если и будут доживать до нового пенсионного возраста, то уже заведомо больными!</p>	<p>Бялый Ю.В. Пенсионный фарс – 2018 / Информационное агентство «Красная весна» от 29.06.2018. URL: https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=gazeta/284</p>	<p>Бялый Юрий Вульфович, кандидат физико-математических наук, вице-президент Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна МОФ-ЭТЦ) по научной работе, зам. главного редактора журнала «Россия XXI»</p>
<p>Никаких разумных демографических аргументов для немедленного повышения пенсионного возраста у мужчин нет. С учетом демографических характеристик может обсуждаться повышение границ выхода на пенсию для женщин, однако поднятие этой планки лишь для слабого пола вряд ли будет воспринято в обществе однозначно. К тому же здесь могут возникнуть нежелательные косвенные эффекты – в частности, может снизиться рождаемость.</p>	<p>Широв А.А., Потапенко В.В. О справедливой пенсионной системе // Эксперт. 2018. №24. 11–17 июня. С. 53.</p>	<p>Широв Александр Александрович, д.э.н., проф. РАН, зам. директора Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, зав. лабораторией анализа и прогнозирования производственного потенциала и межотраслевых взаимодействий Потапенко В.В., м.н.с. ИНП РАН</p>
<p>Тезис, что увеличение пенсионного возраста улучшит благосостояние пенсионеров, кажется сомнительным. Положение тех, кто в ближайшее время вышел бы на пенсию, ухудшится. Эти поколения недополучат за каждый отложенный год почти по 200 тыс. руб. Компенсация «потерь» для них наступит спустя примерно 10 лет после отложенного выхода, годами они будут в минусе. Сегодняшние пенсионеры получают дополнительную прибавку за год в размере не 12 тыс. руб., а вдвое меньше, ведь в этих 12 тыс. уже «сидит» и так запланированная индексация по инфляции. А работающим сегодня пенсионерам пока вообще не предусмотрена хоть какая-то прибавка.</p>	<p>Башкатова А. «НГ» подсчитала, сколько получают пенсионеры в результате реформы // Независимая газета. 2018.20.06. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-06-20/4_7248_minus.html</p>	<p>Башкатова Анастасия, зам. заведующего отделом экономики «Независимой газеты»</p>
<p>Причин проводить столь жесткую по срокам изменения возраста выхода на пенсию реформу пока не видно. Наш анализ, кажется беспристрастный, показывает, что экономика в этом случае может не только ничего не выиграть, но даже и проиграть – за счет роста расходов на льготные виды пенсий, безработицы и, главное, потенциального снижения фонда заработной платы – базы для формирования Пенсионного фонда.</p>	<p>Обухова Е., Пахунов К., Ивантер А. Это реформа, детка! // Журнал «Эксперт». 2018. №26 (1080). 25 июня.</p>	<p>Обухова Евгения, редактор отдела «Экономика» журнала «Эксперт» Пахунов Константин, корреспондент журнала «Эксперт» Ивантер Александр Евгеньевич, первый зам. главного редактора журнала «Эксперт»</p>
<p>Демографических оснований для такого повышения пенсионного возраста нет. После повышения пенсионного возраста люди будут жить «на заслуженном отдыхе» меньше, чем при Хрущеве, утверждает директор Института демографии Анатолий Вишневский. Но после секвестра россияне будут жить на пенсии не только меньше, чем при Хрущеве, но и меньше всех в мире. Доказательство этого приводит публицист Сергей Пархоменко, который сравнил для разных стран показатель «государственной жадности» – то есть ту долю жизни, которую разные правительства разрешают своему населению существовать на пенсии. Сегодня в развитых странах среднестатистический мужчина проживает на пенсии около 20% своей жизни. А в случае пенсионного секвестра власти РФ разрешат существовать мужчинам на пенсии лишь 9% своей жизни вместо нынешних 16%. И это станет абсолютным мировым рекордом социальной антигуманности государства.</p>	<p>Сергеев М. Инициаторы пенсионной реформы дают задний ход // Независимая газета. 2018.12 июля. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-07-12/1_7264_pensia.html</p>	<p>Сергеев Михаил, зав. отделом экономики «Независимой газеты»</p>

<p>Мужчина уйдет на пенсию на пять лет позже, а, значит, не получит 60 месячных пенсий. Сейчас средний размер обычной пенсии 14 тысяч. Значит, «пенсионный маневр» лишит его 840 тысяч рублей. Он проживет еще в среднем примерно 13,5 лет. Именно эту величину, сколько в среднем проживет пенсионер после выхода на пенсию, нужно использовать в расчетах, а не среднюю продолжительность жизни, существенно зависящую от смертности в детском и юношеском возрасте. Чтобы за эти 162 месяца пенсионер только вернул себе недополученные деньги, пенсию надо увеличить более чем на 5 тысяч рублей в месяц.</p> <p>Точно такой же расчет для женщин дает 1 миллион 334 тысячи потерянных денег за восемь лет. Для нее среднее ожидаемое время жизни при выходе на пенсию в 63 года – около 19 лет. Так что для компенсации надо увеличивать пенсию уже на 6 тысяч в месяц. Это вычисления без учета инфляции. Мы хорошо выучили урок, что «деньги сегодня» и «деньги завтра» – это разные деньги. Правительство обещает пенсионерам «щедрую» прибавку аж в 1 тысячу рублей в месяц. В этих условиях для компенсации потерь мужчине надо прожить уже на пенсии 70 лет, а женщине – более 100 лет!</p>	<p>Цыпляев С.А. Пенсионный маневр: интервью радио «Эхо Москвы» от 07.07.2018. URL: https://echo.msk.ru/blog/tsuplyae-v_s/2235806-echo/</p>	<p>Цыпляев Сергей Алексеевич, кандидат физико-математических наук, президент фонда «Республика», декан юридического факультета Северо-Западного института управления РАНГХиГС при Президенте РФ</p>
<p>В европейских странах возраст выхода на пенсию в основном составляет 65–67 лет. Однако нужно также учитывать, что и продолжительность жизни там намного больше. Например, в Германии это 81,1 года, во Франции – 82,7, в Великобритании – 81,6, в Испании – 83,4, в Италии – 83,5. В России средняя продолжительность жизни 70,6 лет. Если учесть, что россияне в среднем живут на 11–12 лет меньше, чем люди в Западной Европе, то и на пенсию они должны выходить раньше, чтобы прожить примерно пропорциональное количество лет на пенсии. В этом смысле текущий возраст выхода на пенсию – 60 лет для мужчин и 55 для женщин – вполне соответствует «западным» стандартам. Если сейчас поставить возраст выхода на пенсию для мужчин в 65 лет, то это означает, что 46% российских мужчин до этой пенсии вообще не доживут.</p> <p>Второе важное отличие – размер пенсии. В России средняя пенсия составляет 14,000 руб., средняя зарплата – 41,600 руб., то есть коэффициент замещения (отношение средней пенсии к зарплате) составляет 33,7%. В Европейском союзе этот показатель в среднем составляет 58,3%, а в некоторых странах даже превышает 70%, например Испания – 72,3%, Италия – 83,1%, Дания – 86,4%. Во многих развивающихся странах коэффициент замещения тоже значительно выше российских 33,7%, например, в Аргентине – 71,6%, в Бразилии – 69,5%, в Китае – 76%, в Индии – 87,4%... Если мы хотим равняться на другие страны, то давайте сначала попробуем достичь их уровня по другим важным параметрам пенсионной системы – продолжительности жизни и коэффициенту замещения пенсий, а потом уж начнем поднимать пенсионный возраст.</p>	<p>Миронов М. В чем несправедливость пенсионной реформы? Реж. дост.: https://echo.msk.ru/blog/mmironov/2224872-echo/</p>	<p>Миронов Максим, экономист, профессор IE Business school (Мадрид)</p>

качества жизни пожилых людей²⁷ Россия занимает 65 место (из 96 стран мира; приложение 3). О качестве жизни российских пенсионеров красноречиво говорят и результаты социологических исследований, проведенных нами на региональном уровне²⁸. Так, для людей предпенсионного возраста главным мотивом работать на пенсии является «потребность в дополнительном заработке» (84%), а наиболее актуальная проблема для нынешних пенсионеров — «малый размер пенсий» (68%).

Для сравнения отметим, что «согласно данным Bloomberg Billionaires Index, на 1 августа состояние богатейших людей России выросло на 14 млрд долларов... Нефтегазовые компании заработали в первой половине 2018 года дополнительно 1 трлн рублей доналоговой прибыли, на 50% больше, чем годом раньше... прибыль всей банковской системы по итогам 2018 года, с учетом saniруемых банков, составит 1,3 трлн рублей»²⁹. Глядя на эти данные, несложно догадаться о том, кто является бенефициаром всего экономического курса в России и почему проблема социального неравенства была и по-прежнему остается ключевой болезнью нашей страны на протяжении последних как минимум 25 лет. «Эта картина катастрофична не в меньшей и не в большей степени, чем катастрофично всё, что происходит в стране с 1991 года.

²⁷ Индекс качества жизни пожилых людей (Global AgeWath Index) — глобальное исследование стран мира по показателю качества жизни и благополучия пожилых людей. Рассчитывается по методике международной неправительственной организации HelpAge International с 2013 г. на основе статистических данных, получаемых от национальных институтов и международных организаций, которые аккумулируются в Фонде Организации Объединённых Наций в области народонаселения (ЮНФПА). Последняя «волна» исследования была проведена в 2015 г.

²⁸ Социологический опрос «Качество жизни пожилых людей» проводился ВолНЦ РАН в апреле 2018 г. Было опрошено 1500 респондентов старше 50 лет в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском, Шекснинском районах. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением следующих условий: пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса — анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3 %.

²⁹ Семин К. Шерсть // Газета «Завтра». 2018. №31. 1 августа. URL: http://zavtra.ru/word_of_day/sherst_2018-08-02

Если говорить о том, осознают это люди или нет, то здесь отлично работает пропагандистская машина, созданная буржуазным кланом и принадлежащая ему, которая ежедневно, еженедельно, ежемесячно вводит лошадиные дозы медийной анестезии в массовое сознание, заставляющие людей переключаться на что угодно, кроме своих насущных интересов»³⁰.

Фактически потребительское отношение к одной из самых социально уязвимых категорий населения категорически противоречит сущности социального государства и статье 7 Конституции РФ.

«В социально ответственном обществе, чем наша страна является по Конституции, — пенсия, по ее смысловому назначению, должна пониматься **принципиальным образом иначе**. Это не просто деньги на поддержание жизни человека, выработавшего свой биологический ресурс и ставшего нетрудоспособным, а потому приравненного в этом отношении к инвалидам и другим категориям, требующим общественной поддержки. Среднестатистический срок дожития, который в существующей аргументации увеличения пенсионного возраста играет центральную роль, при таком понимании не является решающим регулирующим принципом. Мотив регулирования здесь иной — **дать содержание пожилым людям не в связи с тем, что они достигли возрастной черты, от которой начинается отсчет среднестатистической продолжительности жизни пенсионера, а в связи с тем, что эти люди выполнили установленный долг перед обществом и потому получили право не зависеть от необходимости иметь внешние источники своего существования за счет трудовой деятельности**. Это приблизительно то же, что и пенсионное обеспечение военных людей, где критерием является выслуга лет, а не пресловутое время дожития. Переход на пенсию при таком понимании не требует, чтобы человек дорабатывался до возраста дряхлости, в силу чего, реагируя на увеличение продолжительности жизни, время от времени необходимо законодательно сдвигать срок выхода на пенсию в соответствии со среднестатистическим сроком дожития, как это следует из логики аргументов Правительства. В действительно социальном государстве срок выхода на пенсию не удлиняется, если нет

³⁰ Там же.

чрезвычайных обстоятельств. Он стабилен, отдавая людям, исполнившим свой долг перед обществом, плоды развития здравоохранения и повышения материального благосостояния в виде увеличения срока жизни, вместо потребительского обращения государством этого увеличения в свою пользу»³¹.

Риск пенсионной реформы не в бунте, а в последовательном разрушении и без того скудных навыков и традиций согласования общественных интересов. Результатом этого будет падение доверия в обществе ко всем действующим институтам. Это называется кризисом государственного управления, то есть угроза государственности более сильная, чем угроза бунта. Потому что зачинщиков бунта можно и пересажать, а зачинщиков падения доверия посадить не получится. И значит, процесс гниения в обществе продолжится³².

Однако реальные действия Правительства (см. вкладку 2) вполне укладываются в представление о будущем идеологов неolibеральных реформ, по мнению которых «людям больше не нужно цепляться за те институты, которые гарантировали выживание (например, семья, церковь или корпорация)... государство не должно гарантировать трудящимся никаких прав... капитализм и конкуренция — это единственные двигатели прогресса, социальное государство — безусловный тормоз развития в постиндустриальном мире»³³.

Так, в частности, считает директор Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ В.С. Назаров, который утверждает также, что «пенсионная система — это плохо. Во-первых, она подрывает стимулы к труду: чем выше пенсии, тем больше у людей мотивации перестать работать с наступлением пенсионного возраста и предаться праздности. Во-вторых, население проявляет безответственность и не занимается накоплением

³¹ Любинин А. Пенсионные «напевы» футбольного лета // Газета «Завтра». 2018.06.08. URL: http://zavtra.ru/blogs/pensionnie_napevi_futbol_nogo_leta

³² Халдей А. Главная проблема пенсионной реформы // Газета «Завтра». 2018.09.07. URL: http://zavtra.ru/blogs/glavnaya_problema_pensionnoj_reformi

³³ Иванов А. Автор пенсионной реформы, знакомьтесь // Газета «Завтра». 2018.24.06. URL: http://zavtra.ru/events/avtor_pensionnoj_reformi_znakom_tes_

средств на старость. ... В-четвёртых, пенсионная система — это ущерб для демократии: на выборах неизбежно побеждают те, кто предлагают новые повышения пенсий за счёт увеличения налогов и заимствований. В-пятых, из-за наличия пенсионного возраста как рубежа ограничивается потенциал полноценного функционирования человека в качестве трудовой рыночной единицы»³⁴...

В сложившихся условиях для сохранения легитимности российской власти (что приобретает первостепенное значение с учетом продолжающихся фактически антиобщественных правительственных реформ и крайне негативных, как показывают уроки истории, возможных последствий такой политики) принципиальную роль играет природа легитимности власти. И, прежде чем ответить на вопрос о том, «какой фундамент лежит в основе легитимности власти в современной России?», необходимо сделать небольшое отступление и вспомнить классическую типологию легитимности, разработанную самим основателем данной концепции М. Вебером.

М. Вебер, в трудах которого проблематика господства и подчинения является одной из главных тем, говорил о том, что «существует три чистых типа легитимного господства. Их легитимность может быть:

1) рационального характера, т.е. основываться на вере в легальность установленного порядка и законность осуществления господства на основе этой легальности (легальное господство);

2) традиционного характера, т.е. основываться на обыденной вере в святость традиций и вере в легитимность авторитета, основанного на этих традициях;

3) харизматического характера, т.е. основываться на незаурядных проявлениях святости или геройской силы, или образцовости личности и созданном этими проявлениями порядке (харизматическое господство)³⁵.

Современные ученые выделяют также идеологическую легитимность, в основе которой лежит «моральная убежденность индивидов в ценности того или иного общественно-

³⁴ Там же.

³⁵ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie*. 5., rev. Aufl. Tübingen: Mohr, 1980. Kap. III. Die Typen der Herrschaft. — S. 122–176.

«Постсоветские пенсионные эксперименты»³⁶

1990 г.: Закон «О государственных пенсиях в РСФСР», по которому источником пенсионных выплат стал не бюджет, а страховые отчисления работодателей и работников.

1995–1998 гг.: пенсию разделили на базовую минимальную (социальную), страховую (зависящую от трудового стажа работника и уровня страховых взносов) и негосударственную (формируемую отдельными взносами работника), управлять которой разрешалось негосударственным фондам (НПФ) и управляющим компаниям. Российские граждане впервые столкнулись с внезапными «пропажами» возникших НПФ вместе с пенсионными деньгами.

2000 г.: «Основные направления социально-экономической политики Правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу» (она же Программа Г. Грефа «Стратегия 2010»). Она была отклонена как противоречащая ст. 7 Конституции, однако в ней всерьез провозглашалась цель ликвидации в России «социального государства» и переход к так называемому «субсидиарному государству». За государством закреплялась лишь минимальная «адресная» помощь самым бедным, а остальным гражданам предоставлялось право и возможность пытаться зарабатывать на жизнь и копить на старость самостоятельно.

2001 г.: программа пенсионной реформы М. Зурабова, по которой пенсия должна была делиться на распределительную и накопительную части, причем размер обеих частей оказывался одновременно и неопределенным, и негарантированным. Распределительная часть должна была зависеть от состояния госбюджета, а накопительная — инвестироваться в какие-либо активы и зависеть как от объема денег, накопленных на индивидуальном счете будущего пенсионера, так и от прибыльности инвестирования этих денег — опять-таки негосударственными фондами. При этом неопределенность будущей пенсии вдобавок скрывалась от ее получателя тем, что она исчислялась не в денежных суммах, а в неких «пенсионных правах», стоимость которых должна ежегодно рассчитываться правительством.

2005 г.: монетизация льгот, которая заменяла ключевые льготы (бесплатный проезд на общественном транспорте в местах проживания и бесплатный минимум необходимых лекарств) крохотной денежной компенсацией, которая к тому же быстро обесценилась инфляцией. Массовые протесты с перекрытием федеральных трасс и даже захватами зданий местных администраций не отменили монетизацию, но вынудили правительство резко увеличить бюджетные расходы на компенсационные выплаты в виде прибавок к пенсиям.

³⁶ Бялый Ю. Пенсионный фарс – 2018 / Информационное агентство «Красная весна» от 29.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/365b3ffa?gazeta=/gazeta/284>

2007 г.: Зурабов ввиду накопленного (в том числе якобы в результате провальной «монетизации льгот») дефицита ПФР предложил покрыть этот дефицит деньгами «молчунов» из ВЭБа. То есть, по сути, попросту конфисковать накопительные деньги «молчунов». Такая радикальная попытка неприкрытого воровства денег граждан ошеломила даже самых отъявленных либералов в правительстве, и идею Зурабова отвергли.

2008 г.: введена так называемая Программа софинансирования пенсий. Ее суть заключалась в поощрении роста накопительной части пенсии по простой схеме: годовые вложения гражданина в свой накопительный счет в размере от 2 тыс. до 12 тыс. рублей государство софинансирует в таком же размере, то есть удваивает. Вступать в «Программу софинансирования» разрешалось до начала 2015 г. Однако уже в 2013 г. ПФР изменил формулу расчета пенсий и заодно прекратил сообщать гражданам о размерах их индивидуального пенсионного счета. А в 2014 году уже поступившие на счета пенсионные накопления вообще «заморозили», и все 22 % отчислений работодателей из фонда зарплаты стали направлять в ПФР на общий страховой пенсионный счет. Эта «заморозка» с тех пор продлевается ежегодно и сохраняется до сих пор.

2010 г.: было окончательно отменено формирование базовой (то есть обязательной к выплате каждому пенсионеру вне зависимости от заработка и трудового стажа) части пенсии, она теперь состоит только из страховой и накопительной частей.

2015 г.: граждане России получили еще одно пенсионное нововведение: правительство отказалось от ведения личных пенсионных счетов в рублях и фактически вернулось к давней идее Зурабова исчислять некие «пенсионные баллы», которые правительство переводит в реальные рубли (как и по какому расчету – ведомо лишь околотовластной бухгалтерии) только после выхода человека на пенсию.

Наконец, в последние годы выявилось, что многие негосударственные пенсионные фонды (НПФ) занимались откровенными махинациями с деньгами вкладчиков (в 2015 г. были отозваны лицензии у нескольких НПФ банкротившегося владельца банка «Российский кредит» А. Мотылева; в 2017 г. – «Бинбанк» М. Гущериева, «Открытие» В. Беляева, «Промсвязьбанк» братьев Ананьевых. В 2018 г. выяснилось, что компания O1 Group Бориса Минца на накопительные пенсионные деньги вкладчиков своего НПФ сначала успешно скупала другие пенсионные фонды и создала крупнейшую группу НПФ под общим названием «Будущее». А затем начала перекладывать пенсионные деньги в крупные девелоперские проекты, то есть строить, эксплуатировать и продавать элитную офисную недвижимость. В мае 2018 г., когда от этой аферы «запахло горячим», Минц вместе с семьей сбежал в Лондон).

политического строя и провозглашаемых им принципов...». Идеология, как источник легитимности, пишет американский политолог Д. Истон, представляет собой, с одной стороны, определенную форму выражения нужд и потребностей индивидов (так называемый выразительный аспект идеологии), а с другой – несомненное средство контроля в руках политических лидеров за поведением этих индивидов (так называемый инструментальный, или манипулятивный, аспект идеологии). При этом «инструментальный», «манипулятивный» аспект идеологии является преобладающим, ибо независимо от того, какой характер имеет та или иная идеология (мистифицированный, иллюзорный или реалистический), она захватывает воображение людей, объединяет их усилия и побуждает действовать в желаемом для политических лидеров направлении³⁷.

Традиционный тип легитимности характерен для монархической формы правления, когда по установившейся традиции власть переходит по наследству (типичный пример – царствование Ивана Грозного). В Советском Союзе существовал смешанный тип легитимности, в основе которого лежала и харизматичность партийных лидеров, и мощная идеологическая «машина».

Легитимность прежних политических институтов – Съезда народных депутатов и Верховного Совета – в новых условиях была сомнительной, а харизматическая легитимность Б. Ельцина по мере проявления тяжелых экономических последствий либеральных реформ стремительно таяла. Октябрьские дни 1993 г. были редким примером в истории: легитимность и формальная законность (легальность) пришли в противоречие друг с другом. С принятием в декабре 1993 г. новой Конституции Российской Федерации были включены легально-рациональные механизмы легитимации политической власти. Однако вопрос о ее легитимности не утрачивал актуальности вплоть до конца 90-х годов прошлого века³⁸.

³⁷ Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 1995. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Demid/05.php

³⁸ Ланцов С.А. Кризисы легитимности в политической истории России // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 92–101.

Существует мнение, что принятие российской Конституции в 1993 г. было ничем иным, как попыткой Б. Ельцина «реанимировать» легитимность власти; перевести ее на новые «рельсы» в связи с утратой силы прежних (идеологических, харизматических, традиционных) оснований.

Многое ли изменилось за прошедший (уже почти 18-летний) период президентства В. Путина? **Нынешняя власть в России обладает признаками всех вышеперечисленных типов легитимности, кроме рационально-правовой. Формальные процедуры выборов лишь обеспечивают ее легальность (законность избрания), однако на протяжении всего остального периода (от выборов до выборов) действия Правительства носят крайне противоречивый характер, не способствуют решению ключевых проблем, связанных с достижением социальной справедливости и преодолением социального неравенства и поэтому никак не работают на укрепление легитимности власти в оценках населения.**

Легитимность власти в России поддерживается другими факторами. Известно, например, что в российском обществе ментально фигура главы государства всегда имела особый статус (традиционная легитимность), при этом и сам В. Путин уже много лет, безусловно, является самой харизматичной личностью на политическом олимпе страны, осуществляя управление в ручном режиме и концентрируя на себе все надежды и чаянья граждан (харизматическая легитимность). «Под зонтиком рейтинга президента, – как отмечают эксперты, – живет вся политическая система. Вся наша система власти получает свою легитимизацию через Путина, которому доверяет большинство населения»³⁹.

Признаки идеологической легитимности сегодняшней власти заключаются в поддержании напряженной ситуации на геополитической арене. Образ «России – осажденной крепости» консолидирует общество и зачастую выступает оправданием отсутствия существенных изменений в динамике уровня и качества

³⁹ Рейтинги Путина и Медведева упали из-за пенсионной реформы (интервью с экспертами ВЦИОМ) // Новости DailyStorm. URL: <https://dailystorm.ru/news/rejtingi-putina-i-medvedeva-upali-iz-za-pensionnoy-reformy>

жизни, что, ко всему прочему, подкрепляется довольно эффективной информационной войной против собственного народа.

Исторически Россия всегда тяготела к самодержавию, в связи с чем в самом институте президентства есть элемент традиционный, некоторая схожесть с монархической формой власти. Эта особенность российской системы власти не похожа ни на восточную деспотию, ни на западную демократию⁴⁰.

Более того, в политическом сознании народа доминирующее значение имеет не то обстоятельство, как управляется страна, а то, кем она управляется. То есть не лидер встраивается в систему, а система подстраивается под лидера. Это русская система демократии, не похожая на то, что происходит в Вашингтоне или Берлине, но, как это ни парадоксально, она оказывается единственным действующим и реальным институтом для современной России⁴¹.

Мы можем сколь угодно долго дискутировать о разделении властей, обсуждая нюансы их взаимного сдерживания и балансирования, но при этом всегда будем иметь в виду, что в нашей стране есть конституционный институт, стоящий над этими демократическими «играми» и, по существу, определяющий вектор развития современной России⁴².

Манипуляция сознанием общества достигла предела: вместо того, чтобы думать о развитии, нам навязали дискуссию о пенсионной реформе, которая поглотила все информационное пространство, но которую все равно примут так, как нужно нашим хозяевам. Если люди не поймут этого, страна, не имеющая никаких тормозов, полетит под откос. Цена прозрения может стать слишком высокой⁴³.

⁴⁰ Зуйков А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 171.

⁴¹ Третьяков В.Т. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. URL: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

⁴² Сильвестров С.Н. Доклад на круглом столе «Институт президентства в России: правовые основы и роль в модернизации общества» 8 июня 2011 г. URL: <http://education.law-books.ru/index.php?page=kruglyj-stol>

⁴³ Одинцов А.В. Пенсионная реформа: роковая ошибка Кремля / Центр Сулакшина (Центр научной политической мысли и идеологии). URL: <http://rusrand.ru/analytics/pensionnaya-reforma-rokovaya-oshibka-kremlya>

Вспомним, к примеру, о том, как именно было получено конституционное большинство «Единой России» в Государственной Думе, которое спустя 2 года позволило ей провести пенсионную реформу, даже несмотря на то, что все оппозиционные партии выступили против данного законопроекта.

✓ По итогам выборов в Государственную Думу 18 сентября 2016 г. российские и зарубежные⁴⁴ эксперты отмечали, что «власть на них сознательно использовала тактику снижения явки: при более низкой явке больше доля управляемого электората, голосующего за „партию власти“ и ее кандидатов... „Единая Россия“ почти везде улучшила свой относительный результат по сравнению с итогами голосования 4 декабря 2011 г. Однако вследствие низкой явки в абсолютных числах голосов результат „Единой России“ везде ниже, чем 4 декабря 2011 г.»⁴⁵.

⁴⁴ Зарубежные СМИ о выборах в Государственную Думу РФ 2016 г. (источник: газета «Коммерсант.ru» от 19.09.2016 URL: <http://www.kommersant.ru/doc/3093506>):

«Еще до выборов Кремль позаботился о том, чтобы выборы прошли так, как было желательно для него... выборы прошли на фоне такого политического климата, когда все оппозиционеры клеймятся «предателями», наносящими удар в спину «осажденной» России и ее президенту» (источник: немецкое издание Frankfurter Allgemeine Zeitung (Schmidt F. Keine oppositionelle Partei schafft es in die Duma // Frankfurter Allgemeine Zeitung 18.09.2016 // <http://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/europa/in-russland-schafft-es-keine-oppositionelle-partei-ins-parlament-14442041.html>).

«Результаты выборов, как ожидается, не приведут к каким-то драматическим изменениям. Системные политические партии в значительной степени широко поддерживают президента страны В. Путина, а низкая явка избирателей дает возможность предположить, что оппозиционно настроенное городское население России просто осталось дома» (источник: английское издание The Guardian / Russian election unlikely to loosen Putin's grip on power // The Guardian 18.09.2016 // <https://www.theguardian.com/world/2016/sep/18/russia-votes-in-election-unlikely-to-loosen-putins-grip-on-power>).

«Самый низкий показатель явки за последние четверть века помимо апатии объясняется тем, что с традиционного декабря, когда, по статистике, люди более склонны отдавать свои голоса оппозиции, Кремль перенес выборы на сентябрь, когда многие уезжают в отпуска» (источник: американское издание Wall Street Journal / Ferris-Rotman M. Putin's Party Shores Up Power in Parliamentary Elections Amid Weak Turnout // The Wall Street Journal 18.09.2016 // <http://www.wsj.com/articles/russians-head-to-polls-to-vote-for-new-parliament-1474184676>).

⁴⁵ Любарев А. (эксперт Комитета гражданских инициатив). Низкая явка спасла «Единую Россию» // Информационный портал «Газета.ru» от 16.10.2016. URL: https://www.gazeta.ru/comments/2012/10/16_x_4813741.shtml

Лидер КПРФ Г. Зюганов на встрече с Президентом РФ после выборов в Думу отметил, что «за партию власти в 2007 г. проголосовало почти 45 миллионов, это очень мощная поддержка и исключительно важная... В этом году за партию власти, по официальной статистике, проголосовали 28,5 млн., потеряли 17 миллионов»⁴⁶.

✓ Наши расчеты (проведенные по официальным данным ЦИК) показали, что в процентном соотношении поддержка «Единой России» на выборах 2016 г. по сравнению с парламентскими выборами 2011 г. увеличилась на 5% (с 49 до 54%), однако по факту она потеряла почти 4 млн. голосов избирателей (3,85 млн. чел.), а по сравнению с выборами 2007 г. — почти 16 млн. (16,19 млн. чел.)⁴⁷.

В сравнении с парламентскими выборами 2011 г. «увеличение количества избирателей, которые отдали свой голос за партию «Единая Россия» 18 сентября 2016 г., отмечается только в 15 из 83 субъектов РФ.

Если сравнивать итоги голосования с выборами 2007 г., то увеличение числа голосов, отданных за «Единую Россию», отмечалось только в 5 из 83 регионов России⁴⁸.

Таким образом, выборы в Государственную Думу VII созыва, с одной стороны, были проведены по всем формальным правилам, что обеспечило легальность конституционного большинства «Единой России» в Парламенте. Однако, с другой стороны, многочисленные расчеты и оценки экспертов не позволяют говорить об этих выборах как о признаке рационально-правового типа легитимности власти.

Так же и сегодня. Классическим признаком кризиса легитимности власти является усиление силовых методов принуждения, но в на-

стоящее время в этом нет необходимости. Их с успехом заменяют методы «информационного управления обществом»⁴⁹. Поэтому не случайно эксперты отмечают (и с ними сложно не согласиться), что «анонсируемая широкая дискуссия по пенсиям, к сожалению, так и не началась, если не считать за таковую рассказы на ТВ об активных пожилых гражданах»⁵⁰. Однако одно дело, когда это оружие воистину «массового поражения» используется, скажем, против идеологических противников по «гибридной» войне (чему есть официальное название — Soft Power или «мягкая сила» — форма внешнеполитической стратегии, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение). И совсем другое дело, когда оно применяется против собственного народа; для того, чтобы оправдать или завуалировать реформы, противоречащие национальным интересам и Конституции...

Когда единственный в стране посредник – это президент, то ситуация становится очень опасной. И опасность не только в том, что если вывести из переговоров президента, то не станет никакого посредника и война станет неизбежной. Опасность прежде всего в том, что слабость социальных институтов общества существенно снижает уровень социального доверия между всеми членами общества. А отсутствие доверия влечёт за собой отсутствие тех традиций, той культуры, которые и могут стать единственной причиной нормального экономического роста. **Без доверия не бывает экономики, не бывает политики, без доверия бывает только война**⁵¹.

⁴⁶ Стенограмма встречи Президента РФ с лидерами партий, прошедшей по итогам выборов в Госдуму // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52957>

⁴⁷ Ильин В.А. Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 9–26.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Малинецкий Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социологические исследования. 2015. №4(372). С. 152–161.

⁵⁰ К дискуссии по поводу будущего транзита власти (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 2 августа. URL: http://www.ng.ru/editorial/2018-08-02/2_7280_red.html

⁵¹ Халдей А. Главная проблема пенсионной реформы // Газета «Завтра». 2018. 9 июля. URL: http://zavtra.ru/blogs/glavnaya_problema_pensionnoj_reformi

Таким образом, мы видим, что у легитимности современной власти в России есть масса оснований, однако ни одно из них нельзя назвать прочным, соответствующим историческому моменту времени, который требует думать и действовать «на шаг вперед». Легитимность российской власти базируется на чем угодно (личности лидера, информационных методах управления, ментальных традициях...), только не на реальных действиях, которые были бы позитивно восприняты и в социуме, и в научной среде.

В начале последней шестилетки В. Путина действующая власть затевает опасные игры с легитимностью, которые (как показывает исторический опыт) могут повлечь за собой весьма серьезные негативные последствия. Эта угроза вдвойне сильнее, если вспомнить ключевые «слагаемые успеха», обеспечившие В. Путину безоговорочную победу на президентских выборах 2018 г.:

- 1) конкретность предвыборных обещаний (как необходимое условие для повышения доверия граждан);
- 2) мобилизационный импульс (как лейтмотив всей предвыборной кампании);
- 3) существующие на сегодняшний день общественные настроения (люди «заряжены» на приведение в порядок экономической и политической ситуации в стране, они ждут этого и готовы сами активно участвовать).

Сегодня многие люди рассчитывают на то, что Президент вмешается и существенно изменит контуры пенсионной реформы. Об этом, в частности, говорят данные ФОМ: 35% россиян считают, что пенсионная реформа не пойдет по плану Правительства, «будет принят более мягкий вариант (с менее высоким пенсионным возрастом либо с более длительным переходным периодом)»; доля людей, считающих, что пенсионная реформа будет происходить именно так, как было задумано кабинетом министров, – в 2 раза меньше (19%).

Некоторые эксперты полагают, что «если ситуация действительно осложнится через несколько лет, то и тогда у президента будет возможность маневра: он сможет просто поменять

Пенсионная реформа, разумеется, «неприятное» решение, и президент решил от него дистанцироваться, передав разработку законопроекта правительству. Глава государства впоследствии внесет «какие-то поправки» и «может быть, даже накажет правительство»... Это так и планировалось... Это очень примитивная форма управления страной...⁵²

Политологи окрестили Путина «президентом надежды». Путь, который предстоит пройти России в ближайшие шесть лет, безоблачным не будет. Тотально не доверяющим друг другу государству и обществу придется искать компромисс и идти на взаимные уступки. Бюрократия будет давить на народ, народ – отчаянно сопротивляться. Ментором будет глава государства. От того, как Путин будет решать накопившиеся в России противоречия, зависит наше с вами будущее⁵³.

правительство»⁵⁴. Однако если раньше такой «ход» был неожиданным и во многом способствовал укреплению авторитета В. Путина в обществе (вспомним, например, о том, как этот инструмент «сработал» в 2015 г., когда в стране происходила широкомасштабная отмена электричек), то сегодня такие действия Президента вполне ожидаемы (не случайно еще в 2016 г. в ходе «прямой линии» В. Путину был задан вопрос «Выгодно ли держать такое слабое Правительство?»⁵⁵). Поэтому далеко не факт, что личное вмешательство главы государства и даже существенная корректировка им проекта пенсионной реформы способны удержать исчезающую легитимность.

⁵² Рейтинги Путина и Медведева упали из-за пенсионной реформы (интервью с экспертами ВЦИОМ) // Новости DailyStorm. URL: <https://dailystorm.ru/news/rejtingi-putina-i-medvedeva-upali-iz-za-pensionnoy-reformy>

⁵³ Президент надежды // Информационный портал Allpravda 09 марта 2018. URL: <http://allpravda.info/prezident-nadezhdy-59257.html>

⁵⁴ Рейтинги Путина и Медведева упали из-за пенсионной реформы (интервью с экспертами ВЦИОМ) // Новости DailyStorm. URL: <https://dailystorm.ru/news/rejtingi-putina-i-medvedeva-upali-iz-za-pensionnoy-reformy>

⁵⁵ Стенограмма «прямой линии» с В. Путиным 14.04.2016 (вопрос от Е. Ивановой, Нижний Новгород) // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51716>

Сейчас действия правящего в России класса принято рассматривать в контексте будущего транзита власти. Неизбежного, как считают одни эксперты, или вполне возможного, как поясняют другие. Центр дискуссии по большому счету в том, получит ли преемник всю полноту этой власти либо та будет распределена между различными центрами, ключевой из которых как раз и останется в руках нынешней группы и ее лидера. Поэтому-то периодически и упоминаются то Гос-совет, то Совбез, то какие-то другие органы типа большого КГБ.

Но все это тактика, а за стратегию, контуры которой обозначил сам Путин – меняться быстро, чтобы не отстать от других стран, пока никто, похоже, и не берется. Возможно, в верхах возобладало мнение, что главное – это некий механизм удержания руля, а с остальным разберемся позже. Однако резкое падение рейтингов всех властных институтов лишь из-за одной непопулярной реформы показывает, что на всякие эти хитрости времени, может быть, уже и не хватит⁵⁶.

Конкретные и достаточно интенсивные действия Правительства в первые месяцы четвертого президентского срока В. Путина усиливают социальную напряженность в стране, создают условия развития угрозы социального взрыва вместо так ожидаемого российским обществом мобилизационного рывка во внутреннем развитии.

Ввиду всех вышеперечисленных аргументов и фактов, характеризующих современную систему государственного управления в России, можно констатировать, что вопрос об устойчивости ее легитимности в будущем остается весьма неясным. И, как следствие, неясным становится будущее самой российской государственности.

«Терпение народа не бесконечно!» – этой фразой заканчивается письмо, о котором мы упоминали в начале статьи. В данном обращении к национальному лидеру и гаранту Конституции заключены все многолетние ожидания, нетерпение людей и, одновременно, требование кардинальным образом менять ситуацию в целях реализации национальных интересов и выполнения предвыборных обещаний... и к этим словам Президенту следует отнестись очень серьезно.

Литература

1. Шпакова Р.П. Легитимность и демократия (уроки Вебера) // Политические исследования. 1994. № 2. С. 169–174.
2. Ланцов С.А. Кризисы легитимности в политической истории России // Вестник СПбГУ. Сер. 6. 2014. Вып. 1. С. 92–101.
3. Симонян Р.Х. Есть ли особый «русский путь»? (полемические заметки) // Социс. № 7. 2013. С. 143.
4. Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie*. Tübingen: Mohr, 1980. Pp. 122–176.
5. Демидов А.И., Федосеев А.А. Основы политологии. М., 1995. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Demid/05.php
6. Зуйков А.В. Институт президентства в России: конституционная модель, современные реалии и перспективы развития // Конституционный вестник. 2008. № 1 (19). С. 171–179.
7. Ильин В.А. Конституционное большинство в Государственной Думе VII созыва получил Президент РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5 (47). С. 9–26.
8. Малинецкий Г.Г. Междисциплинарные идеи в социологии и вызовы будущего // Социологические исследования. 2015. № 4(372). С. 152–161.

⁵⁶ К дискуссии по поводу будущего транзита власти (редакционная статья) // Независимая газета. 2018. 2 августа. URL: http://www.ng.ru/editorial/2018-08-02/2_7280_red.html

Приложение 1

Президенту Российской Федерации
В. В. Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

08.08.2018 г.

Мы, представители патриотических, ветеранских, родительских, профсоюзных организаций России, выражаем свое категорическое несогласие с ключевыми направлениями экономической и социальной политики правительства РФ. Для нас очевидно, что истинная причина нехватки денег на выполнение социальных программ и обязанностей государства, в частности, на выплату пенсий — это вовсе не антироссийские санкции и даже не демографический кризис (вызванный политикой правительства РФ в 1990-годы), а, в первую очередь, система распределения доходов и бюджетных трат, сложившаяся в начале 1990-х годов под влиянием МВФ и Всемирного банка. Основу этих доходов составляет природная рента — т.е. общее достояние народа России. Между тем, по оценкам ведущего экономиста России, академика-секретаря отделения экономики РАН Дмитрия Львова, по состоянию на 2004 год «92% доходов от собственности РФ распоряжаются 7% населения, а если внимательно проанализировать дифференциацию в рамках этих 7%, то окажется, что основная доля богатства страны находится в руках 12 семей» (Вестник Российской Академии наук. Т. 74. №3. С.С. 209-218). За последние годы ситуация принципиально не изменилась, что воспринимается абсолютным большинством народа как несправедливость.

Повышение пенсионного возраста прямо предписано России в череде других стран с «формирующейся рыночной экономикой», руководящими письмами МВФ, членом которого РФ является с 1992 года. Так, в Докладе МВФ по РФ № 17/197 2017 года прямо указано, что «пенсионная реформа, в частности, повышение установленного в законодательстве пенсионного возраста, может способствовать компенсации влияния негативных демографических тенденций на рынки труда», причем эта фраза повторяется несколько раз. Хорошо известно, что практически во всех странах мира, где проводится «курс реформ» по указаниям МВФ, появляются серьезнейшие экономические проблемы. Как правило, это сильное обострение социальных вопросов, массовое обнищание народа и полная подчиненность национальных экономик «благодетелям» из наднациональных структур.

Другим ярким примером исполнения рекомендаций МВФ является т.н. бюджетное правило, согласно которому существенная часть доходов сырьевых корпораций вместо инвестирования в национальную экономику и социальную сферу отправляется на Запад. Продолжающийся, вопреки отчетам, развал промышленности и сельского хозяйства, кризис ЖКХ, катастрофическая зависимость целых регионов от банков и корпораций, в залоге у которых находятся тысячи объектов жизнеобеспечения, фактическая приватизация социальной сферы, развал системы первичной медицинской помощи с помощью т.н. оптимизации — это прямые следствия этой политики. Мало того, транснациональные корпорации через своих агентов в банковском секторе внедряют, вопреки Конституции и законам РФ, элементы тотального контроля над личностью, перехватывая функции государства под предлогом цифровизации и модернизации.

Точно таким же образом МВФ и другие наднациональные структуры навязывают России выгодную им политику в части разрушения образования, культуры, науки и социальной сферы, в которые инкорпорируются чуждые русскому народу и другим народам

нашей страны «ценности» вроде ювенальной юстиции, абортот и легализации содомии. Отсюда и очевидная беспомощность власти в области контроля за информационным пространством — в частности, телевидением и социальными сетями, которые превратились в средство манипуляции людьми, рассадник антиобщественных и антигосударственных стереотипов и ценностей, отсюда же — несамостоятельный, подражательный Западу характер нашей киноиндустрии и шоу-бизнеса.

Мы, патриоты России, категорически возражаем против продолжения этой колониальной политики, выгодной исключительно геополитическим противникам России и статистически ничтожному меньшинству сверхбогатых людей. Голосуя за Вас, народ избирал не эффективного менеджера глобального олигархата, а Президента, который будет защищать нашу страну, наши интересы, наш народ и наши святыни от агрессии «мирового правительства». Ваше решение сохранить у власти бригаду «чикагских мальчиков», слепо верующих в мантры МВФ и Всемирного банка, ведущих нас в цифровое, ювенально-содомитское «завтра», в котором уже не будет места ни свободной творческой личности, ни нормальной семье, ни вере, ни Родине, ни культуре — вообще ничему из того, ради чего живет русский человек — вызвало огромное разочарование в народе. Очевидная неспособность этой команды выполнять социальные обязанности государства (о мобилизации всех сфер жизни и рывках в новый технологический уклад с таким правительством даже говорить смешно), его откровенная зависимость от владельцев сырьевых компаний и банков создают нездоровый фон, на котором может развиваться опасная для государства революционная ситуация.

Призываем Вас отказаться от этого курса, ведущего страну в пропасть, запустив процесс национализации Центрального банка и выхода из-под контроля МВФ с отменой «бюджетного правила» по примеру стран, руководство которых реально заботится о национальном суверенитете, а также отправив в отставку наиболее одиозных деятелей Правительства, Администрации Президента, Центрального банка, Государственной Думы, Совета Федерации и других органов государственной власти РФ и субъектов РФ, обеспечивающих реализацию политики геополитических противников России. Терпение народа не бесконечно!

С уважением,

Председатель
Координационного Совета
Патриотических Сил СПб и ЛО

Боцвин В.И.

Председатель Гражданского комитета возрождения
образования и науки, вице-президент РАЕН,
доктор физ.-мат. наук, заслуженный деятель науки РФ
лауреат госпремии СССР

Фурсей Г.Н.

Лидер общественного движения
"Патриоты Великого Отечества"

Стариков Н.В.

Координатор ОД «Сорок Сороков» Кормухин А.Б.

Координатор Общероссийского общественного движения «За жизнь» Чесноков С.В.

РОО Формирования и развития системы военно-патриотического воспитания молодежи «Ратник-спецназ ВВ» Кретов В.А.

Главный редактор РИА «КАТЮША» Цыганов А.Б.

Президент АНО «АВАНГАРД» Громов О.Ю.

Заместитель Председателя Содружества ветеранских организаций СПб и ЛО «За други своя» по взаимодействию с органами государственной власти, специальными подразделениями силовых структур МО и МВД РФ, а также в сфере военно-патриотического воспитания молодежи Старусев Г.Н.

Председатель ОД «Стратегия» Артюх А.А.

Председатель ВПК «Шурави» им. Генерала Армии Маргелова В.Ф. Гольдшер М.И.

Руководитель ОД Наследие СПб Близнюк А.П.

Академик РАЕН и РАСХН,
заслуженный деятель науки РФ
профессор генетики

Драгайтцев В.А.

Член правления Российского детского фонда
писатель, общественный деятель

Медведева И.Я.

Руководитель информационно-правозащитного
центра «Иван чай»

Жгутова Э.Ю.

Координатор ОД за спасение и возрождение
Семьи «Отдельный Дивизион», отделение СПб

Нечунаев В.В.

Общественный уполномоченный по защите семьи в
Санкт-Петербурге и Ленинградской области

Баранец О.Н.

Действительный член Петровской Академии наук и искусств
Председатель Правления Национального Совета
Социальной Информации (НССИ)
Директор СПб просветительского театра
юного зрителя «Новое поколение»

Дворко С.Б.

Координатор национально - патриотических сил России
(ПДС НПСР) по СПб и ЛО
Председатель правления Санкт-Петербургской
профессиональной ассоциации медицинских
работников, д.м.н.

Редько А.А.

Руководитель ОД «Царский крест»

Порожняков А.Л.

Председатель НП «Общество духовно-
Патриотического и физического развития»

Гуреев Е.Ю.

Руководитель проектов
АНО Центр развития интеллектуальных и творческих способностей
"Интеллрост"

Меркулов В.А.

Глобальный пенсионный индекс (Global Retirement Index, %)

Страна	2017 г.					2016 г.					Изменение GRI + / - 2017 г. к 2016 г.	
	Рейтинг	Глобальный пенсионный индекс	Индекс здоровья	Пенсионные финансы	Качество жизни	Материальное благополучие	Рейтинг	Глобальный пенсионный индекс	Индекс здоровья	Пенсионные финансы		Качество жизни
Норвегия	1	86	89	73	92	91	1	80	90	72	91	95
Швейцария	2	84	87	77	92	81	2	84	88	77	92	80
Исландия	3	82	84	70	88	88	3	80	86	68	88	81
Швеция	4	80	88	69	91	75	5	79	86	68	91	74
Новая Зеландия	5	80	85	79	91	66	4	80	85	78	90	68
Австралия	6	78	85	77	84	66	6	78	86	77	81	70
Германия	7	77	86	66	82	76	7	78	87	67	82	80
Дания	8	77	84	59	94	75	12	77	85	59	92	75
Нидерланды	9	77	89	64	81	75	8	78	91	68	80	76
Люксембург	10	76	92	62	77	77	13	76	92	69	75	71
Канада	11	76	87	73	81	65	10	77	87	73	82	70
Финляндия	12	76	81	65	92	68	11	77	82	66	91	72
Австрия	13	75	85	55	86	77	9	77	86	63	86	77
Ирландия	14	74	82	71	83	64	16	72	83	68	82	58
Бельгия	15	73	82	62	78	70	15	73	82	61	78	71
Чехия	16	72	70	68	75	76	18	71	71	67	74	73
США	17	72	87	71	78	57	14	73	87	71	79	59
Великобритания	18	72	83	58	81	68	17	71	84	56	80	68
Франция	19	71	90	61	79	61	20	71	89	60	78	60
Израиль	20	71	76	70	79	61	19	71	77	69	78	62
Мальта	21	70	77	65	68	72	23	69	74	65	66	71
Япония	22	70	88	56	65	74	21	70	88	55	64	76
Респ. Корея	23	68	73	76	53	75	22	69	72	76	52	79
Словения	24	68	78	64	66	66	24	67	79	62	63	67
Словакия	25	66	65	68	71	60	26	64	65	68	69	56
Эстония	26	65	63	74	64	58	27	63	63	73	60	60
Сингапур	27	64	70	79	60	51	25	65	68	79	60	56
Польша	28	64	62	69	65	60	29	62	61	68	61	56
Италия	29	63	82	53	69	52	28	62	83	53	68	51
Венгрия	30	59	60	60	54	64	33	57	60	58	47	63
Литва	31	58	53	68	67	48	30	59	54	70	62	50
Португалия	32	58	74	62	53	47	34	56	74	61	48	45
Испания	33	57	87	63	77	27	37	54	81	63	74	22
Латвия	34	57	46	68	69	48	32	57	51	68	61	50
Кипр	35	54	62	52	60	44	36	54	65	53	55	45
Чили	36	54	69	78	77	21	31	59	70	80	76	28
Мексика	37	52	51	64	74	30	35	54	52	64	75	35
Китай	38	50	47	66	41	49	38	47	47	66	38	43
Турция	39	45	53	39	37	39	39	47	57	55	34	44
Россия	40	45	36	41	58	47	40	46	40	40	54	52
Бразилия	41	40	52	57	82	12	41	44	54	60	86	13
Греция	42	40	70	42	52	14	42	39	75	50	50	14
Индия	43	12	3	53	7	17	43	12	4	49	5	18

Источник: 2016 GLOBAL RETIREMENT INDEX 2016, 2017

Ранжировано по месту страны в рейтинге 2017 г. При расчёте индекса учитываются 18 индикаторов, которые распределены по 4 подиндексам: пенсионные финансы, материальное благосостояние, качество жизни и здоровье. Подиндексы отображают четыре ключевых аспекта пенсионного обеспечения: финансовые средства для комфортной жизни на пенсии, доступ к качественным финансовым услугам для обеспечения сохранности сбережений и увеличения дохода, доступ к качественным медицинским услугам, а также чистая и безопасная окружающая среда.

Индекс качества жизни пожилых людей (Global AgeWatch Index)

Страна	Индекс качества жизни пожилых людей		Материальная обеспеченность		Состояние здоровья		Личный потенциал (Образование и занятость)		Благоприятная среда	
	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение	Рейтинг	Значение
Швейцария	1	90.1	27	77.3	2	81.3	2	75.0	1	83.7
Норвегия	2	89.3	2	89.4	16	73.5	1	76.3	4	80.1
Швеция	3	84.4	7	83.5	12	75.2	5	65.6	6	79.4
Германия	4	84.3	15	80.9	11	75.6	3	68.4	11	78.6
Канада	5	84.0	10	82.9	4	80.3	10	61.2	9	78.9
Нидерланды	6	83.0	5	83.9	13	74.8	12	59.6	5	79.6
Исландия	7	81.8	4	86.6	8	76.2	18	54.5	10	78.8
Япония	8	80.8	33	75.1	1	83.9	7	62.7	21	75.0
США	9	79.3	29	76.3	25	70.1	4	65.7	17	76.8
Великобритания	10	79.2	14	81.5	27	69.3	20	53.6	3	81.8
Россия и её «соседи» по рейтингу										
Хорватия	61	44.0	67	50.5	49	55.3	56	30.0	72	58.9
Доминиканская Республика	62	43.7	80	30.1	39	61.0	57	29.9	43	67.3
Литва	63	43.2	53	63.8	65	44.2	21	50.0	90	52.6
Белоруссия	64	42.1	50	65.1	84	28.6	66	27.0	44	67.1
Россия	65	41.8	30	76.2	86	27.1	25	48.4	82	55.5
Сербия	66	41.7	49	65.8	62	45.3	80	21.2	67	60.2
Бангладеш	67	41.1	71	47.2	71	37.7	76	24.2	41	67.5
Черногория	68	39.7	61	56.3	56	49.1	82	20.6	70	58.9
Парагвай	69	38.9	79	35.9	50	54.4	54	30.6	77	57.5
Непал	70	38.2	64	53.0	79	31.2	74	24.9	59	63.2
10-ка стран - «аутсайдеров»										
Ирак	87	23.2	60	59.1	75	32.8	92	11.9	92	49.6
Уганда	88	23.1	92	15.0	92	22.1	45	34.4	70	58.9
Руанда	89	22.7	93	12.0	81	30.0	90	13.8	13	78.2
Замбия	90	22.3	89	18.8	91	24.7	67	26.2	84	54.8
Танзания	91	15.9	94	9.3	69	39.8	89	13.8	88	54.5
Пакистан	92	12.7	95	6.4	78	31.8	70	25.8	81	56.0
Западный берег и ГАЗА	93	12.3	81	24.7	73	36.6	96	1.8	63	62.3
Мозамбик	94	4.5	84	22.8	94	18.9	94	4.5	96	45.1
Малави	95	4.1	96	5.6	95	18.8	84	19.0	94	48.4
Афганистан	96	3.6	83	23.3	96	7.1	91	12.1	95	47.0

Источник: **Global AgeWatch Index 2015: Insight report 2015.**

Рейтинг основан на статистическом анализе состояния 13 показателей качества жизни и благополучия пожилых людей, объединённых в четыре группы:

1. Материальная обеспеченность (доступ к достаточному уровню дохода и способность использовать его самостоятельно для того, чтобы удовлетворить основные потребности в более старшем возрасте). Включает охват пенсионным доходом, уровень бедности в пожилом возрасте, относительное благосостояние пожилых людей и ВВП на душу населения.
 2. Состояние здоровья (включает состояние здоровья, продолжительность жизни после 60 лет и психологическое благополучие).
 3. Образование и занятость (способность к преодолению проблем, характеристики способности пожилых людей). Включает уровень занятости, уровень образования и продолжительность активной жизни после 60 лет.
 4. Благоприятная среда (пожилые люди хотят иметь свободу выбора, жить независимой, самостоятельной жизнью). Включает социальные связи, физическую безопасность, гражданские свободы и доступ к общественному транспорту.
- Указанные группы показателей были выбраны потому, что они были определены пожилыми людьми и политиками как ключевые составляющие благополучия пожилого населения. По каждой группе стран составляется оценка в баллах от 1 до 100 (с использованием десятичных долей). Чем больше баллов, тем выше оценивается страна в данной области. Общий Индекс рассчитывается как среднее геометрическое четырёх областей и показывает таким образом, насколько близка та или иная страна к идеальному значению. Например, общее значение Индекса 35.0 балла означает, что благополучие пожилых людей в стране составляет лишь 35,0% от идеального (100).

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

Pension Reform and Exacerbating Issues of the Legitimacy of the Government

Abstract. In the first months of the new political season, which began after the March 2018 Presidential Election, the Government adopted and is currently discussing measures that received a very negative response from Russian society and many experts, especially against the background of election campaign promises and long-term goals of internal development that Vladimir Putin set out in his Address to the Federal Assembly on March 1, 2018. The greatest public response was caused by a draft law on raising the retirement age, although it should be noted that it is not the only one in the list of controversial administration decisions that bring to the fore the issue of compliance of state policy with the national interests or, in other words, the legitimacy of the government. The paper discusses scientific, theoretical and historical foundations of the legitimacy of the government. We present data on Russian national and regional studies of public opinion, indicating Russians' growing discontent with the first steps of the Government in the new political season coinciding with Putin's last (according to the Constitution of the Russian Federation) presidential term. We provide calculations and opinions of experts from various fields of science and social activities proving the ill-considered and contradictory management decisions of recent months, which create conditions for a potential decrease in Russians' trust in the President and, in general, for the aggravation of the socio-political situation in the country.

Key words: legitimacy of the government, pension reform, social stability, public opinion.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, Deputy Head of Department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.2

УДК 338.26, ББК 65.05

© Ленчук Е.Б., Филатов В.И.

Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России

**Елена Борисовна
ЛЕНЧУК**

Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский проспект, д. 32
E-mail: irinap@inecon.ru

**Владимир Иванович
ФИЛАТОВ**

Институт экономики РАН
Москва, Российская Федерация, 117218, Нахимовский проспект, д. 32
E-mail: filatov.vladshimir@yandex.ru

Аннотация. Поставленные амбициозные задачи в области экономического развития в рамках нового политического цикла требуют новых подходов и инструментов формирования экономической политики. Системообразующим фактором такой политики, прежде всего, становится стратегическое планирование, которое наряду с совершенствованием рыночных механизмов широко внедряется в практику государственного управления во многих развитых странах мира. В рамках данного исследования представлен содержательный анализ места и роли стратегического планирования в решении задач структурно-технологической модернизации и обеспечения высокой динамики экономического роста в России. Дана оценка содержания закона ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», принятого в 2014 г. Вскрыты основные причины, по которым этот закон до сих пор не имплементирован в экономическую политику.

Для цитирования: Ленчук Е.Б. Филатов В.И. Стратегическое планирование – путь к устойчивому развитию экономики России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 35–47. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.2

For citation: Lenchuk E.B., Filatov V.I. Strategic planning – the way toward sustainable development of the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 35–47. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.2

Показано, что отсутствие четкого целеполагания, стратегических приоритетов развития и их ресурсного обеспечения, по сути, блокирует процесс перехода страны к инновационной модели развития. На основе проведенного анализа сформулированы ключевые направления дальнейшего совершенствования системы стратегического планирования в России. Определен основной контур системы документов стратегического планирования, предложены методические подходы к обеспечению их увязки и согласования. Акцентировано внимание на необходимости встраивания в процесс стратегического планирования долгосрочной финансовой и бюджетной стратегии. В теоретическом плане результаты исследования подтверждают высокую роль государства и стратегического планирования в формировании конкурентоспособной и динамично развивающейся экономики. В практическом плане они могут быть использованы государственными органами власти для дальнейшего повышения эффективности стратегического планирования в России и корректировки ФЗ №172.

Ключевые слова: стратегическое планирование, структурная модернизация, прогноз, стратегия социально-экономического развития, государственная программа, индикативный план.

Введение

В Послании Президента РФ Федеральному Собранию (март 2018 г.) и майском Указе (от 7 мая 2018 г. № 204) были озвучены ключевые установки развития российской экономики в границах нового политического цикла, важнейшие из которых – обеспечение темпов роста выше мировых и преодоление отставания от ключевых участников геополитической конкуренции; создание на базе новых технологий высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, повышение производительности труда и т.п. Актуальность поставленных задач для формирования устойчивого развития России не вызывают сомнения, впрочем, как и тот факт, что их решение требует перехода к новой модели развития, базирующейся на возрождении реального сектора экономики на основе самых передовых технологических нововведений. Речь идет о структурной перестройке экономики для формирования новых источников роста.

Сложность и масштабность поставленных задач требует согласованного взаимодействия государства, бизнеса и общества, достичь которого возможно при четком целеполагании, определении приоритетов развития и их ресурсного обеспечения, формировании соответствующей институциональной среды. Речь идет о новом качестве государственного управления – главном системообразующем факторе, без которого все конкурентные преимущества страны не способны дать ожидаемый результат [1, с. 20]. Усиление государственного регулиро-

вания предполагает в первую очередь укрепление стратегических и проектных начал в экономике, их ядра – стратегического планирования.

Стратегическое планирование как качественно новая система государственного и муниципального управления открывает для страны возможность адекватно ответить на вызовы времени и укрепить свои позиции в экономике и политике путем последовательного перехода к инновационно-ориентированной модели развития, обеспечивающей устойчивый динамичный рост и высокую конкурентоспособность российской экономики на основе опережающего становления базисных производств нового технологического уклада [2].

Дискуссия «рынок или план» уже давно отошла на второй план. Мировая практика подтверждает, что достижение долгосрочных целей социально-экономического развития невозможно без использования методов стратегического планирования, которые прочно вошли в практику управления ведущих стран Запада, таких как США, Франция, Япония, Южная Корея, Китай, как на макро-, так и на мезо- и микроуровне [3, 4, 5, 6]. Именно опираясь на инструменты стратегического планирования и программного управления, эти страны решают важнейшие социально-экономические задачи, задачи ускоренной реиндустриализации и инновационного развития. Причем многие исследователи отмечают, что необходимость государственного регулирующего вмешательства в экономическое развитие особенно остро

ощущается в критические периоды, в частности в условиях экономических кризисов, необходимости структурной перестройки [7, 8] .

Так, например, суть стратегического планирования в США состоит в выборе главных приоритетов развития национальной экономики на федеральном уровне и выстраивании на этой основе отношений федеральной власти с администрациями штатов, бизнесом, обществом. На государственном уровне определяются направления развития общества, перспективные рынки и технологии, сектора экономики, которым будет отдаваться предпочтение и т.д. [9, 10, 11].

Такие страны, как Франция, Япония, также идут по пути выбора приоритетных отраслей промышленности с точки зрения важности их развития в целом для экономики. Эти страны формируют долгосрочные и пятилетние планы развития, сочетая методы индикативного и директивного планирования [3, 12] .

Уникальный опыт построения масштабной системы планирования был накоплен и в рамках советской системы, обеспечившей превращение СССР во вторую сверхдержаву XX века. К сожалению, в ходе рыночных реформ этот бесценный опыт был практически полностью разрушен. Безусловно, принципы планирования в условиях рынка принципиально отличаются от тех, которые были при государственно-плановой экономике [13]. Однако сегодня в условиях новых масштабных, прежде всего научно-технологических, вызовов и сложности решаемых социально-экономических проблем необходимость возрождения фундаментальных научных основ планирования проявляется с новой силой. Для этого «государству надо решительно преодолеть свое метание между осознанием необходимости активного воздействия на экономические процессы всеми, в том числе и административными мерами, и страхом потерять при этом рыночную невинность» [14, с. 95].

В этой связи следует еще раз акцентировать внимание на основных проблемах возвращения к практике стратегического планирования в России, обозначить методологические подходы к формированию системы документов стратегического планирования на разных уровнях, определить направления совершенствования организации процессов стратегиче-

ского планирования и их нормативно-правового обеспечения.

Ренессанс стратегического планирования в России

В постсоветской России возвращение интереса к стратегическому планированию наметилось уже в конце нулевых годов вместе с пониманием того, что перспективы развития российской экономики связаны с решениями целого комплекса структурных проблем, которые не решаемы в рамках рыночного саморегулирования, о чем свидетельствует опыт трансформации российской экономики последних 25 лет. В первую очередь, это коснулось структурных проблем, возникающих в оборонно-промышленной и технологической сферах, которые носят, как правило, долгосрочный стратегический характер и не могут найти адекватного решения в рамках трехлетнего бюджетного планирования. Сложившаяся к тому времени практика разработки и реализации федеральных целевых программ по развитию отдельных секторов национального хозяйства и промышленности не обеспечивала должного экономического результата, наблюдалась их слабая взаимоувязка как между собой, так и с имеющимися ресурсами [15, с. 8] . На протяжении многих лет Правительство РФ, рассматривая ход выполнения ФЦП, отмечало их неудовлетворительное выполнение, но виноватых при этом, как правило, не было, поскольку считалось, что бизнес, задействованный в реализации ФЦП, не подчинен государству. Вместе с тем, если бизнес решил участвовать в ФЦП, то это значит, что он принял на себя определенные обязательства и обязан их выполнять и отвечать как материально (штрафы, неустойки), так и административно (отзыв лицензий, банкротство и национализация) [16, с. 46].

Всё отчетливее стало складываться понимание необходимости формирования нового набора управленческих инструментов, которые позволяли бы решить следующие задачи:

– расширить временную глубину государственного прогнозирования и планирования, выйдя за рамки бюджетного цикла (более 3-х лет), предусматривая реализацию долгосрочных решений (со сроком реализации 6 и более лет) в рамках взаимосвязанных средне- и краткосрочных задач, подчиненных общей цели;

- определить последовательность разработки долгосрочных и среднесрочных документов государственного стратегического планирования и их взаимосвязки по целям и приоритетам, регламентировав периодичность их разработки и корректировки;
- упорядочить сроки подготовки документов государственного стратегического управления и мер бюджетной политики между собой;
- сбалансировать планируемые мероприятия, требующие значительных затрат, по ресурсным и организационным возможностям (проекты в энергетике, транспорте, демографии и национальной безопасности);
- четко ориентировать субъекты Российской Федерации на деятельность, отвечающую интересам страны в целом согласно поставленным целям социально-экономического развития Российской Федерации;
- обозначать долгосрочные ориентиры для бизнеса (в области формирования новых перспективных рынков товаров и услуг, развития транспортной инфраструктуры, энергетической и минерально-сырьевой баз, рынка рабочей силы, социальной инфраструктуры, науки и технологий), позволяющие снизить риски при принятии долгосрочных инвестиционных решений.

Результатом осознания необходимости нового инструментария управления экономическим развитием стала разработка и принятие 28.06.2014 г. ФЗ № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон). В рамках этого документа система стратегического планирования определена как инструмент формирования долгосрочных приоритетов деятельности государства, реализации глобальных и крупномасштабных задач, обеспечения согласованности планов центральной и региональной власти, органов местного самоуправления, увязки принимаемых в процессе государственного стратегического управления решений с бюджетными ограничениями на среднесрочный и долгосрочный периоды.

Следует отметить, что в целом Федеральный закон ФЗ-172 носит рамочный характер и призван внести новые моменты в систему государственного воздействия на экономические процессы по трем направлениям: в перечне до-

кументов стратегического планирования, в четком определении характера этих документов и их содержания, а также процедур их разработки и принятия. Попытка закрепить в одном законе все эти направления – дело достаточно новое, даже пионерное по масштабности и многоплановости направления российской законодательской практики [17, с. 19].

Наряду с традиционно разрабатываемыми документами, описывающими будущее социально-экономического развития страны, регионов и отраслей в той или иной форме, такими как Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ, Стратегия социально-экономического развития РФ, Стратегия национальной безопасности РФ, отраслевые и региональные стратегии и прогнозы социально-экономического развития, в перечень документов стратегического планирования включен ряд новых документов, таких, например, как Стратегия пространственного развития РФ, которая, по сути, возрождает схемы размещения производительных сил, Стратегия научно-технологического развития РФ, призванная сформировать технологический вектор развития в контексте задач динамично развивающейся научно-технологической и промышленной революции 4.0. Серьезно расширен перечень прогнозов, в который введены прогноз научно-технологического развития страны, стратегический, бюджетный прогнозы на долгосрочный период в целом по стране, по субъектам Российской Федерации и даже по муниципальным образованиям. Таким образом, складывающаяся система государственного стратегического планирования носит прогнозно-плановый характер, в ней на основе долгосрочного прогноза (с инвариантными сценариями) должна формироваться долгосрочная стратегия (с конкретными целями, с одним плановым сценарием), реализуемая через среднесрочные и краткосрочные планы [18, с. 255].

К настоящему времени в целом ряде научных работ [2, 4, 14, 15, 16] уже дан подробный анализ и оценка самого Закона о стратегическом планировании в РФ, в рамках которого основное внимание сконцентрировано на содержании и регламентации процедуры подготовки пакета документов стратегического планирования. В этой связи сегодня наибольший

интерес представляет выявление проблем, тормозящих использование инструментов стратегического планирования в рамках реализуемой экономической политики страны. Актуальным остается и ряд вопросов методологического характера, связанных с обеспечением взаимосвязки документов стратегического планирования в единую систему, их ресурсного обеспечения, формирование под задачи стратегического планирования организационно-управленческой инфраструктуры, установление методов контроля и механизмов ответственности всех участников процесса стратегического планирования.

Проблемы имплементации ФЗ-172 «О стратегическом планировании в РФ»

Несмотря на ключевые государственные решения, принятый Федеральный закон до сих пор так и не имплементирован в экономическую политику и государственное управление. Аппараты Минфина РФ, Минэкономки РФ, Минпромторга РФ не спешат создавать его полноценную правовую и организационно-управленческую инфраструктуру, полагая, что в современных условиях механизмы прогноза не дают точных и достоверных ориентиров развития. Спустя четыре года после выхода ФЗ-№ 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» так и не удалось сформировать взаимосвязанный пакет документов, определяющих перспективы развития страны на период до 2030 г., который первоначально предполагалось иметь еще к началу 2016 года.

Хотя сроки разработки базовых документов стратегического планирования были скорректированы, но и сегодня уже совершенно очевидно, что они опять срываются. Так, не представлен Стратегический прогноз Российской Федерации – документ, который должен раскрывать систему научно обоснованных представлений о стратегических рисках социально-экономического развития и об угрозах национальной безопасности Российской Федерации и формировать основу для разработки Стратегии национальной безопасности РФ и стратегических документов (стратегий и доктрин) в области внешней и оборонной политики страны. Несмотря на то, что прогноз не рассматривает перспективы развития отдельных секторов национального хозяйства и промыш-

ленности, содержащиеся в нем оценки глобальных рисков оказывают влияние на перспективы развития оборонно-промышленного комплекса страны, которые реализуются в программе вооружений.

До сих пор не представлена на обсуждение и утверждение Стратегия долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г. – важнейший документ, формулирующий основные цели и задачи социально-экономического развития страны в контексте видения желаемого будущего облика России, а также концептуальные направления решения задач, необходимых для достижения целевых ориентиров развития. Как результат, отсутствуют ориентиры для разработки стратегий и программ развития важнейших секторов и отраслей национального хозяйства и регионов страны. Постоянный перенос сроков разработки базового документа – Стратегии социально-экономического развития РФ – свидетельствует об утрате Минэкономразвития РФ компетенций и экспертного потенциала для разработки документа такого масштаба [15, с. 9].

Сегодня задачу стратегического целеполагания решают утвержденные Стратегия национальной безопасности РФ, Стратегия экономической безопасности РФ и Указ Президента РФ № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (от 7 мая 2018 г.). Однако формат Указа не может заменить Стратегию долгосрочного социально-экономического развития – базового документа стратегического планирования, содержащего систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, обеспечивающих устойчивое и сбалансированное социально-экономическое развитие страны.

Разработка документов стратегического планирования зачастую идет вразрез с установленным в ФЗ-№ 172 порядком и последовательностью формирования документов стратегического планирования, что выхолащивает суть разрабатываемых документов, делает их практически бессодержательными, не согласованными между собой и неработоспособными. Особенно наглядно это проявилось в рамках стратегического планирования в научно-технологической сфере. Логично было бы пред-

положить, что в условиях динамично развивающегося научно-технологического прогресса стратегия научно-технологического развития России должна определить вектор технологического развития страны, поставить задачи разработки и освоения ключевых технологий нового формирующегося технологического уклада, способных сформировать ядро современных промышленных производств, определить пути освоения новых формирующихся высокотехнологических рынков. Однако вместо этого в Стратегии научно-технологического развития РФ, которая была принята в 2016 г. (Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642), основное внимание сконцентрировано на довольно общих и пространных вопросах – поисках ответа на большие вызовы, которые стоят сегодня перед государством, обществом и наукой, на институциональных особенностях функционирования последней. Документ получился довольно пространный и декларативный, он не содержит никаких целевых индикаторов.

Решение задачи освоения новых передовых технологий и новых рынков спущено на уровень разработки Национальной технологической инициативы (НТИ) – комплексной долгосрочной программы, направленной на обеспечение лидерства российских компаний на перспективных глобальных рынках в ближайшие 15–20 лет. Однако сама практика формирования НТИ вызывает немало вопросов, связанных прежде всего с выбором тематики НТИ, которая формировалась довольно кулуарно, без должной увязки с направлениями технологической модернизации основных секторов национальной экономики. Не были определены и основные источники финансирования проводимых работ в рамках НТИ, при том, что задачи такого уровня требуют серьезных финансовых затрат [19].

Парадоксально, что разработка Прогноза научно-технологического развития на долгосрочную перспективу активизировалась только в конце 2017 г., но до сих пор не завершилась. Причем при обсуждении проекта Прогноза выяснилось, что его разработка увязывается со сценарными условиями, обозначенными в уже принятой Стратегии научно-технологического развития РФ. Хотя именно Прогноз научно-технологического развития

должен лежать в основе системы документов стратегического планирования научно-технологической сферы, что определяется положениями ФЗ № 172.

Важнейшей причиной низкого качества документов стратегического планирования в научно-технологической сфере несомненно является отсутствие базового документа – Стратегии социально-экономического развития РФ на долгосрочную перспективу, которая бы определила, какую экономику мы строим. Риторика по поводу перехода к инновационной модели развития у нас наблюдается почти два десятилетия, однако проводимая экономическая политика по-прежнему направлена на поддержание экономики «сырьевой трубы».

В условиях отсутствия базовой Стратегии очередной «телегой, поставленной впереди лошади», может стать Стратегия пространственного развития, проект которой сегодня проходит обсуждение в различных государственных структурах управления федерального и регионального уровня. Такая Стратегия должна сформировать систему пространственных приоритетов и обозначить место стратегий и программ развития территорий в системе стратегического планирования. По сути, она должна дать представление о развитии и размещении производительных сил и их расселении, в дальнейшем определить специализацию регионов, территориальные пропорции экономики, увязывать развитие ресурсной базы с потребностями корпораций и населения, обосновывать размещение инфраструктурных систем и т.д. [20, с. 485].

Однако нерешенность в рамках базовой Стратегии социально-экономического развития таких вопросов, как основные направления структурной модернизации экономики, определяющих ее будущий облик, затрудняет, по сути, и решение проблемы рационального размещения производственного потенциала и определения рациональной экономической специализации территорий и регионального развития в целом.

С точки зрения логики стратегического планирования вызывает вопрос и положение ст. 20 ФЗ № 172, когда базой Стратегии пространственного развития РФ выступают Основы государственной политики регионального

развития (Указ 2017 г.). Можно полностью согласиться с мнением Е.М. Бухвальда, который акцентирует внимание на некой логической некорректности, допущенной при подготовке ФЗ № 172, поскольку принято все-таки считать, что политика строится на базе стратегии, а не наоборот. Сначала должна быть разработана «Стратегия пространственного развития...», а затем, в порядке ее детализации, – «Основы политики регионального развития», содержащие систему конкретных целей, институтов и инструментов этой политики, а также ресурсов, обеспечивающих их практическое осуществление [17, с. 21].

Вместе с тем, поскольку названная последовательность все-таки закреплена законом, ее надо было бы выполнять. В этой связи следовало ожидать, что в Стратегии пространственного развития получат развитие и конкретизацию ключевые положения «Основ...», например, будут предложены конкретные пути и механизмы преодоления высокого уровня дифференциации развития регионов, обеспечение равных возможностей для реализации прав граждан на основе сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований. Однако в представленном варианте проекта Стратегии пространственного развития этого не произошло. Можно только лишь надеяться, что это будет сделано в окончательном варианте Стратегии.

Несмотря на отсутствие базовых документов стратегического планирования, в настоящее время возрастает число документов стратегического планирования регионального и даже муниципального уровня, которые не согласованы по целям, приоритетам и прогнозным параметрам как между собой, так и со стратегическими документами более высокого уровня. Они имеют разную глубину детализации, не учитывают межрегиональных и межотраслевых ограничений.

Не лучше складывается ситуация и в отраслевом срезе экономики. В стадии реализации находятся более сорока государственных программ развития различных сфер деятельности и отраслей национальной экономики, включая программы развития высокотехнологичных отраслей промышленности, основная масса которых принята еще до выхода ФЗ № 172, а

срок действия которых заканчивается в 2020 г. Не ясен статус и назначение стратегий развития гражданских отраслей промышленности, разработка которых должна завершиться к концу 2018 г.

Таким образом, сегодня в стране существуют огромное количество документов стратегического планирования, которые не увязаны между собой и не образуют единую систему, что создает серьезные риски потерь финансовых, трудовых и природных ресурсов, дальнейшего углубления межрегиональных диспропорций.

На наш взгляд, сложившаяся ситуация объясняется следующим рядом причин.

Прежде всего, имплементация в экономическую политику стратегического управления тормозится идеологической (мировоззренческой) ограниченностью сформировавшегося в стране экономического мейнстрима, основывающегося на постулатах институциональной теории и «Вашингтонского консенсуса». Как следствие, отсутствие необходимого понимания роли документов стратегического планирования в решении структурных проблем социально-экономического развития. Не удивительно, что в качестве основного целеполагания разрабатываемых документов (стратегий и программ) даже отраслевого и регионального уровней закладывается задача совершенствования механизмов поддержки частных инициатив бизнеса, а не формирование и обоснование желаемого облика будущего как национальной экономики в целом, так и ее важнейших сфер деятельности, отраслей и регионов. Соответственно, в документах отсутствует инвестиционная составляющая – основные проекты, реализация которых обеспечивает реальное развитие экономического потенциала отраслей и регионов.

По-прежнему сохраняются серьезные противоречия между планирующими и финансовыми структурами, которые руководствуются различными, плохо состыкованными целями, приоритетами и принципами работы на фоне утери Минэкономразвития РФ (относительно советского периода) компетенций по разработке масштабных документов межотраслевого и межрегионального формата, формирование которых требует содержательного и организационного сопряжения деятельности большого числа участников.

Как следствие, сегодня явно наблюдается отрыв бюджетного планирования от экономического. По сути, экономическая политика сводится к обеспечению макроэкономической стабилизации и поддержанию бюджетной сбалансированности как условия притока внешних инвестиций. В такой модели бюджетная политика выступает приоритетом по отношению к задачам экономического роста и структурной модернизации экономики. Соответственно, стратегическое планирование как инструмент решения структурных проблем национального хозяйства уходит на вторые роли.

В пакете документов по организации процесса стратегического планирования, предложенном Минэкономразвития РФ, даже на методическом уровне, отсутствуют механизмы межотраслевого и межрегионального согласования разрабатываемых документов стратегического планирования. Остается непонятным, каким образом должна и может происходить увязка разрабатываемых документов стратегического планирования (стратегий, программ, национальных проектов) с имеющимися ресурсами и выбор наилучших решений. В результате такой отбор осуществляется на основе процессов лоббирования заинтересованными структурами.

До сих пор не отработана методология последовательной разработки цепочки документов стратегического планирования: прогноз – стратегия – программа (план) – проект (конкретное задание) и их реализации. Отсутствуют сквозные взаимоувязанные целевые индикаторы таких документов. Также в действующей системе государственного управления нет эффективного контроля и ответственности за исполнение принятых политико-экономических и управленческих решений, без чего планирование остается прогнозом, риски неточностей и ошибок которого стабильно велики. Сегодня сохраняет свою актуальность фраза, дошедшая до нас из советского периода: «План без прогноза – это бюрократическая акция, а прогноз без плана – это литературное произведение» [14, с. 81].

В структуре стратегического планирования отсутствует каркас полноценной стратегии развития фундаментальной и поисковой науки, научных и технологических решений достаточ-

но отдаленного будущего, что объясняется снижением роли Российской академии наук в осуществлении научного предвидения и разработки сценариев развития страны с учетом вхождения в новейшие технологические уклады и «новую промышленную революцию 4.0».

Важно и то, что попытка перехода к практике стратегического планирования в стране осуществляется в крайне сложных геополитических и геоэкономических условиях, в ситуации, когда возможности предвидения положения дел на перспективу весьма ограничены, а всякого рода риски очень велики [2, с. 5]. Многие факторы, влияющие на экономику, находятся вне зоны внутреннего влияния, что затрудняет разработку достоверных не только долгосрочных, но и краткосрочных прогнозов. В таких условиях государственные органы власти придерживаются мнения, что практика перехода к стратегическому планированию преждевременна, более продуктивно – это принимать антикризисные стабилизационные планы с (краткосрочным) горизонтом планирования в один год. Однако успешный мировой опыт свидетельствует об обратном – стратегическое планирование, нацеленное на решение структурных проблем экономического развития, повышает устойчивость национального хозяйства и снижает влияние внешних конъюнктурных факторов на экономический рост.

Основные направления совершенствования системы стратегического планирования

Для того чтобы отойти от практики разработки прогнозов, стратегий и программ в виде «литературных произведений», выхолащивающих содержание и преимущества использования инструментов стратегического планирования в рамках проводимой экономической политики, следует определить основные направления дальнейшего совершенствования системы стратегического планирования. Безусловно, оно должно выстраиваться на основе полномасштабной реализации логики и идеологии ФЗ-172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Постановления Правительства РФ № 1050 от 15.10.2016 г. «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации». При этом на первый план, на наш взгляд, выдвигаются следующие задачи.

Прежде всего, необходимо завершить формирование общего контура государственного стратегического планирования социально-экономического развития страны. Фундамент и каркас такой системы стратегического планирования должны составлять такие стратегические документы, как:

- Стратегия национальной безопасности;
- Стратегия экономической безопасности;
- Стратегия социально-экономического развития на 15 лет;
- Стратегия научно-технологического развития;
- Стратегия пространственного развития на долгосрочную перспективу;
- План национального экономического развития, включающий программы развития важнейших секторов экономики и макрорегионов;
- Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики и стратегия совершенствования бюджетной системы;
- План деятельности Правительства;
- Трехлетний Бюджет;
- Среднесрочный план государственных закупок.

Ядро основных стратегий может быть дополнено стратегиями развития особо важных стратегических отраслей, государственных корпораций (в особенности связанных с обеспечением национальной безопасности, ОПК, направлениями научных и научно-технических прорывов) регионов и макрорегионов, стратегических экономико-географических зон (Арктическая зона; Сибирь; Дальний Восток), территорий опережающего развития.

В системе государственного стратегического планирования необходимо четко обозначить его опорные элементы: макроэкономическое планирование; определение долгосрочных трендов структуры и пропорций экономического развития, возвращение на новой основе балансовых методов; управление государственным сектором, государственными корпорациями, государственным имуществом. Они должны объективно определять облик и парадигму государственного управления, перечень его задач и функций, структуру и механизмы функционирования. Это может повлечь за собой изменения в структуре (иерархии) органов фе-

деральной исполнительной власти, имея в виду логику формирования, принятия и исполнения политических, экономических и управленческих решений с четко определенной системой ответственности. На первые роли выходят планирующие структуры, определяющие стратегические цели и приоритеты, способы их реализации.

Совершенно очевидно, что следует восстановить логичную последовательность разработки документов стратегического планирования, понимая, что Стратегия долгосрочного социально-экономического развития РФ (до 2030 или 2035 г.) является важнейшим базовым звеном всей системы стратегического планирования экономического развития. В ходе ее разработки должно происходить обоснование важнейших долгосрочных приоритетов развития, целесообразности формирования национальных проектов и государственных программ развития приоритетных секторов экономики, сфер деятельности регионов. Разработка базового документа наконец должна быть завершена, и только после его принятия могут быть разработаны или уточнены другие документы стратегического планирования, включая стратегии научно-технического и пространственного развития, отраслевые и региональные стратегии, национальные проекты и программы.

Задача повышения уровня ресурсной сбалансированности принимаемых проектов и программ может решаться в ходе разработки долгосрочной национальной программы социально-экономического развития (на два президентских срока), формируемой на основе проектов стратегий развития отдельных секторов и отраслей, а также территориальных формирований. Реализация такой национальной программы и само уточнение параметров экономического развития и инвестиционных проектов должно опираться на трехлетние индикативные планы как основы для разработки трехлетнего бюджета. В этой связи представляется целесообразным внести соответствующие дополнения о формировании такого плана в ФЗ №172.

Развертывание системы стратегического планирования должно обеспечить системное использование имеющихся у государства ресурсов для проведения модернизации и новой индустриализации экономики на базе формиру-

ющегося нового технологического уклада. Это требует сквозной увязки Стратегии технологического развития с остальными документами стратегического планирования. Кроме того, представляется целесообразной разработка пятилетней программы модернизации экономики на основе освоения передовых технологий формирующегося нового технологического уклада, предусматривающей меры по опережающему развитию составляющих его производственно-технологических комплексов, созданию благоприятной макроэкономической среды и формирования соответствующих институтов и контуров управления [20, с. 487].

Учитывая, что научно-инновационная деятельность должна пронизывать все сферы экономики, необходимо акцентировать внимание на создании эффективной системы управления НТП. Можно полностью согласиться с мнением академика С.Ю. Глазьева, который отмечает, что реализуемый ныне подход к управлению наукой как отдельной отраслью в формате министерства является заведомо неэффективным. Для сквозного стимулирования инновационной активности во всех сферах экономики целесообразно создание специального надведомственного органа, отвечающего за разработку и реализацию государственной научно-технической и инновационной политики, координацию деятельности министерств и ведомств по ее реализации [20, с. 488].

Не менее важной задачей повышения эффективности стратегического планирования является встраивание в этот процесс долгосрочной финансовой и бюджетной стратегии. В текущей практике прогноз основных параметров бюджетной системы строится на базе прогноза динамики различных секторов отечественной экономики и российских регионов и на этой основе формируется бюджетная стратегия, определяющая объемы финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на достижение целей государственной политики, т.е. бюджетная стратегия представляет собой некий пассивный результат прогноза. Однако на деле бюджетная и финансовая (денежно-кредитная) стратегии могут и должны выступать реальным инструментом, результаты работы которого должны отражаться в вариантах социально-экономического прогноза.

Фактически целью бюджетной стратегии и стратегии денежно-кредитной политики является определение финансовых ресурсов, которые могут быть направлены на достижение целей национального социально-экономического развития.

Долгосрочное бюджетное планирование как часть общей финансовой политики должно решать целый ряд важных задач [22, с. 106]:

- обеспечивать стабильность и устойчивость программных расходов бюджетной системы (бюджета расширенного правительства) в соответствии с определяемыми целями и приоритетами;

- обеспечивать стабильность и устойчивость программных расходов региональных бюджетов в рамках системы межбюджетных отношений и бюджетного выравнивания;

- обеспечивать уточнение параметров бюджетной системы с учетом изменяющихся макроэкономических глобальных трендов;

- определять сравнительную эффективность /целесообразность использования тех или иных балансирующих систему элементов (выбор между сокращением и ростом расходов, повышением и снижением налоговой нагрузки, ростом и сокращением объемов госдолга, изменением параметров суверенных фондов) применительно к конкретной прогнозируемой социально-экономической ситуации;

- устанавливать «потолки» программных расходов, включающих в себя прямые бюджетные и налоговые расходы;

- допускать введение новых программ (агрегирование действующих программ, формирование блоков программ) в среднесрочном и долгосрочном периоде на основе четко закрепленного механизма;

- предусматривать в качестве самостоятельного блока оценку рисков долгосрочного социально-экономического развития в рамках каждого из сценариев бюджетной стратегии (в первую очередь внешних рисков) и степени подверженности бюджетной системы внешним шокам.

Реализация программного подхода к бюджетному планированию, несомненно, открывает возможность повышения эффективности осуществляемых расходов, поскольку при таком подходе бюджетные средства направляются

на строго определенные цели и задачи. Вместе с тем это предъявляет новые повышенные требования к качеству разрабатываемых госпрограмм. Речь идет в первую очередь о более глубокой и четкой проработке целевых установок программ и их показателей, ресурсного и финансового обеспечения вплоть до конкретных проектов инвестиционного, научно-технологического или организационно-управленческого характера. Как показывает текущая практика разработки и реализации госпрограмм, такая проработка не осуществляется. Отчасти это происходит потому, что сегодняшние программы представляют собой просто иную форму представления бюджетных планов и бюджетной отчетности, а не реализацию программно-целевого метода как такового [22, с. 106; 107].

Необходимо внести ясность в отношении института, способного осуществлять функции стратегического планирования без перекоса в сторону ведомственных и региональных интересов. Следует отметить, что Совет по стратегическому планированию и проектам при Президенте РФ не может заменить собой орган власти

с соответствующими компетенциями и полномочиями, поскольку в значительной мере является экспертно-аналитической структурой и не в состоянии выполнять властные и административные функции. Следовательно, нужен реальный орган власти и управления, который, наряду с ключевыми структурами регулирования внутренней и внешней политики, институтами верховной власти, будет входить в состав министерств и федеральных служб, подчиняющихся непосредственно Президенту РФ. Минэкономразвития РФ явно не справляется с такой функцией.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что предложенные меры по ускорению имплементации инструментов стратегического планирования в процесс формирования и реализации экономической политики, на наш взгляд, являются ключевыми, но в то же время далеко не исчерпывают всех проблем, которые предстоит решить для превращения стратегического планирования в целенаправленный импульс роста российской экономики и качества жизни населения.

Литература

1. Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 г. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 3–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1
2. Бухвальд Е.М. Стратегическое планирование в России: «отложить нельзя реализовать» // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 2 (12). С. 4–13.
3. Стратегическое планирование развития экономики: мировой опыт и выводы для России / С.М. Заверский, Е.С. Киселева, В.Ю. Кононова, Д.А. Плеханов, Н.М. Чуркина // Вестник Института экономики РАН. 2016. № 2. С. 22–40.
4. Липина С.А., Беляевская-Плотник Л.А., Сорокина Н.Ю. Стратегическое планирование в России: возможность и необходимость применения зарубежного опыта // Региональная экономика. Юг России. 2018. № 1 (19). С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.15688/re.volsu.2018.1.4>
5. Napier R., Sidle C., Sanaghan P. *High Impact Tools and Activities for Strategic Planning*. USA, McGraw-Hill, 1998. 438 p.
6. *OECD Science Technology and Industry Outlook 2014*. OECD Publishing, 2014. 480 p.
7. Karth R. *The Effectiveness of Crisis Planning*. University of Texas at Arlington, 2011. 38 p.
8. Yulek M. (Ed.). *Economic Planning and Industrial Policy in the Globalizing Economy: Concepts, Experience and Prospects*. London, Springer, 2015. Pp. 61–76.
9. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 2) препринт WP8/2016/04 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластихина. – М.: ВШЭ, 2016. 40 с.
10. *The Competitiveness and Innovative Capacity of the United States*. Pp. 4–6. Available at: <https://ru.scribd.com/document/77712003/Competitiveness-and-Innovative-Capacity-of-the-US-USDOC>
11. Дмитриев С.С. Инновационный аспект глобального лидерства США // США: возможности и пределы экономического и политического лидерства. М.: ИМЭМО РАН, 2016. Т. 1. С. 29–56.

12. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования (Часть 1) препринт WP8/2016/04 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских, Н.А. Рычкова, И.Ю. Сластихина. – М.: ВШЭ, 2016. 68 с.
13. Краснопольский Б.Х. Пространственно-экономическое планирование: опыт Великобритании // Пространственная экономика. 2012. № 2. С. 168–173.
14. Иванов А.Е. Нужен поиск новой модели государственного управления экономикой. М.: Анкил, 2018. 240 с.
15. Ленчук Е.Б., Филатов В.И. Российская экономика: поиск эффективной стратегии // Мир новой экономики. 2018. Т. 12. № 1. С. 6–21. DOI: 10.26794/2220-6469-2018-12-1-6-21
16. Сенчагов В.К., Иванов А.Е. Закон о стратегическом планировании и задачи его реализации // Вестник Финансового университета. 2015. № 6 (90). С. 19–29.
17. Бухвальд Е.М. Основные проблемы реализации системы стратегического планирования в Российской Федерации // От рецессии к стабилизации и экономическому росту: Материалы VIII Международной научно-практической конференции / Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, 2016. С. 16–25.
18. Смирнова О.О. Основы стратегического планирования Российской Федерации. М.: Наука, 2013. 302 с.
19. Данилин И., Мамедьяров З. Национальная технологическая инициатива: новый фокус и вызовы реализации российской инновационной политики // Год планеты: ежегодник ИМЭМО РАН. М.: Идея-Пресс, 2016. С. 121–131.
20. Глазьев С.Ю. Рынок в будущее. Россия в новых технологическом и мирохозяйственном укладах. М.: Книжный мир, 2018. 768 с.
21. Лыкова Л.Н. Бюджетные и налоговые институты модернизации экономики // Российский экономический журнал. 2018. № 3. С. 101–114.

Сведения об авторах

Елена Борисовна Ленчук – доктор экономических наук, директор, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: irinap@inecon.ru)

Владимир Иванович Филатов – кандидат экономических наук, зав. центром инновационной экономики и промышленной политики, Институт экономики РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32; e-mail: filatov.vladshimir@yandex.ru)

Lenchuk E.B., Filatov V.I.

Strategic Planning – the Way toward Sustainable Development of the Russian Economy

Abstract. The current ambitious goals in the field of economic development set out within the framework of a new political cycle require new approaches and instruments of economic policy formation. Strategic planning, which, along with the improvement of market mechanisms, is widely implemented in the practice of public administration in many developed countries of the world, becomes a system-forming factor for such a policy. Within the framework of the present paper, we provide a substantial analysis of the place and role of strategic planning in addressing structural and technological modernization issues and in ensuring high dynamics of economic growth in Russia. We assess the content of Federal Law 172 “On strategic planning in the Russian Federation” adopted in 2014. We revealed the main reasons why the law is still not implemented in economic policy. We show that the absence of clear goal setting, strategic development priorities and their resource provision in fact impedes the process of the country’s transition to an innovative development model. On the basis of the analysis, we formulate major directions of further improvement of the strategic planning system in Russia. We define the main outline of the system of strategic planning documents and put forward methodological approaches to their coordination. We

focus our attention on the need to integrate a long-term financial and budgetary strategy into the strategic planning process. In the theoretical aspect, the results of our study confirm an important role of the state and strategic planning in the formation of a competitive and dynamic economy. In practical terms, they can be used by public authorities to further improve the efficiency of strategic planning in Russia and revise Federal Law 172.

Key words: strategic planning, structural modernization, forecast, socio-economic development strategy, state program, indicative plan.

Information about the Authors

Elena B. Len'chuk – Doctor of Sciences (Economics), director, RAS Institute of Economics (32, Nakhimovsky avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: irinap@inecon.ru

Vladimir I. Filatov – Candidate of Sciences (Economics), head of the Center for Innovation Economy and Industrial Policy, RAS Institute of Economics (32, Nakhimovsky avenue, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: filatov.vladshimir@yandex.ru)

Статья поступила 09.08.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.3

УДК 339.9, ББК 65.5

© Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В.

Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества

**Юлия Георгиевна
ЛАВРИКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: lavrikova_ug@mail.ru

**Елена Леонидовна
АНДРЕЕВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: elenandr@mail.ru

**Артем Витальевич
РАТНЕР**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: aratner@inbox.ru

Для цитирования: Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Научно-технологическое развитие России и Китая: компаративный анализ и перспективы сотрудничества // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 48–62. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.3

For citation: Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Science and technology development in Russia and China: comparative analysis and the prospects of cooperation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 48–62. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.3

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что с учётом специализации российской экономики и современных мирохозяйственных изменений она находится в поиске путей оптимального встраивания в международное разделение труда, и при этом важным становится сотрудничество с Китаем. Основная идея и цель исследования – провести компаративный анализ научно-технологического развития России и Китая и выявить перспективы их сотрудничества в современных мирохозяйственных условиях. Образующие научную новизну отличия работы заключаются в анализе состояния международного научно-технологического сотрудничества, который учитывает общую торгово-экономическую картину сотрудничества, проявления научно-технологического сотрудничества в торговле; учитывает такие факторы научно-технологического сотрудничества, как место стран в мировом инновационном развитии, наличие схожих национальных приоритетов научно-технологического развития и схожих типов программных документов. Предложенная типология проявлений научно-технологического сотрудничества включает пространственный, отраслевой и институциональный параметры. Предлагается учитывать специфику, определяемую современными тенденциями мирохозяйственного развития. Использование данных подходов должно способствовать максимальному встраиванию приоритетов научно-технологического сотрудничества России и Китая в достижение ими лидирующих позиций на мировом рынке. В ходе исследования использовались такие методы, как сравнительный, причинно-следственный, экономико-статистический анализ, анализ программных документов, анализ научно-технологического сотрудничества по таким параметрам, как географический, отраслевой и институциональный. Основные результаты исследования состоят в выявленных факторах научно-технологического сотрудничества и типологии его проявлений.

Ключевые слова: международное научно-технологическое сотрудничество, Россия и Китай, приоритеты сотрудничества, мирохозяйственные условия, проявления научно-технологического сотрудничества, типология проявлений, место стран в международном разделении труда, перспективы развития сотрудничества.

Современный мирохозяйственный контекст как детерминанта научно-технологического развития

Говоря о перспективах российско-китайского научно-технологического сотрудничества, следует исходить из специфики переживаемого периода в развитии мирохозяйственных связей. Она заключается в постепенном смещении центра тяжести от стран-гегемонов мировой экономики к ее так называемой периферии и выражается:

- в усилении мирохозяйственных вызовов, стоящих перед российской экономикой, в том числе в связи с наложением международных экономических санкций, что определяет смещение акцентов в сотрудничестве со странами АТР;

- повышении роли в мировой экономике развивающихся экономик;

- укреплении сотрудничества развивающихся экономик, их объединении в виде интеграционных образований нового поколения (ШОС, БРИКС, ЕАЭС), на фоне ослабления традиционных интеграционных объедине-

ний (ЕС и др.); возросла доля Китая в структуре российского экспорта (за 10 лет, с 2008 по 2017 год, – с 4,5 до 10,9%) и импорта (с 13,0 до 21,2%)¹;

- появлении международных инфраструктурных мегапроектов.

В частности, повышение роли в мировой экономике развивающихся экономик особенно относится к Азии, где находятся крупнейшие их представители, характеризующиеся быстрым ростом, в том числе за счёт своего «Азиатского цикла накопления», – Китай, Индия и др. (так называемые МІТІV: Малайзия, Индия, Таиланд, Индонезия, Вьетнам). Совокупный ВВП по ППС семи крупнейших развивающихся стран (в т.ч. стран группы БРИКС: России, Бразилии, Китая и Индии; а также Мексики, Индонезии и Турции) в 2013 г. превысил совокупный ВВП стран Группы семи (35,0% мирового ВВП против 32,4%). К 2017 г. это

¹ Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли // Веб-сайт Федер. тамож. службы России. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:571014685148678::NO> (обращение 20.4.2018).

соотношение составило 37,5 и 30,6%. Китай по ВВП по ППС опережает США с 2014 г. (тогда – 16,5% мирового ВВП против 15,8%; в 2017 г. – 18,2% против 15,3%)².

При этом как Россия, так и Китай обладают существенными запасами ресурсов (рис. 1). Объединения БРИКС и ШОС, значительная доля в показателях которых приходится на Китай и Россию, не настолько сопоставимы с объединениями развитых стран по вкладу в мировой ВВП, насколько превышают их по доле в структуре мировых человеческих и минерально-сырьевых ресурсов. Так, в ШОС проживает в 3 раза больше населения, чем в ЕС и НАФТА отдельно взятых, а в БРИКС – ещё в 2 раза больше. Из минерально-сырьевых ресурсов достаточно упомянуть энергоносители. По запасам природного газа опережение по отношению к НАФТА – в обоих случаях – более чем трехкратное, а по отношению к ЕС – втрое. БРИКС и ШОС обладают и большими запасами угля, особенно в сравнении с ЕС. Оперережение по ресурсам – стабильное.

Из новых международных инфраструктурных мегапроектов следует отметить Экономический пояс Шёлкового пути и Морской Шёлковый путь XXI века [1, с. 119–120].

В целом, по мнению С.Ю. Глазьева, происходит формирование нового мирохозяйственного уклада [2, с. 26]. Важнейшими участниками этого процесса являются Россия и Китай. Одним из важнейших факторов для России выступает то, что, когда в мировом хозяйстве про-

исходит переход к новому технологическому укладу и, наряду с использованием развитыми экономиками передовых технологий, целый ряд развивающихся экономик выходит на новые технологии, стране для занятия достойного места в международном разделении труда необходимо поддержание конкурентоспособности в глобальной экономике, обеспечение роли важнейшего участника международной научно-технологической кооперации.

С учётом этого международное экономическое сотрудничество России с Китаем служит для усиления позиций стран в мировой экономике. В связи с этим цель данной статьи – выявление приоритетов и перспектив развития научно-технологического сотрудничества России и Китая в современных мирохозяйственных условиях. Научная новизна и значимость проведённой работы заключается в комплексном видении проявлений российско-китайского научно-технологического сотрудничества с учётом современных тенденций мирохозяйственного развития.

Сравнительная характеристика уровня научно-технологического развития России и Китая

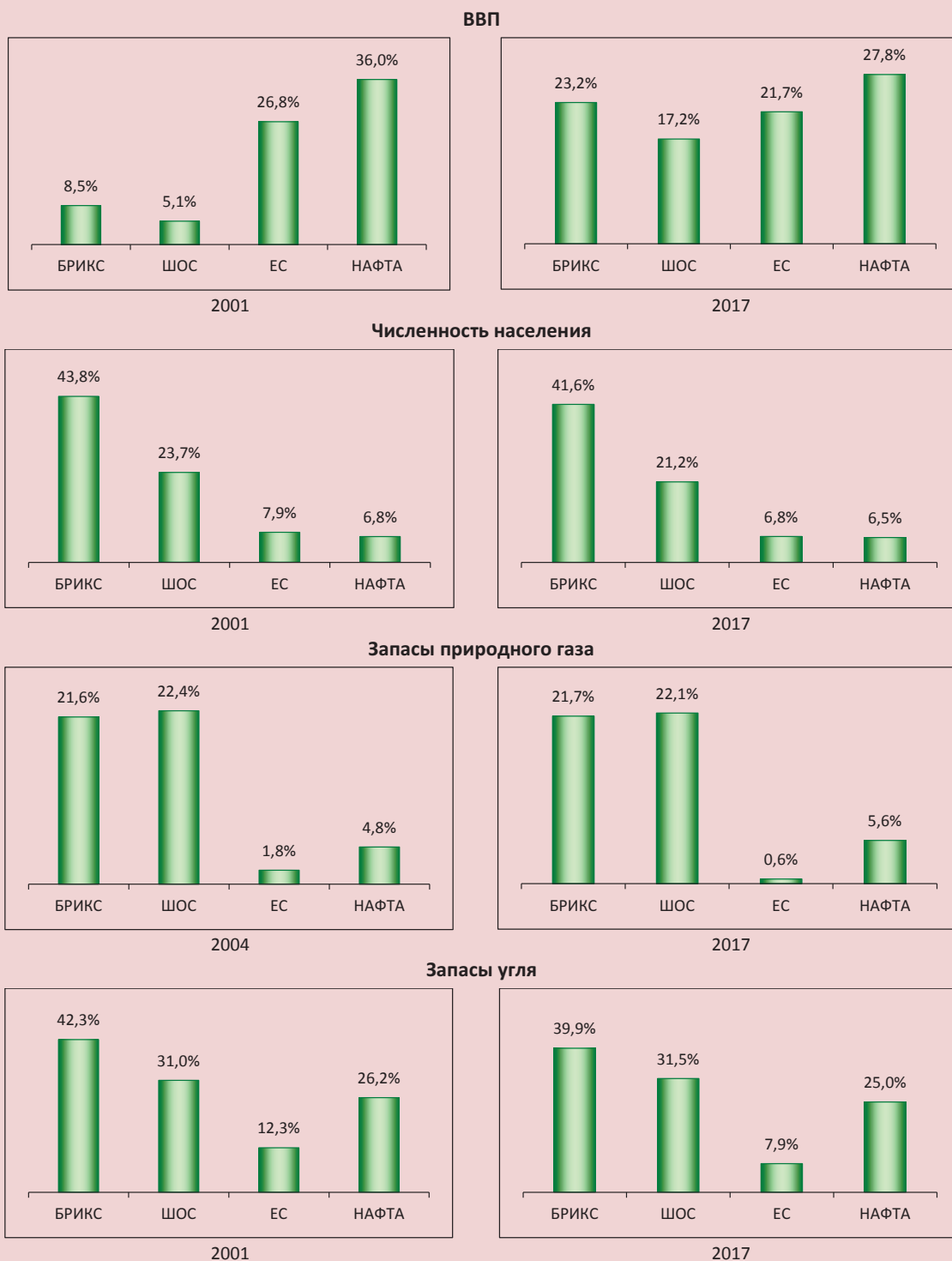
По уровню научно-технологического развития Китай по ряду показателей существенно опережает Россию. В мирохозяйственных связях КНР по многим показателям занимает лидирующие позиции: по объёму ВВП, экспорта, международного инвестирования, численности населения (а следовательно, человеческих ресурсов) (табл. 1).

Таблица 1. Россия и Китай в мирохозяйственных связях, 2017 г.

Показатель	Россия	Китай	
ВВП, трлн. дол. (доля в мире)	1,5 (1,9%)	12,0 (15,0%)	
Рост ВВП (2017 к 2001 гг.)	4,64 раза	8,94 раза	
Население, млн. чел. (доля в мире)	145 (1,9%)	1386 (18,4%)	
ВВП на душу, дол.	10608	8643	
Экспорт, млрд. дол. (доля в мире)	353 (2,0%)	2263 (12,8%)	
Импорт, млрд. дол. (доля в мире), 2017 г.	238 (1,3%)	1842 (10,3%)	
Прямые иностранные инвестиции, млрд. дол. (доля в мире), 2016 г.	приток	38 (2,2%)	134 (7,7%)
	отток	27 (1,9%)	183 (12,6%)
Источники: составлено и рассчитано по: World economic outlook database, April 2018 // International monetary fund [Electronic resource]. URL: http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx ; Data center // UNCTADstat [Electronic resource]. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath=P,5&sCS_ChosenLang=en ; Indicators // World bank web-site. URL: http://data.worldbank.org/indicator (referring: 10.07.2018).			

² Рассчитано по: World economic outlook database, April 2018 // International monetary fund [Electronic resource]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx> (referring: 18.12.2015).

Рисунок 1. Доли объединений развитых и развивающихся экономик в структуре мирового ВВП и мировых запасов ресурсов, %

Источник: составлено и рассчитано по: World economic outlook database, April 2018 // International monetary fund [Electronic resource]. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2018/01/weodata/index.aspx>; Indicators // World bank web-site. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>; BP statistical review of world energy // BP web-site. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/downloads.html> (referring: 14.07.2018).

Китай занимает лидирующие позиции в том числе в мировой обрабатывающей промышленности (табл. 2). Он является мировым лидером в производстве металлообрабатывающих станков; автомобилей; компьютеров, электроники и оптики, промышленных роботов [3, с. 12-18].

Такие лидирующие позиции во многом зависят от проводимой инновационной политики. Рейтинг по показателям инновационного развития отражён в табл. 3.

Российская и китайская экономики примерно сопоставимы в части таких субиндексов глобального инновационного индекса, как «институты инновационного развития» (73-е место к 78-му) и «человеческий капитал и исследования» (23-е место к 25-му). По остальным субиндексам Китай лидирует, впрочем опережая в ряде случаев и многие другие экономики (см. табл. 1). Но по некоторым частным показателям российская экономика не уступает китайской. Например, в части инфраструктуры это ИКТ (36-е место к 48-му), производство элек-

троэнергии (25-е к 51-му); в части рыночных аспектов это лёгкость получения кредита (40-е к 55-му), микрозаймы (к ВВП) (60-е к 73-му), лёгкость защиты миноритарных инвесторов (52-е к 98-му), применяемые в торговле тарифы (66-е к 76-му); в части бизнес-аспектов это доля женщин, занятых на высоких должностях (у России 2-е место), платежи за интеллектуальную собственность (доля в валовой торговле) (16-е к 32-му), импорт ИКТ-услуг (доля в валовой торговле) (35-е к 99-му); в части производства знаний и технологий это поступление от интеллектуальной собственности (37-е к 67-му), экспорт ИКТ-услуг (доля в валовой торговле) (76-е к 77-му), чистый экспорт ПИИ (24-е место к 45-му).

Проведенный анализ показал, что за период 2006–2018 гг. Китай существенно продвинулся в инновационном развитии.

Ещё одним рейтингом, оцениваемым в глобальном масштабе, является рейтинг глобальной конкурентоспособности производства (табл. 4).

Таблица 2. Доля КНР в мировом обрабатывающем производстве [3]

Производство	Доля, %
Металлообрабатывающие станки	27,6
Автомобили	29,6
Компьютеры, электроника и оптика	34,1
Промышленные роботы	29,6

Таблица 3. Глобальный инновационный индекс 2017 г. и его составляющие: место России и Китая в мире*

Показатель	Россия	Китай
Глобальный инновационный индекс (ранг), в т.ч.:	45	22
Институты инновационного развития	73	78
Человеческий капитал и исследования	23	25
Инфраструктура инновационного развития	62	27
Рыночные аспекты	60	28
Бизнес-аспекты	33	9
Производство знаний и технологий	45	4
Создание знания	22	5
Патенты (на млрд. дол. ВВП по ППС)	15	1
Высоко- и средневысокотехнологичные предприятия (доля)	51	14
Высокотехнологичный экспорт (без реэкспорта), доля в валовой торговле	44	1
Экспорт услуг в сфере ИКТ, доля в валовой торговле	76	77
Креативное производство	62	26
Экспорт креативных товаров, доля в валовой торговле	49	1

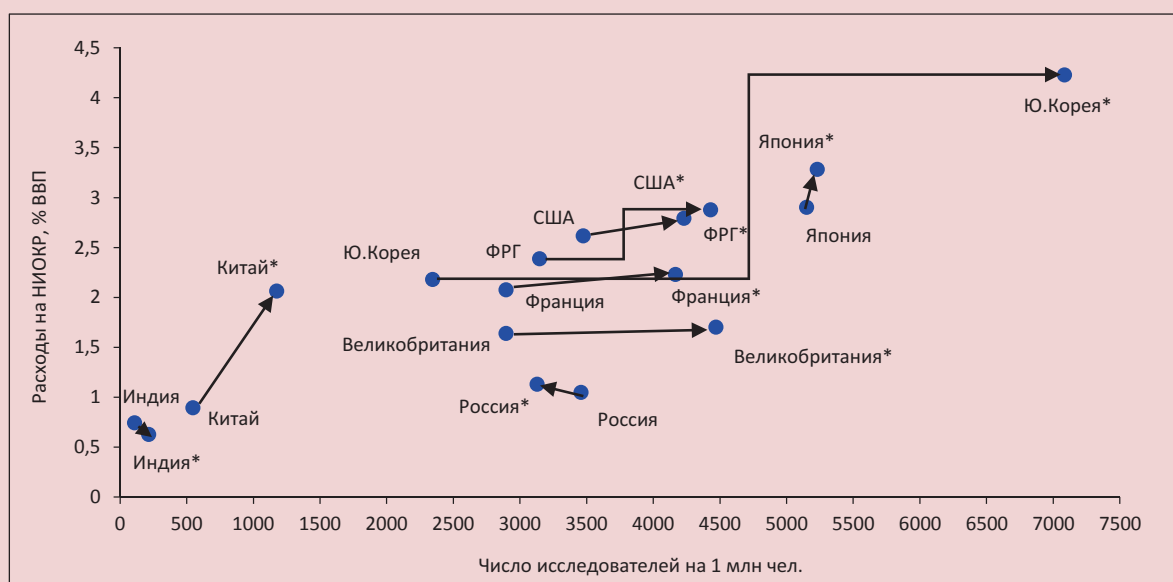
* Полужирным шрифтом выделены субиндексы глобального инновационного индекса.
 Источник: составлено по: The global innovation index 2017: Innovation feeding the world (10th ed.) / Dutta S., Lanvin B., Wunsch-Vincent S. – Johnson Cornell university, INSEAD, World international property organization, 2017. 432 p. P. 209, 281.

Таблица 4. Показатели глобальной конкурентоспособности производства России и Китая

Показатель	Россия	Китай
Рейтинг глобальной конкурентоспособности производства (ранг), 2016 г.	32	1
Число суперкомпьютеров	7 (8 место)	168 (1 место)
Число исследователей на 1 млн чел., чел.	2000 г.	3459
	2015 г.	3131
Отношение расходов на исследования и изобретения к ВВП, %	2000 г.	0,985
	2015 г.	1,132
Расходы на НИОКР на душу (по ППС), дол. (2016 г.)	259	322

Источники: составлено и рассчитано по: 2016 Global Manufacturing Competitiveness Index Report highlights // Web-site of Valve manufacturers association. URL: http://c.yimcdn.com/sites/www.vma.org/resource/resmgr/2016_mow_presentations/MOW_2016_-_Dollar.pdf (обращение: 20.06.2017); [4]; статистические данные Всемирного банка (<http://data.worldbank.org/indicator>) и ЮНЕСКО (http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&popcustomise=true&lang=en#) (обращение: 10.7.2018).

Рисунок 2. Позиционирование стран* по числу исследователей и расходам на НИОКР, в 2000 и 2015 гг.

Обозначение страны без «*» означает 2000 г., со «*» – 2015 г. (число исследователей у США и Франции – 2014 г.).
 Источник: составлено по статистическим данным Всемирного банка (Всемирный банк. Режим доступа: (<http://data.worldbank.org/indicator>)) (обращение: 10.07.2018).

На протяжении ряда лет (2010, 2013, 2016 годов) Китай лидирует в рейтинге глобальной конкурентоспособности производства (см. табл. 1). Он является крупнейшим обладателем суперкомпьютеров, сравнявшись в 2016 г. по их числу с США и даже обгоняя их по качеству. Впрочем, здесь Россия также входит в число 10 стран-лидеров. Китай находится на 4-м месте по количеству патентов, уступая лишь Японии, США и Евросоюзу [4, с. 15–16].

Нельзя, однако, не отметить, что лидерство Китая в мировом производстве (см. табл. 2) и абсолютные показатели глобальной конкурентоспособности его производства (см. табл. 4) связаны, не в последнюю очередь, с колоссальным объёмом человеческого капитала (т.е. с численностью населения) (см. табл. 1).

Если представить динамику двух основных показателей исследовательского потенциала – расходов на исследования и разработки в % к

ВВП и числа исследователей на 1 млн. чел. населения – за период 2000–2015 гг., то видно, что лидером по этим показателям и наибольшей динамике их развития является Южная Корея (рис. 2). Её расходы на НИОКР в % к ВВП за 15 лет выросли в два раза, число исследователей выросло в три раза. На втором месте находятся Япония и Германия, которым удалось в большей степени, чем другим странам Группы семи, увеличить эти показатели. Далее с небольшим отставанием следуют США: им также удалось нарастить оба показателя. Изменение показателей Франции и Великобритании происходило в основном за счёт роста в 1,5 раза относительного числа исследователей. Хотя по этому показателю Россия существенно ближе к уровню развитых стран, чем Китай и Индия, однако из всех приведённых стран Россия – единственная, у которой за данный период произошло снижение числа исследователей. Китаю удалось за счёт удвоения затрат на НИОКР достичь по этому показателю уровня Великобритании и Франции.

При этом нельзя забывать, что, хотя по объёму патентной активности Россия существенно отстаёт от Китая, этот показатель не отражает такие аспекты, как экономическая значимость и качество патентов. В Китае резко возросли расходы на исследования и разработки, однако следует отметить, что в России предпринимаются усилия к повышению оплаты труда занятых в исследованиях (принято такое требование и создаются условия – организовано финансирование в достойном размере через научные фонды; с целью улучшить качество исследований), проводится курс на повышение доли молодых исследователей. Кроме того, высокие доли китайской экономики в мировой структуре различных отраслей обрабатывающей промышленности во многом отражают не только и иногда даже не столько научно-технологический, сколько экономический успех Китая, экономика которого сумела освоить многие технологии благодаря предприимчивости, активной догоняющей модернизации, когда многие транснациональные корпорации, будучи привлечены невысокой стоимостью рабочей силы, размещали в Китае своё производство, и китайцы постепенно сумели эти технологии освоить.

Различия и общие моменты в видении научно-технологического развития в России и Китае

В настоящее время и Россия, и Китай находятся в мировом тренде инновационного развития. Как отмечают российские исследователи (в частности, на примере фармацевтической индустрии), программа развития промышленности будет иметь успех в случае инновационного развития отрасли [5, с. 125]. Китайскими исследователями, например Xu Bai и Yun Liu, также подчёркивается актуальность для развивающихся стран инноваций, стратегий инвестирования в НИОКР, рационального распределения ресурсов и менеджмента в сфере НИОКР [6, с. 14]. План развития Китая на текущую пятилетку (от 2016 г.) в качестве важнейших, как и раньше, рассматривает задачи устойчивого развития экономики, инновационного роста и модернизации экономики [7, с. 27, 29]. Вместе с промышленным развитием, перед Китаем также стоит вопрос о движении в сторону низкоуглеродной экономики [8, с. 187-188]. Как показывают исследования, технологический прогресс выступает действенным средством сокращения выбросов углерода [9, с. 14]. Есть потенциал и у международного исследовательского сотрудничества (например, в медицине) [10].

Необходимость модернизации, повышения научно-технического уровня в Китае была признана ещё накануне хозяйственных реформ (что в 1978 г. подчеркнул Дэн Сяопин) [11, с. 5]. Уже в начале 2000-х годов новые установки развития Китая были объединены в научную концепцию развития, нацеленную на изменение модели роста в сторону интенсивного, инновационного [12, с. 22]. В середине 2000-х годов особое внимание уделялось укреплению связи между производством, образованием и наукой [13, с. 487]. Как было отмечено на XIX съезде Коммунистической партии Китая Си Цзиньпином, Китай ставит задачу осуществления к 2050 г. модернизации страны [11, с. 5]. Ожидается, что с 2020 по 2035 г. будет проведена «базовая социалистическая модернизация» Китая. В экономическом развитии планируется перевести акцент со «скоростного» на качественное развитие. Планируется продолжать строительство «инновационной державы». Также поставлена задача интеграции Интернета и искусственного интеллекта с реальной экономикой [14, с. 61, 63].

Интересен опыт Китая в поддержке инновационного развития. Так, особые налоговые льготы предоставляются «предприятиям новых и высоких технологий», «предприятиям по обслуживанию передовых технологий» и малым инновационным предприятиям [15, с. 44]. Важным условием научно-технического развития выступает заинтересованность в получении и применении результатов НИОКР со стороны корпораций [16, с. 21]. Это связано с тем, что среди трудностей, которые стояли в научно-технической сфере Китая, значились недостаточно высокий уровень инвестиций в науку и инновации, проблемы в распределении ресурсов для осуществления инноваций, несовершенство связи науки с производством [17, с. 55]. По сути, эти же проблемы стоят и перед российским научно-технологическим развитием.

Нацеленность на научно-техническое развитие позволит Китаю перейти от экстенсивной к интенсивной модели экономического роста, а России — обеспечить экономический рост, уменьшить зависимость от экспорта энергоресурсов [18, с. 90].

Нацеленность России и Китая на инновационное развитие во многом определяет изменение их роли и места в мировой экономике. Поэтому следует обратить особое внимание на перспективы и потребности научно-технологического сотрудничества стран-партнёров с учётом современной мирохозяйственной ситуации и общих интересов в части укрепления своих позиций в международном разделении труда.

Общие моменты в развитии нормативно-программной базы научно-технического развития в КНР и РФ. В Китае на 2006–2020 гг. была принята «Средне- и долгосрочная государственная программа научно-технического развития», которая предполагает осуществление крупных научных проектов, а также развитие промышленных инноваций и коммерциализацию ноу-хау [16, с. 9]. Китайской академией наук запущена Программа инициативных действий, нацеленная на повышение международной конкурентоспособности и решение ключевых проблем национальной экономики [19, с. 21]. В России, в свою очередь, в число ожидаемых результатов государственной программы «Развитие науки и технологий» (на 2013–2020 г.) включено

обеспечение создания научно-технологического задела, востребованного секторами экономики, увеличение практического применения результатов научных исследований, вхождение страны в число стран — лидеров по патентной активности. В конце 2016 г. была принята Стратегия научно-технологического развития России (Указ Президента РФ от 01.12.2016 г.), направленная на переход к передовым цифровым, интеллектуальным производственным технологиям и материалам, к экологически чистой и ресурсосберегающей энергетике, к персонализированной медицине, к высокопродуктивному агрохозяйству, на противодействие техно-, биогенным и иным угрозам, на транспортную и коммуникационную связность территории страны. Также российская государственная программа «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности на период до 2020 г.» нацелена на создание конкурентоспособной, устойчивой, структурно сбалансированной промышленности, способной в числе прочего к разработке передовых промышленных технологий и ориентированной на формирование новых рынков инновационной продукции.

Особо следует выделить Национальную технологическую инициативу (до 2035 г.) — долгосрочную программу по созданию условий для обеспечения лидерства отечественных компаний на рынках высокотехнологичных отраслей, которые будут определять мирохозяйственную структуру в ближайшие 15–20 лет. Среди приоритетных направлений НТИ выделены десять рынков, которые основываются на приоритетах научно-технологического развития России, обозначенных в Стратегии научно-технологического развития РФ (утв. 01.12.2016 г.). С 2017 года Российским экспортным центром реализуется программа «Made in Russia», предполагающая добровольную сертификацию и маркировку продукции, направленная на поддержку экспорта.

В настоящее время в Китае разработан план развития промышленности «Made in China 2025», направленный на создание эффективной промышленной индустрии, способной производить товары с высокой добавленной стоимостью, сопоставимые с товарами развитых экономик. План направлен на разви-

тие внутренних производственных инноваций и создание местных брендов. Планируется предоставить поддержку 10 ключевым производственным отраслям (производство чипов, судостроение, машинное оборудование и робототехника, железнодорожное сообщение, энергетическое оборудование, автомобили с использованием энергосберегающих технологий и новых источников энергии, регенеративная медицина и др.)³.

В Китае в 2012 г. учреждён специальный фонд развития малых и средних инновационных предприятий. Основной организационной формой инфраструктурной поддержки инновационного развития малого и среднего предпринимательства являются зоны новых и высоких технологий (China National High-Tech Industrial Development Zone), или технопарки⁴.

В российской экономике в данной сфере Федеральным законом «О промышленной политике» (от 31.12.2014 г.) предусматривается создание индустриальных парков, промышленных технопарков и промышленных кластеров. К настоящему времени индустриальные парки и промышленные технопарки, действующие, строящиеся или проектируемые, представлены в 79 регионах⁵.

Таким образом, можно выделить следующие **общие моменты** в видении научно-технологического развития в России и Китае:

- наличие внушительных запасов ресурсов, необходимых для экономического роста и научно-технологического развития;
- понимание высокой значимости научно-технологического развития для устойчивого развития экономики, инновационного роста, модернизации экономики, повышения конкурентоспособности национальных товаров на

³ Индия vs. Китай: гонка инноваций уже началась // Вести. Экономика. 22.07.2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestifinance.ru/articles/60402> (обращение: 16.4.2018).

⁴ Справка об инструментах поддержки инноваций и стимулировании спроса на инновации в КНР // Инновации : информац. портал Минэкономразвития России. URL: innovation.gov.ru/sites/.../gosudarstvennoe_regulirovanie_innovacionnoy-2.doc (обращение: 19.5.2017)

⁵ Перечень-список индустриальных парков России – 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://russiaindustrialpark.ru/industrialparks_catalog_perecheny_spisok_russia (обращение: 25.04.2018).

внутреннем и международном рынках, оптимального, достойного встраивания в международное разделение труда, что отражено в стратегических программных документах экономического развития;

- потребность в реализации научно-технологических разработок, в том числе за счёт международного сотрудничества, на практике, и этот ориентир закладывается в стратегических программных документах.

При этом могут быть отмечены следующие **отличительные особенности**:

различие ресурсов для экономического роста, которыми обладают экономики: у России это, в первую очередь, природные ресурсы (минерально-сырьевые, лесные и др.), у Китая – человеческие;

- различная специализация на мировом рынке: у России в экспорте в наибольшей степени представлены энергоносители, у Китая – машины, оборудование и транспортные средства;

– различие в цели научно-технологического развития: Китай планирует из мирового центра сборки изделий превратиться в высокотехнологичную экономику, перед Россией стоит вопрос об импортозамещении, уменьшении зависимости от экспорта энергоресурсов и о налаживании стабильного экономического роста;

- различие характера развития высокотехнологичного сектора: высокотехнологичные разработки в России более высокого уровня, однако их распространённость нередко низкая; в Китае же разработки могут быть среднетехнологичными, но при этом активно внедряемыми и применяемыми на мировом рынке. И в этом смысле китайская практика внедрения высоких технологий и российский опыт их создания могут быть предметом обмена опытом.

Типология проявлений научно-технологического сотрудничества России и Китая

У России и Китая имеется богатый опыт научно-технического сотрудничества. Особенно активно это сотрудничество протекало в советский период и впоследствии активизировалось с 2000-х годов. В настоящее время российско-китайское научно-технологическое сотрудничество имеет широкий спектр проявлений, которые могут быть типологизированы по ряду параметров.

Институциональный параметр.

1. Двустороннее сотрудничество. Сюда относятся приведённые выше межправительственные и иные соглашения (между академиями наук России и Китая).

2. Многостороннее сотрудничество. Например, в рамках соглашений БРИКС, ШОС. В частности, в рамках БРИКС в многостороннем формате среди прочих областей особенно развивается сотрудничество в научно-технологической области. К настоящему времени странами Группы, в соответствии с Научно-исследовательской и инновационной инициативой БРИКС, запущена Рамочная программа БРИКС в сфере науки, технологий и инноваций и принято Положение Рабочей группы БРИКС по исследовательским инфраструктурам и проектам класса мегасайенс (и состоялась её встреча). Потенциалом исследовательского сотрудничества также обладают уже Сетевой университет БРИКС, вузы-участники которого осуществляют подготовку, по крайней мере, по одному из его шести приоритетных направлений: энергетика, компьютерные науки и информационная безопасность, исследования стран БРИКС, экология и изменения климата, водные ресурсы и нейтрализация загрязнений, экономика⁶.

Отраслевой параметр.

Сотрудничество с китайскими научными организациями осуществляется по широкому спектру естественных наук: физика (преобразования энергии, астрофизика, диагностика структур микро- и оптоэлектроники, рентгеновское и нейтронное излучения, физика плазмы, СВЧ-излучение), геология (тектоника, нефтегазоносность территорий), экология (проблемы промышленного загрязнения атмосферы), химия (химическая защита растений), промышленные технологии (технические изделия из полимерных материалов, работа с перспективными материалами, антикоррозионные покрытия, синтез алмазов и др.)⁷. Среди примеров можно привести сотрудничество таких ведущих научных орга-

низаций, как Физико-технический институт РАН и Пекинский университет, Институт физики атмосферы РАН и Институт физики атмосферы АН Китая и т.д. Причем результатом такого сотрудничества научных организаций является создание совместных предприятий, в которых применяются совместные наукоёмкие технологические разработки. Так, Институтом проблем химической физики РАН и Китайской академией инженерной физики создана совместная китайско-российская промышленная компания «Сычуань Маньян ЛИЭР» по производству химических средств защиты растений, органических промежуточных продуктов, технических изделий из полимерных материалов. Институтом высоких температур РАН и корпорацией «Великая китайская стена» было создано совместное предприятие «Тигол», производящее оборудование по нанесению покрытий из нитрида титана и других перспективных материалов⁸.

Помимо академической науки, в реальном секторе научно-технологическое сотрудничество осуществляется в сфере машиностроения. В первую очередь, это энергетическое машиностроение. В качестве примера успешно реализованного в Китае проекта следует привести сооружение Росатомом Тяньваньской АЭС. В конце 2017 г. был запущен 3-й энергоблок Тяньваньской АЭС (1-й и 2-й были запущены в 2007 г.). В настоящее время сооружается 4-й энергоблок. С учётом того, что Росатом участвует в строительстве АЭС в Индии («Куданкулам»), Вьетнаме («Ниньгхуан»), Китае (Тяньваньская), Бангладеш («Руппур»)⁹, это позволяет говорить о лидерстве российских технологий на мировом рынке сооружения АЭС¹⁰.

Другой областью является авиастроение. В частности, Россия и Китай приступили (в 2014 г.) к осуществлению проекта по реализации российского гражданского ближнемаг-

⁸ Там же.

⁹ Строящиеся АЭС за рубежом // Веб-сайт Росатома. URL: http://archive.rosatom.ru/aboutcorporation/bild_npp_2/ (дата обращения: 20.02.2017).

¹⁰ Состоялся энергопуск блока № 3 АЭС «Тяньвань» (Китай) // Веб-сайт Росатома. 30.12.2017. URL: <http://www.rosatom.ru/journalist/news/sostoyalsya-energopusk-bloka-3-aes-tyanvan-kitay/> (обращение: 25.04.2018).

⁶ BRICS Network university [Electronic resource]. URL: <https://nu-brics.ru/> (referring: 26.6.2018)..

⁷ Заключённые РАН соглашения о международном сотрудничестве // Веб-сайт РАН.

стрального самолёта SSJ100 в Китае со сборкой там¹¹. В 2016 г. было заключено межправительственное соглашение по совместному созданию широкофюзеляжного дальнемагистрального пассажирского самолёта на 250–300 человек, который благодаря современным характеристикам может занять существенную долю рынка в России и Китае, а также в третьих странах. Наряду с этим, было заключено межправительственное соглашение о сотрудничестве в создании гражданского перспективного тяжелого вертолета АНЛ, который может использоваться в трудных климатических условиях, разработка которого будет осуществляться китайской госкомпанией AVICOPTER при содействии «Вертолетов России». По оценкам, спрос на него в Китае может составить до 2040 г. свыше 200 машин¹².

Пространственный параметр.

С научными организациями Китая в рамках межинститутских прямых договоров сотрудничают более 30 академических институтов, преимущественно это центральные институты РАН, однако есть и успешные примеры сотрудничества со стороны региональных институтов. Так, Объединённый институт геологии, геофизики и минералогии СО РАН сотрудничает с Институтом геотектоники АН Китая: на собранных ими материалах геологии Южного Китая, Северного Вьетнама и Бирмы предложена оригинальная модель тектоники Юго-Восточной Азии. Институтом металлургии УрО РАН совместно с Институтом химической металлургии АН Китая создано совместное предприятие по производству антикоррозионных покрытий на базе технологии порошковой металлургии¹³. Также разработка УрО РАН в сфере металлургии (по контролю процессов в доменных печах, увеличивающая срок их службы) уже была внедрена на предприятиях провинции Шаньдун. Уральский НИИ сельского хозяйства сотруд-

ничает с китайскими научными учреждениями в разведении семян сельскохозяйственных культур и в животноводстве.

Сотрудничество осуществляется и в форме совместных технопарков: уже к 2010 г. функционировали технопарки в Цюйхуа, Харбине, Чанчуне, Шэньяне, Москве («Дружба»), а также зона промышленного освоения новых высоких технологий Яньтай. Так, учредителями технопарка в Чанчуне выступили правительство провинции Цзилинь, Академия наук КНР; Администрация Новосибирской области, СО РАН [20, с. 15]. В ряде случаев китайские компании становятся резидентами российских ОЭЗ и промышленных парков. Так, в Тульской области строится завод китайской компании «Great Wall», якорного инвестора Узловского промышленного парка. В Липецкой области крупнейшим инвестором ОЭЗ «Липецк» выступает китайский автомобилестроительный концерн «Lifan»¹⁴.

Можно отметить также проект высокоскоростной магистрали «Москва – Казань», которым занялись консорциум проектных институтов во главе с Мосгипротрансом и Нижегородметпроект с участием «China Railway Eryuan Engineering Group». При этом в части производства (как подвижного состава, так и техники для путей) предполагается локализация¹⁵.

В случае Свердловской области более всего сотрудничество осуществляется с провинцией Хэйлунцзян, наиболее активной в целом в плане научно-технологического сотрудничества с Россией [13, с. 466]. Регионы уже на протяжении целого ряда лет сотрудничают в экономической сфере. Ещё в 1991 г. было заключено соглашение о дружественных отношениях между Свердловской областью и Харбином. В 2016 г. между правительствами Свердловской области и провинции Хэйлунцзян было заключено соглашение о торгово-экономическом, научно-техническом и гуманитарном сотрудничестве. Екатеринбург и Харбин ежегодно чередуются как место проведения международной выставки «Российско-Китайское ЭКСПО»¹⁶. В 2017 г.

¹¹ СМИ: В России началось производство деталей для сборки в Китае SSJ-100 // РИА «Новости». 10.12.2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/east/20141210/1037599125.html> (обращение: 03.05.2018).

¹² Климентьев М. Россия и Китай подписали десятки соглашений о сотрудничестве // РИА Новости. 25.06.2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20160625/1451799581.html> (обращение: 03.05.2018).

¹³ Заключенные РАН соглашения о международном сотрудничестве // Веб-сайт РАН.

¹⁴ Жога Г. Вагон-самолёт // Эксперт-Урал. 2015. № 30. С. 10–16.

¹⁵ Жога Г. Там же.

¹⁶ Сотрудничество с Китаем // Веб-сайт Министерства международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. URL: <http://mvs.midural.ru/kitai> (обращение: 20.02.2018).

в ходе визита китайской делегации в Свердловскую область заключено Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Уральским отделением РАН и Академией наук провинции Хэйлуцзян. Оно предполагает создание совместных внедренческих центров, которые будут служить площадкой для совместных научных исследований. УрО РАН являлся партнёром оргкомитета международной выставки научно-технических достижений, проходившей в 2017 г. в г. Харбин (административный центр Хэйлуцзяна)¹⁷. В июле 2018 г. в рамках очередного «Иннопрома» и V Российско-Китайского ЭКСПО состоялась Первая академическая ассамблея научно-технологического сотрудничества России и Китая (соорганизаторы – ФАНО России, УрО РАН, Аппарат полномочного представителя Президента РФ в УрФО, АН провинции Хэйлуцзян КНР).

Перспективы развития российско-китайского научно-технологического сотрудничества

Многими исследователями отмечается перспективность экономического сотрудничества с Китаем. Так, подчёркивается, что инициатива Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПШП) предоставляет возможность для возрождения экономического потенциала стран Азии [21, с. 43–52]. По мнению Н.И. Атанова, ЕАЭС займёт определённые сегменты евразийского общего рынка в рамках ЭПШП [1, с. 119].

Для российской экономики, в условиях мирохозяйственных вызовов, заключающихся в международных экономических санкциях, возможность оптимального встраивания в международное разделение труда в новых условиях связана с развитием экономического сотрудничества с Китаем, с которым у России есть общие интересы в отношении встраивания в глобальный рынок. В условиях стремительно меняющихся международных экономических отношений (в частности, между российской и западными развитыми экономиками, между экономикой США и другими экономиками, в том числе китайской, и т.д.) России предстоит активизировать выработку нового подхода к двустороннему стратегическому партнёрству с Китаем.

Большое значение для достойного встраивания в международное разделение труда имеет научно-технологическое развитие экономики. Как показал анализ, и у России, и у Китая научно-технический фактор рассматривается в качестве определяющего глобальную конкурентоспособность их экономик, а также место и роль в мировой экономике в целом. И у России, и у Китая есть понимание важности развития инновационного потенциала, имеется богатый опыт такого развития, создана широкая институциональная основа для этого.

Перспективы развития российско-китайского научно-технологического сотрудничества обусловлены в том числе некоторой «взаимодополняемостью» научно-технического развития в том смысле, что в России имеется развитая научно-фундаментальная база, а в Китае развита система внедрения результатов НИОКР [13].

Перспективы развития научно-технологического сотрудничества России и Китая связаны с потенциальными направлениями развития рынка научно-технологической продукции объединений, где Россия и Китай взаимодействуют, – БРИКС и ШОС.

Также к перспективным направлениям научно-технологического сотрудничества относится поиск и реализация широкого спектра оптимальных форм российско-китайского научно-технологического сотрудничества на уровне научных организаций, предприятий, научных организаций предприятий. Проведённый анализ позволяет выделить следующие перспективные формы сотрудничества: межинститутские прямые договоры; технопарки и совместные внедренческие центры; создание совместных производственных наукоёмких компаний; проведение совместных выставок научно-технических достижений; оказание стране-партнёру инжиниринговых услуг; совместная разработка моделей технических средств (как, например, в гражданском авиационном строительстве); использование возможностей международной многосторонней программы в сфере науки, технологий и инноваций, принятой в рамках БРИКС.

Современной формой российско-китайского научно-технологического сотрудничества выступают технопарки. Выделяются следующие проблемы российско-китайских технопар-

¹⁷ Китайский интерес // Наука Урала. 2015. № 16.

ков на российской территории: высокий риск при реализации коммерческих высокотехнологичных проектов, незавершённость российских технологий в смысле их применения в процессе производства, недостаточность опыта, незнание партнёров и отсутствие механизма страхования рисков, нехватка содействия инновационной деятельности со стороны государства [20, с. 17].

Учитывая необходимость наличия постоянного надёжного представителя в Китае, технопарк в части сбыта российского научно-технологического продукта будет эффективнее функционировать в том случае, когда у него будет отделение (представительство) на китайской территории.

Таким образом, международное научно-технологическое сотрудничество учитывает общую

геоэкономическую картину и её проявление в мировой торговле и производстве; учитывает такие факторы научно-технологического сотрудничества, как место стран в мировом инновационном развитии, наличие схожих национальных приоритетов научно-технологического развития и схожих типов программных документов. Предложенная типология проявлений научно-технологического сотрудничества включает пространственный, отраслевой и институциональный параметры. Предлагается учитывать специфику, определяемую современными тенденциями мирохозяйственного развития. Использование данных подходов должно способствовать максимальному встраиванию приоритетов научно-технологического сотрудничества России и Китая в достижение ими лидирующих позиций на мировом рынке.

Литература

1. Атанов Н.И. О расстановке сил на Евразийском интеграционном пространстве // ЭКО. 2016. № 11 (509). С. 110–120.
2. Глазьев С. Ю. О новой парадигме в экономической науке // Государственное управление: электронный вестник. 2016. № 56. С. 5–39.
3. Акимов А. Обработывающая промышленность стран Востока в мировых показателях: статистический очерк // Экономист. 2018. № 4. С. 10–21.
4. Социокультурные факторы модернизационного развития России: монография / кол. авт.; под общ. ред. к.э.н. М.А. Ласточкиной. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 265 с.
5. Сапир Е.В., Карачев И.А. Общий фармацевтический рынок ЕАЭС и евразийская интеграция // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 121–134.
6. Bai X., Liu Y. International Collaboration Patterns and Effecting Factors of Emerging Technologies. *PLoS ONE*, 2016, no. 11(12), article ID e0167772, 17 p. Doi: 10.1371/journal.pone.0167772
7. Михеев В., Луконин С. Китай: новые тренды развития на рубеже 2015-2016 гг. // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 6. С. 24–34. Doi: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-24-34
8. Zhang Z.X. Making the Transition to a Low-Carbon Economy: The Key Challenges for China. *Asia & the Pacific Policy Studies*, 2016, vol. 3, no. 2, pp. 187–202. DOI: 10.1002/app5.138
9. Wang J.-M., Shi Y.-F., Zhao X., Zhang X.-T. Factors Affecting Energy-Related Carbon Emissions in Beijing-Tianjin-Hebei Region. *Mathematical Problems in Engineering*, 2017, article ID 1524023, 17 p. DOI: 10.1155/2017/1524023
10. Su Y.B., Long C., Yu Q., Zhang J., Wu D., Duan Z.G. Global scientific collaboration in COPD research. *International Journal of COPD*, 2017, no. 12, pp. 215–225. DOI: 10.2147/COPD.S124051
11. Пивоварова Э. XIX съезд КПК и стратегия социально-экономического развития // Экономист. 2018. № 4. С. 5–9.
12. Сравнительный анализ государственного управления переходными социально-экономическими системами: Россия – Китай / Е.Л. Андреева и др. // Материалы научного семинара. Вып. 7(37). М.: Научный эксперт, 2010. 136 с.
13. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия – 2050: стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. 656 с.
14. Борох О., Ломанов А. Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 3. С. 59–70. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-59-70

15. Клавиденко В. Налоговое стимулирование исследований и инноваций в бизнес-секторе Китая // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 2. С. 38–47.
16. Салицкая Е.А. Научно-технологический комплекс КНР: опыт развития // Наука. Инновации. Образование. 2013. № 14. С. 7–22.
17. Виноградова А.А. Российско-китайские отношения в области развития науки и высоких технологий, проблемы и перспективы // Международный академический вестник. 2014. № 6 (6). С. 54–56.
18. Каменнов П.В. Российско-китайское научно-техническое сотрудничество // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С. 80–91.
19. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России / Г.И. Идрисов, В.Н. Княгинин, А.Л. Кудрин, Е.С. Рожкова // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
20. Абраменков А.В. Совместные свободные экономические зоны в российско-китайском сотрудничестве // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 8. С. 14–22.
21. Шлапек Е., Степанова С. Великий Шёлковый путь и евразийская интеграция // Мировая экономика и международные отношения. 2018. № 1. С. 43–52. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-01-43-52

Сведения об авторах

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, доцент, врио директора, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Елена Леонидовна Андреева – доктор экономических наук, профессор, зам. директора, руководитель центра региональных компаративных исследований, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: elenandr@mail.ru); проф. кафедры (Уральский государственный экономический университет).

Артем Витальевич Ратнер – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: aratner@inbox.ru)

Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V.

Science and Technology Development in Russia and China: Comparative Analysis and the Prospects of Cooperation

Abstract. The relevance of the article consists in the fact that taking into account modern global economic changes and the specialization of the Russian economy, it (the economy) is searching for ways to integrate optimally into the international division of labor; at the same time, cooperation with China becomes important. The main idea and goal of the study is to conduct a comparative analysis of science and technology development in Russia and China and to identify prospects for their cooperation in the modern world economy. Scientific novelty of the work consists in the fact that it analyzes the state of international cooperation in science and technology, and this analysis takes into account the overall situation in trade and economic cooperation, and manifestations of science and technology cooperation in trade; besides, the analysis takes into account science and technology cooperation factors such as the place of countries in the global innovative development, the presence of similar national priorities of science and technology development, and similar types of policy documents. Our typology of manifestations of science and technology cooperation includes spatial, sectoral and institutional parameters. We propose to take into account the specifics determined by modern trends in global economic development. The use of these approaches should contribute to the maximum integration of the priorities of science and technology cooperation between Russia and China and help the countries become leaders in the world

market. In the course of the study we use comparative, causal, economic and statistical analysis, analysis of policy documents, and analysis of science and technology cooperation on geographical, sectoral and institutional parameters. Science and technology cooperation factors that we identify and the typology of manifestations of such cooperation are the main results of our study.

Key words: international science and technology cooperation, Russia and China, cooperation priorities, global economic environment, manifestations of science and technology cooperation, typology of manifestations, position of countries in the international division of labor, cooperation prospects.

Information about the Authors

Yuliya G. Lavrikova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Interim Director, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Elena L. Andreeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Interim Director, Head of the Center for Comparative Regional Research, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elenandr@mail.ru)

Artem V. Ratner – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: aratner@inbox.ru)

Статья поступила 14.05.2018.

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.4

УДК 330.322.012, ББК 65.049(2)

© Исаев А.Г.

Региональные аспекты инвестиционных процессов: эмпирический анализ распределения капитальных ресурсов в Дальневосточном федеральном округе

Артём Геннадьевич

ИСАЕВ

Институт экономических исследований ДВО РАН

Хабаровск, Российская Федерация, 680042, ул. Тихоокеанская, д. 153

E-mail: isaev@ecrin.ru

Аннотация. На основе модели гибкого акселератора для Дальневосточного федерального округа и его субъектов федерации оценена динамическая инвестиционная функция по данным за 2000–2016 гг. В целом по ДФО на динамику инвестиций существенное положительное влияние оказывает изменение ожидаемого спроса при среднем значении инвестиционного акселератора 1,78. Оценка параметра частичной корректировки показала, что в среднем за год инвестиции покрывают 40% от разницы между фактическим и желаемым запасом капитала на Дальнем Востоке, и этот параметр увеличивается с течением времени. Это свидетельствует о том, что в экономике ДФО разрыв между желаемым и фактическим запасом капитала увеличивался в исследуемый период ввиду роста спроса. Этот разрыв больше для ресурсных регионов – Республики Саха (Якутия) и Сахалинской области, что вызвано более высоким уровнем ожидаемого выпуска, движимого высоким внешним спросом. Удорожание капитала, как фактор спроса на инвестиции, в среднем приводит к замедлению инвестиционной динамики в регионе. На основе метода внешне не связанных уравнений (SUR) получены значения тесноты и направленности межрегиональных связей. Выявлено, что увеличение притока инвестиций в Сахалинскую область имеет отрицательное воздействие на инвестиционную динамику остальных регионов ДФО, при этом наиболее высока конкуренция за инвестиционные ресурсы с Республикой Саха (Якутия) и Хабаровским краем. Сделан вывод о том, что модель гибкого акселератора хуже описывает дина-

Для цитирования: Исаев А.Г. Региональные аспекты инвестиционных процессов: эмпирический анализ распределения капитальных ресурсов в Дальневосточном федеральном округе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 63–76. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.4

For citation: Isaev A.G. Regional aspects of investment processes: an empirical analysis of the distribution of capital resources in the Far Eastern Federal District. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 63–76. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.4

мику инвестиционных процессов в тех регионах ДФО, где присутствует высокая углеводородная рента, и, следовательно, динамические процессы определяются главным образом экзогенными по отношению к региону факторами. Однако, поскольку модель гибкого акселератора адекватно характеризует экономику ДФО, последняя способна поддерживать эндогенно воспроизводящийся экономический рост, не опираясь исключительно на внешний спрос.

Ключевые слова: региональный рост, инвестиции в основной капитал, модель гибкого акселератора, Дальний Восток.

Введение

Инвестиции в основной капитал являются одним из центральных объектов регионального экономического анализа. В основной массе исследований, посвященных проблемам регионального роста и пространственной конвергенции, движение капитала базируется на известных постулатах неоклассической теории, гласящих (см. [1]), что: а) капитал совершенно мобилен в пространстве и одинаково доступен в любой его точке, б) географические различия в цене единицы капитального блага обусловлены только транспортными издержками, в) капитал размещается там, где имеется наиболее высокая норма доходности.

Гораздо меньше внимания уделяется динамическим свойствам самой региональной экономической системы и той роли, которую они играют в процессе движения капитала. Учет таких динамических свойств, подразумевающих наличие обратных связей и лаговых откликов, позволяет моделировать региональные экономические процессы, характеризующиеся эндогенным, самовоспроизводящимся ростом. Эндогенность, в частности, отражается через динамическую инвестиционную функцию, в основе которой лежат допущения о том, что желаемый запас капитала — функция от ожидаемого уровня выпуска, а ожидания, в свою очередь, формируются на базе предыдущего опыта. При этом определяющий характер носит скорость приспособления фактического объема частного капитала к желаемому уровню. Вопреки господствующей парадигме эта скорость далеко не всегда пропорциональна разнице в нормах доходности капитала, сложившихся в тех или иных регионах.

В последнее десятилетие Дальний Восток является объектом пристального внимания федеральных властей. При разработке планов развития Дальнего Востока России высшими политическими кругами страны была определена

основная задача — обеспечить ускоренное развитие региона по сравнению со среднероссийскими показателями до 2025 года. Задача эта была не новой. Несмотря на то, что в новейшей истории России программа развития Дальнего Востока была принята еще в 1996 году, фактически государство начало целенаправленно перераспределять масштабные ресурсы для развития региона только после 2007 года.

На Восточном экономическом форуме-2017 были обозначены новые приоритеты развития Дальнего Востока — создание экономической и социальной среды, превосходящей по своим параметрам среднероссийские показатели. В то же время обозначены барьеры для привлечения частных инвестиций в регион — слаборазвитая инфраструктура, высокая отрицательная миграция, тарифные и налоговые барьеры.

В российских научных публикациях региональному инвестиционному аспекту уделяется внимание в основном в работах, посвященных процессам конвергенции регионов. Среди работ, исследующих факторы роста и конвергенции российских регионов (среди которых выделяются и инвестиции), можно отметить [2]; [3]; [4]. В то же время имеется недостаток исследований инвестиционных процессов на региональном уровне, учитывающих эндогенный характер экономического роста, обратные связи и лаговые зависимости.

Исследование направлено на выявление условий, оказывающих стимулирующее и дестимулирующее воздействие на привлечение частных инвестиций в регионы российского Дальнего Востока путем построения и оценки динамической инвестиционной функции на основе модели гибкого акселератора. Применение данной функции позволит выявить эмпирически, имеются ли у экспортоориентированной экономики механизмы эндогенного роста. Актуальность выбранного направления

подкрепляется необходимостью поиска путей повышения эффективности региональной инвестиционной политики.

Статья структурирована следующим образом. В разделе 2 представлен анализ инвестиционных процессов в Дальневосточном федеральном округе за период 2000–2016 гг. Раздел 3 описывает базовую инвестиционную модель, на основе которой строятся дальнейшие оценки. В разделе 4 обсуждается выбор данных и методов оценивания. Результаты анализа представлены в разделе 5.

1. Ретроспективный анализ динамики инвестиций в Дальневосточном федеральном округе

С начала XXI века российский Дальний Восток переживал как периоды бурного притока инвестиций, так и их последующего резкого сокращения. За 2000–2011 гг. приток инвестиций в макрорегион увеличился почти в 3,9 раза. Фактически темпы роста в указанный период были одними из самых высоких в национальной экономике. После 2011 г. произошел резкий спад инвестиционной активности – в 2016 г. объем капиталовложений составил 64,2% от уровня 2011 г. Период роста инвестиционной активности характеризовался также увеличением государственных капиталовложений. В пиковом 2011 г. инвестиции из консолидированного бюджета РФ составляли почти четверть (23,5%) от совокупных инвестиций в ДФО. О росте государственного внимания к макрорегиону говорит тот факт, что в указанном году на Дальний Восток приходилось более 17% всех бюджетных инвестиций РФ, при том что вклад макрорегиона в общий национальный продукт составлял всего 5,6%. Масштабные государственные инвестиции в основном были связаны со строительством объектов инфраструктуры в рамках подготовки к Саммиту стран АТЭС в 2012 году в г. Владивостоке.

Период инвестиционного бума связан с осуществлением ряда других крупных инвестиционных проектов на Дальнем Востоке: подготовка к освоению месторождений углеводородного сырья Сахалинского шельфа и Якутии, строительство нефтепровода «Восточная Сибирь – Тихий океан», газопровода «Сахалин – Хабаровск – Владивосток». Строительство инфраструктуры Сахалинских проектов осуществлялось за счет иностранных (в т.ч. оффшорных) инвестиций, тогда как возведение трубопро-

водной инфраструктуры финансировалось крупными национальными компаниями с государственным участием. Резкое сокращение инвестиций связано с тем, что основные стройки в рамках всех вышеперечисленных проектов были завершены к 2012 году¹.

Преобладание в структуре инвестиций добывающего и транспортного секторов превратило Дальний Восток к концу первого десятилетия XXI века в регион с сырьевой специализацией. Сектор добычи полезных ископаемых – единственный сектор, в котором вплоть до 2016 г. наблюдается рост капиталовложений. В указанном году его доля составила 39,3% от общего объема инвестиций в ДФО.

Что касается динамики инвестиций в субъектах федерации ДФО, то ситуация в них различается кардинальным образом в зависимости от специализации того или иного субъекта РФ (табл. 1). Так, в регионах с сырьевой специализацией (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области) инвестиции в период 2000–2016 гг. в среднем имели тенденцию к росту. Напротив, в наиболее структурно диверсифицированных Приморском и Хабаровском краях инвестиционная ситуация значительно ухудшилась после 2011 года. В Приморском крае объем капиталовложений в 2016 г. составил всего 26% к уровню 2011 г., в Хабаровском крае – 44,7%. Следует отметить, что значительную долю инвестиций в 2011 г. в Приморском крае составляли инвестиции федерального бюджета, направляемые в регион по внеэкономическим критериям. Инвестиции в Амурской области – еще одном регионе ДФО с диверсифицированной структурой экономики – после 2011 года также претерпевали снижение, однако государственные капиталовложения в строительство космодрома «Восточный» в значительной степени компенсировали падение.

Характеристика инвестиционной динамики Дальнего Востока была бы не полной без анализа соотношения инвестиций и производимой макрорегионом валовой добавленной стоимости. Это соотношение традиционно является одним из наиболее сложных в анализе экономической динамики ввиду многообразия

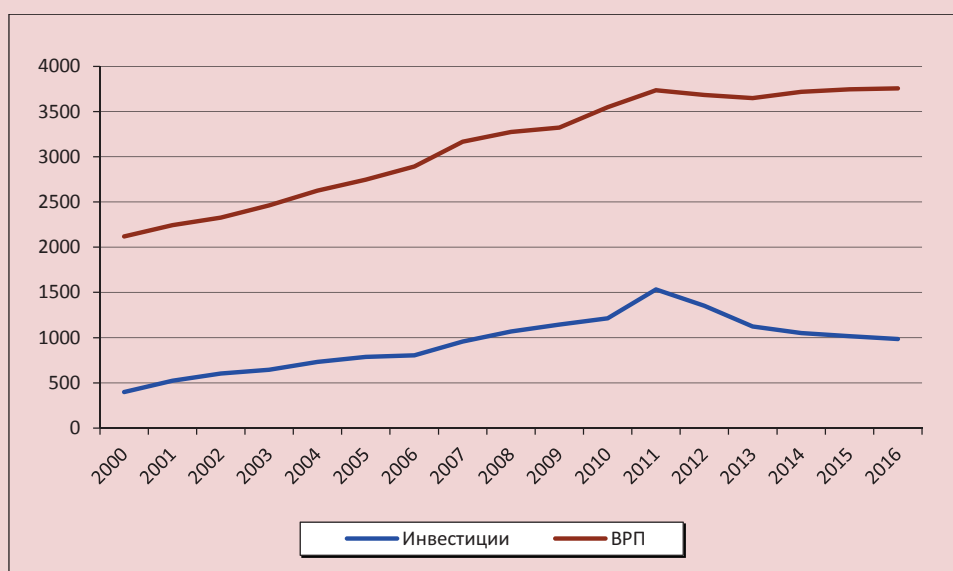
¹ Об этом свидетельствует тот факт, что по виду деятельности «Транспорт и связь» за период 2011–2016 гг. сокращение инвестиций составило 65,8%

Таблица 1. Темпы роста инвестиций в основной капитал в субъектах ДФО за 2000–2016 гг., %

Субъект федерации	2000–2016	2000–2011	2011–2016	Удельный вес в ДФО в 2016 г., %
Республика Саха (Якутия)	333,3	302,5	110,2	27,9
Камчатский край	167,8	208,1	80,6	3,4
Приморский край	221,3	849,5	26,0	12,5
Хабаровский край	169,6	379,7	44,7	11,7
Амурская область	523,2	617,0	84,8	13
Магаданская область	300,2	242,4	123,9	3,9
Сахалинская область	483,0	551,3	87,6	25,2
Еврейская АО	935,1	в 19,5 раз	47,9	1,3
Чукотский АО	220,1	521,8	42,2	1,0

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 592-642; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 932-956.

Рисунок 1. ВРП и инвестиции в основной капитал в ДФО, в ценах 2016 г., млрд. руб.

Источники: составлено по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 592-642; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: стат. сб. / Росстат. М., 2010. С. 932-956.

причинно-следственных связей. Как известно, инвестиционный спрос является компонентом агрегированного спроса, индикатором которого выступает валовая добавленная стоимость (ВДС). В то же время инвестиции являются драйвером предложения, увеличивая (обновляя) основной производственный капитал. Общая динамика ВРП и инвестиций в основной капитал ДФО представлена на *рис. 1*.

Из рисунка следует два вывода. Во-первых, прирост инвестиций в году t сопровождается в среднем меньшим приростом ВРП в том же

году (это хорошо прослеживается до 2010 года). Во-вторых, инвестиции имеют определенную инерцию, т.е. относительно долгосрочное влияние на производимый на Дальнем Востоке ВРП. Другими словами, повышение (снижение) инвестиций в момент времени t не приводит к соразмерному повышению (снижению) ВРП в этот, а также несколько последующих периодов ($t+1$, $t+2$,...). Так, резкое снижение инвестиций после 2011 г. привело к стагнации экономического роста, но не к его падению вслед за инвестициями.

Автором настоящей статьи совместно с А.В. Белоусовой в исследовании [5] рассчитан мультипликативный эффект инвестиций (I_t) на ВРП (Y_t) в ДФО на основе модели с геометрически распределенным лагом:

$$Y_t = a_0 + b_0 I_t + b_0 l I_{t-1} + b_0 l^2 I_{t-2} + \dots + b_0 l^i I_{t-i}, \quad (1)$$

где b_0 – краткосрочный мультипликатор, $0 < l < 1$. Авторами выявлено, что краткосрочный инвестиционный мультипликатор составляет 45 коп. ВРП на 1 рубль инвестиций, тогда как долгосрочный мультипликатор (сумма всех коэффициентов при переменной I в уравнении 1) – 1,91 руб. ВРП на этот же рубль инвестиций. В первый год, когда были осуществлены капиталовложения, реализуется только 18,2% их долгосрочного воздействия (коэффициент b_0 в уравнении 1). Именно подобной «инертностью» объясняется динамика двух макропоказателей после 2011 г. (сокращение инвестиций и следующая за этим стагнация экономического роста).

Поскольку регионы ДФО можно достаточно четко разделить на ресурсные и диверсифицированные, ожидается, что отклик их экономик на инвестиции будет различным ввиду различия их экономической структуры. Действительно, расчеты показывают, что для группы ресурсных регионов (Республика Саха (Якутия), Магаданская и Сахалинская области, Чукотский АО) долгосрочный мультипликатор выше. При этом в первый год осуществления инвестиций в ресурсных регионах реализуется только 14% их долгосрочного эффекта, тогда как в остальных регионах ДФО – 27%. Это можно объяснить тем, что инвестиции в ресурсных регионах направляются главным образом в объекты добывающей инфраструктуры, тогда как в регионах с диверсифицированной структурой экономики – в машины и оборудование. Последние традиционно обладают более высоким износом, но их эффект на региональный выпуск сказывается быстрее, чем в случае с сооружениями. Кроме того, в случае Приморского края действовал и другой ограниченный по времени эффект от государственных вложений в инфраструктуру. В краткосрочном периоде последние приводят к всплеску строительной

активности в регионе, которая затухает после завершения проекта². Следовательно, производство общественных благ также имеет краткосрочный эффект на региональный экономический рост³.

2. Инвестиции и формирование капитала: теория вопроса

Исследование вопросов динамики капитала имеет долгую историю и вращается главным образом вокруг двух теоретических проблем: 1) определение оптимального объема запаса капитала, т.е. поиск функции спроса на капитал прибылемаксимизирующих предприятий, и 2) поиск механизма регулирования запаса капитала, т.е. каким образом текущий запас капитала подстраивается под оптимальный, или желаемый, уровень.

Теория инвестиционного поведения фирм получила развитие во второй половине XX века. Одной из первых фундаментальных работ можно считать труд Т. Хаавельмо [6], в котором впервые отражены проблемы спецификации функции спроса на инвестиции. Впоследствии эта теоретическая проблема была разрешена Д. Йоргенсоном [7], предложившим неоклассическую функцию спроса прибылемаксимизирующей фирмы на инвестиции. Им также было показано, что частным случаем функции спроса является модель гибкого акселератора. Дж. Тобин сформулировал инвестиционную теорию, согласно которой уровень инвестиций должен зависеть от соотношения приведенной стоимости установленного капитала и восстановительной стоимости. Величина этого соотношения – q – дала название самой теории инвестиций Тобина⁴.

Теоретическая платформа, на основе которой строится эмпирическая модель данного исследования, базируется на модели гибкого акселератора. Эта модель удобна тем, что в явном виде отражает механизм подстройки величины основного капитала. Согласно модели, дви-

² За период 2011–2015 гг. произошло практически двукратное (на 47,6%) падение ВДС в секторе «Строительство».

³ Более подробно о структуре и динамике капиталовложений в ДФО по видам деятельности см. [5].

⁴ В отечественной науке имеются фундаментальные исследования в области проблем инвестиционного проектирования и оценки эффективности проектов на разных стадиях разработки. См., например, [8]

жущей силой формирования капитала является спрос. Пусть желаемая величина основного капитала K_t^* пропорциональна ожидаемому уровню выпуска I_t^* :

$$K_t^* = vY_t^e. \quad (2)$$

Фактический уровень капитала, K_t , однако не может мгновенно адаптироваться к уровню желаемого запаса, в силу инерции издержек приспособления. Так, капитал в виде оборудования требует времени на планирование, доставку, монтаж, наладку. Капитал в виде сооружений требует еще более длительных сроков на строительство и ввод. В соответствии с моделью гибкого акселератора, являющейся частным случаем модели адаптивных ожиданий, капитал в текущем периоде может быть лишь частично скорректирован в сторону желаемого уровня:

$$K_t - K_{t-1} = (1 - \lambda)(K_t^* - K_{t-1}), \quad (3)$$

где λ – параметр (скорость) частичной корректировки. Левая часть уравнения (3) представляет собой чистые инвестиции в году t . Уровень фактических инвестиций равен сумме чистых инвестиций и величины выбывшего капитала:

$$I_t = K_t - K_{t-1} + \delta K_{t-1}, \quad (4)$$

где δ – норма амортизации.

Из уравнений (2)–(4) можно получить следующую инвестиционную функцию:

$$I_t = (1 - \lambda)vY_t^e - (1 - \lambda - \delta)K_{t-1}. \quad (5)$$

Взяв первые разности в уравнении (5) получим:

$$I_t - I_{t-1} = (1 - \lambda)v\Delta Y_t^e - (1 - \lambda - \delta)\Delta K_{t-1}. \quad (6)$$

Выразив ΔK_{t-1} через уравнение (3), а $(1 - \lambda - \delta)K_{t-1}$ через уравнение (5), получим базовую модель гибкого инвестиционного акселератора:

$$I_t = (1 - \lambda)v\Delta Y_t^e + (1 - \lambda)v\delta Y_{t-1}^e + \lambda I_{t-1}. \quad (7)$$

Хотя данная модель отражает отношения между инвестициями и ожидаемым выпуском (спросом), издержки использования капитала в ней представлены лишь параметром амортизации. В ней также не рассматриваются другие

важные экономические переменные, влияющие на инвестиционное поведение. С эмпирической точки зрения данная модель обладает тем преимуществом для региональных исследований, что в ней отсутствует необходимость использования сопоставимых временных рядов основных фондов, данные по которым на региональном уровне отсутствуют.

Весомый вклад в исследование влияния издержек использования капитала на инвестиционный спрос внес Д. Йоргенсон. Им обосновано, что эти издержки включают в себя не только амортизацию δ , но и ставку процента по заёмным средствам, использованным на приобретение капитала r_t , и потери, вызванные изменением цен капитальных благ. Как результат, полные альтернативные издержки приобретения дополнительной единицы капитала представляют собой сумму указанных компонентов $\delta + r_t + \Delta p_t^k / p_t^k$.

Модель (7) можно расширить, включив в нее факторы, влияющие на инвестиции через параметр частичной корректировки (скорость приспособления). Вслед за [9], [10], [11] и [12] примем:

$$1 - \lambda = a_0 + \sum a_i X_i / (I_t^* - I_{t-1}), \quad (8)$$

где a_0 – автономная скорость приспособления, X_i – независимая переменная i , оказывающая влияние на инвестиционный спрос. Неявное предположение здесь состоит в том, что эффекты от этих переменных проявляются через изменение скорости приспособления. Другими словами, если какая-либо переменная отрицательно влияет на инвестиционный спрос, ее эффект отразится через уменьшение скорости приспособления к желаемому уровню капитала. Из уравнения (4) следует, что $I_t^* = K_t^* - (1 - \delta)K_{t-1}^*$. Тогда модифицированная модель гибкого акселератора примет вид:

$$I_t = a_0 v \Delta Y_t^e + a_0 v \delta Y_{t-1}^e + (1 - a_0) I_{t-1} + \sum a_i X_i. \quad (9)$$

В данной форме модель является более гибким инструментом, так как инвестиции являются функцией не только изменения ожидаемого спроса ΔY_t^e , но и ряда других релевантных переменных. Коэффициент v здесь выступает в роли инвестиционного акселератора.

3. Данные и методы оценивания

В настоящем исследовании модель (9) оценивается по статистическим данным за период 2000–2016 гг. в базисных ценах 2008 года. Девять субъектов федерации ДФО были объединены в 6 регионов: Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область, Северо-Восточный район (в составе Камчатского края, Магаданской области и Чукотского АО), и Юго-Западный район (Амурская область и Еврейская АО). Объединение субъектов федерации в Северо-Восточный район было продиктовано не столько структурными особенностями их экономик, сколько общей для всех ограниченной транспортной доступностью (отсутствие железнодорожного и автомобильного⁵ сообщения с остальными регионами). Отнесение Еврейской АО к Амурской области вызвано незначительным масштабом экономики первой на фоне окружающих субъектов федерации. Все исходные данные модели взяты с сайта Федеральной службы государственной статистики.

В качестве инвестиций в основной капитал I_t взяты валовые инвестиции минус инвестиции бюджетов всех уровней. Условно их можно называть частными инвестициями, однако для соблюдения корректности они именуются внебюджетными инвестициями, поскольку фактически в их число входят средства компаний с государственным участием. Модели инвестиционного поведения в целом и модель гибкого акселератора в частности базируются на предположении максимизации прибыли, что сразу исключает из рассмотрения бюджетные капиталовложения, направляемые главным образом в создание инфраструктуры (общественных благ – как в случае с подготовкой к Саммиту АТЭС-2012). Поскольку целью госкомпаний в конечном счете также является извлечение прибыли (главным образом это объекты трубопроводной инфраструктуры), их некорректно исключать из рассмотрения.

Ожидаемый спрос является ненаблюдаемой переменной. В исследованиях применяются различные подходы к ее оцениванию. Так, в [9] используется модель адаптивных ожиданий. В [10] для этой цели применяется авторегрес-

сионная модель первого порядка AR(1). Оригинальный подход предложен в [11], где ожидаемый выпуск определяется через модель пространства состояний (state-space) на основе комбинации уравнения потребления и уравнения частичной корректировки. Наконец, в работах [12], [13], [14], [15] вместо ожидаемого спроса используется показатель реального выпуска. В настоящем исследовании также применяется данный подход. Таким образом, переменные δY_{t-1}^e и ΔY_t^e строятся на основе величин фактического валового регионального продукта: GRP_{t-1} и $\Delta GRP_t (= GRP_t - GRP_{t-1})$ соответственно.

В число объясняющих переменных включен показатель, характеризующий изменение цены капитальных благ в предшествующий период ($PRICE_{t-1}$), для оценки влияния фактора удорожания инвестиций как в региональном, так и временном разрезе. В модели Йоргенсона этот фактор представлен в виде темпа роста, тогда как в данной работе был сконструирован аналог усредненного уровня цены единицы капитального блага. За его основу была взята стоимость фиксированного набора потребительских благ в базовом году как процент от среднероссийской стоимости. Это было сделано для того, чтобы отразить уровень цен в каждом регионе по отношению к среднему по РФ. Таким образом, для базового 2008 года этот уровень был минимальным в Амурской области (110) и максимальным в Чукотском АО (200) (по ДФО в целом – 130). На его основе через построенный индекс цен капитальных благ получены значения для всего исследуемого периода. Данный индекс рассчитан как среднее взвешенное индекса цен строительно-монтажных работ и индекса цен производителей промышленной продукции по соответствующим регионам, где в качестве весов выступили соответственно доли инвестиций в здания и сооружения и инвестиций в машины и оборудование.

Как показано выше, в издержки использования капитала включается рентная ставка, которая в равновесии равна проценту. В настоящем исследовании данная переменная не включена в число объясняющих по нескольким причинам. Во-первых, теоретически она не должна различаться для пользователей капитала в различных регионах, что ограничивает ее применение одномерными моделями временных рядов.

⁵ Несмотря на наличие автодороги «Колыма», соединяющей Магадан с Якутском, этот фактор был признан несущественным.

Во-вторых, использование в качестве переменной оценок прибыли на единицу капитала затруднено ввиду сложностей получения достоверных оценок временных рядов основных фондов на региональном уровне. В открытом доступе публикуются данные о стоимости основных фондов в разрезе субъектов федерации, однако информация об их динамике в сопоставимых ценах имеется только по национальной экономике в целом. В исследовательской практике оценка величины основного капитала опирается на метод непрерывной инвентаризации. Однако данный метод требует данных об инвестициях в основной капитал за продолжительный период времени (несколько десятилетий), а также предположений о функции физического износа капитала для вычисления нормы амортизации δ . В этом случае величина основного капитала в момент времени t может быть вычислена через формулу (4).

В-третьих, даже при условии получения надежных оценок прибыли на единицу капитала по регионам ДФО встает вопрос правильной трактовки их воздействия. В теории повышение r имеет отрицательное воздействие на динамику инвестиций, так как трактуется в качестве арендной ставки. Однако по статистике банковские кредиты в качестве источников инвестиций составляют незначительную долю на Дальнем Востоке, тогда как доля собственных средств высока⁶. Поэтому невозможно принять гипотезу об отрицательном направлении влияния данной переменной на инвестиции. В случае же обнаружения статистически значимого влияния интерпретация показателя будет затруднена. В связи с указанными аспектами данный показатель не включен в число объясняющих переменных в настоящей работе.

Таким образом оцениваемое регрессионное уравнение для региона i принимает следующий вид:

$$I_{it} = c_0 + c_1 \Delta GRP_{it} + c_2 GRP_{it-1} + c_3 I_{it-1} + c_4 PRICE_{it-1} + e_{it} \quad (10)$$

где c_0 – константа, $c_1 = a_0 v$, $c_2 = a_0 v \delta$,
 $c_3 = (1 - a_0)$, $c_4 = a_1$.

⁶ К тому же в состав статистического показателя «привлеченные средства» входят и средства вышестоящих организаций.

В соответствии с моделью (9) ожидается, что коэффициенты c_1 и c_2 положительны, величина коэффициента c_3 будет находиться в интервале $(0, 1)$. Согласно гипотезе об отрицательном влиянии повышения цены капитальных благ на динамику инвестиций, ожидается, что $c_4 < 0$.

Предполагается оценить уравнение (10) для двух типов объектов – ДФО в целом и его отдельных регионов. Модель для ДФО оценивается по двум типам данных: 1) по агрегированным данным по округу в целом и 2) по панельным данным каждого из составляющих его субъектов федерации. По второму типу объектов оценивается система уравнений каждого для каждого региона (см. ниже).

Отдельно стоит остановиться на методах оценки. Метод наименьших квадратов (МНК) дает эффективные и несмещенные оценки при отсутствии автокорреляции остатков (по условию теоремы Гаусса–Маркова). В случае модели (10) это условие, очевидно, не выполняется, так как в уравнении среди объясняющих переменных присутствует лаговая зависимая переменная. Для исключения автокорреляции первого порядка используется модель авторегрессии AR(1), или модель авторегрессии с распределенным лагом (ARDL), оцениваемые при помощи нелинейных методов.

Оценка по ДФО в целом на основе одномерных временных рядов проводилась с помощью модели⁷ ARDL (1,0). Для случая панельных данных МНК с фиксированным или случайным эффектом не подходит по указанным выше причинам. Помимо этого в моделях такого типа присутствует проблема эндогенности (в данном случае связь между инвестициями и темпом роста экономики). Поэтому оценка проводилась обобщенным методом моментов (ОММ), который лишен данных недостатков. Двухшаговый ОММ является разновидностью метода инструментальных переменных, где в качестве инструментов выступают объясняющие переменные с лагами.

Для оценивания параметров по каждому из 6 регионов применен метод внешне не связанных уравнений (seemingly unrelated regressions – SUR), предложенный Zellnerом [16].

⁷ Значения в скобках указывают, что в модели в качестве объясняющих переменных выступают зависимая переменная с лагом 1 и остальные независимые переменные без лагов.

С помощью SUR оценивается вектор регион-специфических параметров на основе системы из 6 уравнений AR (1) для каждого региона. Зеллером было продемонстрировано, что, если существует одновременная корреляция остаточных членов системы уравнений, возможно получение оценок параметров β на основе обобщенного метода наименьших квадратов (ОМНК), которые являются более эффективными, чем оценки, полученные на основе отдельных уравнений:

$$\hat{\beta} = (X' \Omega^{-1} X)^{-1} X' \Omega^{-1} Y,$$

где X – блочно-диагональная матрица объясняющих переменных, модифицированных в соответствии с AR(1)-процессом, Y – вектор зависимых переменных, Ω – ковариационная матрица остатков, каждый элемент которой оценивается из остатков моделей AR (1) для каждого отдельного уравнения.

Помимо получения более эффективных оценок, SUR позволяет отследить межрегиональные взаимосвязи, возникающие в результате экономических взаимодействий регионов между собой.

4. Обсуждение эмпирических результатов

В таблице 2 представлены результаты ARDL и ОММ оценок для ДФО в целом. В скобках указаны соответствующие t -статистики. В случае ОММ не существует близкого аналога коэффициента детерминации R^2 , поэтому указаны значения J -статистики, по которому можно приближенно судить о качестве оценки. Высокие значения J -статистики указывают на факт неверной спецификации модели (однако не

указывают, каким образом она неверно специфицирована).

Несмотря на то, что для ARDL-оценки знаки при соответствующих параметрах согласуются с ожидаемыми, качество этих оценок невысоко. Нельзя утверждать, что оценки c_2 и c_4 значимо отличаются от нуля. Высокое значение R^2 не должно вводить в заблуждение, так как это является достаточно частым случаем в моделях с лаговой зависимой переменной в качестве регрессора. Напротив, оценки по панельным данным показали значимые результаты, с ожидаемыми знаками и интервальными значениями параметров. Это говорит о том, что по ОММ-оценкам можно относительно надежно оценить ряд параметров экономической системы Дальнего Востока, что не представляется возможным в случае модели авторегрессии.

Коэффициент при I_{t-1} отражает инвестиционную инерцию. Другими словами, увеличение инвестиций на 1 млн. руб. в предыдущем периоде приводит к увеличению инвестиций в текущем периоде на 0,622 млн рублей в среднем по ДФО. Коэффициент c_1 при ΔGDP_t отражает прирост инвестиций в результате изменения спроса. На основе полученных оценок параметров можно рассчитать значение инвестиционного акселератора $v = c_1 / (1 - c_3) = 1,78$. Другими словами, увеличение спроса на 1 рубль приводит в среднем к дополнительным инвестициям в размере 1,78 рубля. Из коэффициента c_2 при лаговой переменной спроса GDP_{t-1} можно получить значение средней нормы амортизации $\delta = 0,097$. Наконец, изменение цены единицы капитальных благ также вносит значимое отрица-

Таблица 2. Результаты оценивания по ДФО

Независимая переменная	ARDL (1,0)	ОММ
Константа	-453627 (-1,44)	-
ΔGDP_t	1,009* (2,44)	0,673* (13,1)
GDP_{t-1}	0,607 (1,38)	0,172* (6,49)
I_{t-1}	0,584** (1,97)	0,622* (14,4)
$PRICE_{t-1}$	-1940,7 (-1,27)	-47,52* (-4,18)
R^2	0,91	-
J -статистика (p-value)	-	3,643 (0,602)

* Значимость на 5% уровне.

** Значимость на 10% уровне.

тельное влияние на динамику инвестиций. Так, увеличение цены в предшествующем периоде на 1 рубль приводит к сокращению инвестиций в текущем периоде в среднем на 47,5 рубля. Таким образом, качество полученных оценок по ДФО в целом позволяет судить о том, что на Дальнем Востоке сформирован механизм подстройки капитала под агрегированный рыночный спрос.

На основе полученных оценок a_0 , a_1 , v , δ , из уравнения (8) можно рассчитать динамику параметра частичной корректировки. Принимая во внимание, что

$$I_t^* = v(GDP_t - (1 - \delta)GDP_{t-1}),$$

рассчитанные значения параметра $(1 - \lambda)$ представлены на рисунке 2.

Из рисунка видно, что данный параметр неустойчив во времени, однако можно выявить его общий повышательный тренд (черная линия). То есть с течением времени в экономике ДФО разрыв между желаемым и фактическим запасом капитала увеличивается, что приводит к возрастанию скорости приспособления (в среднем она тем выше, чем дальше запас капитала от равновесного уровня). Среднее значение параметра приспособления за весь период равно 0,4, что означает $K_t - K_{t-1} = 0,4(K_t^* - K_{t-1})$.

Другими словами, в среднем за год инвестиции покрывают 40% от разницы между фактическим и желаемым запасом капитала.

Результаты оценок по отдельным регионам на основе SUR-модели представлены в таблице 3.

Все оценки параметров, как и в случае для ДФО, имеют ожидаемые знаки, однако качество оценивания по отдельным регионам в целом хуже, чем ОММ-оценки, но лучше ARDL-оценок по ДФО. В случае Западного региона у нас нет оснований отвергать нулевую гипотезу о том, что коэффициент при I_{t-1} статистически значимо отличается от нуля или, другими словами, что автономная скорость приспособления a_0 отлична от 1. Оценки аналогичной модели без участия переменной $PRICE_{t-1}$ несколько исправили ситуацию для Западного региона ($c_3 = 0,16$), однако и в этом случае нельзя гарантировать, что истинная оценка отлична от нуля.

Регионы, где преобладают инвестиции в производства с высокой ресурсной рентой (Республика Саха (Якутия), Сахалинская область, Северо-Восточный регион), имеют самые низкие из всех значения R^2 . Это указывает на то, что динамика инвестиционных процессов в этих регионах, возможно, следует модели, отличной от модели гибкого акселератора. Между тем это регионы, которые с точки зре-

Рисунок 2. Оценка значений параметра частичной корректировки $(1 - \lambda)$ для ДФО

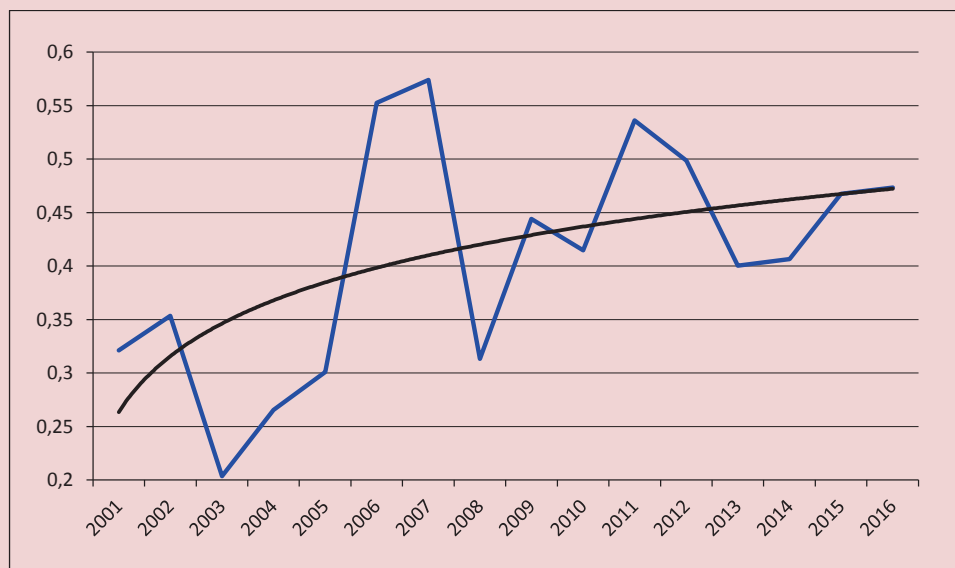

Таблица 3. Результаты оценивания по SUR-модели

Территория	Константа	ΔGDP_t	GDP_{t-1}	I_{t-1}	$PRICE_{t-1}$	R ²
Респ. Саха (Якутия)	-420962* (-4,02)	1,993* (3,45)	2,446* (4,13)	0,317** (1,81)	-1779,5* (-3,28)	0,73
Северо-Восточный регион	-49137,2 (-1,31)	0,997* (3,04)	0,503 (1,48)	0,621* (2,26)	-61,48 (-1,48)	0,66
Приморский край	-161932* (-2,01)	1,595* (5,54)	0,808** (1,77)	0,501* (2,56)	-432,6 (-1,19)	0,89
Хабаровский край	-86254 (-1,18)	1,420* (4,14)	0,479 (1,18)	0,771* (4,95)	-182,2 (-0,81)	0,83
Западный регион	-116475* (-3,42)	0,930* (3,89)	1,327* (3,59)	-0,037 (-0,16)	-70,8 (-0,71)	0,89
Сахалинская область	61930* (2,06)	0,346 (1,22)	0,150 (0,82)	0,447* (2,79)	-209,1 (-0,68)	0,43

* Значимость на 5% уровне.
** Значимость на 10% уровне.

ния эффективности капиталовложений в них находятся на лидирующих позициях не только на Дальнем Востоке, но и в РФ в целом. С другой стороны, относительно высокие значения параметров автономной скорости приспособления a_0 в Республике Саха (Якутия) и Сахалинской области указывают на относительно высокий разрыв между желаемым и фактическим уровнем основного капитала, что, при высоких темпах роста инвестиций в них, также свидетельствуют о высокой ресурсной ренте.

Однако оценки по SUR-модели имеют дополнительное преимущество, поскольку позволяют выявить тесноту межрегиональных связей при помощи матрицы ковариации остаточного члена. Эта матрица представлена в таблице 4.

Положительная корреляция между двумя регионами подразумевает, что их экономики

имеют схожую структуру или взаимосвязаны между собой. Отрицательная корреляция может быть интерпретирована как приток инвестиций в один регион за счет уменьшения (оттока) инвестиций другого региона.

Из таблицы видно, что Сахалинская область имеет отрицательные коэффициенты корреляции со всеми остальными регионами ДФО, что в терминах модели акселератора можно интерпретировать так: приток капитала в Сахалинскую область сверх ожидаемого уровня происходит за счет притока инвестиций в других регионах ниже их ожидаемого уровня⁸. При этом наиболее сильная конкуренция за инвестиционные ресурсы наблюдается с Республикой Саха (Якутия), где также высок уровень капиталовложений в добывающую отрасль, и Хабаровским краем.

Таблица 4. Перекрестная корреляция остатков SUR-модели

Территория	РС(Я)	С-В	ПК	ХК	Зап.	СО
Республика Саха (Якутия)	1,000					
Северо-Восточный регион	0,362	1,000				
Приморский край	0,624	0,108	1,000			
Хабаровский край	0,644	0,305	0,723	1,000		
Западный регион	0,402	0,600	0,176	0,201	1,000	
Сахалинская область	-0,780	-0,237	-0,323	-0,572	-0,069	1,000

⁸ Здесь следует сделать оговорку о том, что, согласно данным табл. 3, модель гибкого акселератора плохо описывает инвестиционную динамику Сахалинской области ($R_2 = 0,43$). Очевидно, что эта динамика определяется спросом на углеводородное сырье. Поэтому, по мнению автора, результат таблицы 4 можно интерпретировать так, что увеличение спроса на природные ресурсы тормозит действие эндогенных инвестиционных механизмов в ДФО.

У Хабаровского края достаточно высокий уровень межрегиональных взаимодействий со всеми ближайшими соседями, за исключением Амурской области и Еврейской АО (Западный регион). В случае последних интересный феномен представляет их высокий уровень взаимодействия с Северо-Восточными регионами ДФО и слабый – с высокодиверсифицированными Хабаровским и Приморским краями. Между двумя последними ожидаемо фиксируются наиболее тесные межрегиональные взаимодействия в ДФО.

5. Заключение

В настоящем исследовании на основе симбиоза кейнсианского (модели гибкого акселератора) и неоклассического (факторов, влияющих на функцию инвестиционного спроса) подходов оценена инвестиционная функция для Дальневосточного федерального округа и его отдельных регионов. Выявлено, что изменение ожидаемого спроса является статистически значимым фактором, определяющим динамику внебюджетных капиталовложений на Дальнем Востоке. Это вступает в противоречие с распространенным взглядом, согласно которому динамика частных инвестиций в регионе, как и экономический рост в целом, определяется главным образом экспортом углеводородного сырья. Поскольку модель включает в себя обратные связи и лаговые зависимости, получено подтверждение того, что дальневосточная экономика потенциально в состоянии генерировать самоподдерживающийся эндогенный рост. В то же время по некоторым причинам (главным образом статистического характера) исследование прочих факторов, влияющих на приток капитала, ограничилось оценкой влияния цен капитальных благ.

Адекватно характеризуя инвестиционную динамику всего Дальневосточного федерального округа, предложенная модель продемонстрировала лишь удовлетворительное поведение на уровне отдельных регионов, в особенности регионов с высоким удельным весом сектора добычи полезных ископаемых. Следует отметить, что традиционные модели регионального роста в качестве основной движущей силы региональной экономической динамики рассматривают внешний спрос, т.е. экзогенный по отношению к региону фактор. Учитывая экспортный характер производства

ресурсодобывающих регионов, вполне вероятно, что эндогенные динамические процессы играют в них второстепенную роль. Таким образом, структура экономики является важным показателем того, какие силы – эндогенные или экзогенные или их комбинация – являются источником регионального роста. Конечно, модель гибкого акселератора является упрощением действительности ввиду того, что она базируется на простой предпосылке о том, что технологии описываются производственной функцией с постоянным соотношением выпуска и капитала. Построение модифицированной модели инвестиционной динамики, более полно учитывающей как эндогенные, так и экзогенные факторы, специфические особенности структуры дальневосточной экономики, является целью дальнейших исследований.

Еще один важный вывод, который следует из предыдущего, состоит в том, что экономика ДФО, за исключением отдельных территорий, специализирующихся на добыче полезных ископаемых, способна поддерживать экономический рост, не опираясь исключительно на внешний спрос. Другими словами, последний не является исключительным фактором экономической динамики в масштабах всего региона. Следовательно, потребительский и инвестиционный спрос также определяют динамические свойства экономики, что важно учитывать в прикладной плоскости, при прогнозировании инвестиционной динамики в ДФО.

Важным является поиск способов учета факторов, не нашедших отражения в настоящей работе, таких как региональная волатильность процентной ставки⁹. Необходим анализ влияния нормы прибыли на единицу капитала, что потребует поиска и применения адекватных методов оценок региональных основных фондов. Определенный интерес в данном направлении представляют методы, предложенные S. Alexiadis, D. Felsenstein [13] и В.К. Горбуновым и А.Г. Львовым [17], поскольку позволяют выполнить оценки основных фондов на основе информации об инвестициях в основной капитал без необходимости построения длительных временных рядов последних.

⁹ О влиянии краткосрочной процентной ставки и других ключевых макроэкономических параметров на динамику инвестиций в масштабах национальной экономики см. [19].

Как отмечал Гертлер [18], существует ряд условий, препятствующих мобильности капитала, таких как соотношение предприятий различных размеров, локализованных на определенной территории; смещение инвестиционных потоков от регионов с потенциально высокой нормой прибыли в сторону более традиционных полюсов роста; «промышленная инерция», привязывающая инвестиции к уже созданным мощностям и замедляющая мобильность капитала. Поиск адекватных региональных показателей, отражающих эти различия, — направление дальнейших исследований.

Литература

1. Borts G. The Equalization of Returns and Regional Economic Growth. *The American Economic Review*, 1962, vol. 50, issue 3, pp. 319–347.
2. Белоусова А.В. Пространственное распределение инвестиций в РФ: влияние на межрегиональное неравенство // *Пространственная экономика*. 2014. № 3. С. 26–43.
3. Ledyeva S., Linden M. Determinants of Economic Growth: Empirical Evidence from Russian Regions. *The European Journal of Comparative Economics*, 2008, vol. 5, issue 1, pp. 87–105.
4. Михеева Н.Н., Ананьева Р.И. Инструменты региональной политики: оценка эффективности использования // *Регион: экономика и социология*, 2011, № 3. С. 39–57.
5. Белоусова А.В., Исаев А.Г. Инвестиции и экономический рост: случай Дальнего Востока // *Журнал Новой экономической ассоциации*. 2018. № 2(38). С. 164–170.
6. Haavelmo T. *A Study in the Theory of Investment*. The University of Chicago Press, 1960. 221 p.
7. Jorgenson, D. Capital Theory and Investment Behavior. *The American Economic Review*, 1963, vol. 53, issue 2, pp. 247–259.
8. Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. Оценка эффективности инвестиционных проектов. Теория и практика: учеб. пособие – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Дело, 2002. 888 с.
9. Blejer M., Khan M. Government Policy and Private Investment in Developing Countries. *IMF Staff Papers*, 1984, vol. 31, issue 2, pp. 379–403.
10. Erden, L., Holcombe, R. The Effects of Public Investment on Private Investment in Developing Economies. *Public Finance Review*, 2005, vol. 33, issue 5, pp. 575–602.
11. Su P., Jiang X., Sun W. The Flexible Acceleration Mechanism of China's Capital Adjustment with the Goal of Consumption-Driven Sustainable Growth. *Sustainability*, 2018, vol. 10, issue 3(886), pp. 1–20.
12. Twine E., Kiiza B., Bashaasha B. The Flexible Accelerator Model of Investment: An Application to Ugandan Tea-processing Firms. *African Journal of Agricultural and Resource Economics*, 2015, vol. 10, issue 1, pp. 1–15.
13. Alexiadis, S., Felsenstein, D. The Flexible Accelerator Model and the 'Regionalization' of Capital Stock Estimates. *Regional Science Inquiry Journal*, 2012, vol. 4, issue 1, pp. 39–44.
14. Anderson, W. Manufacturing Investment in Canada's Regions. *Canadian Journal of Regional Science*, 1987, vol. 10, issue 3, pp. 321–339.
15. Ghali, M., Renaud, B. Regional Investment and Regional Growth: Some Empirical Evidence. *Southern Economic Journal*, 1971, vol. 38, issue 2, pp. 219–229.
16. Zellner A. An Efficient Method of Estimating Seemingly Unrelated Regressions and Tests for Aggregation Bias. *Journal of the American Statistical Association*, 1962, vol. 57, issue 298, pp. 348–368.
17. Горбунов В.К., Львов А.Г. Построение производственных функций по данным об инвестициях // *Экономика и математические методы*. 2012. № 2(48). С. 95–107.
18. Gertler, M.: Regional Capital Theory. *Progress in Human Geography*, 1984, vol. 8, issue 1, pp. 50–80.
19. Шоломицкая Е.В. Влияние ключевых макроэкономических шоков на инвестиции в России // *Экономический журнал ВШЭ*. 2017. Т. 21. № 1. С. 89–113.

Сведения об авторе

Артём Геннадьевич Исаев — кандидат экономических наук, руководитель сектора, Институт экономических исследований ДВО РАН (680042, Российская Федерация, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д. 153; e-mail: isaev@ecrin.ru)

Isaev A.G.

Regional Aspects of Investment Processes: an Empirical Analysis of the Distribution of Capital Resources in the Far Eastern Federal District

Abstract. The paper estimates the dynamic investment function on the basis of the flexible accelerator model according to the data for 2000–2016 for the Far Eastern Federal District and its constituent entities. In general, the dynamics of investment in the Far Eastern Federal District are significantly influenced by the change in expected demand with an average investment accelerator value of 1.78. Having assessed the partial adjustment parameter, we see that on average per year, investments cover 40% of the difference between the actual and desired capital stock in the Far East, and the parameter increases over time. This indicates that the gap between the desired and actual capital stock in the economy of the Far Eastern Federal District increased during the study period due to the growth in demand. This gap is larger for the resource-based regions like the Republic of Sakha (Yakutia) and the Sakhalin Oblast; it is due to a higher level of expected output driven by high external demand. The rise in the cost of capital as a factor in the demand for investment on average leads to a slowdown in investment dynamics in the region. Using the seemingly unrelated regressions model, we obtain the values of tightness and direction of interregional relations. We reveal that the increase in the inflow of investments into the Sakhalin Oblast has a negative impact on the investment dynamics in other regions of the Far Eastern Federal District; the highest competition for investment resources is observed in the Republic of Sakha (Yakutia) and Khabarovsk Krai. We conclude that the flexible accelerator model less efficiently describes the dynamics of investment processes in the regions of the Far Eastern Federal District with a high hydrocarbon rent; and, consequently, dynamic processes are determined mainly by exogenous factors in relation to the region. However, since the flexible accelerator model adequately characterizes the economy of the Far Eastern Federal District, the latter is able to support the endogenously reproducing economic growth without relying solely on external demand.

Key words: regional growth, investments in fixed capital, flexible accelerator model, Far East.

Information about the Author

Artem G. Isaev – Candidate of Sciences (Economics), Head of Sector, Economic Research Institute, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences (153, Tikhookeanskaya street, Khabarovsk, 680042, Russian Federation; e-mail: isaev@ecrin.ru)

Статья поступила 19.06.2018.

О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением*

Николай Иванович

ЛАПИН

Институт философии РАН

Москва, Российская Федерация, 109240, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1

E-mail: lapin@iph.ras.ru

Аннотация. Рассматривая проблему поиска способов существенных перемен жизни к лучшему как фундаментальную, автор сосредоточил внимание на субъектах поиска. Он сопоставил ориентиры двух значимых дискурсов: «Куда идет Россия?..» и «Модернизация экономики России», а также характер их диалога с органами федеральной власти. Используя результаты этих сопоставлений и опираясь на подытоживающие оценки-диагнозы состояния российского общества, сделанные российскими учеными в 2017 г., автор предлагает методологию качественно нового содержания опросов респондентов: не ограничиваться выяснением мнений о состоянии жизненно важных для населения проблем, а выявлять предпочтения населения о способах существенных перемен жизни к лучшему. С этой целью автор предложил алгоритм последовательных шагов проведения опросов. Сознывая сложность задачи и дискуссионность предложений, автор считает целесообразным объявить конкурс на лучшие предложения о выявлении предпочитаемых населением способов существенных перемен жизни к лучшему.

Ключевые слова: дискурс-сообщество профессионалов; сопоставление дискурсов по сходной проблематике; несправедливое состояние проблемы; существенная переменна жизни к лучшему (СПЖЛ); алгоритм изучения предпочитаемых способов СПЖЛ.

* Текст подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, в рамках гранта № 18-011-00999 «Структура ценностей, взглядов и нормативных установок, образ жизни и поведение россиян в первые двадцать лет XXI века – седьмая волна Российского социального исследования (РСИ) по программе международного сравнительного исследования European Social Survey – ESS».

Для цитирования: Лапин Н.И. О поиске способов существенных перемен жизни к лучшему: дискурсы профессионалов и алгоритм изучения способов, предпочитаемых населением // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 77–89. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.5

For citation: Lapin N.I. Finding ways to substantial life changes for the better: professional discourses and algorithm to study ways preferred by the population. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 77–89. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.5

Поиск способов существенных перемен жизни общества и всего населения к лучшему – фундаментальная проблема функционирования и регулирования демократически организованного общества. Ее рассмотрение следует начинать не с содержания искомых способов и их моделей, а с выяснения *субъектов*, которые предлагают вниманию общественности и органов управления свое понимание реалий и способы их перемен. Круг потенциальных субъектов таких поисков в современном обществе обширен. В самом общем виде это органы государства и структуры гражданского общества, которые взаимодействуют в диалоговом режиме.

В настоящей статье я сосредоточиваю внимание на ограниченном круге субъектов, причастных к поиску способов существенных перемен жизни общества и всего населения России к лучшему. На примере двух профессиональных дискурс-сообществ, интеллектуально значимых для всего постсоветского этапа, я постараюсь сопоставить их содержательные ориентиры и характер их диалога с органами федеральной власти, затем представить оценки-диагнозы состояния и перспектив российского общества, сделанные учеными в «юбилейно-революционном» 2017 году и предложить алгоритм эмпирического изучения предпочитаемых населением способов существенных перемен жизни к лучшему.

Возникновение проблемно-ориентированных дискурс-сообществ профессионалов-обществоведов составляет одну из примет развития гражданского общества в постсоветской России. Начиная с перестройки, у граждан России повышается уровень критического отношения к реалиям жизни и возникает много вопросов «снизу», на которые нет ответов «сверху». В том числе вопросов от компетентных специалистов-ученых, для которых выявление вопросов и поиск ответов составляют смысл профессиональной деятельности. В результате процессов самоорганизации граждански ответственных профессионалов, работающих в различных областях знаний о человеке и его сообществах, появились интеллектуально значимые сетевые структуры гражданского общества. Полуформальные «невидимые колледжи» возникают на разных «площадках»: при университетах, научно-исследовательских организациях, науч-

ных журналах и иных формальных структурах, которые поддерживают инициативы работающих в них интеллектуалов, – от федеральных структур (в Москве и Санкт-Петербурге) до региональных (в Екатеринбурге, Тюмени, Курске и других центрах). Материалы этих дискурсов обычно публикуются в сборниках и научных журналах, что расширяет их интеллектуальное влияние за круги непосредственных участников дискурсов. Содержание таких дискурсов, как и гражданские смыслы деятельности дискурс-сообществ профессионалов, заслуживают специальных исследований, особенно продуктивных на основе сравнительного подхода.

Характер двух дискурсов обществоведов об изменении российского общества

Наиболее известными и влиятельными стали два дискурс-сообщества: (1) ежегодный Международный симпозиум по значимому для всех россиян вопросу «Куда идет Россия?..», который существовал в 1993–2003 годах на площадке Интерцентра – Междисциплинарного академического центра социальных наук, и (2) высокоактуальный дискурс «Модернизация экономики России», проходивший в основном в 2003–2010 годах в рамках международных конференций ГУ-ВШЭ (НИУ-ВШЭ), которые с 2000 г. ежегодно проводятся в апреле (в обиходе их называют апрельскими). Как видно из названий этих дискурсов, их предметы различаются. Тем не менее, по существу их проблематика во многом сходна: в том и другом случае речь идет о понимании смыслов и способов изменений в постсоветской России – ее обществе, экономике и политике. Поэтому они могут стать предметом сопоставлений, особенно когда обсуждаются тенденции и ориентиры изменений на макроуровне. Учитывая формат статьи, я буду ссылаться преимущественно на позиции организаторов-координаторов двух дискурсов.

Симпозиум «Куда идет Россия?..» организовала академик Т.И. Заславская. Всего состоялись десять симпозиумов, на которых достаточно последовательно были рассмотрены основные проблемы, относящиеся к сквозной теме-вопросу. При подведении итогов десятилетнего цикла их организатор вспоминала: «Первый симпозиум Интерцентра состоялся в декабре 1993 г. – через два месяца после обстрела «Белого дома» и буквально через несколь-

ко дней после драматического поражения демократов на выборах в Государственную Думу. Россия находилась тогда в «точке неопределенности», которая могла открыть траектории, ведущие в принципиально разные стороны. «Колесание весов истории» ощущали широкие круги общества. Миллионы россиян задавались вопросом: что же все-таки происходит в России? Кто, на каких основаниях и в чьих интересах перераспределяет власть и собственность?.. Каких изменений следует ожидать в ближайшем и более отдаленном будущем?» [1].

В симпозиумах приняли участие признанные специалисты в области экономики, социологии, истории, политических наук и других отраслей знания, преимущественно из России, но также из США, Великобритании, Франции, Италии, Германии, других западных стран, коллеги из Армении, Белоруссии, Украины и других стран СНГ. Куда же, по их экспертным оценкам, пришла Россия через 10 лет? Конечно, выявился весьма широкий диапазон оценок, среди которых есть и моя, как участника ряда симпозиумов. Я думаю, в целом Т.И. Заславская сумела резюмировать оценки большинства участников этого дискурс-сообщества: «В итоге сегодня мы имеем социально расколотое общество со слабо развитым средним слоем и депривированной, в значительной мере люмпенизированной основной массой граждан... На одном полюсе общества сосредоточился класс наемных работников, практически лишенных частной собственности, а на другом – класс собственников и распорядителей капитала как самовозрастающей собственности... Чтобы *переломить* эту тенденцию, добиться гармонизации социальной структуры и эффективного использования сохранившегося человеческого потенциала, есть только одно средство – осуществить *новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ*... Речь идет о социально-демократических реформах» [2].

Таковыми стали научно-гражданские ориентиры данного дискурс-сообщества профессионалов относительно способов изменения жизни к лучшему. Они сформировались в результате их глубоких вопросов о постсоветской трансформации России и поисков научно обоснованных ответов. Вопросы и ответы содержали немало обоснованной критики и конструктив-

ных предложений, адресованных правящим органам России, всему ее политическому классу. Однако от адресатов не поступали отклики ни на вопросы, ни на ответы. Диалог дискурс-сообщества и органов власти не возник. Добавлю, что не возник диалог с органами власти и у формально организованных профессионалов, работающих в Российской академии наук. Опираясь на обоснованные выводы о пагубности приватизации 90-х годов XX в., которая прошла спонтанно, но под флагом рыночной реформы, и сознавая необходимость целеориентированной стратегии преобразований, ученые Отделения экономики РАН в сентябре 1998 г. в открытом письме Президенту, Федеральному Собранию и Правительству РФ заявили: «Самый большой изъян реформы состоит в том, что она утратила целевую ориентацию. Потеряла ее смысл и конечная цель. А когда нет цели, то нельзя добиться и успеха» [3]. Однако ответ «сверху» не последовал. Правда, покидая вскоре пост Президента РФ, Б.Н. Ельцин попросил прощения у россиян за ошибки, но не уточнил, за какие именно.

Иное отношение проявили федеральные органы власти к другому дискурс-сообществу, возникшему в 2000 г. в рамках ранее названных апрельских конференций ГУ-ВШЭ (НИУ-ВШЭ). Эти конференции открыто поддерживаются Правительством РФ, Всемирным банком, Международным валютным фондом, фондом «Бюро экономического анализа» и утвердились в качестве основной дискурсивной площадки либерально-прагматического направления российской экономической науки. Они организуются под председательством экс-министра экономики РФ (1994–1997), президента фонда «Либеральная миссия» научного руководителя ГУ ВШЭ, профессора Е.Г. Ясина. В них непосредственно участвуют вице-премьеры, министры Правительства России, большое число российских экономистов и представителей смежных дисциплин, представители названных международных организаций, видные зарубежные экономисты.

Как выше отмечено, эти конференции стали проводиться по теме «**Модернизация экономики России**» с 2003 г., т.е. через 10 лет после начала шоковой реформы, когда в основном завершился революционный этап преобразований российской экономики и общества и начи-

нался новый этап – крупномасштабная модернизация. Конференция 2003 г. была посвящена «итогам и перспективам» этих преобразований, которые назывались модернизацией. В основном докладе Е.Г. Ясин сказал: «Смысл структурной перестройки или модернизации понятен: перестроить советские предприятия в рыночные компании, поменять оборудование, внедрить самые передовые технологии во всех отраслях, освоить продукцию, конкурентоспособную в стране и на мировых рынках, а для этого – резко поднять производительность и эффективность, снизить издержки, подготовить кадры, способные решать эти задачи. И так в каждой компании» [4].

В отличие от симпозиума Интерцентра, на конференциях ГУ-ВШЭ редко встречался термин «трансформация», вместо него использовался термин «модернизация». Вместо вопроса «куда идет Россия?» преобладали практически ориентированные вопросы о способах изменений, формулировались задачи дальнейшей либерализации и дебюрократизации новых структур и отношений, по сути, *рационализации* хаотично возникших в обществе экономических и иных отношений.

Содержание проблем, которые обсуждались на апрельских конференциях ГУ ВШЭ, нередко было сходным с конференциями в Интерцентре, а некоторые специалисты активно участвовали «тут и там». Несмотря на это, дискуссии на каждой площадке велись в духе «политкорректности» – как бы в неведении о позициях своих оппонентов, действовавших на другой площадке, почти без рассмотрения их аргументации. Хотя нередко возникали внутренние дискуссии – в рамках «своего круга», между специалистами, работающими на одной площадке (такие дискуссии культивировались в Интерцентре и поддерживались в ГУ ВШЭ).

Показательно различие позиций между сообществами двух площадок по проблеме соотношения формальных институтов и реальных практик. В настоящей статье я ограничусь сопоставлением позиций лидеров площадок. Инициатива обсуждения названной проблемы оказалась на площадке Интерцентра (в 2002 году). В исходном докладе, с которым выступила Т.И. Заславская, центральным стал вопрос о *социальных факторах* расхождения формально-правовых норм и реальных практик. Была

предложена комплексная схема социального механизма распространения неправовых практик. В этом механизме, среди многих факторов противоправного поведения чиновников в отношениях с бизнесом, ключевое значение имеют частные интересы чиновников среднего звена. Их побудительным мотивом служит тот факт, что «в России транзакционные издержки неформального решения проблем существенно ниже, чем следование формальным нормам... Правовой аспект либеральных реформ требовал от политиков особенно большого внимания, но об этом не подумали или не придали этому должного значения. В результате противоправная деятельность россиян, прежде таившаяся в затененных, относительно закрытых углах, вырвавшись на свободу, вспыхнула как пожар, охватив едва ли не все общество» [5].

В 2005 г. аналогичному кругу проблем была посвящена 6-я апрельская конференция ГУ ВШЭ. Ее открыл большой доклад коллектива авторов, устно представленный Е.Г. Ясиным. Обосновывая тему конференции, авторы доклада отметили: «Сегодня перед нами стоит фундаментальный вопрос о том, почему столь многие институциональные реформы (в том числе вполне разумные по своему замыслу) не приводили к ожидаемому результату; почему они проваливались, не закрепляясь в деловых практиках, либо их последствия были весьма противоречивы и непредвиденны [6].

В заключительном разделе («Выводы: что надо поправить в политике?») докладчики отметили: «Создание стимулов и механизмов было одной из главных целей реформ во всех странах с переходной экономикой. Для российских реформаторов и их западных советников в начале 1990-х гг. был характерен расчет на то, что конкуренция будет привнесена вместе с внедрением рыночных механизмов и демократических институтов. При этом ставка была сделана на политику импорта институтов с ориентацией на «лучшие образцы», характерные для наиболее развитых стран. Однако на практике мы столкнулись с серьезными проблемами приживаемости таких институтов. Поскольку реформы в подавляющем числе случаев сводились к принятию пакета нормативных актов, соответствующие практики экономических акторов не изучались и не корректировались. Реформы шли (и до сих пор идут)

„от закона до закона”. Не обращая внимания на то, что происходит их систематическое игнорирование либо оппортунистическое использование экономическими акторами... Выход из ловушки слабого рынка и неэффективного государства сегодня для России, на наш взгляд, связан с переходом от политики заимствования к политике выращивания институтов — с постепенным внедрением и встраиванием в существующую систему механизмов и институтов, которые, в частности, стимулировали бы инновации в сохраняющейся неконкурентной среде» [7].

Таким образом, докладчики, хорошо знающие практические действия реформаторов, фактически подтвердили приведенный выше тезис Т.И. Заславской о том, что правовой аспект либеральных реформ требовал от политиков особенно большого внимания, но они об этом не подумали или не придали этому должного значения. При этом в их докладе отсутствовали оценки социальных последствий такой практики, а основное внимание было сосредоточено на способах «выращивания» институтов. В том числе предложены «два способа направленных институциональных изменений — облагораживание существующих институциональных образцов и культивирование новых образцов» [8].

Авторы доклада справедливо напомнили, что ранее сходную методологию, в терминах «трансплантации», предложил академик В.М. Полтерович [9]. На той же конференции он (в соавторстве) выступил с докладом, в котором подверг критике методологию Вашингтонского консенсуса, принятую российскими реформаторами: «Горький опыт явно продемонстрировал, что рекомендации Вашингтонского консенсуса нельзя рассматривать как универсальные рецепты», а результаты их применения во многих странах «выглядят обескураживающими» [10]. И заключил: «Проведенный анализ показывает, что инструменты и методы промышленной политики должны быть адекватны стадии развития экономики... Россия еще не выполнила задачи второй стадии и уже пытается проводить экономическую политику, характерную для третьей и четвертой стадии» [11].

В материалах конференции представлено также выступление Е.Т. Гайдара, который добавил свою ложку дёгтя: «Идея не заимствова-

ния, а выращивания институтов — правильна. Но, на мой взгляд, решение этой задачи сложнее, чем представляется авторам» [12].

Я считаю, что основная сложность состоит в том, что «выращивание институтов» может стать эффективным лишь в рамках обоснованной стратегии институциональных изменений, которая предполагает формулирование ее основной социоэкономической цели.

В целом идею доклада поддержали выступавшие на конференции представители экономического блока Правительства РФ: вице-премьер А.Д. Жуков, министр экономического развития и торговли Г.О. Греф, министр финансов А.Л. Кудрин. Выразили свою поддержку также представители Всемирного банка и Европейского банка реконструкции и развития. Как видим, эта дискуссионная площадка пользуется расположением Правительства РФ, ведущих международных финансовых организаций. Их представители непосредственно, лично участвуя в работе конференций, воспринимают выводы и рекомендации их участников, высказывают свои замечания. Это служит стимулом активной творческой работы участников, которого так недостает специалистам, не ощущающим заинтересованности государства в результатах их исследований.

О характере поддержки конференций ГУ ВШЭ Правительством РФ можно судить по таким оценкам вице-премьера А.Д. Жукова. «Прежде всего, я хотел бы поблагодарить организаторов конференции — Высшую школу экономики. Уже шестой год в Москве собирается столь серьезная аудитория, в которой участвуют ведущие российские и зарубежные эксперты. И по опыту предыдущих пяти конференций хочу сказать, что их результаты всегда важны для правительства и всегда создавали очень хорошую базу с точки зрения практического использования в работе. Думаю, что тема, заявленная на этой конференции, актуальна». И добавил: «В то же время провести реформы без принятия достаточно болезненных решений невозможно. Невозможно постепенно вырастить реформы, особенно реформы институтов». И «вообще люди устали от реформ... Поэтому, может быть, и не нужно использовать слово «реформы», а использовать какие-то другие выражения — постепенные изменения к лучшему» [13].

При всей неожиданности, ценность этого предложения состоит в том, что оно ориентирует на определенную цель реформ — изменения к лучшему, понятные и поддерживаемые населением. Но самое главное — какие при этом происходят реальные изменения. О них можно судить по тем диагнозам, которые были сделаны российскими учеными в последние годы и подытожены в 2017 г., преимущественно в контексте 100-летия Великой русско-русской революции.

Оценки-диагнозы российских ученых на основе результатов массовых и экспертных опросов

- Прежде всего, обратимся к самому масштабному в истории российской социологии, поддержанному РФ и продолжающемуся с 2014 г. мегапроекту Института социологии РАН «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах» (руководитель — академик М.К. Горшков). Результаты пяти его волн опубликованы в пяти книгах [14]. Используя широкий контекстный подход, социологи пришли к взвешенным выводам и оценкам-диагнозам эволюции российского общества в условиях новых больших вызовов — внутренних и особенно обострившихся внешних. Подводя итоги пяти волн мегапроекта, его руководитель заключил: «В целом анализ результатов проекта дает основания утверждать, что в условиях кризиса в России доминирует и сохраняет свою устойчивость ценностно-нормативная система, характерная для обществ „неоэтакратического“ типа. Стержнем подобной системы является особая роль государства. Однако это отнюдь не выражает массовую потребность в авторитарном режиме и уж тем более в тоталитарном строе. Напротив, речь идет о характерном для России восприятии общества как ипостаси „Державы“. При таком массовом восприятии государство от общества неотделимо, а само общество выдает власти мандат на осуществление функций заботы о народе» [15].

- Не могу не отметить результаты инициированных Центром изучения социокультурных изменений Института РАН и осуществляемых под моим руководством: Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (с 1990 г. по настоящее время) и исследований по межрегиональной программе

«Проблемы социокультурной эволюции и модернизации регионов», проводимых с 2006 г. в трети субъектов Российской Федерации. Они обобщены в ряде коллективных монографий и подытожены в «Атласе модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы». В контексте задач данной статьи отмечу два вывода диагностического характера. Первый вывод: «10 лет не меняется перечень и порядок приоритетных мер, предлагаемых населением для улучшения условий его жизнедеятельности. Среди них на первом месте постоянно находится необходимость создавать новые рабочие места. Следовательно, *актуальные проблемы не решаются, а воспроизводятся*» [16]. И второй вывод: России необходима стратегия модернизации, интегрирующая две ее стадии (индустриальную и информационную) и осуществляемая «сверху и снизу», координируя федеральные и региональные потребности и инициативы, а в долгосрочной перспективе ориентирующаяся на идеал реального гуманизма.

- Продолжающийся более 20 лет социологический мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества и эффективности государственного управления, который осуществляется Институтом социально-экономического развития регионов РАН (ныне в составе ФГБУ науки «Вологодский научный центр РАН»), а его результаты подытоживаются в регулярных статьях главного редактора журнала «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» члена-корреспондента РАН В.А. Ильина. Обобщенная характеристика этих результатов представлена в его статье (в соавторстве), открывающей первый номер журнала в 2018 г. В ней подчеркнут вывод, сделанный в конце 2017 г.: «**Таким образом, в самых главных проблемах, волнующих людей, позитивных изменений за последние 17 лет не произошло: вопросы социальной справедливости, имущественного и социального расслоения, бедности стали еще острее**» [17].

- Другим методом изучения состояния и перспектив российского общества служат экспертные опросы специалистов. Одним из значимых стал опрос, который в 2017 г. был проведен редакцией международного научно-общественного журнала «Мир перемен» (главный редактор — член-корреспондент РАН

Р.С. Гринберг). Редакция обратилась к экспертам с просьбой «ответить на три вопроса, связанных с Великой русской революцией:

1. С каким знаком Вы оцениваете Октябрь 1917 г. и весь советский период в истории России и почему? Великая революция или преступный переворот?

2. Какие уроки из Октября и опыта советской власти должен извлечь наш современник, независимо мыслящий российский интеллигент, чтобы не повторить прошлых ошибок?

3. Видите ли Вы какое-либо сходство российской ситуации сегодня, в 2017 г., с Россией 1917 г.?»

Редакция журнала получила ответы на эти вопросы от более чем 60 авторитетных ученых, политиков, общественных деятелей, политиков и журналистов. Их ответы составили содержание всего заключительного номера журнала за 2017 г. и получили на его обложке название «Страсти вокруг Октября». Это независимые и разные оценки и прогнозы. «Урок, который следует из всего этого, — по мнению главного редактора, — очевиден: следует избегать крайностей либерализма, национализма и административного регулирования. При этом самое главное — решить вновь возникшую проблему расширяющейся пропасти между кучкой богатых и массой бедных, что, конечно же, создаст пугающую параллель с 1917 г. Как бы то ни было, мы точно знаем, что может произойти, если игнорировать общественно неприемлемое неравенство» [18].

Новым стимулом для уяснения способов снижения остроты жизненно значимых и несправедливо сохраняющихся проблем стали майские указы (2018 г.) В.В. Путина, начинавшего новый срок выполнения обязанностей Президента России. Одним из свидетельств этого стало обсуждение доклада академика А.Г. Аганбегяна «О целях и задачах развития России до 2024 г.» на заседании Секции экономики Отделения общественных наук РАН в июне 2018 г.

Большинство специалистов, изучая интересные их реалии, предлагают свои способы их изменений к лучшему — от частных до комплексных, включая преодоление «капитализма для своих» и утверждение социального государства, закрепленного в Конституции России и ориентированного на формирование общества реального гуманизма. Впрочем, это дела-

ют не все; имеются специалисты, убежденные в невозможности изменений в России к лучшему. Пока их позиция подтверждается тем, что российское общество продолжает «гибридный транзит в социокультурное никуда» — по колее «капитализма для своих». Транзит, корректируемый указами Президента о необходимости постепенного решения очередных жизненно важных для населения задач. Указы частично осуществляются, но многие задачи остаются нерешенными. Позитивные изменения приветствует большинство россиян, которые, вместе с тем, постепенно утрачивают традиционную терпеливость в отношении застарелых проблем и формируют желание сделать жизнь более справедливой и существенно лучше здесь и теперь. При этом остаются мало известными предпочтения различных слоев населения о векторах и способах необходимых изменений.

Конечно, далеко не все рядовые граждане («простые люди») имеют ясные предпочтения по столь сложным темам. Все же, на мой взгляд, можно сконструировать алгоритм изучения предпочтений значительной части рядовых, но достаточно образованных респондентов, а также экспертов. Требуется выделить небольшую совокупность тем и сформулировать их в виде понятных респондентам вопросов, которые позволят в процессе интервью получить надежные ответы.

Предстоящая Седьмая волна Российского социального исследования (РСИ) по Программе международного сравнительного исследования European Social Survey (ESS) предоставляет такую возможность, поскольку предусматривает, наряду со стандартными блоками вопросов по актуальным проблемам экономической и социальной политики, разработку вопросов по двум специализированным темам: (1) изучение представлений населения европейских стран о справедливости; (2) изучение вопросов жизненного цикла современного человека и ценностно-нормативных регуляторов, определяющих характер изменений в календаре событий в жизни человека.

Ниже я предлагаю вариант *алгоритма* эмпирического изучения *Способов перемен жизни к лучшему* (алгоритм СПЖЛ), точнее — алгоритма операционализации задач изучения предпочтений населения о способах справедливых и существенных перемен жизни к лучшему.

Алгоритм изучения способов перемен жизни к лучшему, предпочитаемых населением

О смыслах и терминологии алгоритма

Уточню смыслы и используемые термины предлагаемой методологии. Ее содержание соответствует принятому в научных исследованиях вниманию к состоянию жизненно значимых для населения *социальных проблем*. Особенность предлагаемой методологии заключается в том, что основное внимание сосредоточивается на тех социальных проблемах, состояние которых оценивается населением как несправедливое и которые длительное время воспроизводятся, становятся застарелыми, даже обостряются, несмотря на повторяющиеся заявления представителей власти о намерениях их решить. Обычно при опросах населения по таким проблемам социологов интересует только реагирующее поведение респондентов — их адаптация, готовность к протестам и т.д., а выявление конкретных способов преодоления/снижения остроты проблем как таковых исследователь считает лишь «своим делом», выполняемым при анализе полученных данных. Я предлагаю получать данные и о самих способах решения проблем, предпочитаемых населением, т.е. выбираемых респондентами из гипотетического набора проблем, предлагаемых исследователем и, возможно, самими респондентами (в открытых наборах вариантов ответов).

Термин «**социальная проблема**» или, для краткости, просто «проблема» я использую не в гносеологическом, а в *предметном* его значении, основном для населения — это, по определению В.А. Ядова, социальное противоречие, затрагивающее интересы больших социальных общностей и требующее организации целенаправленных действий для его устранения [19].

Справедливость как нравственная оценка социальных отношений в данном случае применяется не к самой жизненно значимой проблеме как таковой, а к ее *состоянию*, воспринимаемому многими или большинством граждан или как приемлемое, терпимое, или же, напротив — как неприемлемое, *несправедливое*, по житейскому счету — как *личная беда, исходящая от общества и зависящая от его органов власти*. Если, например, рассматривается проблема неравенства доходов, то справедливым или несправедливым будет не само по себе нера-

венство, как считали ранние утопические коммунисты, а диапазон неравенства, измеряемый отношением доходов верхних децильных групп населения к доходам нижних, величиной коэффициента фондов и другими соотношениями. Величина диапазона неравенства, оцениваемого как несправедливое, меняется в зависимости от традиций, ценностей населения данной страны (общества), других культурно-исторических факторов и может измеряться путем репрезентативных опросов. Опросы в рамках алгоритма СПЖЛ позволят выявить круг социальных проблем, состояние которых население считает несправедливым. Это относится и к таким проблемам, которые могут быть оценены как несправедливые сами по себе, — например, неравенство перед законом: формула закона требует абсолютного равенства, но правоприменительная, в том числе судебная, практика не в состоянии выполнить это требование на 100%; следовательно, практически опять-таки важен диапазон разрыва между требованием закона и мерой его осуществления. Поэтому целесообразно использовать термин «*несправедливое состояние социальной проблемы*», определять состав таких проблем на каждом этапе развития общества и анализировать эволюцию их состава как значимую характеристику справедливости-несправедливости всего общества.

При этом будет выявлен круг таких проблем, состояние которых несправедливо, но которые, тем не менее, устойчиво сохраняются на протяжении длительного времени, становятся застарелыми, пожизненными личными бедами (как была в советское время очередь на улучшение жилищных условий). Они приносят людям усталость, постепенно замещают терпение озлобленностью и превращаются в источник «внезапных» взрывоопасных протестов широких слоев населения, «русского бунта». Соответственно, термин «*застарело несправедливое состояние социальной проблемы*» заслуживает особого внимания исследователей и политиков.

Все это позволяет выявить новый смысл термина «существенная переменная жизни к лучшему» — увидеть суть этой перемены в заметном сокращении круга социальных проблем, состояние которых значительная часть населения считает застарело несправедливым, а их

преодоление будет воспринимать как избавление от личных бед, повышающее удовлетворенность жизнью в целом, особенно на данном ее этапе, как позитивное событие, влияющее на экзистенциальный опыт человека. Это определено повысит идентификацию людей с обществом, государством, их гражданскую и деловую активность. Будет означать перемену жизни к лучшему всего общества.

Наконец, о термине «способ существенной перемены жизни к лучшему». Трудно ожидать от рядовых респондентов предложений-оценок способов перемен в виде вариантов конкретных управленческих решений; впрочем, такие предложения не исключены, их следует предусмотреть в виде возможных открытых ответов. Более ожидаемы предложения-оценки относительно обобщенных способов перемен стратегического характера. Варианты таких предложений в виде ответов, предлагаемых респондентам для выбора, предстоит подготовить самому исследователю – как гипотетические. Поскольку речь идет об уменьшении несправедливости, то способы достижения такой цели не могут быть несправедливыми ни для кого в данном обществе. Это самое трудное в содержании предлагаемой методологии – не рассматривать упрощенные способы действий ни «сверху», ни «снизу», ни от страдающей стороны, ни от приносящей страдание. Поэтому и необходимо знать предпочтения страдающих «простых людей». А олигархическим «верхам» придется, учитывая эти предпочтения, пойти на компромисс с «простыми людьми» и согласиться на преодоление застарело несправедливых состояний социальных проблем, чтобы избежать возможных «бунтов». Их уже не хочет никто или почти никто, но это не значит, что они невозможны. Сохранение исходящих от общества (и его органов власти) личных бед для многих членов этого общества равнозначно нарастанию и обострению этих бед как коллективного бессознательного, которое находит выход в антисоциальных действиях толпы. Поэтому лучший способ существенных перемен жизни к лучшему – не превентивная блокада любых перемен, а компромиссное преодоление несправедливых состояний социальных проблем, особенно – застарелых. И чем раньше, тем вернее.

Пять шагов алгоритма СПЖЛ

В качестве исследовательской стратегии методологию алгоритма СПЖЛ можно охарактеризовать как сочетание разведывательной и описательной стратегий (подробнее об этих стратегиях см. подраздел в книге В.А. Ядова «Социологическое исследование» [20]). Разведывательный характер предлагаемой методологии определяется отсутствием информации о возможных позициях респондентов. Вместе с тем, исследователь должен иметь достаточную информацию о реальном состоянии изучаемых проблем; в этом отношении методология алгоритма приобретает частично описательный характер. Сочетание двух стратегий требует высокой квалификации тех, кто готовит опросные листы. Также очевидно, что опрос необходимо проводить в форме интервью на дому у респондентов, что предполагает высокую квалификацию интервьюеров. Все это делает необходимыми следующие шаги по реализации предлагаемого алгоритма.

Шаг № 1.

Прежде всего, требуется определить перечень жизненно значимых проблем, состояние которых население считает несправедливым, включая вопросы, которые позволят выяснить степень остроты восприятия респондентами несправедливости состояний каждой проблемы и длительность, застарелость их существования. Это должен быть ограниченный перечень, научно отрефлексированный по критерию гипотетической справедливости их устранения/смягчения. Сознвая неизбежную дискуссионность перечня, назову около 10 таких проблем.

Жизненно важные проблемы, состояние которых несправедливо, а остроту несправедливости следует преодолеть или снизить:

1. Низкая защищенность от преступности.
2. Незащищенность от бедности и нищеты.
3. Незрелость конкуренции, клановость и коррумпированность в бизнесе и управлении.
4. Равенство налогов на чрезмерно неравные доходы.
5. Нестабильность правил пенсионной системы.
6. Неравенство рядовых граждан перед законом в судах.
7. Попустительство обмана дольщиков строителями жилья.

8. Бесконтрольность действий органов ЖКХ.

9. Неинформированность населения о ходе выполнения целевых программ (федеральных и региональных) и других значимых решений органов управления.

10. Неинформированность избирателей о деятельности депутатов.

11. Незащищенность рядовых граждан от произвола чиновников.

Шаг № 2.

Требуется сформулировать вопросы о том, удастся ли респондентам удовлетворительно преодолеть несправедливые состояния каждой проблемы своими силами, или от них мало что зависит и требуются изменения, осуществляемые органами власти на региональном или на федеральном уровнях. А также уточнить запас терпения в отношении состояния этих проблем и т.п.

Шаг № 3.

На основе предварительного концептуального анализа выделенного перечня проблем включить в опросный лист гипотетический перечень комплексных способов (стратегий) преодоления/смягчения тех проблем, сохранение несправедливых состояний которых не зависит от действий респондентов. В опросном листе это будут варианты ответов, предлагаемых респондентам в качестве исследовательских гипотез, но перечень ответов должен быть открытым для дополнительных вариантов, предлагаемых самими респондентами. Подготовка связанной совокупности комплексных способов (стратегий) преодоления/смягчения несправедливости существующих состояний проблем – пожалуй, наиболее конструктивный и ответственный шаг реализации алгоритма СПЖЛ. Его содержание – результат творчества самого исследователя. Ниже в свободной форме я предлагаю свое видение состояния совокупности проблем и способов (стратегий), отношение к которым желательно получить от респондентов.

- Большинство россиян устали от сохранения и обострения вновь возникшего, после ликвидации Советской власти, социально несправедливого, чрезмерного, во многих отношениях неэффективного материального неравенства, прежде всего неравенства доходов. Они не первый год ожидают от органов власти

не мелких улучшений, а существенных изменений российского общества, государства, бизнеса, позволяющих устранить/смягчить проблемы, состояния которых значимы для качества жизни населения и воспринимаются как несправедливые.

- Многие россияне считают, что для России пришла пора взять новый исторический рубеж – строить Россию, отличающуюся от советской и досоветской, способную дать достойные ответы на новые вызовы – внешние (цивилизационные, глобальные) и внутренние (региональные и общероссийские). Ответы, обеспечивающие национальную безопасность России и высокое качество жизни всего ее населения, при справедливой дифференциации, соответствующей разноконфессиональной культуре ее многоэтничного населения.

- Для этого нужны не революционные изменения (стала очевидной их разрушительность в наше время), а устойчивая и целеустремленная эволюция в направлении государства благосостояния, общества (цивилизации) реального гуманизма [21]. Исторически апробированный способ успешной эволюции – «модернизация сверху и снизу» на основе координации действий федерального уровня и инициативы региональных и муниципальных уровней.

- Устойчивая эволюция предполагает разумный компромисс между элитами, находящимися у власти, и различными группами населения, структурами гражданского общества, представляющими его средний класс и более низкие социокультурные слои, страты. Стратегическим компромиссом может стать гарантированное Конституцией Российской Федерации правовое социальное государство, опирающееся на принципы социального рыночного хозяйства, апробированные в послевоенной Германии, других европейских странах, и соответствующее базовым ценностям, всей культуре русского, в целом российского населения.

- Компромиссные решения более обоснованы и полезны, если они подготовлены с учетом независимой научной экспертизы и свободного обсуждения их проектов в научном сообществе, СМИ, парламенте или более широко – путем электронно-цифровых рейтингов среди населения.

• Принятые решения будут успешнее осуществляться, если они сопровождаются независимыми мониторингами об их эффективности среди групп населения, заинтересованных в осуществлении решений.

Возможно, потребуется конкретизировать совокупность названных тем на взаимодополнительные варианты, выражающие специфику федерального и регионального уровней. Тематика регионального уровня, более близкая респондентам массового опроса, в опросном листе может предшествовать федеральной тематике, подготавливая к ее восприятию. Впрочем, можно аргументировать и обратный порядок этих вариантов.

Шаг № 4.

Важно также использовать распространенный вопрос: «Насколько Вы удовлетворены жизнью в целом?» А затем конкретизировать его по датам событий в жизни человека: когда и в связи с какими событиями Вы испытали наибольшее (и, альтернативно — наименьшее) удовлетворение жизнью в целом? И дополнить блоком вопросов о ценностно-нормативных регуляторах изменений в календаре событий индивида. Затем измерить корреляции ответов на эти вопросы с позициями по вопросам предыдущих шагов алгоритма.

Конечно, подготовка опросов по такой тематике требует высокой квалификации разработчиков программы и опросного листа, а также интервьюеров. Предстоит разработать и специализированную выборку, которая будет учитывать необходимый образовательный уровень респондентов.

Шаг № 5.

Наконец, не без душевного трепета, исследователь приступает к контролю качества бланков интервью, содержащих ответы респондентов. При удовлетворительном их качестве он погружается в результаты статистического анализа трех кругов данных: 1) ответов на вопросы алгоритма СПЖЛ; 2) их соотношений с ответами, полученными в стандартных блоках опроса; 3) этих соотношений двух кругов данных — с сопоставимыми данными по другим странам, участвовавшим в данной волне European Social Survey (в той мере, в какой они будут сопоставимы).

Уверен, что изложенный подход повысит качество социологических исследований и позволит сделать их выводы более обоснованными и востребованными как населением, так и органами управления. Буду рад, если возникнут лучшие предложения по тематике опросов населения о способах существенных перемен к лучшему. Пусть будет их **открытый конкурс!**

Литература

1. Заславская Т.И. К десятилетию международного симпозиума «Куда идет Россия?..» // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 400–401.
2. Заславская Т.И. О смысле и предварительных итогах российской трансформации // Там же. С. 395, 396.
3. Стратегия для России: гуманистический выбор // Гуманистические ориентиры России / редк.: Л.И. Абалкин и др. М.: Институт экономики РАН, 2002. Глава 6. С. 172.
4. Ясин Е.Г. Перспективы российской экономики: проблемы и факторы роста // Модернизация экономики России: итоги и перспективы. В 2-х кн. Отв. ред. Е.Г.Ясин. М., ГУ ВШЭ, 2003. Кн. 1. С. 189.
5. Заславская Т.И. О социальных факторах расхождения формально-правовых норм и реальных практик // Куда идет Россия?.. Формальные институты и реальные практики / под общ. ред. Т.И. Заславской. М., МВШСЭН, 2002. С. 20, 21.
6. Институты: от заимствования к выращиванию. Опыт российских реформ и возможности культивирования институциональных изменений / Я.И. Кузьминов, В.В. Радаев, А.А. Яковлев, Е.Г. Ясин // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / отв. ред. В.Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2005. Кн. 1. С. 11.
7. Там же. С. 60, 61.
8. Там же. С. 18.

9. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. М., 2001. № 3.
10. Полтерович В.М., Попов В.В. Стимулирование роста и стадии развития // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / отв. ред. В.Г. Ясин. М.: ВШЭ, 2005. Кн. 1. С. 138.
11. Полтерович В.М., Попов В.В. Стимулирование роста и стадии развития // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / отв. ред. В.Г. Ясин. М.: ВШЭ, 2005. Кн. 1. С. 147–148.
12. Гайдар Е.Т. Переход от заимствования институтов к их выращиванию // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / отв. ред. В.Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2005. Кн. 1. С. 91.
13. Жуков А.Д. Реформы – это постепенные изменения к лучшему // Модернизация экономики и выращивание институтов. В 2 кн. / отв. ред. В.Г. Ясин. М.: ГУ ВШЭ, 2005. Кн. 1. С. 67.
14. Российское общество и вызовы времени. Книги 1-5 / под ред. М.К. Горшкова и др. М.: Весь мир. 2015, 2016, 2017.
15. Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / под ред. М.К. Горшкова и В.В. Петухова. М.: Весь мир. 2017. С. 386–387.
16. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / отв. ред. Н.И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. С. 306.
17. Ильин В.А., Морев М.В.. Что оставит В. Путин своему преемнику в 2024 году? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. № 1. С. 13.
18. Гринберг Р. Что дал Октябрь «городу и миру» и каковы его уроки? // Мир перемен. М., 2017. № 4. С. 11–12.
19. Ядов В.А. Проблема, объект и предмет исследования // Он же. Социологическое исследование (Методология, программа, методы). М., Наука, 1972. С. 46–50; см. также: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998. С. 71–76.
20. Ядов В.А. Принципиальный (стратегический) план исследования // Он же. Социологическое исследование (Методология, программа, методы). М.: Наука, 1972. С. 69–74; см. также: Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М.: Добросвет, 1998. С. 104–111.
21. О концепте реального гуманизма см.: Н.И. Лапин. Аксиологические предпосылки цивилизационного выбора России // Вопросы философии. М., 2015. С. 3–17.

Сведения об авторе

Николай Иванович Лапин – доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра изучения социокультурных изменений, Институт философии РАН (109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: lapin@iph.ras.ru)

Lapin N.I.

Finding Ways to Significant Life Changes for the Better: Professional Discourses and Algorithm to Study Ways Preferred by the Population

Abstract. Considering the problem of finding ways of significant life changes for the better as fundamental, the author focuses on the research subjects. He compares the guidelines of two important discourses: “Where is Russia going?..” and “Modernization of the Russian economy”, as well as the nature of their dialogue with the federal authorities. Using the results of these comparisons and based on summarizing diagnose assessments of the state of the Russian society produced by Russian scientists in 2017, the author proposes a methodology for a qualitatively new content of respondents’ surveys: it is important not to be limited by finding out the opinions about population’s pressing issues, but to identify the population’s preferences about significant life changes for the better. For this purpose, the author proposes an algorithm

of successive stages of surveys. Being aware of the complex objectives and debatable proposals, the author considers it appropriate to announce a competition for best proposals to identify significant life changes for the better preferred by the population.

Key words: professional discourse community; comparison of discourse on similar problems; unfair problem status, significant life changes for the better (SLCB); algorithm for studying preferred SLCB ways.

Information about the Author

Nikolai I. Lapin – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, RAS corresponding member, senior researcher, head of Center for Socio-Cultural Changes, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (12, Goncharnaya Street, Building 1, Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: lapin@iph.ras.ru)

Статья поступила 19.06.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.6

УДК 331.1, ББК 65.24

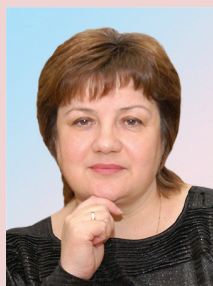
© Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А.

Теоретические подходы к исследованию мотивации творческой трудовой активности населения в социогуманитарной мысли*

**Александра Анатольевна
ШАБУНОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: aas@vscc.ac.ru

**Галина Валентиновна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: galinaleonidova@mail.ru

**Ксения Александровна
УСТИНОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 17-22-01020 «Мотивационно-стимулирующий механизм творческой трудовой активности: сравнительный анализ России и Беларуси».

Для цитирования: Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Устинова К.А. Теоретические подходы к исследованию мотивации творческой трудовой активности населения в социогуманитарной мысли // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 90–109. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.6

For citation: Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A. Theoretical approaches to studying people's motivation for creative labor activity in the socio-humanitarian thought. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 90–109. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.6

Аннотация. В статье поднимаются проблемы мотивации в контексте изучения отдельных подходов (фрейдистский, бихевиористский, когнитивно-психологический и др.) в рамках теоретико-личностного и теоретико-ассоциативного направлений. Цель статьи заключалась в структурировании существующих основных подходов к исследованию мотивации, в определении тех положений, которые могут быть использованы в рамках мотивации творческой трудовой активности населения. В исследовании использованы общелогические методы и приемы, среди которых системный подход, обобщение, метод анализа и синтеза. Сделан вывод о том, что основным источником активности населения выступает потребностное напряжение, целью является его устранение за счет внешних факторов-стимулов. Показано, что характер поведения будет определяться степенью согласованности между разными группами мотивов, соотносительностью мотивов и внешних целей, а в отсутствие такой согласованности – волевыми механизмами регуляции. Выявлено, что в научно-исследовательской литературе отсутствует однозначность относительно определения мотивационно-стимулирующего механизма, в работе приведена его трактовка с позиций бихевиористского подхода, а также теории опредмеченного побуждения А.Н. Леонтьева. Акцентируется внимание на том, что при разработке мотивационно-стимулирующего механизма должна учитываться специфика деятельности. Приведены мотивы творческой активности, среди которых выделены познавательный, коммуникативный, достижения и др. Показано, что системный характер управления творческой трудовой активностью может быть обеспечен за счет создания мотивационно-стимулирующего механизма, в рамках которого были бы учтены прямые и косвенные методы управления, как внешние, так и внутренние факторы, способствующие и препятствующие развитию субъективности и имеющие разную природу. На основе изучения научной литературы сделан вывод о том, что большинство методов стимулирования творческой трудовой активности населения относятся к эмпирическим и возникают преимущественно вне изучения научных проблем творчества. До сих пор в исследованиях акцентируется внимание на когнитивных аспектах, обеспечивающих творческое мышление и поведение, в то время как мотивационным, ориентированным на преодоление негативных последствий воздействия внешних стимулов, не уделяется должного внимания. Структурированные теоретические аспекты исследования могут быть использованы в ходе разработки системы мер, направленных на активизацию творческой активности и мотивационно-стимулирующего механизма.

Ключевые слова: мотивационно-стимулирующий механизм, мотив, стимул, творческая активность, трудовая деятельность.

Введение

Вне зависимости от этапа социально-экономического развития и территорий, и отдельных организаций вопросы мотивации персонала являются актуальными. Низкая творческая активность работников, отсутствие новых форм и методов мотивации к творческому труду рассматриваются как важнейшие барьеры на пути к экономическому развитию и внедрению инноваций [Tether et al. A literature review on skills and innovation... 2005]. Работодатели рискуют потерять ценные кадры и получить проблемы в привлечении талантливых работников при отсутствии внимания к вопросам мотивации [Dessler G. Human Resource Management. 2003].

Социально-экономические реформы 1990-х годов оказали существенное влияние на систему мотивации персонала российских предприятий и организаций. Переход к рынку сопровождался предоставлением им хозяйственной самостоятельности, соответственно главным фактором, оказывающим влияние на мотивацию труда, признавался уже не уровень идеологического самосознания личности, а достижение трудовым коллективом и отдельными сотрудниками определенного уровня производительности труда и величина материального поощрения. В настоящее время в связи с реализацией задач перехода экономики на инновационный путь развития нематериальное

стимулирование работников вновь становится актуальным [Разнодѣжина Э.Н., Красников И.В. Мотивация рыночной организации труда в современных условиях. 2011].

На первый план в общественной науке выходят вопросы создания механизма мотивации трудовой деятельности, направленного на повышение активности работников и улучшение результатов их деятельности, а также исследование факторов, влияющих на такую мотивацию [Скрипниченко Л.С. Исследование особенностей трудовой мотивации... 2015].

Проблемы мотивации персонала поднимаются как в отечественной, так и в зарубежной научной литературе. Существует множество школ и направлений по данной проблематике. Среди отечественных исследователей в этой области – А.П. Волгин, В.П. Галенко, М.В. Грачев, Э.Е. Старобинский, В.В. Травин, среди зарубежных – А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд и др. Зарубежными исследователями [например, Hugo M. Kehr Integrating implicit motives, explicit motives, and perceived abilities... 2004] анализируются межгрупповые различия, влияющие на сложность (простоту) достижения целей в условиях схожей квалификации, а также механизмы достижения целей и их модификация.

Тем не менее следует подчеркнуть, что в существующих теориях не уделяется достаточного внимания неявным мотивам, механизмам преодоления конфликта между скрытыми и явными мотивами [Brunstein J.C., Schultheiss O.C., Gra ssmann R. Personal goals and emotional well-being... 1998; Emmons R.A., McAdams D.P. Personal strivings and motive dispositions... 1991; McClelland D.C., Koestner R., Weinberger J. How do self-attributed and implicit motives differ. 1989; Spangler W.D. Validity of questionnaire and TAT measures of need for achievement... 1992]. Наряду с этим фактически отсутствует систематизация традиционных концепций мотивации, в т.ч. связанных с нематериальным стимулированием работников. С учетом вышеобозначенного цель статьи заключается в анализе существующих в зарубежной научной мысли теоретических подходов к исследованию мотивации.

I. Обзор основных теоретических подходов к исследованию мотивации

Попытки изучения поведения предпринимались давно, с акцентом на вопросах активи-

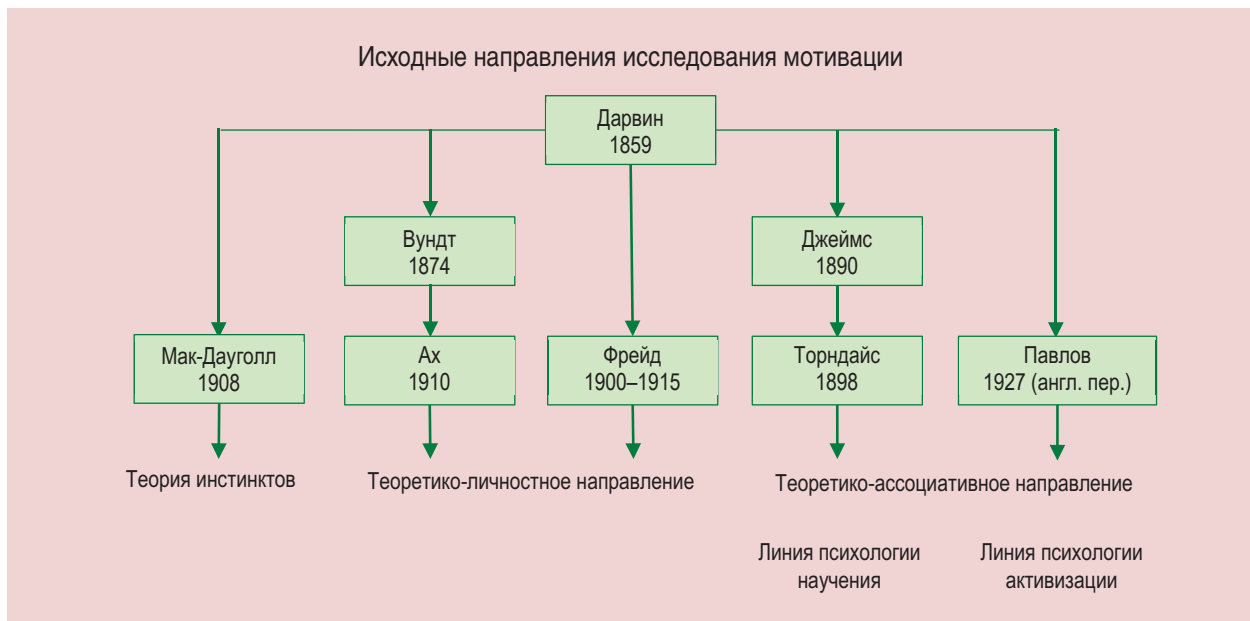
зации и реализации целенаправленных действий по управлению ими. С течением времени все большее место в объяснении не только поведения, но и восприятия, и мышления отводилось мотивации. В зарубежных источниках упоминались такие ее характеристики, как «внутренняя сила», «побудитель к действию» [Russell Ivan L. Motivation. 1971]. Например, мотивация может трактоваться с позиций «внутренней силы», вызывающей необходимость удовлетворения основных потребностей [Yorks Lyle. A Radical Approach to Job Enrichment. 1976], а также фактора повышения производительности труда, позволяющего целенаправленно действовать или совершенствовать способности для осуществления действий [Kast Fremont E., James E. Rosenzweig. Organization and Management... 1970].

Наряду с мотивацией в научной литературе можно встретить ряд смежных понятий, близких по форме, но различающихся по содержанию, к которым относятся «трудовая мотивация» и «мотивация трудовой деятельности». Первое зачастую рассматривается с позиций внутриличностного процесса формирования мотивов к труду, второе – с точки зрения тех действий, которые предпринимаются, например, со стороны организаций и побуждают работника к трудовой активности.

Возвращаясь к исходному понятию мотивации, отметим, что среди направлений исследования выделяются следующие: 1) *теоретико-инстинктивное* (Лоренц, 1937, 1943; Тинберген, 1951 и др.); 2) *теоретико-личностное* (Левин, 1926, 1935; Штерн, 1935; Маслоу, 1954; МакКлелланд, 1953, 1961; Фестингер, 1957, 1964; Аткинсон, 1957, 1966, 1970 и др.) и 3) *теоретико-ассоциативное* (Вудвортс, 1918; Толмен, 1932, 1952; Янг, 1936, 1961; Даффи, 1932, 1962; Скиннер, 1938, 1953; Халл, 1943, 1952 и др.) (*рисунок*).

Первое направление связано с объяснением поведения человека на основе инстинктов и побуждений, второе – с акцентированием внимания на выделении и описании личностных свойств, третье – с приспособлением к изменяющимся условиям, а также с анализом реагирующего на стимуляцию организма.

Не претендуя в нашей статье на охват всех существующих подходов к исследованию мотивации, мы акцентируем внимание лишь на

некоторых из них в рамках теоретико-личностного и теоретико-ассоциативного направления (фрейдистский, бихевиористский, когнитивно-психологический и др.).

Фрейдистский подход

«Пионерами» данного направления были Нарцисс Ах (1871–1946) и Зигмунд Фрейд (1856–1939), предпосылки теории последнего были изложены в 1895 г. в «Проекте психологии», а в окончательном виде – в 1915 г. Ключевая роль отводилась не внешним, а внутренним «раздражителям» и человек рассматривался как сложная энергетическая система, в которой энергия обеспечивается за счет нейрофизиологического состояния возбуждения и тратится преимущественно на умственную деятельность. Утверждалось, что любая активность (мышление, восприятие, память и воображение) определяется инстинктами, которые могут оказывать на нее как прямое, так и косвенное влияние. В обобщенном виде З. Фрейдом выделяется две группы инстинктов – жизни и смерти, рассматриваемых с позиций источника, цели, объекта и стимула. Источником инстинкта выступает потребностное состояние организма (например, голод и жажда), а целью – устранение или редукция возбуждения. Любой поведенческий процесс в рамках психоаналитической теории характеризуется с позиций направленности энергии на объект (катексис), а также препятствий, мешающих удовлетворению инстинкта (антикатексис).

Бихевиористский подход

Бихевиористский подход к исследованию мотивации возник в начале XX века (Б. Скиннер, К. Спенс, Э. Толмен, Д. Уотсон, К. Халл и др.). В его рамках основой активности также признавалась потребность, обусловленная отклонением физиологических параметров от оптимального уровня. Механизм мотивации сводился к уменьшению или снятию возникающего напряжения, а в случае невозможности его снятия – к использованию подкрепления (внешние факторы, стимулы) [Основные психологические теории мотивации...]. В качестве последних рассматривались не только положительные (награды, поощрения), но и отрицательные (наказания) аспекты. И само поведение характеризовалось как положительными последствиями, которые сопровождалось его закреплением, так и отрицательными, приводящими к его прекращению. Считалось, что распространенность того или иного типа поведения предполагает наличие уверенности в существовании прямой связи между активностью и ее последствиями. В случае отсутствия значимости последствий для личности будут отсутствовать и интенции к дальнейшему осуществлению поведения.

Связь между побуждением и последующим поведением рассматривается либо как прямая, либо как опосредованная когнитивными процессами (табл. 1).

Таблица 1. Четыре группы теорий по Вайнеру (B. Weiner, 1972)

Классификация	Структура	Содержание
Механистическая	S-R	Поведение объясняется на основании связи «стимул-реакция» (S-R). При анализе поведения промежуточные гипотетические конструкты не используются. <i>Представители: Уотсон, Скиннер и другие ассоциационисты и бихевиористы.</i>
	S-конструкт-R	Поведение объясняется на основании связи «стимул-реакция» (S-R). При его анализе вводятся опосредующие гипотетические конструкты: потребность и мотив. <i>Представители: Халл, Спенс, Миллер, Браун и другие необихевиористы.</i>
Когнитивная	S-когнитивные процессы-R	Между поступающей информацией и конечной поведенческой реакцией предполагается действие мыслительных процессов. Влияние на поведение главным образом оказывает «ожидание». <i>Представители: Толмен, Левин, Роттер, Аткинсон и др.</i>
	S-когнитивные процессы-R	Между поступающей информацией и конечной поведенческой реакцией предполагается действие мыслительных процессов, но поведение обуславливается многими когнитивными структурами и процессами, например поиском информации, личностными конструктами. <i>Представители: Хайдер, Фестингер, Келли, Лазарус и др.</i>

Принимая во внимание вышеобозначенное выделяют, с одной стороны, *стимульно-реактивные теории*: теории научения Уотсона (J. Watson, 1924), Газри (E. Guthrie, 1935) и Скиннера (B.F. Skinner, 1938; 1953); с другой стороны, – *теоретические подходы, в которых между стимулом и реакцией находятся когнитивные процессы*: оценка актуальной ситуации, оценка последствий событий; самооценка достигнутых результатов (F. Halisch, 1976; H. Neckhausen, 1978). Среди таких подходов, например, *необихевиористские теории Халла, Спенса, Миллера (C. Hull, 1952; K. Spence, 1956; N. Miller, 1959)*, в которых отсутствуют утверждения о тесной стимульно-реактивной связи, между стимулом и реакцией вводятся такие переменные, как потребности и побуждательные характеристики. Мотивация рассматривается как внутренняя составляющая, побуждающая к работе (стремление сделать что-то как можно лучше и/или быстрее) и характеризующаяся с позиций важности и достижимости данного результата для субъекта, в т.ч. и за счет его веры в свои способности [Современная психология мотивации. 2002]. Еще одна группа «промежуточных» теорий – *теории «ожидаемой ценности»*, в которых учитывается субъективная вероятность достижения (недостижения) целей. Среди них, в частности, можно выделить предложенную Аткинсоном модель принятия решения в условиях риска (J.W. Atkinson, 1957; 1964).

В научной литературе получило распространение множество теоретических подходов к ис-

следованию мотивации, в которых акцентируется внимание на различиях между явными и неявными мотивами [Weinberger J., McClelland D.C. Cognitive versus traditional motivational models... 1990; Koestner R., Weinberger J., McClelland D.C. Taskintrinsic and social-extrinsic sources of arousal for motives... 1991]. Явные мотивы выступают в качестве ориентиров отслеживания своих действий [McClelland D.C. Scientific psychology as a social enterprise... 1995], их связывают со сферой сознательного, когнитивных процессов, например, принятия решений [McClelland D.C. How motives, skills, and values determine what people do. 1985; Spangler W.D. Validity of questionnaire and TAT measures of need for achievement... 1992], и они в большей степени находятся под влиянием социальной среды [McClelland D.C. How motives, skills, and values determine what people do. 1985; Koestner R., Weinberger J., McClelland D.C. Taskintrinsic and social-extrinsic sources of arousal for motives... 1991]. Неявные мотивы, напротив, связываются с бессознательным [Maslow A.H. A theory of human motivation. 1943], со скрытыми поведенческими аспектами [McClelland D.C et al. The achievement motive. 1953], которые закладываются еще в юности и относительно независимы от социальных требований [Koestner R. et al. Taskintrinsic and social-extrinsic sources of arousal for motives... 1991; McClelland D.C. How motives, skills, and values determine what people do. 1985]. Среди примеров – мотивы власти и достижения [McClelland D.C. Scientific psychology as a social enterprise. 1995], мотивы «надеж-

ды на успех» и «избегания неудачи» (страха) [Atkinson J.W. An introduction to motivation. 1964; Higgins E.T. Promotion and prevention... 1998; Kanfer R., Heggestad E.D. Motivational traits and skills... 1997].

Явные и неявные мотивы связывают с разными аспектами личности [McClelland D.C. et al. How do self-attributed and implicit motives differ. 1989; Spangler W.D. Validity of questionnaire and TAT measures of need for achievement... 1992], поэтому в ряде случаев их рассматривают как независимые переменные [Brunstein J.C. et al. Personal goals and emotional well-being... 1998; McClelland D.C. How do self-attributed and implicit motives differ... 1989; Epstein S. Personal control from the perspective... 1998; Metcalfe J., Mischel W. A hot/cool-system analysis of delay of gratification... 1999], что подтверждается в исследовании Spangler W.D. [Spangler W.D. Validity of questionnaire and TAT measures of need for achievement... 1992]. Аналогичный подход содержится в теории целеполагания, в рамках которой не проводится различие между этими группами мотивов и игнорируется возможность «волевого разрешения» возникшего между ними конфликта. Однако в некоторых работах [Cantor N., Blanton H. Effortful pursuit of personal goals in daily life... 1996; Emmons R.A., McAdams D.P. Personal strivings and motive dispositions... 1991; King L.A. Wishes, motives, goals, and personal memories... 1995; Sokolowski K. et al. Assessing achievement, affiliation, and power motives all at once... 2000] делается вывод об их взаимосвязи и взаимообусловленности, о рассмотрении с позиций интегрированных структур [McClelland D.C. How do self-attributed and implicit motives differ. 1989; Sheldon K.M., Kasser T. Coherence and congruence... 1995].

Наличие некоторой рассогласованности между этими группами мотивов приводит к тому, что и обусловленные ими поведенческие аспекты также могут находиться в той или иной степени согласованности [Brunstein J.C. et al. Personal goals and emotional well-being... 1998; McClelland D.C. et al. How do self-attributed and implicit motives differ. 1989]. При этом большая рассогласованность между явными и неявными мотивами сопровождается большими расхождениями в поведении. Это может проявляться во внутриличностном конфликте, в снижении

производительности труда, ухудшении благополучия и даже проблемах со здоровьем [Bazerman M.H. et al. Negotiating with yourself and losing... 1998; McClelland D.C. How do self-attributed and implicit motives differ. 1989; Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation... 2000; Sheldon K.M., Kasser T. Coherence and congruence... 1995].

Когнитивно-психологический подход к исследованию мотивации Х. Хекхаузена [Heckhausen H. Hoffnung und Furcht in der Leistungsmotivation. 1963] учитывает такие мотивационные аспекты, как надежда на достижение успеха (Hope of Success – HS) и боязнь неудачи (Fear of Failure – FF). Отмечается, что одних к решению задач мотивирует состояние удовлетворения от преодоления проблем, в то время как других – избегание негативных последствий. Х. Хекхаузен рассматривает причинно-следственные цепочки «ситуация-результат» (вероятность получения того или иного результата в конкретной ситуации без осуществления действия), «действие-результат» (вероятность достижения результата по итогам действия), «результат-следствие» (результат с позиций значимости влияния его последствий на поведение).

Это направление подвергается критике за ведущую роль рациональных, познавательных аспектов в мотивации и в поведении. Несмотря на утверждение о том, что в основе поведения зачастую лежат логические, рациональные процессы, тем не менее на практике предпочтение может быть отдано более «оптимистическим» стратегиям поведения [Fischhoff V. et al. The experienced utility of expected utility approaches... 1982]. Так, Экклз обращает внимание на иррациональный характер принятия решений. Однако не отрицается обусловленность поведения и более стабильными конструктами [Eccles J.S. Gender roles and women's achievement-related decisions. 1987; Eccles J.S., Harold R.D. Gender differences in educational and occupational patterns among the gifted... 1992], например стереотипами. Среди факторов, влияющих на процесс принятия решений, называются черты характера, темперамент, установки, убеждения. К их числу относится и «когнитивная структурированность», обуславливающая индивидуальные различия в анализе информации (один из пара-

метров – число измерителей, по которым анализируется информация). Часть населения с низкой «когнитивной структурированностью», зачастую действующая стереотипно и не способная перестраиваться под новые требования, оказывается зависимой от внешних обстоятельств (O. Harvey, D. Hunt, H. Schroder, 1961; H. Schroder, M. Driver, S. Stenfert, 1967). В то же время противоположная группа населения может характеризоваться высокой скоростью обработки информации и гибким реагированием на происходящие изменения (H. Krohne, 1977).

Подход, связанный с когнитивными параметрами, такими как самоэффективность и цель, встречается в концепции *самоэффективности и саморегуляции* [Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. 1977; Bandura A. Self-regulation of motivation... 1988]. Признается лишь частичная связь мотивации с познавательной деятельностью, в частности, скрытые и явные мотивы в сочетании со способностями могут усиливать мотивационную составляющую, однако невысокий уровень их развития не всегда ее снижает. В рамках подхода *Деси и Райана* [Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits... 2000] рассматривается совместимость когнитивных предпочтений с неявными мотивами. Мотивация характеризуется как следствие соотношенности внешних целей с мотивами, в случае же отсутствия такой соотношенности важная роль отводится волевым механизмам регуляции.

В когнитивной модели мотивации [Lawler E.E. Pay and organizational effectiveness... 1971; Lawler E.E., Jenkins G.D. Strategic reward systems. 1992] вводится понятие вознаграждения, которое может активировать явные мотивы, влияющие, например, на выбор места работы [Srivastava A. et al. Money and subjective well-being... 2001]. В ряде случаев вознаграждение может приводить к противоречиям между явными и неявными мотивами, что требует «волевой регуляции». Соответственно социальные стимулы могут оказывать не только положительное, но и отрицательное воздействие на поведение. Отрицательное воздействие связано с активизацией новых целей, которые делают «недейственными» первоначальные неявные мотивы [Kanfer R. Motivation theory and industrial and organizational psychology. 1990].

При достижении согласованности между первоначальными и новыми мотивами можно добиться положительного воздействия на мотивацию.

Учитывая положения когнитивной модели мотивации, в которой вознаграждение рассматривается с позиций стимула, влияющего на поведение (трудоустройство, трудовую деятельность, вероятность увольнения и др.), а также положения бихевиористского подхода (в частности, стимульно-реактивные теории), проиллюстрируем влияние материального фактора на различные аспекты трудоустройства и трудовой деятельности населения на данных мониторинга трудового потенциала населения Вологодской области, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2016 году¹.

Фактические результаты свидетельствуют о наличии связи между величиной денежных доходов населения и статусом занятости (расчетное значение χ^2 превышает критическое; см. примечание к табл. 2). Среди малообеспеченных только в половине случаев население работает, в то время как в группе с доходами, позволяющими приобретать товары длительного пользования, – в 90% случаев (табл. 2).

Несправедливое начисление заработной платы рассматривается как одна из причин, препятствующих реализации потенциала, наряду с недостатком профессиональных знаний. На эту причину чаще обращают внимание малообеспеченные и молодежь, тогда как на вторую – более состоятельные и население старше 30 лет. Для работников с высшим образованием и для тех, у кого денежных средств достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать, еще одним препятствием к реализации трудового потенциала, помимо уже отмеченных, выступает невоз-

¹ Исследование проведено на территории гг. Вологды, Череповца и восьми районов Вологодской области (Бабаевского, Великоустюжского, Вожегодского, Грязовецкого, Кирилловского, Никольского, Тарногского, Шекснинского). Выборка целенаправленная, квотная, объемом 1500 респондентов. Ее репрезентативность обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские поселения, малые и средние города), пропорции половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%. Техническая обработка информации произведена в программах SPSS и Excel.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос: «Есть ли у Вас желание и возможность работать?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Характеристика денежных доходов				
	Денег вполне достаточно, чтобы ни в чем себе не отказывать	Покупка большинства товаров длительного пользования не вызывает у нас трудностей, однако покупка автомашины сейчас недоступна	Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, однако более крупные покупки приходится откладывать на потом	Денег хватает только на приобретение продуктов питания	Денег не хватает даже на приобретение продуктов питания, приходится влезать в долги
1. Да, уже работаю	76,6	89,6	83,9	73,4	52,0
2. Да, я ищу работу, зарегистрирован в службе занятости и готов приступить к работе	6,4	2,2	3,0	10,9	22,7
3. Да, я хочу работать, ищу работу, но не готов к ней приступить	0,0	1,5	2,8	2,5	5,3
4. Да, я хочу работать, но не ищу работу	2,1	3,0	4,7	4,5	4,0
5. Нет, не имею желания и возможности работать	14,9	3,7	5,6	8,7	16,0
	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: $\chi^2 = 95,943$, $p < 0,001$.
 Полученное значение хи-квадрат 95,943 превышает критическое (26,3 при уровне ошибки $p=0,05$, 32,0 при $p=0,01$, 39,25 при $p=0,001$), соответственно нулевая гипотеза об отсутствии связи между признаками отвергается (связь между ними существует).
 Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, 2016 г., ВолНЦ РАН.

возможность влиять на управление предприятием, а для населения со средним профессиональным образованием и малообеспеченных – неудобный график работы.

Материальный фактор оказывает существенное влияние и на мобильность кадров – практически в половине случаев смена места работы обусловлена низкой заработной платой, для молодежи это еще актуальнее (61% случаев). Почти каждая четвертая женщина и каждый пятый из опрошенных старше 30 лет отметили вынужденный характер смены рабочего места вследствие сокращения штатов. Кроме того, среди причин смены места работы значительная роль отводится личным обстоятельствам, а также плохим условиям труда (табл. 3).

Схожие результаты были получены и согласно расчету коэффициентов χ^2 . В частности, обосновано, что возраст взаимосвязан с такими причинами смены места работы, как низкая заработная плата, плохие условия труда и плохие отношения в коллективе и с администрацией.

Приведенные выше данные свидетельствуют о наличии связи материального фактора со статусом занятости, с реализацией накопленно-

го потенциала, со сменой места работы. Выявлено, что мотивы могут различаться в зависимости от принадлежности к той или иной социально-демографической группе населения: например, для более обеспеченных материальный фактор менее значим по сравнению с мотивами власти (возможность влияния на управление предприятием), в то время как для противоположной группы, наряду с величиной вознаграждения, внимание обращается на график работы.

Марксистский подход и теория опредмеченного побуждения в школе А.Н. Леонтьева

Как уже было показано выше, активность населения служит следствием действия стимулов и мотивов, связанных как с наличием потребности в чем-либо, так и с желанием изменений вокруг себя. Эти и ряд других положений находят свое проявление и дальнейшее развитие в рамках марксистского подхода и теоретических положений А.Н. Леонтьева. В этих положениях в первую очередь акцентируется внимание на человеческой деятельности, ее развитии и формах. Критике подвергаются положения, связанные с формированием образа потребности вследствие созерцания предмета

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос: «Если Вы меняли место работы в течение трудовой жизни, то какова была основная причина смены места работы?», % от числа опрошенных

Вариант ответа	Пол			Возраст		
	Мужской	Женский	Критерий χ^2	До 30 лет	После 30 лет	Критерий χ^2
1. Низкая заработная плата	54,8	50,6	1,402 ($p = 0,236$)	61,4	49,3	9,300 ($p = 0,002$)
2. Личные обстоятельства	19,9	24,6	2,532 ($p = 0,112$)	17,7	24,1	3,687 ($p = 0,055$)
3. Сокращение штатов	13,2	23,6	14,418 ($p < 0,001$)	11,8	21,1	9,159 ($p = 0,002$)
4. Неинтересная работа, нет надежды на карьерный рост	18,9	18,8	0,001 ($p = 0,980$)	21,8	17,7	1,774 ($p = 0,183$)
5. Плохие условия труда	21,2	20,2	0,110 ($p = 0,741$)	30,0	17,2	15,980 ($p < 0,001$)
6. Тяжелый труд	10,3	11,8	0,439 ($p = 0,507$)	11,8	10,8	0,160 ($p = 0,689$)
7. Хотел открыть свое дело	5,9	5,5	0,060 ($p = 0,807$)	5,0	6,0	0,303 ($p = 0,582$)
8. Нет социальной поддержки предприятия, организации (жилье, отдых и т.п.)	6,7	5,3	0,715 ($p = 0,398$)	7,3	5,5	0,893 ($p = 0,345$)
9. Окончание срока найма	7,8	4,8	2,946 ($p = 0,086$)	8,2	5,5	1,967 ($p = 0,161$)
10. Боязнь закрытия предприятия, организации	3,4	4,3	0,516 ($p = 0,473$)	2,7	4,3	1,057 ($p = 0,304$)
11. Плохие отношения в коллективе, с администрацией	3,9	6,7	3,253 ($p = 0,071$)	11,4	3,1	21,523 ($p < 0,001$)

Примечание: 1) сумма по столбцам превышает 100% в связи с тем, что при ответе на вопрос можно было выбрать несколько вариантов; 2) $\chi = 3,841$ при $p=0,05$; $\chi^2 = 6,635$ при $p=0,01$; $\chi^2 = 7,879$ при $p=0,005$. Соответственно, значение, позволяющее отвергнуть нулевую гипотезу об отсутствии взаимосвязи между признаками, должно быть не менее 3,841.
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, 2016 г., ВолНЦ РАН.

(ключевая проблема – в невозможности объяснения адекватности субъективного образа объективной реальности) [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. 1955]. Сознание в марксизме рассматривается как вторичное явление, как результат отражения материальных процессов, как относительно пассивная инстанция. В рамках марксизма проблемы мотивации рассматривались отечественными исследователями в культурно-исторической психологии развития (Л.С. Выготский) и психологической теории деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.). В первом случае внимание сосредоточивалось на общеметодологических закономерностях генезиса личности, во втором – на технологических аспектах.

Положения деятельностного подхода получили развитие у А.Н. Леонтьева, который деятельность связывает с личностью и рассматривает ее как внутренний момент [Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.3. 1955]. Предпосылки фор-

мирования личности возникают в условиях установления иерархии деятельностей и мотивов. Деятельность характеризуется с позиций процесса, направленного на предмет и совпадающего с побуждением человека к деятельности (мотивом). Непредметная деятельность невозможна, поскольку только в деятельности появляются предпосылки сознания, порождение мыслей, вне ее существует лишь непосредственное чувственное отражение. Потребность выступает в качестве внутреннего условия и предпосылки деятельности, т.к. она «опредмечивается», предмет становится мотивом, тем, что ее побуждает.

Обобщая результаты обзора теоретических подходов к исследованию мотивации, отметим следующее:

– вне зависимости от рассматриваемого теоретического направления основным источником активности населения признается потребностное состояние человека (отклонение

физиологических параметров от оптимального уровня), а основная задача сводится к устранению возникшего напряжения, в т.ч. с применением стимулов (поощрение/наказание), оказывающих как положительное, так и отрицательное влияние на поведение;

— связь между стимулами и последующим поведением может быть прямой или опосредованной когнитивными процессами; зачастую признается, что скрытые и явные мотивы в сочетании со способностями могут усиливать мотивационную составляющую, тем не менее в ряде случаев ведущая роль рациональных, познавательных аспектов в мотивации и в поведении критикуется (обращается внимание, что принятие решений может носить нерациональный характер);

— характер поведения и возможности возникновения конфликтных ситуаций будут зависеть от степени согласованности между явными и неявными мотивами; между внешними целями и мотивами должна обеспечиваться соотнесенность, а в условиях ее отсутствия — применение волевых механизмов регуляции; противоречия между мотивами могут возникать в ситуации, когда новые стимулы делают недействительными первоначальные мотивы и актуализируют новые.

Учитывая, что формирование мотива может быть связано как с внутренними, так и с внешними процессами, подчеркнем, что во втором случае имеет место управление мотивацией. Например, в ситуации, когда для выполнения работ с «бедным» содержанием труда, не имеющим «внутренней привлекательности», мотивация может формироваться под воздействием внешних факторов с помощью мотивационно-стимулирующего механизма.

II. Мотивационно-стимулирующий механизм

В научной литературе отсутствует однозначная трактовка мотивационно-стимулирующего механизма. Характеризуя его, зачастую говорят о единстве мотива и стимула. Последний рассматривается с позиций внешнего объекта (материальные предметы, образы психологически комфортного состояния и др.), оказывающего воздействие на поведение отдельного человека или группы людей, привлекательного для них и выступающего в качестве цели их устремлений. Мотив связывают с внутренним побуждением,

индуцированным стимулом, поэтому в условиях отсутствия реальных действенных стимулов мотивы могут и не возникнуть.

Направленность мотивации определяется жизненной позицией личности и возможностями ее реализации в конкретных условиях. Мотивация служит формой регуляции психических процессов, выражается в устойчивом стремлении к самореализации и выступает в качестве побудительной силы. Учитывая, что мотивационная сфера личности является внутренним психологическим образованием, следует говорить о существовании возможности воздействия на нее через мотивационно-стимулирующий механизм [Шавель С.А. *Общественная миссия социологии*. 2010].

Исходя из теоретических положений таких подходов, как бихевиористский и опредмеченного побуждения А.Н. Леонтьева, мотивационно-стимулирующий механизм можно определить как *систему характеристик субъекта и условий деятельности, благодаря которой происходит добровольное принятие субъектом нормативных требований (обязанностей) и мобилизация его потенциала на успешное выполнение деятельности*.

В данном случае в качестве стимула выступают условия деятельности, в качестве образа предмета — нормативные требования. За счет соотнесенности между «внутренним и «внешним» осуществляется добровольное принятие этих требований, в свою очередь сопоставимость их с имеющимся потенциалом может способствовать повышению эффективности деятельности.

Принимая во внимание деятельностьную акцентировку мотивационно-стимулирующего механизма, при его разработке необходимо учитывать нормативность отношений между участниками, предполагая понятность «правил игры» и возможность их реализации в деятельности; наличие социально полезных, доступных для участников социально-экономических отношений стимулов, соотнесенных с внутренними ориентациями и установками; справедливость вознаграждения в соответствии с осуществляемым вкладом; легитимность и легальность используемых средств достижения цели. Кроме того, *важную роль имеет учет конкретных видов деятельности и условий их*

осуществления [Шавель С.А., Михайловская С.В. Знать общество, в котором мы живем. 2014], поскольку это задает специфику мотивационно-стимулирующего механизма.

Так как в указанном исследовании сделан акцент на изучении аспектов, связанных с мотивацией к творческой трудовой активности, то определению последней также уделено внимание. При этом в основу данного понятия положена трудовая активность, которая рассматривается с позиций не только количественных, но и качественных характеристик выполняемой работы, дисциплинированности участников трудового процесса (соблюдения норм и правил внутреннего распорядка, трудовой дисциплины), а также характера этой активности. С учетом последнего признака трудовая активность может быть разделена на творческую и нетворческую [Попов А.В. Развитие трудовой активности населения. 2012]. В свою очередь творческая трудовая активность может быть охарактеризована как вид трудовой активности, предполагающий вовлеченность населения в процессы создания новых идей, совершенствования организационных технологий, разработки новых продуктов. При этом вовлеченность в инновационные процессы предполагает наличие способностей, связанных с обеспечением на когнитивном и поведенческом уровне разработки и внедрения новых, перспективных идей в индивидуальную деятельность субъекта, в деятельность социальной системы, в рамках которой субъект функционирует [Яголковский С.Р. Творческая деятельность субъекта в условиях инновационного процесса... 2013], и решение на этой основе задач, способствующих повышению количественных и качественных результатов труда [Богданчикова Т.В. Трудовая и творческая активность работников в условиях предпринимательства. 2006].

В научной литературе отмечается, что творческая активность предполагает не только мыслительные процессы, но и «динамические силы», приводящие эти процессы в действие [Gutman H. The biological roots of creativity. 1967]. Вместе с тем в отношении динамических сил имеются разные точки зрения. В частности, среди побудителей к таким действиям называются:

– *природный инстинкт* (позыв к творчеству возникает инстинктивно; мотивация к творче-

ству самовозникает и саморазвивается [Rorbach M.A. La pensee vivante. Regles et techniques de la pensee creatice. 1959]);

– *коммуникативный мотив* (установка на социальный заказ, точность и совершенство формы) [Жабицкая Л.Г. К проблеме ведущих мотивов... 1983];

– *познавательная потребность* (формирование ценностного отношения к миру; разнообразие интересов создает условия для накопления материала для творческих преобразований, что сопровождается формированием состояния заинтересованности);

– *стремление к значимости своей личности* (направленность на то, чтобы сделать что-то качественнее, лучше, чем все остальные [Шаров А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. 2000]);

– *мотив достижения* (стремление к успеху, к достижению цели; Chambers, 1967);

– *соревновательность* (конкурентные отношения между разными творческими структурами могут приводить к открытиям и различным достижениям; Уотсон Дж., 1968);

– *смена направлений творческой деятельности* (для сохранения мотивации к творческой деятельности на протяжении всей жизни);

– *удовольствие от работы* (удовлетворение от понимания сложных вопросов и предметов; Дарвин Ч., 1957).

Проиллюстрируем влияние некоторых из приведенных выше мотивов на творческую активность на примере фактических данных. В качестве объекта исследования в данном случае выбраны молодые люди в возрасте до 29 лет, как обладающие наибольшим инновационным потенциалом. Результаты, полученные в 2016 г. в рамках мониторинга качества трудового потенциала, проводимого Вологодским научным центром РАН, свидетельствуют о преобладании у молодежи вынужденных мотивов к творческой деятельности (практическая необходимость или задание от начальства – 46%), на добровольной основе творчеством занимается только 5%. Одна из особенностей творческих молодых людей по сравнению с остальным населением – то, что у них бывают чаще выражены мотивы саморазвития и самореализации. Это проявляется в том, что среди творческой молодежи выше интеллектуальный уровень (71% против 33%), она чаще настроена на

занятия творческим трудом (65% против 8%) и предпринимательской деятельностью (52% против 25%). Кроме того, в системе мотивации этой группы населения важное место отводится социальным мотивам, связанным с достижением определенного места в обществе и должностного положения. Так, например, специалистов с высшей квалификацией втрое больше среди творческих молодых людей, а в перспективе, через пятнадцать лет, они вдвое чаще по сравнению с остальными видит себя в качестве глав предприятий, а втрое чаще — среди руководителей низовых звеньев управления. Не удивительно, что склонность к непрерывному образованию, саморазвитию и достижению определенного социального статуса может сопровождаться ростом не только производительности труда и среднемесячной заработной платы, но и удовлетворенности жизнью. Это наглядно демонстрируют данные мониторинга качества трудового потенциала населения Вологодской области за 2016 г.: среди инновационно активной молодежи несколько выше по сравнению с остальными производительность труда (7,9 против 7,7 балла по 10-балльной шкале), оплата труда (18 635 против 18 113 руб.), удовлетворенность жизнью (42% против 26%).

Однако следует учитывать, что реализации творческой активности препятствует множество факторов. В научной литературе такие факторы подразделяют на *внутренние* (недостаточное развитие волевых качеств, отсутствие таланта, знаний, нетерпение, невнимание) и *внешние* (недостаточный уровень материальной обеспеченности, отсутствие поддержки со стороны родных и близких, учителей и родителей, отсутствие единомышленников и др.; Жердева М.М., 2005). В обобщенном виде препятствующие активности барьеры структурированы В.М. Воскобойниковым [Воскобойников В.М. Как определить и развить способности ребенка. 1996]: это *контрсуггестивные* (предубеждение, неверие в свои силы, недоверие к коллегам, ригидность взглядов и установок, приспособленчество), *тезаурусные* (низкий уровень образования, интеллектуального развития, недоступность информации), *интеракционные* (неумение планировать и организовывать деятельность свою и других), — то есть те барьеры, которые имеют чувственно-эмоциональную, когнитивную и поведенческую при-

роду и влияют на разные «границы» субъективности личности.

Одним из важных факторов, воздействующих на творческую трудовую активность, является социально-экономическая среда. При этом может наблюдаться не только влияние творческого населения на развитие экономики той или иной территории, но и обратное воздействие. В качестве примера влияния творческих работников на экономику территории назовем Великобританию, в которой креативная индустрия стала одним из приоритетных направлений экономического развития. Уже в 1998 г., в соответствии с правительственным документом Creative Industries Mapping Document, в данном секторе были трудоустроены 1,4 млн. чел. с совокупным доходом более 60 билл. фунтов и вкладом в ВВП на уровне 4%. Интересен тот факт, что творческая сфера труда в Великобритании считается как важным сегментом экономики, так и одним из инструментов социальной мобильности [Кулева М.И. Трансформация творческой занятости в современной России. 2017].

Следует также отметить положительное влияние предпринимательского сектора на экономическое развитие, рассмотренное в следующих работах: Acs et al. (2004); Audretsch, Keilbach (2004); Van Stel, Carree, Thurik (2005); Acs (2006); Baumol, Storm (2007); Van Praag, Versloot (2007). В их работах подчеркивается, что *экономическому развитию способствует не столько увеличение общего количества предпринимателей, сколько рост числа тех, деятельность которых в большей степени связана с производством и распространением инновационных продуктов, а также новых способов ведения бизнеса* [Александрова Е.А., Верховская О.Р. Мотивация предпринимательской активности... 2016].

Интерес представляет и характер влияния уровня экономического развития территорий на мотивы предпринимательской деятельности. Так, по мере экономического развития уровень вынужденного предпринимательства сокращается, в то время как добровольного, напротив, увеличивается. Например, в 2016 г. в среднем по инновационно-ориентированным экономикам доля добровольных предпринимателей составила 79%, тогда как по ресурсно-ориентированным — 66%. В России наибольшая доля

вынужденных предпринимателей (39%) была зафиксирована в 2014 г., в период кризисных явлений в экономике, когда наблюдалось сокращение спроса на рынке труда, сопровождавшееся выбором в пользу предпринимательства как альтернативы занятости [Глобальный мониторинг предпринимательства... 2017].

Множество различных факторов, воздействующих на творческую трудовую активность, приводят к необходимости управления ею. Обобщая существующие практики, можно отметить наличие по меньшей мере двух подходов к управлению. Первый связан с инициативностью руководителей при пассивности подчиненных и их лояльности к руководству. В таких условиях значительная доля работников зачастую проявляет благожелательное отношение к руководству и подчиненность его требованиям [Эфендиев А.Г. и др. Организационная культура как нормативно-ролевая система требований... 2012]. В ряде случаев отмечается, что российская культура предполагает не столько соблюдение формальных аспектов, сколько формирование отношений в коллективе и достижение доверия. В таких условиях практически нет места инициативности и креативности, а карьера обеспечивается преимущественно через лояльность к коллективу [Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. «Человеческое измерение» российского бизнеса...2012; Эфендиев А.Г. и др. Карьера сотрудников российских бизнес-организаций... 2011]. Второй подход к управлению, применяемый в условиях нестабильности (повышенная степень неопределенности, непредсказуемость характера работ и др.), связан с предоставлением некоторой автономии исполнителям при условии выполнения поставленных задач [Прохоров А.П. Русская модель управления. 2013]. В данной модели к факторам, определяющим карьерный рост сотрудников, относят уже не лояльность, а профессионализм, исполнительность и активность. Вертикальная мобильность сотрудников обеспечивается в условиях развития отдельных качеств, среди которых, например, коммуникабельность, креативность, высокая адаптивность и др. [Эфендиев А.Г. и др. Карьера сотрудников российских бизнес-организаций... 2011]. Отмечается, что при таком подходе руководители организаций чаще всего склонны привлекать своих подчиненных к обсуждению нововведений и принятию решений.

Обозначенные выше подходы к управлению не существуют изолированно, нередко речь может идти об их сочетании в разных пропорциях в зависимости от того, каким образом меняется стиль и характер работы с учетом внешних условий. По мнению А.П. Прохорова, следует принимать во внимание и дуализм национального характера, предполагающий, с одной стороны, пассивность и склонность к лени, с другой – «грандиозные свершения» в короткие сроки [Прохоров А.П. Русская модель управления. 2013].

Обозначенные выше два подхода к управлению находят свое применение и в том случае, когда речь идет об управлении творческой трудовой активностью. Признается необходимость алгоритмизации, разработки технических приемов, способствующих созданию чего-либо нового, и в то же время – косвенных способов управления, предполагающих создание условий для творческой трудовой активности (творческий климат в научно-исследовательском коллективе, создание ситуаций, благоприятных для интуитивного «схватывания» идеи проекта и др. [Пономарев Я.А. Психология творчества. 1976].

Управление творческим коллективом осуществляется с использованием разного рода методов, к числу которых могут быть отнесены мозговой штурм (брайншторминг), синектика, маевтика, ИПИД (индуцирование психоинтеллектуальной деятельности) и др., обзор которых дан в книге Г. Буша [Буш Г.О. Основы эвристики для изобретателей. 1977]. Критика этих методов, по утверждению Я.А. Пономарева [Пономарев Я.А. Психология творчества. 1976], обусловлена тем, что они не выходят за пределы эмпирических («сырье» для последующего фундаментального анализа), возникают преимущественно вне научных исследований проблем творчества, связаны с искусственными способами организации творческого общения. Поэтому их использование не всегда сопровождается теми результатами, достижение которых ожидалось изначально.

Одним из способов управления творческой трудовой активностью является создание творческих коллективов, в особенности междисциплинарных, в которых бы учитывались разные типы личности, отсутствовали барьеры изоляции, затрудняющие генерацию и использование идей [Советова О.С. Инновации: теория

и практика. 1997]. Однако существование таких коллективов сопряжено с рядом проблем, среди которых – понимание (в связи с отсутствием общего для всех языка). Я.А. Пономарев и Ч.М. Гаджиев [Пономарев Я.А., Гаджиев Ч.М. Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач. 1983] отмечают ряд этапов, которые должно пройти творческое общение: если на начальном этапе происходит передача информации и не предполагается использование второстепенных сведений, то на одном из последних этапов акцентируется внимание на высказывании и понимании новых идей, а передача остальной информации становится вторичной. Следует особо подчеркнуть, что формулировка и понимание новых идей в отличие от остальных этапов разворачивания коммуникативного процесса может быть сопряжена с рядом трудностей, среди которых особое место отводится психологическим барьерам личности, связанным с инертностью установок и стереотипов мышления (необходимость понимания и внутреннего согласия с новыми идеями, в ряде случаев противоречащими привычным представлениям).

Вовлеченность в различного рода социальные ситуации способствует повышению внутренней мотивации к росту творческого потенциала [Amabile T.M. Creativity in context. 1996]. Различают внутренне и внешне обусловленную мотивацию. В первом случае инноватор акцентирует внимание на творческом процессе, во втором – на результатах. Мотивация, вызванная внутренними процессами, может быть связана с прохождением обучения, приобретением знаний, навыков, опыта работы, в то время как внешняя – с производственными целями [Kaufman J.C. Creativity. 2009; Nicholls J.G. Quality and equality in intellectual development... 1979].

Мотивация, обусловленная социальными аспектами, предполагает желание затрачивать усилия на помощь и содействие другим людям [Batson C.D. Prosocial motivation... 1987; Grant A.M., Berry J. The necessity of others is the mother of invention... 2011]. Так, творчество, основывающееся на социальных и моральных ценностях, рассматривается как «атрибут» помощи другим людям и обществу в целом [Niu W., Sternberg R.J. Contemporary studies on the

concept of creativity... 2002; Niu W., Sternberg X. The philosophical roots of western and eastern conceptions of creativity. 2006]. Выявлено, что творчество положительно связано с ценностями универсализма, благожелательности, добра для других [Dollinger S.J., Burke P.A., Gump N.W. Creativity and values. 2007]. Показано, что оригинальность продукта, созданного для другого субъекта, превышает оригинальность его создания для себя [Polman E., Emich K.J. Decisions for others are more creative than decisions for the self. 2011], что отчасти может быть обусловлено положительным влиянием социальных мотивов на творческое мышление [Grant A.M., Berry J. The necessity of others is the mother of invention... 2011]. Однако встречаются такие исследования, в которых показано, что творчество может сопровождаться социальной изоляцией и неодобрением [Arndt J. et al. Creativity and terror management... 1999], а это, в свою очередь, препятствует творческим начинаниям из-за угрозы разрушения социальных связей. Соответственно для повышения творческой активности необходимо предпринимать меры, направленные на восстановление социальных контактов [Routledge C. et al. The life and death of creativity... 2008].

В зарубежных работах предлагаются меры «просоциального» и «альтруистического» поведения [Carlo G., Randall B.A. The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents. 2002; Chadwick R.A. et al. An index of specific behaviors in the moral domain. 2006; Rushton J.P. et al. The altruistic personality and the self-report altruism scale. 1981]. Тем не менее все еще недостаточно работ, в которых бы рассматривались социальные мотивы и поведение в контексте творчества. В частности, Simonton D.K. [Simonton D.K. Creativity. 2005] подчеркивает необходимость разработки новых методов для активизации как индивидуального, так и группового творчества. В большинстве эмпирических работ сделан акцент на когнитивных подходах, обеспечивающих творческое мышление [Scott G. et al. The effectiveness of creativity training... 2004], в то время как мотивационным, позволяющим преодолеть возможные негативные последствия влияния внешних стимулов, не уделяется должного внимания [Hennessey B.A., Zbikowski S.M. Immunizing children against the negative effects of reward... 1993].

Можно констатировать, что для обеспечения системного характера управления творческой трудовой активностью необходим учет как внешних, так и внутренних факторов, а также выявление барьеров, имеющих чувственно-эмоциональную, когнитивную и поведенческую природу и влияющих на разные аспекты субъективности личности. Особая роль должна отводиться сочетанию прямых и косвенных методов управления. Исходя из деятельностного подхода можно утверждать, что значительное место должны занимать создание творческих групп, взаимоувязка мотивов входящих в их состав участников с приоритетом социальных мотивов, объединяющих коллектив.

Обращаясь к необходимости учета в мотивационном механизме как внешних, так и внутренних элементов мотивации и в соответствии с этим внешних и внутренних форм стимулирования, заметим, что в научно-исследовательской литературе в ряде случаев делается акцент на стимулах и результатах, в то время как мотивационные характеристики личности (установки, убеждения, идеалы) не находят должного отражения. Последние не следует игнорировать, поскольку, например, убеждения побуждают к действию в соответствии с ценностными ориентациями, а установки придают целенаправленный, последовательный характер выполнению деятельности. Необходимость учета как внешних, так и внутренних элементов мотивации обусловлена использованием комплексного подхода, предполагающего единство мотива и стимула. Эта идея на практике иногда находит свое выражение в учете «экономических», внешних, и «неэкономических», внутренних, составляющих. При этом взаимообусловленность «внешнего» и «внутреннего» может достигаться за счет использования разных форм воздействия на мотивационные характеристики личности. Среди них следует выделить неимперативные (просьба, предложение/совет, убеждение и внушение), прямые императивные (приказы, требования, принуждение), манипуляция (скрытое от адресата побуждение его к изменению отношения к чему-либо, принятию решений и выполнению действий, необходимых для достижения манипулятором собственных целей), мотивация, вызванная привлекательностью объекта.

Заключая, отметим следующее.

1. В исследовании показано, что поведение населения определяется особенностями его мотивационной сферы, состоящими в обеспечении согласованности между разными группами мотивов, в соотносении между внешними целями и мотивами (в основе поведения лежит тот мотив из иерархии, который в большей степени обеспечит достижение целевого состояния), в использовании волевых механизмов регуляции для их согласования. В основе формирования мотивационной сферы должна лежать предпосылка единства стимула и мотива, возможность структурирования мотивов по ряду признаков (явные/неявные, экономические/неэкономические, формируемые под определяющим влиянием внешней среды или исходя из внутренних предпосылок и др.).

2. Проведенный нами анализ фактических данных позволил выявить в структуре мотивов молодежи преобладающие мотивы творческой трудовой активности, к которым отнесены вынужденные (обусловленные практической необходимостью) и экономические (величина оплаты труда, справедливость/несправедливость ее начисления, влияющие на поведение населения на всех этапах, начиная с трудоустройства и заканчивая сменой места работы и увольнением). Показано, что у творческого населения по сравнению с теми, кто не проявляет активность в этом плане, ярче выражены мотивы интеллектуального развития и самореализации, а также социальные, связанные с достижением определенного положения в обществе. Установлено, что мотивы различаются в зависимости от принадлежности населения к той или иной социально-демографической группе (например, для более обеспеченных одним из наиболее значимых мотивов является возможность управления организацией, в то время как для противоположной группы по уровню дохода важную роль наряду с материальным фактором играет режим работы), и эти особенности необходимо учитывать в процессе управления творческой трудовой активностью.

3. Определено, что управление творческой трудовой активностью населения должно осуществляться на основе системного подхода, предполагающего формирование механизма

творческой трудовой активности; его создание должно базироваться на теоретических положениях бихевиористского подхода и опредмеченного побуждения А.Н. Леонтьева, а в его структуру наряду с субъектом и объектом должны входить индивидуальные и групповые формы организации инновационного процесса, прямые и косвенные методы управления, внешние и внутренние факторы, способствующие и препятствующие творчеству.

4. Управление творческой трудовой активностью должно быть основано как на проявлении инициативности со стороны руководи-

телей, так и на предоставлении некоторой автономии исполнителям при решении задач; при этом влияющими факторами могут быть не столько лояльность по отношению к руководству, сколько профессионализм, исполнительность и активность; одним из способов управления творческой трудовой активностью может стать формирование творческих коллективов, в которых бы учитывались разные типы личностей, осуществлялось согласование целей и установок его участников, а также преодоление барьеров, затрудняющих генерацию и использование идей.

Литература

1. Tether B., Mina A., Consoli D., Gagliardi D. *A literature review on skills and innovation. How does successful innovation impact on the demand for skills and how do skills drive innovation? CRIC report for the Department of trade and Industry, 2005.*
2. Dessler G. *Human Resource Management*. 9th ed. Upper Saddle River, New Jersey: Prentice Hall, 2003.
3. Разнодѣжина Э.Н., Красников И.В. Мотивация рыночной организации труда в современных условиях. Ульяновск: УЛГТУ, 2011. 214 с.
4. Скрипниченко Л.С. Исследование особенностей трудовой мотивации на предприятиях сферы общественного питания // *Инновационная наука: международный научный журнал*. 2015. № 9. С. 288–290.
5. Kehr H.M. Integrating implicit motives, explicit motives, and perceived abilities: the compensatory model of work motivation and volition. *Academy of Management Review* 2004, vol. 29, no. 3, pp. 479–499.
6. Brunstein J.C., Schultheiss O.C., Graßmann R. Personal goals and emotional well-being: The moderating role of motive dispositions. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, vol. 75, pp. 494–508.
7. Emmons R.A., McAdams D.P. Personal strivings and motive dispositions: Exploring the links. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 1991, vol. 17, pp. 648–654.
8. McClelland D.C., Koestner R., Weinberger J. How do self-attributed and implicit motives differ? *Psychological Review*, 1989, vol. 96, pp. 690–702.
9. Spangler W.D. Validity of questionnaire and TAT measures of need for achievement: Two meta-analyses. *Psychological Bulletin*, 1992, vol. 112, pp. 140–154.
10. Russell I.L. *Motivation*. Dubuque, IA: Wm. C. Brown Company, 1971.
11. Yorks L. *A Radical Approach to Job Enrichment*. New York: Amacom, 1976.
12. Kast F.E., Rosenzweig J.E. *Organization and Management: A Systems and Contingency Approach*. New York: McGraw-Hill Book Company, 1970.
13. Основные психологические теории мотивации. Рационалистические и иррационалистические подходы к сущности и происхождению мотивации. Режим доступа: <http://www.newpsycholog.ru/newlos-45-2.html>
14. Современная психология мотивации / под ред. Д.А. Леонтьева; М.: Смысл, 2002. С. 36–37.
15. Weinberger J., McClelland D.C. Cognitive versus traditional motivational models: Irreconcilable or complementary? In: Higgins E.T., Sorrentino R.M. (Eds.). *Handbook of Motivation and Cognition: Foundations of Social Behavior*. Vol. 2. New York: Guilford Press, 1990. Pp. 562–597.
16. Koestner R., Weinberger J., McClelland D.C. Task-intrinsic and social-extrinsic sources of arousal for motives assessed in fantasy and self-report. *Journal of Personality*, 1991, vol. 59, pp. 57–82.
17. McClelland D.C. *Scientific psychology as a social enterprise. Working paper*. Boston University, 1995.
18. McClelland D.C. How motives, skills, and values determine what people do. *American Psychologist*, 1985, vol. 40, pp. 812–825.

19. Maslow A.H. A theory of human motivation. *Psychological Review*, 1943, vol. 50, pp. 370–396.
20. McClelland D.C., Atkinson J.W., Clark R.A., Lowell E.L. *The Achievement Motive*. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.
21. Atkinson J.W. *An Introduction to Motivation*. Princeton, NJ: Van Nostrand, 1964.
22. Higgins E.T. Promotion and prevention: Regulatory focus as a motivational principle. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1998, vol. 30, pp. 1–46.
23. Kanfer R., Heggstad E.D. Motivational traits and skills: A person-centered approach to work motivation. *Research in Organizational Behavior*, 1997, vol. 19, pp. 1–56.
24. Epstein S. Personal control from the perspective of cognitive-experiential self-theory. In: Kofta M., Weary G., Sedek G. (Eds.). *Personal Control in Action: Cognitive and Motivational Mechanisms*. New York: Plenum Press, 1998. Pp. 5–26.
25. Metcalfe J., Mischel W. A hot/cool-system analysis of delay of gratification: Dynamics of willpower. *Psychological Review*, 1999, no. 106, pp. 3–19.
26. Cantor N., Blanton H. Effortful pursuit of personal goals in daily life. In: Bargh J. A., Gollwitzer P.M. (Eds.). *The Psychology of Action: Linking Cognition and Motivation to Behavior*. New York: Guilford Press, 1996. Pp. 338–359.
27. King L.A. Wishes, motives, goals, and personal memories: Relations of measures of human motivation. *Journal of Personality*, 1995, vol. 63, pp. 985–1007.
28. Sokolowski K., Schmalt H.-D., Langens T.A., Puca R.M. Assessing achievement, affiliation, and power motives all at once: The multi-motive grid (MMG). *Journal of Personality Assessment*, 2000, vol. 74, pp. 126–145.
29. Sheldon K.M., Kasser T. Coherence and congruence: Two aspects of personality integration. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, vol. 68, pp. 531–543.
30. Bazerman M.H., Tenbrunsel A.E., Wade-Benzoni K. Negotiating with yourself and losing: Making decisions with competing internal preferences. *Academy of Management Review*, 1998, vol. 23, pp. 225–241.
31. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 2000, vol. 55, pp. 68–78.
32. Heckhausen H. *Hoffnung und Furcht in der Leistungsmotivation*. Meisenheim am Glan: Anton Hain, 1963.
33. Fischhoff B., Goitein B., Shapira Z. The experienced utility of expected utility approaches. In: Feather N.T. (Ed.). *Expectations and Actions: Expectancy-Value Models in Psychology*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1982. Pp. 315–339.
34. Eccles J.S. Gender roles and women's achievement-related decisions. *Psychol. Women Q.*, 1987, vol. 11, pp. 135–172.
35. Eccles J.S., Harold R.D. Gender differences in educational and occupational patterns among the gifted. In: Colangelo N., Assouline S.G., Ambrosio D.L. (Eds.). *Talent Development: Proceedings from the 1991 Henry B. and Jocelyn Wallace National Research Symposium on Talent Development*. Unionville, NY: Trillium Press, 1992.
36. Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Psychological Review*, 1977, vol. 84, pp. 191–215.
37. Bandura A. Self-regulation of motivation and action through goal systems. In: Hamilton V., Bower G.H., Frijda N.H. (Eds.). *Cognitive Perspectives on Emotion and Motivation*. Dordrecht, Netherlands: Kluwer, 1988. Pp. 37–61.
38. Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, vol. 11, pp. 227–268.
39. Lawler E.E. *Pay and Organizational Effectiveness: A Psychological View*. New York: McGraw-Hill, 1971.
40. Lawler E.E., Jenkins G.D. Strategic reward systems. In: Dunnette M.D., Hough L.M. (Eds.). *Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Vol. 3 (2nd ed.)*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1992. Pp. 1009–1055.
41. Srivastava A., Locke E.A., Bartol K.M. Money and subjective well-being: It's not the money, it's the motives. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2001, vol. 80, pp. 959–971.
42. Kanfer R. Motivation theory and industrial and organizational psychology. In: Dunnette M.D., Hough L.M. (Eds.). *Handbook of Industrial and Organizational Psychology. Vol. 1 (2nd ed.)*. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1990. Pp. 75–170.

43. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
44. Шавель С.А. Общественная миссия социологии (Гл. 5: Мотивационно-стимулирующий механизм социальной активности). Минск: Беларуская навука, 2010. 404 с.
45. Знать общество, в котором мы живем: интервью доктора социологических наук, профессора С.А. Шавеля журналисту С.В. Михайловской // Социология. 2014. № 2. С. 5–15.
46. Попов А.В. Развитие трудовой активности населения // Проблемы развития территории. 2012. Вып. 6(62). С. 66–76.
47. Яголковский С.Р. Творческая деятельность субъекта в условиях инновационного процесса: когнитивный и групповые аспекты // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 98–108.
48. Богданчикова Т.В. Трудовая и творческая активность работников в условиях предпринимательства // Омский научный вестник. 2006. № 4(38). С. 181–184.
49. Gutman H. The biological roots of creativity. In: *Exploration in Creativity*. New York, 1967.
50. Rorbach M.A. *La pensee vivante. Regles et techniques de la pensee creatice*. Paris. 1959.
51. Жабицкая Л.Г. К проблеме ведущих мотивов литературно-художественного творчества // Тезисы научных сообщений советских психологов к VI Всесоюзному съезду Общества психологов СССР. Личность в системе общественных отношений. Социально-психологические проблемы в условиях развитого социалистического общества. М., 1983. Ч. 1. С. 116–118.
52. Шаров А.С. Ограниченный человек: значимость, активность, рефлексия. Омск, 2000.
53. Воскобойников В.М. (сост.) Как определить и развить способности ребенка. СПб., 1996.
54. Кулева М.И. Трансформация творческой занятости в современной России: на примере сотрудников негосударственных арт-центров Москвы // Мониторинг общественного мнения. 2017. №2(138). Март-апрель. С. 50–62.
55. Александрова Е.А., Верховская О.Р. Мотивация предпринимательской активности: роль институциональной среды // Вестник СПбГУ. Сер. 8: Менеджмент. 2016. Вып. 3. С. 107–138.
56. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016/2017: национальный отчет. Режим доступа: http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf
57. Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Гоголева А.С. Организационная культура как нормативно-ролевая система требований к работнику российских бизнес-организаций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 4. С. 167–187.
58. Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С. «Человеческое измерение» российского бизнеса: к демократически-гуманистическому типу социальной организации фирмы // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 43–54.
59. Эфендиев А.Г., Балабанова Е.С., Сорокин П.С. Карьера сотрудников российских бизнес-организаций как социальное явление: опыт эмпирического исследования // Мир России. 2011. Т. 20. № 4. С. 140–169.
60. Прохоров А.П. Русская модель управления. М.: Студия Артемия Лебедева, 2013.
61. Пономарев Я.А. Психология творчества. М., 1976.
62. Буш Г.О. Основы эвристики для изобретателей. Рига, 1977.
63. Советова О.С. Инновации: теория и практика. СПб., 1997. Глава 4.
64. Пономарев Я.А., Гаджиев Ч.М. Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач: исследование проблем психологии творчества. М., 1983. С. 279–295.
65. Amabile T.M. *Creativity in context*. Boulder, CO: Westview Press. 1996.
66. Kaufman J.C. *Creativity 101*. New York, NY: Springer, 2009.
67. Nicholls J.G. Quality and equality in intellectual development: The role of motivation in education. *American Psychologist*, 1979, vol. 34, pp. 1071–1084. DOI:10.1037/0003-066X.34.11.1071
68. Batson C.D. Prosocial motivation: Is it ever truly altruistic? In: Berkowitz L. (Ed.). *Advances in Experimental Social Psychology*. Vol. 20. New York, NY: Academic Press, 1987. Pp. 65–122. DOI:10.1016/S0065-2601(08)60412-8
69. Grant A.M., Berry J. The necessity of others is the mother of invention: Intrinsic and prosocial motivations, perspective-taking, and creativity. *Academy of Management Journal*, 2011, vol. 54, pp. 73–96. DOI:10.5465/AMJ.2011.59215085

70. Niu W., Sternberg R.J. Contemporary studies on the concept of creativity: The East and the West. *Journal of Creative Behavior*, 2002, vol. 36, pp. 269–288. DOI:10.1002/j.2162-6057.2002.tb01069.x
71. Niu W., Sternberg X. The philosophical roots of western and eastern conceptions of creativity. *Journal of Theoretical and Philosophical Psychology*, 2006, vol. 26, pp. 1001–1021. DOI:10.1037/h0091265
72. Dollinger S.J., Burke P.A., Gump N.W. Creativity and values. *Creativity Research Journal*, 2007, vol. 19, pp. 91–103. DOI:10.1080/10400410701395028
73. Polman E., Emich K.J. Decisions for others are more creative than decisions for the self. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2011, vol. 37, pp. 492–501. DOI:10.1177/0146167211398362
74. Arndt J., Greenberg J., Solomon S., Pyszczynski T., Schimel J. Creativity and terror management: Evidence that creative activity increases guilt and social projection following mortality salience. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, vol. 77, pp. 19–32. DOI:10.1037/0022-3514.77.1.19
75. Routledge C., Arndt J., Vess M., Sheldon, K.M. The life and death of creativity: The effects of mortality salience on self versus social-directed creative expression. *Motivation and Emotion*, 2008, vol. 32, pp. 331–338. DOI:10.1007/s11031-008-9108-y
76. Carlo G., Randall B.A. The development of a measure of prosocial behaviors for late adolescents. *Journal of Youth and Adolescence*, 2002, vol. 31, pp. 31–44. DOI:10.1023/A:1014033032440
77. Chadwick R.A., Bromgard G., Bromgard I., Trafimow D. An index of specific behaviors in the moral domain. *Behavior Research Methods*, 2006, vol. 38, pp. 692–697. DOI:10.3758/BF03193902
78. Rushton J.P., Chrisjohn R.D., Fekken G.C. The altruistic personality and the self-report altruism scale. *Personality and Individual Differences*, 1981, vol. 2, pp. 293–302. DOI:10.1016/0191-8869(81)90084-2
79. Simonton D.K. Creativity. In: Snyder C.R., Lopez S.J. (Eds.). *Handbook of Positive Psychology*. New York, NY: Oxford University Press, 2005. Pp. 189–201.
80. Scott G., Leritz L.E., Mumford M.D. The effectiveness of creativity training: A quantitative review. *Creativity Research Journal*, 2004, vol. 16, pp. 361–388. DOI:10.1080/10400410409534549
81. Hennessey B.A., Zbikowski S.M. Immunizing children against the negative effects of reward: A further examination of intrinsic motivation training techniques. *Creativity Research Journal*, 1993, vol. 6, pp. 297–307. DOI:10.1080/10400419309534485

Сведения об авторах

Александра Анатольевна Шабунова – директор, доктор экономических наук, доцент, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, зав. лабораторией, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Ксения Александровна Устинова – к.э.н., старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustinoва-kseniya@yandex.ru)

Shabunova A.A., Leonidova G.V., Ustinova K.A.

Theoretical Approaches to Studying People's Motivation for Creative Labor Activity in the Socio-Humanitarian Thought

Abstract. The article raises the issues of motivation in the context of individual approaches (Freudian, behavioral, cognitive-psychological, etc.) in the framework of theoretical-personal and theoretical-associative fields. The goals of the article are as follows: to structure the main existing approaches to the study of motivation, and to determine the provisions that can be used in the framework of the motivation for people's creative labor activity. The study used general logical methods and techniques, such as

system approach, generalization, analysis, and synthesis. We conclude that the main source of people's activity is need-based tension, and the aim is to eliminate it using external incentive factors. We show that the nature of behavior will be determined by the degree of consistency between different groups of motives, correlation of motives and external goals, and in the absence of such coordination – by volitional mechanisms of regulation. We point out that scientific literature contains no unambiguous definition of motivational-stimulating mechanism; the paper provides its interpretation from the standpoint of behavioral approach and A.N. Leontiev's theory of subjectified motivation. We focus our attention on the fact that the development of motivational-stimulating mechanism should take into account the specific nature of activity. We provide motives of creative activity, among which we highlight the cognitive and communicative motives, achievements, etc. We prove that the system-wide management of creative labor activity can be achieved by creating a motivational and stimulating mechanism, which would take into account direct and indirect methods of management, both external and internal factors that contribute to and hinder the development of subjectivity and have a different nature. Having reviewed the relevant literature, we conclude that most of the methods to promote people's creative labor activity are empirical and arise mainly outside the study of scientific problems of creativity. So far, studies focus on cognitive aspects that provide creative thinking and behavior, while motivational aspects and those focused on overcoming negative effects of external stimuli are not given due attention. Theoretical aspects of our study can be used to develop a system of measures aimed to promote creative activity and motivational-stimulating mechanism.

Key words: motivational-stimulating mechanism, motive, stimulus, creative activity, labor activity.

Information about the Authors

Aleksandra A. Shabunova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: aas@vscc.ac.ru)

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Laboratory Head, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Статья поступила 25.10.2017.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.7

УДК 330:341, ББК 72

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Международный ландшафт рынка российских экономических журналов

Евгений Всеволодович

БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, 109456, Российская Федерация, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319
E-mail: EVBalatskij@fa.ru

Наталья Александровна

ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, 109456, Российская Федерация, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319
E-mail: n.ekimova@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается новый этап формирования российского рынка экономических журналов, который характеризуется их активным вхождением в международные базы данных — Scopus и Web of Science. Для адекватного отражения произошедших на рынке качественных сдвигов предлагается существенная корректировка методологии составления академического Рейтинга ведущих экономических журналов (РВЭЖ) России. Нововведения затрагивают как подсистему наукометрических показателей в части учета потенциала высоких цитирований, так и подсистему экспертной оценки в части учета факта вхождения издания в базы Scopus и Web of Science (WoS). Приведены результаты 4-й волны РВЭЖ в виде Алмазного списка и Списка второго эшелона журналов. Анализируются произошедшие перестановки журналов в сравнении

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Международный ландшафт рынка российских экономических журналов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.7

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. International landscape of the market of Russian economic journals. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.7

с предыдущими годами; показано, что в стране уже имеется 15 экономических изданий с международной сертификацией, из которых 5 изданий – с двойной сертификацией (Scopus и WoS одновременно). Приведенные цифры показывают, что среди журналов, получивших международное признание, начался новый качественный виток конкуренции. Обосновывается тезис о том, что успех/неудача журналов по вхождению в международные базы данных детерминирована желанием/нежеланием их руководства следовать новым правилам и стандартам. Этим фактором во многом объясняется потеря многими отечественными журналами своих позиций. В качестве типовых стратегий успеха журналов рассматриваются такие, как: последовательность усилий по вхождению в международные базы данных; «охота» журналов за лучшими авторами; обеспечение гибкой системы рецензирования; издание полномасштабной англоязычной версии журнала. Обосновывается новая публикационная парадигма, согласно которой в ближайшие годы российские экономисты пересмотрят свою позицию в сторону отказа от стремления печататься во второсортных зарубежных журналах в пользу размещения своих статей в первосортных отечественных изданиях.

Ключевые слова: рейтинг, экономические журналы, международные базы данных.

Введение: новая веха развития рынка экономических журналов¹

Глобальная задача по интернационализации российской науки реализуется по многим направлениям, среди которых немаловажное значение имеет вхождение отечественных научных изданий в международные базы данных. Вхождение в базы *Scopus* и *Web of Science* (WoS) для российских экономических журналов означает своеобразную *международную сертификацию* и получение знака качества. Помимо этого, ориентация исследователей на издания международных баз данных автоматически повышает привлекательность журналов, вошедших в них, что в свою очередь улучшает их портфель статей. Сегодня указанное движение набирает обороты и резко меняет ландшафт отечественных экономических журналов. Некоторые из них уже успешно прошли международную сертификацию и стали «полноценными» участниками международного научного рынка и лидерами национального рынка, другие – не преодолели этот барьер и превращаются в аутсайдеров отрасли, сдвигаясь на ее периферию.

Обозначенные процессы интеграции российских журналов в мировой рынок нарушают конкурентные процессы на внутреннем рынке периодических изданий по экономике². «Штурм» зарубежных баз данных превратился в генеральное направление конкурентной стратегии российских экономических журналов, тогда как остальные аспекты их деятельности стали играть вспомогательную роль. В связи с этим необходимо отслеживать происходящие изменения и давать оценку нынешнего состояния рынка и его ближайшего будущего. Цель статьи состоит в уяснении ландшафта отечественных изданий по экономике с учетом их международного статуса. Для этого будут использованы данные Рейтинга ведущих экономических журналов России (РВЭЖ), методология которого за последний – 2016 – год претерпела заметные изменения с учетом международного фактора. Помимо этого, в статье будет сделана попытка проанализировать стратегии успеха, позволившие журналам нарастить свое качество и получить международную сертификацию.

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность анонимным рецензентам за предоставленные отзывы.

² Следует отметить, что понятие «рынок» в статье рассматривается в узком контексте как совокупность факторов, осуществляющих производство и потребление продукта (журнала). Производителей олицетворяют издатели (собственники) и редакция (наемные работники или волонтеры). Для создания журнала привлекаются авторы (за гонорар или за возможность доступа к аудитории читателей). Продукт (контент журнала) характеризуется качеством и потребляется научным сообществом (потребителями) на определенных условиях, что выражается в популярности, престиже и цитируемости издания. Все эти процессы обеспечиваются взаимодействием участников рынка, которое носит характер сделок типа купли-продажи даже для случаев отсутствия монетарных выплат.

Новый этап рейтингования журналов

Идея сравнения академических журналов, входящих в международные базы данных, в западных странах реализуется уже давно. Так, можно отметить работу К. Макдонах 1975 года по сравнению и агрегированию существующих журнальных рейтингов [1]. Несколько позже, в 1978 году, С. Каган и К. Лисон провели опрос среди членов Американской экономической ассоциации об их отношении к различным экономическим журналам [2]. Полученные результаты были сопоставлены с имеющимися рейтингами, что позволило выявить и проанализировать некоторые расхождения количественных и качественных оценок. Среди последних исследований можно выделить работу Ч.-Л. Чанга, М. МакАлеера и Э. Маасуми, построивших агрегированный рейтинг 299 экономических журналов из базы WoS [3]. Продолжением и развитием этой работы стало исследование К. Вольрабе, который сконструировал мета-рейтинг из 315 экономических журналов [4], в котором удалось совместить количественные и качественные оценки журналов, а также учесть характеристики цитирования того или иного журнала в различных библиометрических базах данных – *Web of Knowledge*, *Google Scholar* и RePEc. Одной из последних работ синтетического типа стало исследование В. Клаара и Р. Гонзалеса, которые провели сравнительный анализ имеющихся рейтингов журналов с целью получения агрегированной ранжированной базы данных 284 экономических изданий [5]. В качестве исходных рейтинговых продуктов ими были отобраны три журнальных рейтинга, основанные на количественных оценках (метод цитирования) [6, 7, 8], и два рейтинга, при построении которых используются экспертные опросы [9, 10].

Россия прошла аналогичный путь, но за гораздо более короткий временной период. Так, в 2015 г. в Финансовом университете при Правительстве РФ развернулась работа по ежегодному составлению серии академических рейтингов, среди которых большое значение имел РВЭЖ, отображающий 50 лучших журналов по экономике [11]. Лидеры этого списка в числе 13 журналов образуют так называемый Алмазный список, который содержит наиболее престижные и качественные издания страны.

Указанная инициатива имела не только своих предшественников, но и многочисленные продолжения. Так, в 2012 г. появился рейтинг А.А. Муравьева, основанный на ранжировании журналов в системе РИНЦ на базе наукометрических показателей [12, 13]. Одновременно с РВЭЖ, в 2015 г., был обнародован основанный на экспертном опросе рейтинг И.А. Стерлигова [14, 15] и рейтинг О.В. Третьяковой [16], фиксирующий ранжирование журналов экономических институтов РАН на основе библиометрических данных РИНЦ. В 2016 г. была представлена версия рейтинга лучших российских экономических журналов по версии международной базы RePEc на основе библиометрических данных [17]. В это же время был представлен рейтинг журналов, построенный на основе популярного в настоящее время сетевого подхода [18]. В 2017 г. появился рейтинг А.Я. Рубинштейна [19], основанный на данных экспертного опроса. Одновременно было презентовано исследование динамики РВЭЖ [20], в котором были рассмотрены сдвиги за три года в Алмазном списке и типичные ошибки в рыночной стратегии экономических журналов.

Наличие нескольких альтернативных рейтингов экономических журналов породило самостоятельное направление исследования. Так, в 2015 г. появилась работа А. Муравьева, в которой была предложена простая эвристическая процедура сравнения рейтингов Муравьева, Стерлигова и РВЭЖ [21], показавшая, что все три рейтинга существенно пересекаются и на их основе можно сформировать список примерно из десяти по-настоящему хороших журналов по экономике и смежным дисциплинам. Другое направление исследований, связанное с агрегированием существующих рейтингов, было развито А. Субочевым, который провел количественный анализ рейтингов Муравьева, Стерлигова и РВЭЖ и построил с их помощью синтетический рейтинг [22], который лучше представлял совокупность трех исходных рейтинговых систем, чем любая из них в отдельности. В 2018 г. вышел в свет Консенсусный рейтинг российских экономических журналов, который представлял собой синтетический агрегат четырех частных рейтинговых продуктов – РВЭЖ, рейтинга Муравьева, рейтинга Стерлигова и рейтинга Рубинштейна [23].

Все перечисленные подходы были направлены на то, чтобы как можно точнее определить лидеров российского рынка экономических журналов. Надо сказать, что данная задача в целом была решена, однако в 2018 г. стало окончательно ясно, что в деятельности научных журналов начала доминировать международная составляющая, предполагающая их международную сертификацию. Это означает, что все не слишком хорошие экспертные оценки и библиометрические данные журнала «подавляются» фактом его вхождения в *Scopus* или *WoS* и, наоборот, никакие положительные экспертные и библиометрические оценки не компенсируют отсутствия международного признания. Данный факт требует пересмотра методологии рейтингования журналов и мониторинга рынка периодических изданий с учетом международного фактора.

Алгоритм построения РВЭЖ: новая версия

Аналитический продукт РВЭЖ на протяжении трех лет составлялся по единообразной методологии; незначительно менялась лишь процедура экспертной оценки, что не нарушало общей логики исходного алгоритма. Однако в 2018 г., когда составлялся очередной рейтинг экономических журналов за 2016 год, методология РВЭЖ была существенно скорректирована. Это было связано с тремя обстоятельствами.

Во-первых, в адрес библиометрических показателей рейтинга и процедуры экспертной оценки в литературе была высказана критика [24]. Во-вторых, в стране уже набралась критическая масса журналов, вошедших в базы *Scopus* и *WoS*. В-третьих, в декабре 2017 г. на сессии «Стратификация сообщества экономистов и ранжирование журналов» ежегодной конференция Новой экономической ассоциации (НЭА) ведущий научный сотрудник Вологодского научного центра РАН О.В. Третьякова предложила учитывать при рейтинговании журналов статьи с высокими цитированиями, которые характеризуют прорывные темы на страницах академических журналов.

Принципом деятельности разработчиков РВЭЖ с самого начала была максимальная открытость к сигналам извне. В связи с этим его четвертая волна составлялась в содружестве с сотрудниками Вологодского научного центра РАН О.В. Третьяковой и А.С. Артамоновой,

которые отвечали за информационное обеспечение рейтинга в части показателя потенциала высоких цитирований. Параллельно модифицировался алгоритм экспертной оценки журналов с учетом их вхождения в международные базы данных.

В итоге алгоритм построения РВЭЖ за 2016 год предполагает следующие этапы.

Первый этап представляет собой ранжирование журналов по четырем параметрам РИНЦ, взятым из научной электронной библиотеки eLIBRARY, и одному показателю, рассчитанному на основе данных этой библиографической базы:

x_{1i} — общее число цитирований i -го журнала без самоцитирований (т.е. *коэффициент цитирования*, характеризующий итоговую популярность издания);

x_{2i} — 5-летний импакт-фактор i -го журнала без самоцитирования (т.е. *коэффициент импакт-фактора*, отражающий относительную активность цитирования материалов издания);

x_{3i} — 5-летний индекс Херфиндаля — Хиршмана i -го журнала по цитирующим журналам (т.е. *коэффициент группового цитирования*, учитывающий возможный сговор журналов в отношении перекрестных ссылок друг на друга);

x_{4i} — время полужизни статей i -го журнала, процитированных в текущем году (т.е. индекс «полураспада» статьи или *коэффициент долговечности*, учитывающий временную глубину цитирования и отражающий степень долговечности и фундаментальности материалов издания);

x_{5i} — потенциал высоких цитирований (т.е. сумма цитат статей с цитируемостью более 11 за текущий год), характеризующий способность журнала публиковать *прорывные результаты* исследований.

Для выявления высокоцитируемых публикаций использовались основные принципы методики международной базы *Essential Science Indicators*. Анализ проводился на основе данных РИНЦ за 2016 год. Выборку составили 606 журналов с количеством статей 52 220 ед. Все публикации были упорядочены по мере убывания цитируемости, после чего был определен верхний срез в 1% от общего числа и установлено пороговое значение количества цитирований, которое должна получить публикация, чтобы

попасть в выделенную «верхушку». Пороговое значение составило 11 цитирований. Эти публикации определяются как высокоцитируемые для данной референтной группы.

Применение описанного алгоритма позволило выделить 522 высокоцитируемые статьи, опубликованные в российских экономических журналах в 2016 году. В результате дальнейшей «ручной» обработки для каждого журнала был сформирован перечень статей, имеющих цитирование, которое удовлетворяет пороговому значению, т.е. 11 ссылок и больше. После этого была проведена «очистка» цитирований каждой статьи, в результате чего были исключены самоцитирования и «кластерное» цитирование, под которым подразумеваются случаи множественного цитирования статьи разными авторами в каком-то одном сборнике или журнале. После «очистки» работ от самоцитирования и «кластерных» ссылок было установлено окончательное число высокоцитируемых публикаций для каждого журнала, статьи из которого изначально попали в 1% самых цитируемых.

Показатель *потенциала высоких цитирований* представляет собой сумму всех «очищенных» цитирований по отобранным высокоцитируемым статьям в i -ом журнале.

В основе рейтинга по РИНЦ-параметрам лежат показатели y_{hi} , представляющие собой нормализованные значения x_{hi} (h – номер РИНЦ-параметра). Показатели x_{1i} , x_{2i} , x_{4i} , x_{5i} нормируются в процентном соотношении относительно максимального значения:

$$y_{hi} = (x_{hi} / \max\{x_{hi}\})100\% \quad (1)$$

где y_{hi} – пронормированное значение x_{hi} , x_{hi} – параметры РИНЦ.

Для показателя x_{3i} осуществляется «обратное» нормирование:

$$y_{3i} = (1 - x_{3i} / \max\{x_{3i}\})100\% \quad (2)$$

Итоговый рейтинговый балл (x_{Ri}) РИНЦ-показателей определяется путем взвешивания частных нормализованных значений (y_{hi}):

$$x_{Ri} = 0,2y_{1i} + 0,2y_{2i} + 0,2y_{3i} + 0,2y_{4i} + 0,2y_{5i}, \quad (3)$$

с последующим нормированием – y_{Ri} .

В зависимости (3) использовались равные весовые коэффициенты для всех агрегируемых РИНЦ-показателей.

Второй этап предполагает формирование выборки журналов, которые претендуют на роль лучших. Рейтинговая оценка (3), полученная на предыдущем этапе для 100 лучших экономических журналов России, является основой не только для дальнейших расчетов, но и для формирования «передовой» выборки журналов, которые в дальнейшем подвергаются более тщательному анализу.

На **третьем этапе** проводится экспертная оценка журналов. В 2016 году эксперты оценивали журналы по одному параметру:

x_{6i} – научный уровень i -го журнала (соответствие современным требованиям, степень инструментальной проработки, культура работы с эмпирическим материалом и т.п.) (т.е. *индекс научного уровня*).

Экспертные оценки выставляются по 15-балльной шкале [0;15] по правилу: чем больше, тем лучше.

При выставлении экспертных оценок в 2016 году работа экспертов по оценке научного уровня журнала проводилась в два шага. На **первом шаге** были отобраны журналы, которые включены в международные наукометрические базы данных Scopus и WoS и которым были присвоены баллы по следующему принципу:

$$x_{6i} = \begin{cases} 15, & \text{если журнал входит и в } Scopus, \\ & \text{и в } Web\ of\ Science, \\ 10, & \text{если журнал входит или в } Scopus, \\ & \text{или в } Web\ of\ Science \end{cases} \quad (4)$$

Процедура (4) сильно упрощает экспертную оценку, во-первых, нивелируя ее для журналов с международной сертификацией, во-вторых, задавая верхний предел для всех прочих изданий, для которых процедура, реализованная при построении рейтинга 2015 года, сохранилась неизменной. Выбранная группа экспертов из трех человек проводила оценку каждого журнала в два этапа: на первом этапе каждый эксперт давал свою оценку, на втором – среди экспертов шло открытое обсуждение и согласование оценок. На втором этапе в результате обмена мнениями и аргументами формировалось согласованное консолидированное решение и выставляемая оценка получала окончательное одобрение всех экспертов. Данная процедура позволяет сгладить индивидуальные ошибки, обратить внимание экспертов на упущен-

ные ими факты, скорректировать изначальные баллы и выставить более взвешенные итоговые оценки. При формировании рейтинга 2016 года было проведено три раунда экспертной оценки, т.е. работало три группы по три человека в каждой; полученные оценки усреднялись.

При экспертной оценке индекса научного уровня (x_i) были также конкретизированы требования, которые подвергались экспертизе. Например, научный уровень журнала оценивался в зависимости от наличия в статьях постановки задачи, фундированного обзора литературы, оригинальной методической разработки, новых оригинальных цифровых данных и практически значимых выводов. При этом учитывался уровень инструментальной проработки материала. Тем самым эксперты были ограничены в диапазоне оцениваемых качеств научных журналов. Важным моментом описанной процедуры оценки является достигнутый среди экспертов консенсус относительно того, что научный уровень журнала оценивался в зависимости от уровня инструментальных разработок. В данном случае эксперты исходили из того факта, что современная экономическая наука является наукой инструментальной, а потому и степень научности журнала должна сопрягаться с глубиной представленных в нем инструментальных исследований; описательные статьи с примитивной количественной эмпирикой получали более низкие баллы по линии научного уровня. Данная установка в явном виде отсутствовала при проведении первых трех волн рейтингования.

Ключевым моментом экспертной оценки являлось ограничение на выставяемый балл журналов, не вошедших в международные базы данных. Предполагалось, что этот балл не может быть выше 10 баллов, получаемых изданиями, вошедшими хотя бы в одну международную базу.

Полученные экспертные оценки нормировались для получения скоринговой оценки y_{Ei} .

На *четвертом этапе* проводилось агрегирование РИНЦ-рейтинга y_{Ri} и экспертного рейтинга y_{Ei} :

$$x_i = 0,5y_{Ri} + 0,5y_{Ei}, \quad (5)$$

с последующим нормированием и получением итоговой оценки y_i .

Такой усовершенствованный алгоритм ранжирования журналов выводит издания с международной сертификацией на передовые места, а остальные издания рейтингуются на равных началах.

Международный ландшафт ведущих экономических изданий: эмпирические данные

Окончательный массив рейтинга представлен только первыми 50 журналами и в полном виде доступен на сайте «Неэргодическая экономика»³. В *табл. 1* представлен Алмазный список российских экономических журналов; в *табл. 2* приведены журналы второго эшелона.

Проведенные расчеты показывают следующее. В стране на сегодняшний день имеется 15 экономических изданий с международной сертификацией, из которых 5 изданий — с двойной сертификацией (Scopus и WoS одновременно). При этом два журнала из их числа — «Бизнес-информатика» и «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» — не вошли в Алмазный список, проиграв своим конкурентам по международным базам данных. Таким образом, можно констатировать, что среди журналов, получивших международное признание, также наблюдается жесткая конкуренция и даже уже появляются свои аутсайдеры.

Справедливости ради надо сказать, что все журналы, вошедшие в Алмазный список, хорошо известны и почти все уже и раньше фигурировали в нем. Фактически все эти издания подтвердили свой статус, что не является сюрпризом.

Более интересен второй эшелон журналов, охватывающий 14–25 места РВЭЖ. Данный список дает повод серьезно задуматься руководству этих журналов. Фактически все они могли бы войти в международные базы данных, однако по разным причинам не сделали этого и тем самым оказались за красной чертой, отделяющей лидеров от всех прочих.

Например, представляется чрезвычайно печальным переход из Алмазного списка во второй эшелон таких журналов, как «Экономика и математические методы» и «Российский журнал менеджмента». Эти журналы в предыдущие годы уверенно занимали вторые и третьи позиции в Алмазном списке; кроме того, первый из

³ Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/18/9/>

Таблица 1. Алмазный список экономических журналов России, 2016

№ п/п	Журнал	Итоговый балл	Параметры РИНЦ					Экспертный Индекс научного уровня
			Коэффициент цитирований	Коэффициент долговечности	Коэффициент конкурентности	Коэффициент импакт-фактора	Коэффициент потенциала высокими цитирований	
1.	Вопросы экономики	100,0	100,00	47,8	100,00	100,00	100,00	100,0
2.	Форсайт	74,1	9,7	43,4	97,4	65,6	0,00	100,0
3.	Экономика региона	71,8	25,7	27,4	98,2	32,2	11,9	100,0
4.	Экономическая политика	68,1	9,5	31,9	97,6	23,4	0,0	100,0
5.	Журнал Новой экономической ассоциации	67,2	7,4	30,1	99,1	18,2	0,0	100,0
6.	Проблемы прогнозирования	58,4	27,7	49,6	96,4	44,9	5,9	66,7
7.	Мировая экономика и международные отношения	57,8	33,2	56,6	97,6	21,6	10,3	66,7
8.	Terra Economicus	55,4	32,2	56,6	94,5	12,4	2,5	66,7
9.	Экономический журнал Высшей школы экономики	54,1	6,9	50,4	97,3	31,0	0,0	66,7
10.	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	52,8	14,4	31,0	97,6	25,7	5,8	66,7
11.	Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика	52,7	7,0	52,2	97,1	16,9	0,0	66,7
12.	Прикладная эконометрика	52,3	4,6	53,1	95,7	16,8	0,0	66,7
13.	Journal of Institutional Studies	50,5	4,6	31,9	97,0	19,9	0,0	66,7

Таблица 2. Второй эшелон ведущих экономических журналов России, 2016

№ п/п	Журнал	Итоговый балл	Параметры РИНЦ					Экспертный Индекс научного уровня
			Коэффициент цитирований	Коэффициент долговечности	Коэффициент конкурентности	Коэффициент импакт-фактора	Коэффициент потенциала высокими цитирований	
14.	Бизнес-информатика	50,3	2,9	39,8	97,3	11,4	0,0	66,7
15.	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	49,0	3,2	30,1	94,7	12,6	0,0	66,7
16.	Экономика и математические методы	47,1	10,4	94,7	95,8	11,7	0,0	46,7
17.	Российский журнал менеджмента	46,7	10,5	70,8	97,8	30,5	0,0	46,7
18.	Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент	42,7	6,7	76,1	96,4	23,8	0,0	40,0
19.	Проблемы управления	39,7	10,6	54,0	94,6	17,3	0,0	40,0
20.	Пространственная экономика	39,4	9,0	38,1	94,0	29,8	2,4	40,0
21.	Экономическая наука современной России	38,4	9,9	71,7	96,0	16,9	0,0	33,3
22.	Прикладная эконометрика	38,3	4,1	37,2	85,6	7,1	0,0	46,7
23.	Деньги и кредит	37,6	24,8	31,0	96,8	25,2	10,1	33,3
24.	Корпоративные финансы	37,6	4,1	47,8	91,7	13,9	0,0	40,0
25.	Журнал экономической теории	37,1	8,1	37,2	95,3	12,4	0,0	40,0

названных журналов еще в 90-е годы привлекал внимание американской научной общественности и его лучшие статьи регулярно переводились и печатались в журнале «Matekon». Тем самым вхождению данного издания в Scopus и WoS ничто не мешало. Однако ни научный уровень, ни международный авторитет, ни солидные традиции не конвертировались в присутствие данного журнала в международных базах данных.

Можно выделить еще несколько журналов, которые теряют позиции. Это «Пространственная экономика», ведущий журнал в своей области, который занимал 10-е и 12-е места в Алмазном списке в предыдущие годы. В таком же состоянии оказались «Корпоративные финансы», «Проблемы управления», «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8. Менеджмент» и «Экономическая наука современной России». Можно уверенно говорить, что все названные издания имеют достаточный потенциал для вхождения в Scopus и WoS, но они этого пока не сделали, что лишает их возможности конкурировать за самые передовые места на российском рынке научных журналов.

И, наоборот, образцом целенаправленного продвижения в международных базах данных может служить журнал «Экономика региона», который в предыдущие годы занимал 16-е и 17-е места среди РВЭЖ и ни разу не входил в Алмазный список. Однако он не просто вошел в Scopus и WoS, но и смог пробиться во 2-й квартиль, что, несомненно, является большим достижением, которое при рейтинговании просто нельзя игнорировать.

Нынешний международный ландшафт российских экономических журналов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, стартовая фаза процесса интеграции отечественных изданий в международные базы данных успешно завершилась. Далее можно ожидать расширения этого процесса. Вряд ли он будет иметь обвальный характер, однако можно надеяться на то, что по 4–5 изданий будет ежегодно появляться в Scopus и WoS на протяжении последующих 5 лет. Это прежде всего журналы второго эшелона (см. табл. 2), однако помимо них в стране есть и менее заметные издания, которые уже полным ходом штурмуют международные базы. Это оз-

начает, что через 3–4 года в России может быть около трех десятков экономических журналов с международной сертификацией. Данное обстоятельство породит качественно новый виток конкурентных процессов на рынке экономических журналов.

Во-вторых, многие издания, вошедшие в Scopus и WoS, продолжают своё ралли в этих базах данных по пути продвижения в более высокие квартили. Например, такие журналы, как «Проблемы прогнозирования» и «Журнал Новой экономической ассоциации», имеют все шансы на вхождение в обозримом будущем во 2-й квартиль. Один из важных показателей, учитываемых при рейтинговании в SCOPUS, CiteScoreTracker (CST), в 2017 году составил для первого журнала – 0,53, а для второго – 0,56 соответственно. Во многом достижение этого результата зависит от желания и усилий руководства журналов. Не исключено, что свои позиции будут наращивать и другие журналы, которые имеют англоязычную версию и могут рассчитывать на более обширную международную аудиторию читателей (например, «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»). Для примера укажем, что «Журнал Новой экономической ассоциации» имеет эндаумент, который предназначен для аккумулирования средств на издание англоязычной версии журнала. Если в ближайшие годы эта инициатива журнала будет реализована, то его вхождение в высокие квартили будет лишь вопросом времени. Если же в высоких квартилях окажется хотя бы 5–6 российских журналов, то это, скорее всего, радикально изменит географию предпочтений российских экономистов в пользу публикаций их статей в отечественных журналах.

Типовые стратегии успеха журналов

Рассмотренный выше ландшафт российских экономических изданий с учетом их международного статуса подводит к вопросу о стратегиях успеха. Например, почему в условиях, когда международные требования к журналам широко известны российскому научному сообществу, в Scopus и WoS входят только единичные представители от России? Можно ли выделить некоторые типовые принципы и подходы, которые позволяют получить российским журналам международную сертификацию?

На наш взгляд, с определенной степенью условности можно выделить четыре принципа, которые если и не гарантируют успех журнала, то, по крайней мере, существенно способствуют ему.

1. *Последовательность усилий по вхождению в международные базы данных.* Опыт разных журналов показывает, что получить международную сертификацию невозможно без серьезных усилий. Как правило, руководство журналов ставило перед собой соответствующую цель и на протяжении нескольких лет методично преследовало ее.

Например, социологический журнал «Мониторинг общественного мнения», издаваемый ВЦИОМ, поставив задачу международной сертификации, сформировал редакционный совет, в который были включены зарубежные ученые с высоким научным авторитетом и с наличием явного интереса к российской науке. На этих людей была возложена миссия по распространению журнала за рубежом, привлечению внимания к нему широкой общественности в соответствующих странах, а также привлечению зарубежных авторов на страницы журнала. Параллельно шла работа с уполномоченными органами международных баз данных по выполнению необходимых требований; эта работа была возложена на конкретное лицо, которое отвечало за успех или провал акции. Разумеется, руководство журнала изыскивало неформальные каналы коммуникации с западными базами данных, которые позволили бы ускорить процесс международного признания.

Похожая стратегия была осуществлена журналом «Экономическая политика», который выделил в составе редакции специальную кадровую единицу с соответствующим финансированием, на которую были возложены исключительно коммуникационные функции с международными базами данных и задача по вхождению в них. Опыт показал, что такая «кадровая локализация» задачи по международной интеграции позволила переломить ситуацию, когда после многих лет бесплодных усилий был получен положительный результат буквально в течение года.

На этом фоне можно еще раз напомнить пример журнала «Экономика и математические методы», руководство которого пассивно от-

неслось к новой инициативе, не поддержало ее кадровыми и финансовыми ресурсами, в результате чего издание лишается лучших авторов, которые уходят в журналы с международным статусом и, как следствие, теряет свои передовые позиции.

2. *Охота журналов за лучшими авторами.* Вхождение журнала в международные базы данных предполагает его достаточно высокий средний уровень, однако в долгосрочной перспективе для издания важно иметь «прорывные» статьи, которые получают большую популярность и дают высокие цитирования. Такие материалы журнала делают его узнаваемым, интересным и читаемым. От наличия подобных статей во многом зависит продвижение издания в базах Scopus и WoS. Практика показывает, что все сообщество экономистов может быть условно разделено на две неравные группы: тех, кто поставляет на рынок стандартные материалы, и тех, кто способен писать высокоцитируемые и по-настоящему интересные статьи. В связи с этим многие журналы уже осуществляют своеобразную охоту на «интересных» авторов.

Сразу оговоримся, что указанная «охота на авторов» сегодня осуществляется в стихийном режиме, т.е. на рынке имеется множество самых разнообразных стратегий такого рода. Например, «Вопросы экономики» публикуют на своих страницах статьи премьер-министра Д.А. Медведева, а также федеральных министров, советников Президента РФ и т.п. В данных статьях заведомо нет никакой научной новизны, и они не удовлетворяют академическим требованиям, однако такие статьи выступают в качестве программных документов и дискуссионных материалов, которые обеспечивают беспрецедентную цитируемость. Так, статья Медведева «Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики» за 2016 год процитирована 231 раз, что является абсолютным рекордом; две статьи С.Ю. Глазьева набрали по 18 цитирований. Такая политика журнала сделала «Вопросы экономики» абсолютным лидером рынка по потенциалу высоких цитирований (см. табл. 1).

Журнал «Экономика региона» обеспечивает приемлемый потенциал высоких цитирований (см. табл. 1) за счет максимально широкой открытости для авторов со всей страны. Тем самым изданием осуществляется эксперимент

по «прошупыванию» авторов и их материалов с тем, чтобы понять их потенциал цитирований и интерес со стороны научной общественности. Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» осуществляет мониторинг интересных статей в других журналах, связывается с авторами и приглашает их к публикации в своем журнале, за счет чего обеспечивает присутствие у себя известных ученых и их статей, имеющих потенциал высоких цитирований. Кроме того, в материнской организации издания ведутся международные проекты, в том числе с исследователями и Китайской академии наук, что позволяет формировать пул совместных статей с китайскими коллегами. Журнал «Terra Economicus» использует ограниченную практику заказных статей, когда определенному автору предлагают гарантированную публикацию на заданную тему, которая находится в приоритете издания и способна привлечь внимание читательской аудитории. Журнал «Экономическая политика» создает специальные рубрики из статей по актуальной тематике участников соответствующих конференций, причем эти материалы идут как информационные и не рецензируются. Многие другие журналы также осуществляют персональную работу с избранными авторами, что способно оживить их контент.

На другом полюсе изданий стоят «Форсайт», «Журнал Новой экономической ассоциации» и «Экономический журнал Высшей школы экономики», которые отдают приоритет академическим стандартам, в связи с чем сильно «провисают» по параметру высоких цитирований. Не исключено, что в будущем это может осложнить их продвижение в международных базах данных и поддержание высокого реноме на российском рынке.

3. *Обеспечение гибкой системы рецензирования.* Международные требования привели к становлению тотальной системы рецензирования в ведущих журналах страны. Однако чисто механическое применение этой процедуры зачастую ведет к потере «ценных» авторов, чьи статьи, как правило, пользуются повышенным интересом [20]. В связи с этим некоторые издания отказываются от примитивных общих схем рецензирования и практикуют индивидуализированную «работу с авторами». Такие модификации вызваны тем, что даже неболь-

шие редакции все равно быстро бюрократизируются и начинают работать по сложившимся штампам, иногда с автоматической рассылкой статей рецензентам и т.п. Чтобы избежать потери конкретных интересных авторов, журналы идут на персонификацию и ускорение всех процедур. Например, в журнале «Проблемы прогнозирования» заместитель главного редактора берет на себя прямую коммуникацию с некоторыми авторами, осуществляя тем самым контроль потенциально цитируемых и интересных материалов, оперативно вынося их на обсуждение редколлегии и препятствуя тому, чтобы их «зарецензировали». Некоторые журналы используют механизм «внутренних рецензентов», позволяющий в прямом диалоге с ними решать вопрос о публикации приоритетных статей.

Хотелось бы подчеркнуть, что система гибкого рецензирования является продолжением стратегии «охоты за авторами». На практике эти две стратегии эффективно сопрягаются, что и позволяет журналам формировать пул престижных авторов и их статей.

4. *Издание полномасштабной англоязычной версии журнала.* В настоящее время многие российские экономические журналы входят в базы Scopus и WoS своими русскоязычными версиями. Совершенно очевидно, что если войти в базы таким образом можно, то продвигаться в них практически нереально. В связи с этим генеральным направлением всех журналов является максимально качественный перевод своего контента на английский язык. Для примера укажем, что такой журнал, как «Экономика региона», смог войти во 2-й квартиль международной базы Scopus в значительной мере из-за того, что существенная часть его статей печатается на английском языке.

При этом сразу отметим, что гибридные версии журналов, когда часть статей выходит на русском, а часть — на английском языках, не являются идеальной стратегией. Гораздо эффективнее издавать две полномасштабные версии журнала — на русском и английском языках. Например, журнал «Проблемы прогнозирования», который изначально издавался на двух языках, давно вошел в Scopus и уверенно занимает позицию в 3-м квартиле. И что очень важно — руководство издания не ставит перед собой самостоятельную задачу продвижения в международной базе; журнал является издани-

ем Института народнохозяйственного прогнозирования и призван выполнить свою главную миссию – обнародовать результаты исследований института [20, 25].

Другой пример дает журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», который вошел в WoS исключительно благодаря своей англоязычной версии. Более того, указанный журнал служит хрестоматийным примером того, что даже такой небольшой региональный институт, как Вологодский научный центр (ВолНЦ) РАН, издающий журнал, способен изыскивать средства для издания его полномасштабной англоязычной версии. Если же учесть тот факт, что ВолНЦ РАН был ранее филиалом Центрального экономико-математического института (ЦЭМИ) РАН, который издает журналы «Экономика и математические методы» и «Экономическая наука современной России», то становится ясно, что успех/неудача журналов в продвижении на международном научном рынке – это результат желаний/нежеланий руководства двигаться в этом направлении [26, 27].

Наличие историй успеха экономических журналов с полномасштабной англоязычной версией позволяет предположить, что в будущем число таких изданий будет расти, равно как и число изданий, получивших международное признание. Не исключено, что расширению этого движения будут содействовать и федеральные инициативы. Так, в 2017 г. под патронатом Минобрнауки России был проведен Конкурс по государственной поддержке программ развития и продвижению журналов при организационном участии Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) [20]. Победителями конкурса среди экономических журналов стали «Форсайт» и «Экономика региона»⁴, которые в 2016 г. вошли Алмазный список (см. табл. 1).

В настоящее время полномасштабная англоязычная версия есть у журналов «Деньги и кредит», «Форсайт», «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика»; «Журнал Новой экономической ассоциации» собирается запустить англоязычную версию в 2019 году. Есть и более радикальные варианты данной политики, как, например, в

случае с «Russian Journal of Economics», который издается только на английском языке. Таким образом, качественные сдвиги в этом направлении уже произошли.

Новая публикационная парадигма

Примерно 5 лет назад в стране начала активно проводиться линия на интеграцию России в мировую науку. При этом регулятор полагал, что данный процесс должен достигаться за счет публикации российскими учеными своих исследований в зарубежных научных журналах. Принципиальная ошибочность данной установки состояла в ее узости и ограниченности. Фактически обозначенный ориентир был правильным, но он не является единственным и предполагал издание отечественных научных журналов на двух языках, что сделало бы их транспарентными для мирового научного сообщества. В естественных науках второй способ интеграции российской науки в мировую традицию существовал, тогда как изданий социальной направленности, выходящих параллельно на английском языке и входящих в базы Scopus и WoS, практически не было. Вместо того, чтобы двигаться по обеим линиям развития, акцент был сделан только на первой – проникновении в «чужие» журналы, уже завоевавшие международный авторитет.

В настоящее время возник дополнительный фактор, который если и не перечеркивает указанный способ интернационализации российской экономической науки, то чрезвычайно сильно ограничивает его. Этим фактором являются международные санкции, которые в качестве косвенного эффекта спровоцировали нежелание западных изданий сотрудничать с российскими учеными. Так, опыт показывает, что венгерские и польские экономические издания, которые еще полтора-два года назад публиковали статьи российских экономистов, сегодня отказывают им в этом по причинам политического толка. Такое положение дел требует пересмотра старой публикационной парадигмы, ориентированной на «внешние» научные издания.

В довершение к сказанному рассмотренный выше международный ландшафт рынка российских экономических изданий подводит своеобразную черту в возникшем противостоянии. Фактически речь идет о пересмотре публикационной доктрины российских исследователей.

⁴ Режим доступа: <http://konkurs-jurnalov.neicon.ru/>

Дело в том, что среди отечественных экономических журналов есть уже полтора десятка, входящих в базы Scopus и WoS. Если же их число будет возрастать, а в этом сомневаться не приходится, то у российских экономистов возникает поле для маневра — штурмовать второсортные венгерские, польские, турецкие и южноафриканские журналы или печататься в первосортных отечественных изданиях. Кроме того, если в будущем будет запущен процесс помощи ведущим российским журналам в издании на английском языке, то выбор наших экономистов будет вообще фактически предрешен.

В свою очередь, если интерес российских экономистов, в том числе их лучших представителей, развернется в пользу отечественных журналов, то это будет означать дальнейшее усиление контента и качества наших изданий, что позволит им стать еще интереснее для мирового научного сообщества и усилит их международные позиции.

Очевидно, что «переориентацией» отечественных экономистов с зарубежных журналов «второго эшелона» на российские издания не ограничивается работа по интеграции России в мировую науку. Необходима серьезная работа по целому ряду других направлений, таких как приведение научных изданий в соответствие с мировыми стандартами, привлечение авторитетных зарубежных авторов, формирование базы высококвалифицированных отечественных и зарубежных рецензентов, усиление поддержки (в том числе и финансовой) со стороны государства и научных фондов и др. Многое в указанных направлениях уже сделано [28], однако немалый путь еще предстоит пройти. И начать, на наш взгляд, следует с консолидации усилий двух главных игроков научного рынка — экономистов-исследователей и экономических журналов. Если эти два игрока рынка повернутся друг к другу лицом, то это для них может оказаться самой полезной стратегией. Поскольку не стоит игнорировать тот факт, что статьи российских экономистов вызывают широкий ре-

зонанс только среди своих соотечественников; рассчитывать на взрывной интерес со стороны иностранных коллег — утопия.

Закключение

Начавшийся в последние годы тренд по «завоеванию» российскими экономическими журналами международного научного рынка предполагает пересмотр многих стратегий и приоритетов. Прежде всего, речь идет о том, что ведущие российские экономисты должны не полностью отказываться от отечественных изданий в пользу престижных зарубежных журналов, а, наоборот, максимально активно печататься в «своих» изданиях без ущерба для престижа и популярности своих статей. Одновременно с этим со стороны ведущих журналов требуется сделать все, чтобы обеспечить издание своего контента на двух языках — русском и английском, а также предельно внимательно работать с интересными авторами, чтобы за счет их статей усиливать свои позиции. Все предпосылки для такого разворота событий есть.

Не исключено, что возникновение на рынке 30–35 изданий международного уровня приведет к потере потребности в российских рейтингах журналов, ибо новые журналы-лидеры будут почти автоматически продвигаться в международных базах данных, входя в очередной более высокий квартиль. На наш взгляд, к этому моменту миссия российских ранкеров будет выполнена, а сами проекты построения общероссийских рейтингов будут завершены. В данном смысле можно говорить, что российские рейтинги отечественных журналов представляют собой своеобразные промежуточные (вспомогательные) институты, тогда как международные рейтинги выступают в роли конечных (финальных) институтов. Замена одних на другие будет означать наступление более зрелой фазы жизненного цикла рынка российских экономических журналов. По нашему мнению, наступление такого момента можно датировать 2020 годом.

Литература

1. McDonough C. The relative quality of economics journals revisited. *Quarterly Review of Economics and Business*, 1975, vol. 15, no. 1, pp. 92–97.
2. Kagann S., Leeson K. Major journals in economics: a user study. *Journal of Economic Literature*, 1978, vol. 16, no. 3, pp. 979–1003.

3. Chang C.-L., Maasoumi E., McAleer M. Robust ranking of journal quality: An application to economics. Econometric Institute Report. *Econometric Reviews*, 2016, vol. 35, no. 1, pp. 50–97. DOI: 10.1080/07474938/2014/956639.
4. Wohlrabe K. Taking the Temperature: A Meta-Ranking of Economics Journals. CESifo: Working Paper Series No. 5726. 2016. Available at: http://www.cesifo-group.de/DocDL/cesifo1_wp5726.pdf (Дата обращения: 05.06.2018).
5. Claar V., Gonzalez R. Ranking the Rankings of Journals in Economics by Quantifying Journal Demand. *Southwestern Economic Review*, 2014, vol. 41, no. 1, pp. 79–88. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2749331> (Дата обращения: 05.06.2018).
6. Laband D.N., Piette, M.J. The Relative Impacts of Economics Journals: 1970–1990. *Journal of Economic Literature*, 1994, vol. 32, no. 2, pp. 640–666.
7. Kalaitzidakis P., Mamuneas T.P., and Stengos T. Rankings of Academic Journals and Institutions in Economics. *Journal of the European Economic Association*, 2003, vol. 1, no. 6, pp. 1346–1366. Available at: <http://people.smu.edu/gcc/files/Journal%20Rank%20JEEA.pdf> (Дата обращения: 05.06.2018).
8. Kodrzycki Y.K., Yu P. New Approaches to Ranking Economics Journals. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 1–44. DOI: 10.2139/ssrn.834564. Available at: <https://www.hse.ru/data/279/064/1237/wp0512.pdf> (Дата обращения: 05.06.2018).
9. Mason P.M., Steagall J.W., Fabritius M.M. Economics Journal Rankings by Type of School: Perceptions versus Citations. *Quarterly Journal of Business and Economics*, 1997, vol. 36, no. 1, pp. 69–79.
10. Axaroglou K., Theoharakis V. Diversity in Economics: An Analysis of Journal Quality Perceptions. *Journal of the European Economic Association*, 2003, vol. 1, no. 6, pp. 1402–1423. DOI: 10.1162/154247603322752584.
11. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Опыт составления рейтинга российских экономических журналов // Вопросы экономики. 2015. № 8. С. 99–115.
12. Муравьев А.А. К вопросу о классификации российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Научные доклады. 2012. № 14®. СПб.: ВШМ СПбГУ.
13. Муравьев А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 130–151.
14. Стерлигов И.А. Пилотный проект по оценке российских научных журналов. М.: НИУ ВШЭ, 2014. URL: <http://slidegur.com/doc/225135/pilotnyj-proekt-vshe-po-e-ksperthnoj-ocenke-rossijskih> (дата обращения: 05.06.2018).
15. Проект НИУ ВШЭ по экспертному ранжированию российских научных журналов. 2015. URL: <http://grant.hse.ru/public/data/brochure.docx> (Дата обращения: 05.06.2018).
16. Третьякова О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5(41). С. 159–172. DOI: 10.15838/esc.2015.5.41.11.
17. Шумилов А.В., Балацкий Е.В. Академические рейтинги RePEc: вопросы построения и роль российских участников // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4(32). С. 111–138.
18. Значимость основных российских и международных экономических журналов: сетевой анализ / Ф.Т. Алескеров, Д.Н. Бадгаева, В.В. Писляков, И.А. Стерлигов, С.В. Швыдун // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 193–205.
19. Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения VS библиометрии): научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 83 с.
20. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция экономических журналов России: итоги трех волн рейтингования // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 178–201. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-09.
21. Муравьев А.А. Рейтинги российских журналов по экономике: сравнительный анализ. 2015. URL: <http://studycoc.ru/download/4796527> (Дата обращения: 05.06.2018).
22. Субочев А.Н. Насколько различны существующие рейтинги российских научных журналов по экономике и менеджменту и как их объединить // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 181–192.

23. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Консенсусный рейтинг российских экономических журналов: идеология и опыт составления // Журнал институциональных исследований. 2018. Т. 10. № 1. С. 93–106. DOI: 10.17835/2076-6297.2018.10.1.093-106.
24. Рубинштейн А.Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифры»? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. №2(30). С. 162–175.
25. Кувалин Д.Б. Научный журнал в современной России: возможные модели поведения // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 218–227. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-11.
26. Куклин А.А., Балякина Е.А. Активная политика – залог успеха международного экономического журнала // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 160–177. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-08.
27. Третьякова О.В. Экономические журналы институтов академического сектора на пути в международные наукометрические базы данных // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 202–217. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-6-10.
28. Третьякова О.В. Продвижение научного журнала в международном информационном пространстве: проблемы и решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3(39). С. 204–223. DOI: 10.15838/esc.2015.3.39.15.

Сведения об авторах

Евгений Всеволодович Балацкий – д.э.н., профессор, директор Центра макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319; e-mail: EVBalatskij@fa.ru), главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Наталья Александровна Екимова – к.э.н., доцент, в.н.с. Центра макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4, к. 319; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

International Landscape of the Market of Russian Economic Journals

Abstract. The paper considers a new stage in the formation of the Russian market of economic journals, the stage at which an increasing number of them are accepted for coverage in international databases such as Scopus and Web of Science. In order to make an adequate assessment of the qualitative changes that have occurred in the market, we propose to introduce significant adjustments to the methodology for compiling the academic Rating of leading Russian economic journals. The adjustments affect both the subsystem of scientometric indicators where it takes into account the potential of high citations, and the subsystem of expert evaluation where it takes into account the publication's inclusion in the databases Scopus and Web of Science (WoS). We provide the results of the 4th wave of the Rating of leading Russian economic journals presented in the form of the Diamond List and the List of the second tier of journals. We analyze the shifts in the positions of the journals in comparison with previous years; we show that Russia already has 15 economic publications with international certification, among which five publications have double certification (both Scopus and WoS). The figures show that a new qualitative round of competition has begun among the journals that have received international recognition. We prove that a journal's success or failure in its efforts to be included in international databases depends on whether its management is willing to follow the new rules and standards. This is largely the reason why many domestic journals have lost their positions. The following are considered as typical strategies a journal should use to achieve success: to implement a sequence of efforts to be accepted for coverage in

international databases; to “hunt” for best authors; to provide a flexible peer review system; to publish a full-scale English version of the journal. We substantiate a new publishing paradigm, according to which Russian economists in the coming years will reconsider their views in favor of placing their papers in first-rate domestic publications rather than publishing them in second-rate foreign journals.

Key words: rating; economic journals; international databases.

Information about the Authors

Evgenii V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, office 319, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: EVBalatskij@fa.ru), Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, office 319, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Статья поступила 06.06.2018.

Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма)*

**Евгений Владимирович
ЛУКИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: lukin_ev@list.ru

**Екатерина Георгиевна
ЛЕОНИДОВА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: eg_leonidova@mail.ru

**Максим Андреевич
СИДОРОВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: maxis44@yandex.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант № 18-010-01012 А «Моделирование структурных изменений экономики региона на основе межотраслевого баланса как инструмент обоснования экономической политики».

Для цитирования: Лукин Е.В., Леонидова Е.Г., Сидоров М.А. Стимулирование внутреннего спроса как фактора экономического роста (на примере сферы внутреннего туризма) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8

For citation: Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A. Boosting domestic demand as a driving force of economic growth (on the example of domestic tourism sphere). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 125–143. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.8

Аннотация. Тенденцией современного развития российской экономики, испытывающей влияние системного экономического кризиса и сложившейся внешнеполитической и внешнеэкономической обстановки, выступает изменение структурных пропорций, проявляющихся в сужении внутреннего спроса на товары и услуги. Это ведет к недопотреблению товаров и услуг, а соответственно, к сокращению стимулов у предприятий для наращивания объемов производства. Между тем стимулирование внутреннего потребительского спроса может рассматриваться в качестве фактора, способного обеспечить экономический рост. В связи с этим возникает необходимость научного обоснования направлений стимулирования внутреннего спроса, которые в текущих экономических условиях способны изменить структурные связи и тем самым обеспечить рост экономики. В нашем исследовании предпринята попытка расчета потенциального эффекта для экономики от стимулирования потребления гражданами страны товаров и услуг, производимых сферой внутреннего туризма. В качестве методологической основы исследования были использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также оригинальный методический инструментарий, базирующийся на методологии межотраслевого баланса. Новизна результатов состоит в развитии методологии и совершенствовании инструментария использования межотраслевого баланса для анализа и оценки вклада внутреннего туризма в формирование внутреннего спроса и последствий для экономики от его стимулирования, что отличает наше исследование от аналогичных работ других ученых. В статье приведены аналитические данные, отражающие декомпозицию валового внутреннего продукта в разрезе его ключевых компонентов, состояние внутреннего потребительского спроса в России в сравнении с зарубежными странами, а также дана оценка эффекта для экономики от развития сферы внутреннего туризма. В заключение предложены направления активизации данной сферы, позволяющие стимулировать внутренний потребительский спрос. В дальнейшем будут продолжены работы по совершенствованию инструментария структурного моделирования, позволяющего обосновывать экономическую политику как на уровне экономики в целом, так и в рамках межотраслевых комплексов и видов экономической деятельности.

Ключевые слова: внутренний потребительский спрос, внутренний туризм, экономический рост.

1. Введение.

В новом майском Указе Президента РФ¹ ставится цель: к 2024 году войти в число пяти крупнейших экономик мира, обеспечив темпы экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности. Пока же российская экономика находится на шестом месте в мире (после Китая, США, Индии, Японии и Германии), а темпы ее роста последние пять лет уступают мировым (рис. 1), т.е. Россия не наращивает, а, напротив, снижает свою долю в мировом ВВП. За 2008–2017 гг. рост валового внутреннего продукта страны составил лишь 4,4%. За этот же период мировая экономика выросла на 23,8%.

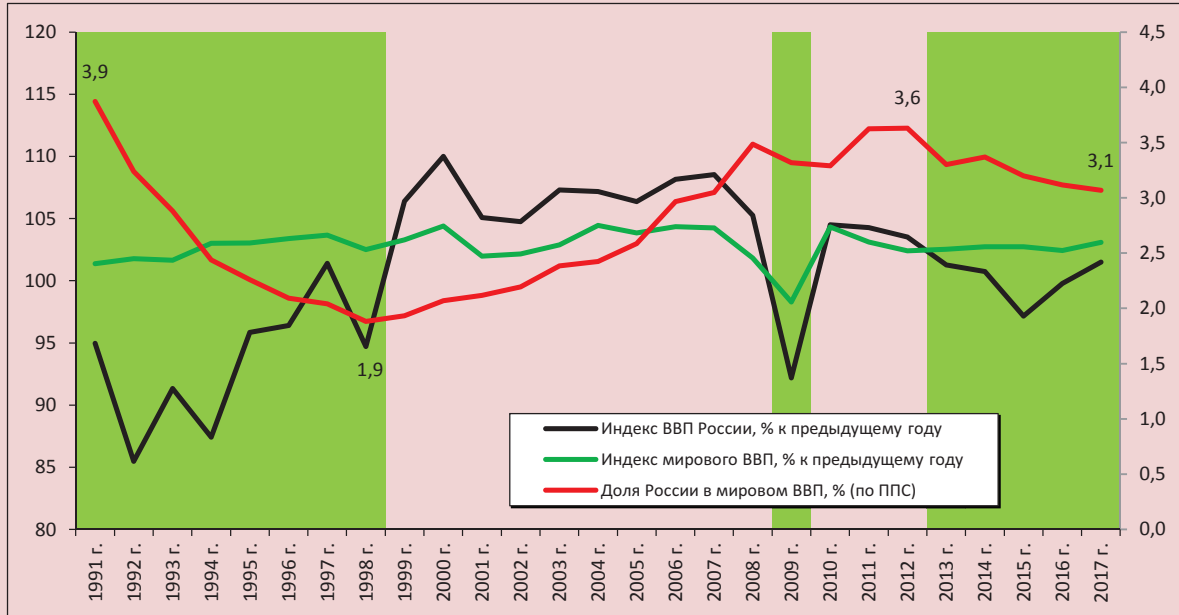
Особенностью сложившейся модели развития является высокая зависимость экономики

от внешней конъюнктуры и результатов экспортно-импортной деятельности [1]. Несмотря на то что в структуре ВВП России на чистый экспорт (т.е. экспорт за вычетом импорта) приходится не более 10%, он выступает одним из ключевых факторов экономического роста (а чаще спада) (рис. 2). Например, по итогам 2017 года его вклад в прирост ВВП составил -2,3% (экспорт +1,3%; импорт -3,6%).

Очевидно, что для достижения поставленной Президентом цели необходимы серьезные преобразования в экономике. В экспертной среде и политических кругах страны развернулась дискуссия, в фокусе внимания участников которой – факторы и причины падения экономики, а также те меры, которые следует принять для преодоления негативных тенденций и вывода экономики на траекторию устойчивого роста. Консенсус достигнут только в одном – в отношении необходимости структурных реформ.

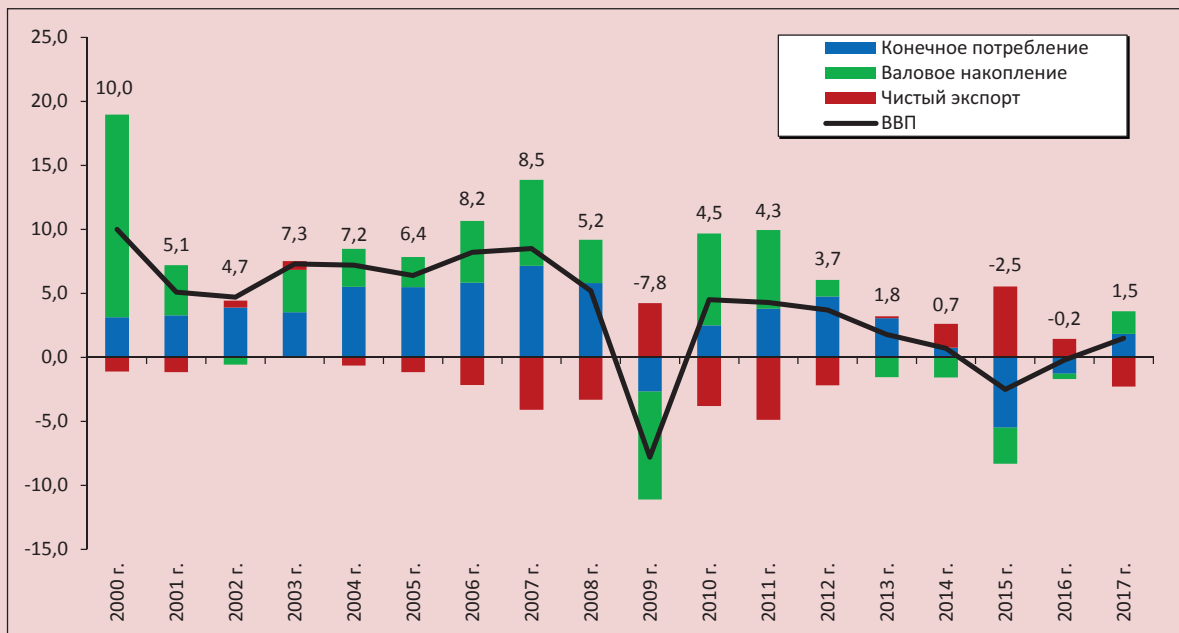
¹ Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Рисунок 1. Динамика ВВП России и мира (левая шкала) и доли России в мировом ВВП (правая шкала) (зеленой заливкой обозначены периоды, в которых темпы роста ВВП России уступали среднемировым)

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка.

Рисунок 2. Вклад факторов экономического роста в прирост ВВП России, %

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Об этом неоднократно заявляли представители экономических властей страны: министр экономики М.С. Орешкин², председатель Правительства Д.А. Медведев³, председатель Центрального банка Э.С. Набиуллина⁴, председатель правления Сбербанка России Г.О. Греф⁵ и др.

На страницах ведущих научных журналов также обсуждаются вопросы структурной перестройки экономики [2–7]. Основной акцент при этом делается на снижении зависимости экономики от цен на углеводороды, стимулировании внутренних источников ее роста [9].

Из проведенного нами анализа теоретических работ следует, что в качестве такого источника, менее зависимого от внешних условий и более поддающегося регулированию, может рассматриваться внутренний спрос⁶.

В частности, по мнению И.А. Погосова, модель развития, ориентированная на внутренний

² «Мы концентрируемся на структурных ограничениях экономического роста и мерах, которые такие ограничения снимают. ... Министерство экономического развития должно сформулировать те изменения, которые помогут преодолевать эти структурные ограничения» (источник: Можно сделать серьезный шаг вперед к росту доли белой экономики // Коммерсант. 2017. 8 января. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3186798>).

³ «Восстановить нормальные темпы роста только за счет денежной и бюджетной политики не получится, требуются серьезные структурные реформы, хотя мы об этом говорим последние лет, наверное, 15» (источник: Для восстановления роста российской экономики требуются структурные реформы // Комсомольская правда. 2017. 12 января. Режим доступа: <https://www.kp.ru/online/news/2624661>).

⁴ «Если цена на нефть выше — мы можем расти чуть быстрее, но тем не менее при любой цене наша оценка такова: без структурных преобразований мы стабилизируемся на планке 1,5–2 процента» (источник: Набиуллина призвала провести структурные реформы ради роста экономики // Lenta.ru. 2017. 5 апреля. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/04/05/reform>).

⁵ «Все, по-моему, пришли к выводу, что кризис, в котором мы сейчас находимся, не циклический, а структурный. И, в общем, бороться с ним надо совершенно стандартным набором мер. Сегодня нет никакого другого средства, кроме как наконец заняться структурными реформами» (источник: Подъем ВВП заменяют разговоры о структурных реформах // Независимая газета. 2017. 5 апреля. Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2017-04-05/1_6967_vvp.html).

⁶ Под внутренним спросом понимается конечное потребление товаров и услуг резидентами. Он включает в себя потребление частного и общественного сектора и валовые капиталовложения.

спрос, позволяет опираться на внутренние источники роста. Это дает возможность удовлетворять потребности страны в товарах народного потребления и оборудовании за счет национального производства. В этом случае сокращаются ограничения, связанные с внешнеэкономической конъюнктурой и масштабами добычи энергоресурсов. Одновременно расширяются потенциальные возможности увеличения темпов роста национальной экономики [10]. В работе В. Кондратьева подчеркивается, что экономический рост в развивающихся странах под действием таких процессов, как цифровизация и децентрализация, будет обеспечен за счет внутренних структурных реформ, направленных на стимулирование внутреннего спроса и на расширение индустриальной базы [11].

При этом актуальным является определение путей стимулирования внутреннего спроса. В частности, по мнению экспертов Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, к секторам экономики, располагающим потенциалом роста в краткосрочной перспективе, относятся топливно-энергетический, химический, агропромышленный и строительный комплексы, а также сектор коммерческих и персональных услуг [12].

Впрочем, этим не исчерпывается перечень направлений, способных стимулировать внутренний спрос и тем самым обеспечить рост экономики. На наш взгляд, среди таковых может рассматриваться стимулирование потребления населением товаров и услуг, производимых сферой внутреннего туризма. Каким образом это происходит? Жители государства, путешествуя внутри его границ, предъявляют спрос на товары и услуги, потребляют их, стимулируя производителей увеличивать объемы продукции.

Значимость внутреннего туризма для экономики достаточно очевидна. Он не только способствует увеличению доходной части бюджетов различных уровней через налоги, но и стимулирует инвестиционную активность, создает новые рабочие места, повышает занятость населения. Кроме того, туризм как отрасль народного хозяйства обладает мультипликативным эффектом. Через цепочку «расходы — доходы» стимулируется развитие до 53 смежных отраслей народного хозяйства. Например,

в США по итогам 2016 г. на туризм пришлось 8,1% ВВП, из которых 80% – вклад, связанный с расходами американцев на потребление внутренних туристских продуктов⁷. В странах, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, на внутренний туризм в 2016 г. пришлось около 76% потребления туристских товаров и услуг⁸.

В Российской Федерации сфера внутреннего туризма не столь развита. Вместе с тем ее потенциал достаточен для того, чтобы рассматриваться в качестве источника экономического роста. Таким образом, целью исследования является обоснование стимулирования внутреннего спроса как фактора роста экономики на основе потребления населением товаров и услуг сферы внутреннего туризма. Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: провести анализ состояния внутреннего спроса и обосновать значимость его стимулирования в целях обеспечения экономического роста, оценить эффект для экономики от увеличения спроса населения на внутренний туризм, а также предложить меры по стимулированию потребления товаров и услуг данной сферы.

2. Методология и методы исследования.

Методологическую основу составили труды ученых (В.В. Ивантер, А.А. Широ, Б. Порфирьев [3], А. Аганбегян [5], И.А. Погосов [10], О.С. Сухарев [7; 8] и др.), занимающихся исследованием проблем обеспечения экономического роста, в том числе на основе стимулирования внутреннего спроса.

Значимость внутреннего туризма для экономики отражена в исследованиях российских и зарубежных ученых. В частности, вопросам влияния туризма на экономику посвящены работы Т.Н. Григоренко, Л.Н. Казминой, В.И. Кружалина, К.В. Кружалина, Н.В. Шабалиной и других авторов [13; 14]. Учеными МГУ им. М.В. Ломоносова предложены направления развития видов туристской деятельности, способных активизировать спрос населения на туристские ресурсы (лечебно-оздоровительный и автотуризм) [15].

⁷ По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям.

⁸ По данным Организации экономического сотрудничества и развития. <http://dx.doi.org/10.1787/tour-2018-en>

Достаточно подробно российскими исследователями освещены ключевые проблемы данной сферы, сдерживающие ее развитие в стране. Одно из направлений решения проблем внутреннего туризма специалисты видят в неотложном принятии государством экономических мер [16]. В исследовании С.А. Быстрова подробно рассмотрен отечественный опыт использования существующих методов поддержки и стимулирования развития внутреннего туризма [17]. В работе З.А. Зюляева моделируется спрос на внутренний туризм в Российской Федерации и анализируются факторы формирования этого спроса [18]. Ю.О. Владыкиной и Н.А. Розумной на примере сибирских территорий выполнен анализ спроса на внутренний туризм [19].

В зарубежных исследованиях внутреннему туризму уделено больше внимания вследствие более длительного периода его изучения. Так, в работе [20] на примере туристского рынка Китая доказано, что большее значение для экономики имеет развитие внутреннего туризма, чем выездного и въездного. При этом особо подчеркивается роль внутреннего туризма для региональной экономики [21; 22; 25]. Кроме того, итальянскими учеными определено, что данный вид туризма имеет большой потенциал для устранения структурных диспропорций в экономике [23]. Этот вывод подтверждается результатами применения модели «затраты-выпуск» внутреннего туризма Бразилии [25], а также отдельных регионов Японии [26].

Вместе с тем анализ перечисленных работ позволил заключить, что вопросам влияния сферы внутреннего туризма в контексте стимулирования потребительского спроса уделено недостаточно внимания.

Оценка состояния внутреннего спроса и его составляющих, исследование структуры потребительских расходов домашних хозяйств базируется на общенаучных методах сравнения, обобщения, анализа, синтеза и др.

Для обоснования источников внутреннего спроса и оценки последствий для экономики от их стимулирования был использован метод моделирования.

В рамках исследования предлагается межотраслевая модель экономики для проведения вариантных расчетов оценки изменения объемов выпуска товаров и услуг, численности ра-

ботников, фонда оплаты труда по отдельным видам экономической деятельности и всей экономике в целом при сокращении или росте конечного спроса на продукцию одного из видов деятельности. То есть модель дает возможность увидеть, что произойдет с экономикой, если простимулировать спрос на тот или иной продукт; насколько при этом возрастет выпуск товаров и услуг в отрасли и в целом по экономике; насколько потребуются увеличить численность работников и фонд заработной платы.

Модель опирается на основное уравнение межотраслевого баланса. В матричной форме оно имеет вид:

$$x = Ax + y, \quad (1)$$

где x – вектор общего объема продукции; A – матрица коэффициентов прямых затрат; y – вектор конечного продукта.

В моделировании использовалось уравнение:

$$(E - A)^{-1} \cdot y = x, \quad (2)$$

где E – единичная матрица; $(E - A)^{-1}$ – матрица коэффициентов полных затрат.

На основании полученной матричной зависимости можно рассчитать, каким должен быть объем реализации x во всех отраслях⁹ экономики, если планируется изменение конечного спроса y , т.е. производится расчет полных затрат.

Приведем алгоритм расчета.

1. На основе данных таблицы использования товаров и услуг рассчитывается матрица прямых затрат A . Для этого определяется доля прямых затрат F_{ij} в объеме выпуска продукции X_j :

$$a_{ij} = F_{ij} / X_j \quad (3)$$

Элемент a_{ij} матрицы A показывает расход товара i непосредственно при производстве единицы продукции отрасли j .

2. Далее вычисляется матрица полных затрат $B = (E - A)^{-1}$. Для этого из единичной матрицы E вычитается матрица A . Полученная матрица возводится в степень -1 , т.е. находится обратная матрица $(E - A)^{-1}$.

⁹ Понятия «отрасль» и «вид экономической деятельности» в данном исследовании используются как синонимы.

Элемент b_{ij} матрицы B характеризует потребность в валовом выпуске отрасли i , который необходим для получения в процессе материального производства единицы конечного продукта отрасли j . Коэффициенты полных затрат отражают всё многообразие и сложные косвенные связи, возникающие в процессе общественного воспроизводства.

3. Матрица полных затрат, умноженная на вектор планируемого конечного потребления y_j , равняется валовому выпуску продукции всех отраслей x_i :

$$x_i = f(y_1, y_2, \dots, y_n) = \sum_{j=1}^n b_{ij} y_j \quad (4)$$

Расчеты по оценке эффекта от потребления товаров и услуг сферы внутреннего туризма требуют вычленения, с помощью стандартных статистических приемов, из рассчитанной в рамках системы национальных счетов добавленной стоимости по специфическим и неспецифическим для туризма видам деятельности той части, которая обусловлена туристским потреблением, и нахождения ее доли в валовом внутреннем продукте. В дальнейшем эта доля применима для расчета вклада туризма в формирование других макроэкономических показателей (занятость, доходы бюджета и т.п.).

Для расчета туристского выпуска и туристской добавленной стоимости по видам деятельности, связанным с туризмом, было решено использовать вместо данных обследования бюджетов домашних хозяйств сведения об уровне и структуре расходов на отдых. Эти данные были экспертно оценены на основе имеющейся информации о структуре туристских расходов по Республике Казахстан. Обоснования применимости данного подхода представлены в разделе 3.3.

Расчеты по данному алгоритму были произведены по 37 видам экономической деятельности, в том числе по семи так называемым туристско ориентированным: деятельности гостиниц и ресторанов; деятельности сухопутного транспорта; деятельности водного транспорта; деятельности воздушного транспорта; деятельности туристических агентств, деятельности по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта.

3. Результаты исследования.

3.1. Состояние внутреннего спроса и его основных составляющих.

Удельный вес внутреннего спроса в использовании ВВП составляет более 90% (в т.ч. конечного потребления домашних хозяйств – 52%, государственного управления – 18%, валового накопления – 24%). Однако, несмотря на столь высокие показатели, в последние годы его вклад в прирост ВВП достаточно скромнен.

По итогам 2017 г. вклад внутреннего спроса «перекрыл» убыль от чистого экспорта и составил 3,6% (в т.ч. конечного потребления домашних хозяйств +1,8%, государственного управления +0,1%, валового накопления +1,8%). Причем поддержка внутреннего спроса позволила выйти на положительные темпы экономического роста в 1,5%.

По оценкам Минэкономразвития, в ближайшие годы рост ВВП будет определяться более чем наполовину конечным потреблением домашних хозяйств. В 2018 г. его вклад в экономический рост составит 1,4% (для сравнения приведем данные о вкладе других компонен-

тов: валовое накопление – +0,9%, чистый экспорт – +0,1%; общий прирост ВВП – +2,1%) (табл. 1).

Почему так важно наличие внутреннего платежеспособного спроса? Дело в том, что он является одним из основных факторов при планировании деятельности на предприятиях, принятии решений о наращивании или снижении загрузки мощностей, реализации инвестиционных проектов.

Опыт зарубежных стран показывает, что стимулирование потребительских расходов может выступить фактором экономического роста. В США, например, расходы на конечное потребление домашних хозяйств составляют почти 70% ВВП. При этом если сравнивать стоимостные объемы конечного внутреннего спроса в расчете на душу населения, то оказывается, что в России он в 2,5 раза ниже, чем в США, и в 2 раза ниже, чем в Германии (табл. 2).

Итогом этого является отсутствие спроса внутри страны на многие виды товаров и необходимость экспорта низкотехнологичных товаров, т.к. только в качестве поставщиков сырья

Таблица 1. Вклад компонентов конечного использования в темпы прироста ВВП РФ, % к предыдущему году

Показатель	2016 г.	2017 г. (оценка)*	2018 г.	2019 г.	2020 г.
			Прогноз		
ВВП использованный	-0,2	2,1	2,1	2,2	2,3
1. Расходы на конечное потребление, в т.ч.:	-2,3	1,2	1,2	1,1	1,2
1.1. Домашних хозяйств	-2,3	1,2	1,4	1,3	1,2
1.2. Государственного управления	-0,1	0,1	-0,2	-0,2	-0,1
2. Валовое накопление, в т.ч.	0,3	1,6	0,9	1,0	1,3
Валовое накопление основного капитала	-0,4	0,9	1,0	1,2	1,3
3. Чистый экспорт, в т.ч.:	1,5	-0,8	0,1	0,0	-0,2
Экспорт	0,9	1,0	0,9	0,6	0,5
Импорт	-0,6	-1,8	-0,8	-0,6	-0,7

* Оценка Минэкономразвития на сентябрь 2017 г.; итоговые данные Росстата за 2017 г. другие.
Источник: Прогноз социально-экономического развития РФ на 2018 г. и на плановый период 2019 и 2020 гг. / Минэкономразвития. – С. 16.

Таблица 2. Конечное потребление в РФ, США и ФРГ в 2016 г.

Страна	Конечное потребление, % ВВП			ВВП по ППС, трлн. долл.	Конечное потребление по ППС, трлн. долл.	Численность населения, млн. чел.	Конечное потребление на душу населения по ППС, тыс. долл.
	Всего	Домохозяйства	Госсектор				
РФ	71,4	53,4	18,1	3,581	2,557	146,8	17,418
США	83,1	68,8	14,3	17,270	14,351	325,1	44,137
ФРГ	72,8	53,3	19,6	4,030	2,934	82,8	35,435

Источник: рассчитано авторами на основе данных Всемирного банка.

нашим производителям удастся встроиться в мировые цепочки добавленной стоимости. Такое положение вещей по спирали усугубляет развитие экономики — из-за недополученной добавленной стоимости сокращаются доходы компаний, государства и населения. Это в свою очередь снижает потребительский спрос и возможности для инвестирования.

Узость внутреннего рынка и негативная динамика его развития, выступающие одними из основных сдерживающих экономический рост факторов, ведут к недопотреблению товаров и услуг, сокращению стимулов у предприятий для наращивания производства и увеличению глубины переработки сырья.

За период с 2011 по 2017 г. объем внутреннего спроса в России сократился на 1,5% (табл. 3). При этом потребительские расходы выросли лишь на 5,4%, расходы госуправления снизи-

лись на 0,5%, валовое накопление основного капитала — на 2,5%. Импорт сократился на 10,8%.

В структуре внутреннего спроса большая часть приходится на потребление домашних хозяйств. В 2017 г. их доля составила более 55%, причем за последние 7 лет она увеличилась почти на 4 п.п. (табл. 4).

Обратим внимание на тот факт, что, несмотря на сокращение стоимостных объемов импорта, его соотношение с объемом внутреннего спроса увеличилось за рассматриваемый период почти на 5 п.п. (с 22,7 до 27,6%).

Таким образом, негативное состояние внутреннего спроса (в т.ч. потребительского) в России представляется статистически установленным. Темпы его роста замедлились, а душевые объемы существенно уступают показателям развитых стран.

Таблица 3. Внутренний спрос в РФ, трлн. руб. (в ценах 2017 г.)

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., %
Внутренний спрос	88,1	93,3	94,5	93,6	85,2	83,6	86,7	98,5
1. Расходы на конечное потребление, в т.ч.	62,4	66,4	69,2	69,8	64,3	63,1	64,8	103,8
1.1. Домашних хозяйств	45,4	49,0	51,5	52,6	47,6	46,3	47,9	105,4
1.2. Государственного управления	16,6	17,1	17,2	16,9	16,3	16,5	16,5	99,5
2. Валовое накопление, в т.ч.	25,7	26,8	25,3	23,8	20,8	20,4	22,0	85,5
Валовое накопление основного капитала	20,5	21,5	21,8	21,4	19,0	19,1	20,0	97,5
Справочно:								
Экспорт	20,0	20,3	21,2	21,3	22,1	22,8	24,0	119,9
Импорт	21,3	23,4	24,2	22,5	16,8	16,2	19,0	89,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Таблица 4. Структура внутреннего спроса в РФ, % (в ценах 2017 г.)

Показатель	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2017 г. к 2011 г., п.п.
Внутренний спрос	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	—
1. Расходы на конечное потребление, в т.ч.	70,8	71,2	73,2	74,6	75,5	75,5	74,7	+3,8
1.1. Домашних хозяйств	51,6	52,5	54,6	56,2	55,9	55,4	55,2	+3,6
1.2. Государственного управления	18,9	18,3	18,2	18,0	19,2	19,7	19,1	+0,2
2. Валовое накопление, в т.ч.	29,2	28,8	26,8	25,4	24,5	24,5	25,3	-3,8
Валовое накопление основного капитала	23,2	23,1	23,1	22,9	22,3	22,9	23,0	-0,2
Справочно:								
Отношение импорта к внутреннему спросу	22,7	21,7	22,4	22,8	25,9	27,3	27,6	+4,9

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Стимулирование внутреннего спроса может запустить рост экономики в стране. Эффект от повышения потребительских расходов начинает проявляться очень быстро, в течение месяцев. Одновременно создаются предпосылки для долгосрочного роста, поскольку предприятия, обслуживающие потребительский спрос, получают возможность приращения ресурсов для инвестиций. Однако все эти процессы запускаются только в том случае, если приобретаемая продукция будет российского производства. Поэтому важно понимать, какие товары и услуги потребляют домохозяйства и кто является производителем этих товаров и услуг – отечественные или иностранные компании.

3.2. Структура потребительских расходов домохозяйств.

В структуре потребительских расходов домашних хозяйств России преобладают расходы

на продукты питания и напитки, транспорт, жилищно-коммунальные услуги, топливо, одежду, обувь, отдых (табл. 5).

Рассмотрение структуры формирования ресурсов этой продукции в российской экономике (по данным последнего отчетного межотраслевого баланса) позволяет выделить в ней долю импорта (табл. 6), которая оказалась наибольшей в ресурсах одежды и обуви (почти 69%), предметов домашнего обихода и бытовой техники (свыше 60%). Остальные потребительские товары и услуги в определяющей степени (более чем на 85%) отечественного производства.

Если сопоставить структуру потребительских расходов домашних хозяйств и долю импорта в ресурсах потребляемой ими продукции, то можно отметить, что перспективным направлением, способным стимулировать внутренний потребительский спрос, может рассматриваться сфера, объединяющая выпуск товаров и услуг,

Таблица 5. Структура потребительских расходов домашних хозяйств РФ в 2016 г., % к итогу

Товар или услуга	Доля
Потребительские расходы, в т.ч.	100,0
Продукты питания и напитки	35,4
Транспорт	13,3
Жилищно-коммунальные услуги, топливо	11,3
Одежда и обувь	9,2
Организация отдыха	6,7
Предметы домашнего обихода, бытовая техника	5,9
Здравоохранение	3,6
Гостиницы, кафе и рестораны	3,5
Связь	3,3
Образование	0,8
Другие товары и услуги	7,0

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Таблица 6. Доля импорта в ресурсах некоторых видов продукции РФ, % от общего объема

Товар или услуга	Доля импорта
Продукты питания и напитки	15,4
Транспорт	11,3
Жилищно-коммунальные услуги, топливо	1,2
Одежда и обувь	68,8
Организация отдыха	6,8
Предметы домашнего обихода, бытовая техника	60,4
Здравоохранение	0,1
Гостиницы, кафе и рестораны	0,3
Связь	4,7
Образование	0,2

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

предназначенных для удовлетворения потребностей населения в отдыхе, — внутренний туризм.

3.3. Результаты оценки стимулирования внутреннего спроса на примере сферы внутреннего туризма.

Сложность оценки экономического эффекта от стимулирования потребления товаров и услуг внутренними туристами заключается в том, что в официальной статистике РФ этот вид туризма не выделен как отдельная отрасль экономики.

В данном исследовании расчеты рассматриваемого эффекта на примере сферы внутреннего туризма будут произведены на основе структуры потребления товаров сферы туризма Казахстана, с которым Российскую Федерацию исторически связывают устойчивые экономические отношения, носящие интенсивный и

динамичный характер, отличающиеся высоким уровнем всестороннего взаимодействия.

Как показал анализ, структура потребительского поведения жителей Казахстана и РФ в отношении услуг имеет сходство (рис. 3). В частности, расходы на отдых составили 5,4% в Российской Федерации, 4,9% в Республике Казахстан, на услуги ресторанов и гостиниц — 2,8 и 3,5% соответственно.

Следует отметить, что в Казахстане статистическое наблюдение в туризме осуществляется в соответствии с методологией вспомогательного счета, учитывающей различные относящиеся к туризму аспекты спроса на товары и услуги.

С помощью этих статистических данных определим структуру потребления согласно ви-

Рисунок 3. Структура фактического конечного потребления домашних хозяйств РФ и Казахстана, в % к итогу

Источник: Россия и страны мира. 2016: стат. сб. / Росстат. М., 2016. 379 с.

дам туризма, а также его влияние на выпуск продукции других видов деятельности.

Анализ показал, что внутренние туристы в наибольшей степени потребляют товары и услуги, оказываемые турагентствами – 17,5%, а также предприятиями общественного питания – 15,2%. Что касается въездного туризма, то здесь основная часть туристских расходов приходится на сектор размещения и общественного питания – 25,2 и 15,8% соответственно (табл. 7).

Анализ данных межотраслевого баланса Российской Федерации и видов экономической деятельности, относящихся к туризму, дает представление о том, как выглядит рассматриваемая структура потребления в российских условиях (табл. 8).

Исходя из этого, можно отметить, что туристско-ориентированными продуктами являются услуги индустрии средств размещения (99%), турагентств (98%) и транспортного сектора (59%).

Таблица 7. Потребление, относящееся к туризму внутри страны, в разбивке по продуктам, в %

Продукты	Потребление, относящееся к туризму внутри страны		
	Расходы, относящиеся к въездному туризму	Расходы, относящиеся к внутреннему туризму	Расходы, относящиеся к туризму внутри страны
Потребительские продукты	97,2	97,2	97,2
Типичные туристские продукты	67,0	73,7	69,9
Услуги по размещению посетителей	25,2	13,7	29,6
1а. Услуги по размещению посетителей, кроме услуг в пункте 1	25,2	13,7	20,3
1. Услуги по размещению, связанные со всеми типами собственности в отношении домов для отдыха	х	х	х
2. Услуги предприятий общественного питания	15,8	15,2	15,5
3. Услуги железнодорожного пассажирского транспорта	4,4	6,4	5,3
4. Услуги дорожного пассажирского транспорта	0,2	3,7	1,7
5. Услуги водного пассажирского транспорта	0,0	0,0	0,0
6. Услуги воздушного пассажирского транспорта	9,2	8,8	9,0
7. Услуги сдачи в аренду транспортного оборудования	2,0	0,3	1,3
8. Туристические агентства и другие услуги по бронированию	1,0	17,5	8,0
9. Услуги в области культуры	2,3	1,2	1,8
10. Спортивные и рекреационные услуги	7,0	6,9	7,0
11. Типичные туристские товары для конкретной страны	х	х	х
12. Типичные туристские услуги для конкретной страны	х	х	х
Другие потребительские продукты	30,2	23,5	27,3
Изделия, обладающие определенной ценностью	2,8	2,8	2,8
Всего	100,0	100,0	100,0

Источник: данные Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан.

Таблица 8. Потребление, относящееся к туризму в Российской Федерации, в разбивке по продуктам, в %

Продукты	Потребление, относящееся к туризму внутри страны
Услуги гостиниц, кемпингов и прочих мест для временного проживания	0,995
Услуги общественного питания	0,281
Услуги междугородного пассажирского железнодорожного транспорта	0,328
Дорожный пассажирский транспорт	0,008
Водный транспорт	0,259
Услуги по пассажирским перевозкам воздушным транспортом	0,586
Услуги туристических агентств и туроператоров; услуги по обслуживанию туристов, не включенные в другие группировки	0,978
Услуги в области культуры	0,122
Другие отрасли	0,00004

Рисунок 4. Коэффициенты полных затрат в различных видах экономической деятельности в России, рублей на 1 рубль продукции

Примечание. При формировании ВЭД «Туризм» из всех видов экономической деятельности вычтено туристское потребление.

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Использование методологии межотраслевого баланса позволило рассчитать значение коэффициента полных затрат (рис. 4), который характеризует полные затраты продукции одной отрасли на производство единицы продукции других отраслей. Чем выше значения данного показателя, тем больший экономический эффект для экономики имеет отрасль. Как свидетельствуют данные расчетов, по значению коэффициента полных затрат на один рубль произведенной продукции внутренний туризм уступает только промышленности и строительству.

Применение межотраслевого инструментария дает возможность просчитать эффект¹⁰ от изменения спроса в экономике.

Допустим, в результате стимулирования потребления резидентами страны товаров и услуг, производимых сферой внутреннего туризма, конечный спрос на его товары и услуги вырос

¹⁰ Под эффектом понимается прирост валового выпуска, численности работников и фонда оплаты труда в соответствующих видах экономической деятельности.

на 10% (что может быть обусловлено повышением доходов населения, реализацией инвестиционных проектов в туризме, развитием инфраструктуры, проведением активной информационной кампании и т.д.). Увеличение объема конечного спроса в рассматриваемой сфере приведет к приросту основных экономических показателей по всем видам экономической деятельности.

По нашим расчетам стимулирование конечного спроса на внутренний туризм на 10% обеспечит в целом по экономике прирост валового выпуска продукции в 346 млрд. рублей и численности работников на 142, 8 тыс. человек (табл. 9). Кроме того, увеличится фонд заработной платы. Прирост средней заработной платы составит 416 рублей.

Наибольший эффект стимулирование потребления населением товаров и услуг сферы внутреннего туризма окажет на транспортную отрасль. Это объясняется тем, что в структуре вида экономической деятельности «Туризм» транспорт имеет наибольшую долю.

Таблица 9. Прирост основных экономических показателей по видам экономической деятельности от стимулирования потребления товаров и услуг сферы внутреннего туризма на 10%

Вид экономической деятельности	Прирост валового выпуска, млн. руб.	Прирост численности работников, чел.	Прирост фонда заработной платы, млн. руб.	Прирост средней заработной платы, руб.
Транспорт	155428	54046	27,855	515
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	38740	12251	5,853	478
Гостиницы и рестораны	28852	27035	6,808	252
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	15093	3996	1,768	442
Производство кокса, нефтепродуктов и ядерных материалов	14704	358	0,351	979
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	14236	9092	2,940	323
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	12141	7480	2,108	282
Добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	9140	667	0,572	857
Производство транспортных средств и оборудования	7825	2369	1,027	434
Финансовая деятельность	7071	2297	1,932	841
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	5849	1505	0,484	322
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	5340	1119	0,444	397
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	4928	2546	1,123	441
Строительство	4873	2786	1,002	360
Связь	3838	4499	1,768	393
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	3697	3902	0,924	237
Производство машин и оборудования	3322	2024	0,783	387
Химическое производство	2971	611	0,289	472
Производство резиновых и пластмассовых изделий	1551	575	0,172	300
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	1499	544	0,197	362
Производство прочих неметаллических и минеральных продуктов	1260	655	0,221	337
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	694	215	0,126	585
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	640	290	0,146	503
Прочие производства (включая мебель и вторсырьё)	639	245	0,063	258
Текстильное и швейное производство	546	484	0,091	189
Рыболовство, рыбоводство	317	129	0,072	560
Обработка древесины и производство изделий из дерева	313	167	0,041	244
Образование	277	656	0,212	323
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	236	255	0,086	338
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	19	16	0,003	214
В целом по экономике	346039	142815	59,461	416

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Кроме того, достаточно заметно рост спроса на услуги внутреннего туризма скажется на производстве и предоставлении услуг в сфере недвижимости, гостиничном секторе и деятельности по снабжению электроэнергией, газом и водой.

Эффект от стимулирования спроса на товары и услуги внутреннего туризма (на 10%; *рис. 5*) будет наибольшим в таких видах экономической деятельности, как «гостиницы и рестораны» (рост выпуска продукции на 2,02%), «транспорт» (на 1,43%)

и «предоставление коммунальных услуг» (на 0,55%). В целом по экономике эффект составит 0,24%.

Как видно из *рис. 6*, в структуре распределения эффекта, который получится от стимулирования потребления резидентами страны товаров и услуг сферы внутреннего туризма, по видам экономической деятельности наибольшую долю (почти 45%) занимает транспорт. Можно отметить, что в той или иной степени все её виды испытают положительное влияние рассматриваемого эффекта.

Рисунок 5. Эффект от стимулирования потребления резидентами товаров и услуг сферы внутреннего туризма на 10% по видам экономической деятельности, %

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

Рисунок 6. Структура распределения эффекта от стимулирования потребления товаров и услуг сферы внутреннего туризма резидентами по видам экономической деятельности, % к итогу

Источник: рассчитано авторами на основе данных Росстата.

4. Предложения и заключение.

Результаты проведенного исследования показали перспективность развития сферы внутреннего туризма как направления стимулирования внутреннего потребительского спроса. Ввиду её неразвитости в Российской Федерации и, соответственно, ее недостаточного текущего вклада в экономику следует определить пути, реализация которых будет способствовать повышению потребления населением то-

варов и услуг, производимых данной сферой. Основные направления стимулирования внутреннего туристского потребления состоят в следующем.

1. Проведение политики, направленной на изменение структуры потребления домашних хозяйств.

Это предполагает реализацию ряда мероприятий по увеличению доли потребления товаров и услуг сферы внутреннего туризма рези-

дентами за счет изменения пропорций других статей. Так, полученное значение мультипликатора внутреннего туризма подтверждает большую экономическую значимость данной сферы по сравнению, например, с оптовой и розничной торговлей. В связи с этим целесообразно осуществление масштабной государственной пропаганды внутренних туристических направлений, призывающей население приобретать туры внутри страны взамен покупки товаров народного потребления, особенно импортного производства.

Полезно также применение целевого маркетинга, ориентированного на потребителя и предполагающего, что предприятия туристической индустрии приспособливают свои предложения к потребностям отдельных клиентов или организованных покупателей [27]. В данном случае речь идет о разработке внутреннего туристского продукта для определенного сегмента в зависимости от потребительских предпочтений внутренних туристов. Кроме того, это подразумевает проведение мероприятий по стимулированию сбыта внутреннего туристского продукта. Например, в Казани, по программе «Weekend в Казани», в выходные дни туристы размещаются в гостиницах с 40%-й скидкой и имеют специальные скидки по «карте гостя» на услуги в объектах питания, музеях и музеях-заповедниках, объектах индустрии развлечений¹¹.

Для повышения качества предоставляемых услуг предлагается формирование региональных стандартов гостеприимства, которые позволят региону формировать имидж и репутацию «гостеприимной территории» как в глазах туриста, так и в глазах местного населения [28].

2. Создание приоритетных конкурентоспособных туристских продуктов, основанных на развитии видов туристической деятельности, обеспечивающих рост потока внутренних туристов. Так, например, к числу таких видов туризма относится событийный туризм, предполагающий посещение наиболее интересных для туристов событий. Он позволяет создавать туристские продукты продолжительностью бо-

лее 24 часов (например, фестивали, форумы, спортивные соревнования и т. д.), тем самым увеличивая продолжительность пребывания туристов, а также повысить «загрузку» объектов туристской инфраструктуры.

Ранее нами была рассчитана эффективность от развития событийного туризма на основе долгосрочного прогноза изменения туристских затрат. В результате расчетов, проведенных на примере Вологодской области, отношение к валовому региональному продукту туристских расходов, включающих проживание в средствах коллективного размещения в течение суток, к 2030 году составит 49,9 млрд. руб. или 9,3% от ВРП (для сравнения: в 2014 году – 4,4% ВРП) [29].

3. Создание благоприятных условий для инвестиций в сферу внутреннего туризма.

Актуальной проблемой для крупного бизнеса, занимающегося капитальными вложениями, остаются высокие цены на средства производства. Так, предпринимательскую активность сдерживает высокая кадастровая стоимость недвижимости, превышающая рыночную. Существенным препятствием для бизнесменов, занятых в сфере рекреации и отдыха, оказывается и ставка аренды на землю в некоторых субъектах РФ. Данные обстоятельства влияют на цену конечного туристского продукта для внутреннего туриста.

В связи с этим необходим пересмотр в сторону уменьшения значений арендных ставок в отношении земли и недвижимости. Это возможно посредством принятия соответствующих законодательных актов как на региональном, так и на федеральном уровне.

Одним из направлений поддержки производителей услуг внутреннего туризма может стать пересмотр налога на добавленную стоимость субъектов турбизнеса, занятого в производстве внутреннего туристского продукта (туроператоров, владельцев коллективных средств размещения)¹². Совершенствование налогового законодательства способно не только поддержать бизнесменов, но и привлечь на данный рынок новых игроков.

¹¹ В результате реализации программы загрузка в гостиницах в выходные дни выросла с 15% в 2009 году до 65% в 2014 году.

¹² Для сравнения: в Европе средний размер НДС для отелей составляет 10,3% при ставке этого налога 20% для других видов бизнеса.

4. Предоставление субсидий субъектам туризма, занятым в производстве внутреннего туристского продукта.

Со стороны государства возможно субсидирование инвестиционных кредитов для реализации проектов, имеющих значение для развития данной сферы (например, строительства средств размещения).

Поскольку при формировании пакета туристских услуг велика доля транспортных расходов, то с этой точки зрения перспективна поддержка компаний транспортной отрасли. Необходимо осуществлять субсидирование не только авиарейсов, но и железнодорожного транспорта и междугородных автобусов. В настоящее время данная мера применяется только в отдельных субъектах РФ.

5. Использование инструментов, позволяющих частично компенсировать затраты на отдых.

Успешный опыт зарубежных стран в отношении развития внутреннего туризма (например, Венгрия) позволяет утверждать, что в России перспективно оказывать поддержку работодателям, которые выделяют средства на оплату отдыха сотрудников. Так, льготная система «Карта отдыха Сечени», действующая в Венгрии, заключается в том, что организации перечисляют заработную плату на специальные банковские карты, в результате чего сотрудники получают льготную ставку налогообложения. Сэкономленные за счет этого средства держатель карты вправе потратить на свой отдых или отдых своих близких. Ежегодно этой картой оплачивается 25% расходов по внутреннему туризму¹³.

Во Франции распространена система отпускных чеков с определенным номиналом для полной или частичной оплаты туристских услуг внутри страны. В основном эта мера действует в отношении работников промышленных предприятий и госслужащих. Средняя стоимость таких чеков на семью составляет около 400 евро, а фактические траты граждан на отдыхе превосходят эту сумму в 4 раза¹⁴.

Как видится, использование подобных механизмов в Российской Федерации должно активизировать спрос населения на услуги внутреннего туризма.

Таким образом, предложенный инструментарий позволил определить потенциальный эффект для экономики от стимулирования потребительского спроса на примере потребления товаров и услуг внутреннего туризма, рассматриваемого как драйвер экономического роста.

Подводя итог, стоит отметить, что результаты исследования вносят вклад в развитие методических аспектов оценки внутреннего туризма, его влияния на другие отрасли, а также потенциального эффекта от его развития.

В целом перспективные направления, определяющие стимулирование внутреннего потребительского спроса на основе внутреннего туризма, не являются исчерпывающими. В дальнейших исследованиях будут продолжены работы по совершенствованию инструментария структурного моделирования, позволяющего обосновывать региональную экономическую политику как на уровне экономики в целом, так и в рамках межотраслевых взаимодействий отраслевых комплексов и видов экономической деятельности.

Литература

1. Ильин В.А., Поварова, А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Тенденции рыночных трансформаций. Кризис бюджетной системы. Роль частного капитала. Стратегия-2020: проблемы реализации: Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. 188 с.
2. Кудрин А., Соколов И. Бюджетный маневр и структурная перестройка российской экономики // Вопросы экономики. 2017. № 9. С. 5–27.
3. Ивантер В., Порфирьев Б., Широков А. Структурные аспекты долгосрочной экономической политики // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 27–34.

¹³ Фомин И. Мы могли бы принимать 80 миллионов туристов // Парламентская газета. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/social/my-mogli-by-prinimat-80-millionov-turistov.html>

¹⁴ Данные Ассоциации туроператоров России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.atorus.ru/news/press-centre/new/40178.html>

4. Миркин Я. Российская экономика: вызовы, сценарии, стратегия роста // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 67–74.
5. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 11–27.
6. Ильин В.А., Морев М.В. Тревожное будущее 2024 года // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 9–24. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.1
7. Сухарев О. Изменение макроэкономической политики для обеспечения экономического роста в 2018–2024 гг. // Проблемы теории и практики управления. 2018. № 3. С. 113–119.
8. Сухарев О. Структурные ограничения и подходы к их преодолению // Экономист. 2014. № 1. С. 50–55.
9. Ускова Т.В. Проблемы экономического роста территории. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2013. 170 с.
10. Погосов И.А. Тенденции изменения структуры экономики России после кризиса 1998 г. М.: Институт экономики РАН, 2010. 44 с.
11. Кондратьев В. Конец глобализации или новый этап? // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 12. С. 6–17.
12. Ивантер В.В. Структурно-инвестиционная политика в целях обеспечения экономического роста в России. М.: Научный консультант, 2017. 196 с.
13. Григоренко Т.Н., Казьмина, Л.Н. Приоритеты в области развития внутреннего и въездного туризма России на современном этапе // Вестник Национальной академии туризма. 2015. № 4. С. 14–17.
14. Кружалин В.И., Кружалин, К.В., Шабалина, Н.В. Состояние российского туризма, проблемы и перспективы // Вестник Национальной академии туризма. 2016. № 1. С. 10–13.
15. Семенова Е.В., Маслова, Н.В. Проблемы развития внутреннего туризма и некоторые пути их решения // Вестник Национальной академии туризма. 2016. № 3. С. 34–36.
16. Черникова Л.И., Фаизова, Г.Р. К вопросу переориентации на внутренний туризм // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. С. 52–60.
17. Быстров С. А. Внутренний туризм как стратегически важное направление развития туристского рынка РФ // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 966–970. URL: <http://e-koncept.ru/2016/96108.htm>.
18. Зюляев Н.А. Эконометрический анализ спроса россиян на внутренний туризм // Российское предпринимательство. 2017. № 4. С. 461–470. doi: 10.18334/rp.18.4.37538
19. Владыкина Ю.О., Розумная Н.В. Особенности формирования спроса на внутренний туризм: опыт сибирских территорий // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 4. С. 147–155.
20. Li H., Li Chen J., Li G., Goh C. Tourism and regional income inequality: evidence from China. *Annals of Tourism Research*, 2016, vol. 58, pp. 81–99.
21. Pratt S. The economic impact of tourism in SIDS. *Annals of Tourism Research*, 2015, vol. 52, pp. 148–160.
22. Sindiga I. Domestic tourism in Kenya. *Annals of Tourism Research*, 1996, vol. 1, pp. 19–31.
23. Massidda, C., Etzo, I. The determinants of Italian domestic tourism: A panel data analysis. *Tourism Management*, 2012, no. 33, pp. 603–610.
24. W. Na. Research on the tendency of national domestic tourism. *Journal of Chemical and Pharmaceutical Research*, 2014, no. 6 (6), pp. 1862–1865.
25. Haddad E.A., Porsse A.A., Rabahy W. Domestic tourism and regional inequality in Brazil. *Tourism Economics*, 2013, no. 19 (1), pp. 173–186.
26. Tsukui M., Takumi, I., Kagatsume M. Repercussion effects of consumption by domestic tourists in Tokyo and Kyoto estimated using a regional waste input–output approach. *Journal of Economic Structures*, 2017, vol. 6 (1), pp. 1–17.
27. Маркетинг туризма / И.В. Гончарова, Т.П. Розанова, М.А. Морозов, Н.С. Морозова. М.: Федеральное агентство по туризму, 2014. 224 с.
28. Леонидова Е.Г. Стимулирование развития внутреннего туризма: отечественный и зарубежный опыт // Вопросы территориального развития. 2016. № 3 (33). URL: <http://vtr.vscs.ac.ru/article/1886>
29. Леонидова Е.Г. Направления развития внутреннего туризма в регионе // Проблемы развития территории. 2017. № 4 (90). С. 67–78.

Сведения об авторах

Евгений Владимирович Лукин – кандидат экономических наук, зам. заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Екатерина Георгиевна Леонидова – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Максим Андреевич Сидоров – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: maxis44@yandex.ru)

Lukin E.V., Leonidova E.G., Sidorov M.A.

Boosting Domestic Demand as a Driving Force of Economic Growth (on the Example of Domestic Tourism Sphere)

Abstract. Changing structural proportions manifested in the narrowing of domestic demand for goods and services is a trend in modern development of the Russian economy, which experiences an impact of a system-wide economic crisis and the current foreign policy and foreign economic situation. This leads to underconsumption of goods and services, and thus to a reduction of incentives for enterprises to increase production. Meanwhile, stimulation of domestic consumer demand can be considered as a factor capable of ensuring economic growth. In this regard, there is a need for scientific substantiation of measures to promote domestic demand, which in the current economic conditions can change the structural relationships and thus ensure economic growth. In our study, an attempt is made to calculate the potential economic effect of stimulating Russian citizens' consumption of goods and services produced by domestic tourism sector. General scientific methods such as analysis, synthesis, comparison, generalization and original methodological tools based on input-output models are used as a methodological basis of the study. Novelty of the results consists in the fact that we develop a methodology and improve the tools for the use of input-output models to analyze and assess the contribution of domestic tourism to the formation of domestic demand and the impact of its stimulation on the economy; these aspects distinguish our study from similar works of other scientists. The paper presents analytical data reflecting the decomposition of gross domestic product in the context of its key components, the state of domestic consumer demand in Russia in comparison with foreign countries; we also assess the effect that the development of domestic tourism has on the economy. In conclusion we propose measures to boost this sphere and promote domestic consumer demand. In the future, we will continue working on improving structural simulation tools, which allow us to substantiate economic policy at the level of the economy as a whole, and in the framework of inter-sectoral complexes and economic activities.

Key words: domestic consumer demand, domestic tourism, economic growth.

Information about the Authors

Evgenii V. Lukin – Candidate of Sciences (Economics), deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: lukin_ev@list.ru)

Ekaterina G. Leonidova – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: eg_leonidova@mail.ru)

Maksim A. Sidorov – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: maxis44@yandex.ru)

Статья поступила 04.07.2018.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.9

УДК 336.71, ББК 65.262.1

© Воронова Н.С., Мирошниченко О.С.

Доходы населения как потенциал развития банковского кредитования: компаративный анализ российских регионов

**Наталья Степановна
ВОРОНОВА**

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034, Университетская наб., 7-9
E-mail: n.voronova@spbu.ru

**Ольга Сергеевна
МИРОШНИЧЕНКО**

Тюменский государственный университет
Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Володарского, д. 6
E-mail: os_miroshnichenko@mail.ru

Аннотация. В статье исследуется развитие банковского кредитования физических лиц во взаимосвязи с доходами населения в России. С использованием данных Центрального банка РФ, Федеральной службы государственной статистики, программного продукта EXCEL был проведен статистический анализ показателей, характеризующих удовлетворенный спрос населения в банковских кредитах, в сопоставлении с показателями среднедушевых доходов в 2010–2017 годах, в разрезе федеральных округов Российской Федерации, с выделением г. Москвы, а также Республики Крым и г. Севастополя (после 2014 г.): определен объем выданных банками в течение года кредитов на одного жителя соответствующей территории, рассчитаны показатели корреляции среднедушевых денежных доходов и выданных банками кредитов на одного жителя с учетом цели кредитования, оценено распределение объема выданных кредитов на одного жи-

Для цитирования: Воронова Н.С., Мирошниченко О.С. Доходы населения как потенциал развития банковского кредитования: компаративный анализ российских регионов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 144–159. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.9

For citation: Voronova N.S., Miroshnichenko O.S. People's incomes as a potential for development of bank lending: comparative analysis of Russian regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 144–159. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.9

теля в зависимости от среднедушевого дохода. Было установлено, что увеличение среднедушевых доходов не сопровождается пропорциональным увеличением банковских кредитов на душу населения. Наибольшую активность в привлечении банковских кредитов проявляют домохозяйства со среднедушевыми денежными доходами до 35 тысяч рублей. Исследование развития банковского кредитования населения в зависимости от цели кредита показало, что связь между доходами и жилищными кредитами более тесная, чем связь доходов с прочими банковскими кредитами населению. В современных условиях кредитование физических лиц в России способствует принятию банками высоких кредитных рисков, потенциально снижает возможности повышения рентабельности деятельности. Отсутствуют реальные регулятивные стимулы, способствующие переносу внимания банков при кредитовании домохозяйств на заемщиков с высокими денежными доходами.

Ключевые слова: кредитование населения, доходы населения, неравенство доходов, LTV, DSTI, потребительское поведение.

Введение

Кредитование населения выступает важнейшим направлением деятельности банков, приносящим доходы и обуславливающим принятие рисков. Классический подход теории банковского дела, доказавший свою состоятельность на практике во всех странах и в мировом экономическом пространстве, предполагает наличие взаимосвязи между кредитными обязательствами индивидуальных заемщиков и доходами домохозяйств, что подчеркивается также банковским регулятором. Современные макропруденциальные нормы во многих странах включают в себя коэффициенты, регулирующие кредитование физических лиц, такие как LTV, DSTI¹.

Для населения причины и последствия привлечения банковского кредита в семейный бюджет весьма многообразны, однако все они позволяют выделить две группы банковских кредитов населению.

В первую группу целесообразно включить банковские кредиты, которые население привлекает для расширения потребления, инвестирования в развитие индивидуальных способностей, улучшения качества жизни, что при

соразмерной долговой нагрузке и доходов заемщиков приводит к повышению благосостояния индивидов и выступает одним из факторов экономического роста в стране.

Во вторую группу целесообразно включить банковские кредиты, которые выступают источником покрытия дисбаланса между недостаточными доходами и необходимыми повседневными расходами, идут на рефинансирование иных долгов. Такие кредиты на ограниченном временном интервале при грамотном кредитном менеджменте банков способны приносить доходы и даже обеспечивать банкам прибыльное существование, однако при неизменной ситуации с доходами домохозяйств повышению благосостояния населения не способствуют, фактором экономического роста в стране не являются, а их последствия носят не только экономический, но и психологический [1; 2; 3] и социальный характер [см., напр., 4; 5].

Для банков развитие кредитования, отнесенного ко второй группе кредитных отношений с населением, приводит к ограничению потенциала роста качественных кредитных портфелей, доходов от кредитования и сопровождается развитием потенциальных факторов риска.

Поскольку значительная географическая протяженность территории России обуславливает дифференциацию важных экономических показателей, таких как уровень среднедушевых доходов, ВРП, иных, в настоящей работе связь между доходами населения и банковским кредитованием домохозяйств исследуется с учетом

¹ LTV (Loan to Value) – коэффициент, рассчитывается как отношение суммы кредита на цели приобретения жилья к стоимости приобретенного объекта недвижимости, используется банковскими регуляторами для снижения кредитных рисков банков при ипотечном кредитовании домохозяйств; DSTI (в литературе показатель DSTI (Debt Servicing to Income) называется также PTI, DSR) – отношение размера ежемесячного платежа заемщика по всем имеющимся у него кредитам (основной долг и проценты) к его среднемесячному доходом.

данных отдельных регионов России, что обеспечивает сопоставимость и развитие результатов, полученных иными российскими авторами [см., напр., 6; 7; 8; 9; 10].

В связи с чем целью настоящего исследования выступает выявление, систематизация и критическая оценка современных тенденций развития банковского кредитования домохозяйств в сопоставлении со среднедушевыми доходами населения, с учетом географической дифференциации значений анализируемых показателей. Для достижения цели ставились и решались следующие задачи:

- оценить связь между среднедушевыми доходами и объемом кредитов, выданных банками, в расчете на одного жителя, выявить региональные особенности анализируемых показателей;

- исследовать банковское кредитование населения с учетом цели предоставленных кредитов во взаимосвязи со среднедушевыми денежными доходами населения;

- на основе проведенного анализа доходов населения как потенциала развития банковского кредитования, обозначить тенденции развития банковского кредитования населения.

Степень изученности проблемы

Вопросам банковского кредитования физических лиц, влияния кредитов на потребительские расходы, связи между доходами населения и банковскими доходами и рисками посвящено значительное количество исследований российских и зарубежных авторов.

Одно из направлений таких исследований предполагает оценку роли банковских кредитов в финансах домохозяйств. По мнению коллектива авторов под руководством В. Мау, «вклад банковского кредитования в финансы домашних хозяйств в последние несколько лет в России отрицательный» [11, с. 161]. Аналогично, отрицательную оценку современной ситуации с кредитованием населения дает Г.А. Шарина. Исследуя связь между уровнем доходов и обязательствами по кредитам домохозяйств на примере Республики Калмыкия, Г.А. Шарина приходит к выводу, что улучшить ситуацию с закредитованностью населения позволит стабилизация экономического состояния региона, увеличение денежных доходов населения, активизация работы по повышению его финансовой грамотности [12, с. 81].

Связь между финансовой грамотностью и кредитным поведением домохозяйств изучают и зарубежные авторы [см., напр., 13; 14].

М.Ю. Малкина, исследуя неравномерность распределения кредитов, предоставляемых физическим лицам, между регионами Российской Федерации, утверждает, что высокая стоимость кредитов не приводит к улучшению финансового состояния отстающих регионов, однако для 2001–2016 гг. отмечает снижение неравенства регионов по уровню кредитования населения [15, с. 2136]. К выводу о повышении доступности кредитов для населения на примере Сибирского региона приходят Е.М. Хацкевич, А.Ю. Семерьянова, Л.Ю. Татарина [16, с. 35].

Предпосылки возможного перехода страны в фазу гармонизированной системы экономики создает движение отечественной экономики от «экономики государства» к «экономике физических лиц» [17, с. 56]. Рост уровня жизни, стабильность социально-экономического развития страны определяются как пути предотвращения возможных негативных процессов на кредитном рынке [18, с. 138].

Следующее направление изучения кредитования физических лиц предполагает исследование кредитов домохозяйствам во взаимосвязи с депозитами, выявление факторов, способствующих развитию кредитования и процессов сбережений [19; 20]. Так, Н.А. Петухов установил прямую взаимосвязь между усредненной задолженностью по кредитам в рублях в расчете на одного жителя и величиной ВРП на душу населения в разрезе регионов РФ: «С ростом значения ВРП в регионе увеличивается задолженность физических лиц по кредитам в рублях» [19, с. 51]. Э.Б. Ершов и О.Н. Кадрева делают вывод о наличии положительной краткосрочной и отрицательной долгосрочной взаимосвязи сбережений и кредитов [20, с. 349].

Выявление факторов, определяющих кредитное поведение физических лиц, побуждающих население обращаться в банк за кредитом и способствующих формированию просроченной задолженности домохозяйств перед банками, выступает еще одним направлением исследований банковского кредитования населения.

Основную роль в формировании спроса на кредит со стороны населения играют уровень безработицы, потребительская уверенность и динамика инфляции [21, с. 251]; возраст и пол

заемщика, наличие у заемщика платежных карт (дебетовой и кредитной), доход, наличие ипотечного кредита выступают значимыми факторами вероятности возникновения у физических лиц просроченной задолженности по банковским кредитам [22, с. 113]; в условиях сокращения доходов населения следует ожидать сокращения кредитования физических лиц [23, с. 62].

Зарубежные авторы исследуют банковские кредиты населению с позиции влияния долга домохозяйств на макроэкономические переменные и с позиции влияния регулятивных мероприятий государства на развитие кредитования банками домохозяйств.

Американские исследователи Edmond Berisha, John Meszaros считают, что увеличение долга домохозяйств является аналогом перераспределения доходов в США: в условиях экономического спада домохозяйства с более низким доходом смогли поддерживать уровень потребления, тогда как домохозяйства с высоким доходом получили дополнительный доход, что еще более усугубляло неравенство в доходах [24, с. 93]. Экономический рост более благоприятно отражается на благосостоянии домохозяйств, имеющих высокие доходы, по сравнению с домохозяйствами с низкими доходами [25, с. 363]. Среди домохозяйств с высокими доходами широкое распространение получают финансовые инструменты с более тонкой настройкой [26].

Исследователи из Европейского Центрального банка Miguel Ampudia, Hasvan Vlokhoven, Dawid Żochowski выявляют связь просроченной задолженности по банковским кредитам домохозяйств с такими факторами, как изменение процентной ставки, доходов и цен на жилье [27, с. 250]. Нем С. Basnet, Ficawoyi Donou-Adonsou на данных США обосновывают, что просроченная задолженность по кредитным картам тем ниже, чем выше уровень образования держателя, и тем выше, чем больше кредитов домохозяйства оформляют на покупки в Интернете [28, с.11].

По мнению Edmond Berisha, John Meszaros, важными факторами, влиявшими на кредитование банками американских домохозяйств, среди прочих, выступили низкие процентные ставки, изменения в регулятивной среде для финансовых учреждений и технологическое продвижение в управлении кредитным ри-

ском; задолженность домохозяйств увеличивается при снижении экономического роста и росте безработицы [24, с. 93-94]. Макропрudenциальная политика выступает фактором, сдерживающим рост кредитования населения вообще и особенно – кредитование домашних хозяйств [29, с. 203]; на сокращение задолженности населения по банковским кредитам наиболее эффективно влияет регулятивный LTV, в меньшей степени – увеличение налогов на недвижимость (на ипотечную задолженность) и ужесточение денежно-кредитной политики [30, с. 47]. Отрицательные макроэкономические последствия от увеличения отношения долга к доходам (DSTI) для данных Эстонии отмечает Merike Kukk [31, с. 764]. Используя данные стран ЕС, Marco Gross и Javier Población сравнивают регулирующее воздействие LTV и DSTI и приходят к выводу, что DSTI эффективнее регулирует кредитный риск по банковским ссудам населению [32, с. 510]. Анализируется и влияние налоговой политики на финансовые решения домохозяйств – в работе [33] показано, как отразилось налоговое регулирование доходов населения в КНР на разных стадиях экономического роста на развитии банковской системы страны.

Таким образом, изучение банковского кредитования населения в научной литературе представлено широким многообразием направлений. Вместе с тем, исследование выдаваемых банками кредитов населению в сопоставлении со среднедушевыми доходами на примере регионов России представляется весьма актуальным. В качестве гипотезы настоящего исследования выдвигаем гипотезу о различии в кредитных предпочтениях населения российских регионов в зависимости от уровня среднедушевого денежного дохода как потенциала развития банковского кредитования физических лиц.

Информационно-методическая база исследования

Исследование основывается на статистических данных официального сайта Банка России, раздел «Статистика. Региональный раздел», подраздел «Сведения о размещенных и привлеченных средствах», часть «Кредиты, предоставленные физическим лицам-резидентам (региональный разрез)», за период с 2010 по 2017 год. Данные о выданных кредитах пред-

ставлены по признаку местонахождения заемщика независимо от места государственной регистрации банка-кредитора, что обеспечивает корректность их анализа в сравнении со среднедушевыми доходами населения. Источником данных выступают сведения из отчетности коммерческих банков, представляемой в Банк России по форме² 0409302.

Для исследования отобраны годовые данные о численности населения «Демография. Численность и состав населения» и о среднедушевых ежемесячных денежных доходах «Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации», представленные на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики.

Данные сгруппированы в разрезе территорий Российской Федерации по федеральным округам. Особое положение столичного региона России предопределило формирование статистической базы настоящего исследования с выделением показателей г. Москвы из показателей Центрального федерального округа. Кроме того, в течение анализируемого периода менялся состав федеральных округов в связи с вхождением Республики Крым в состав России в 2014 году, включением Крымского федерального округа в 2016 году в состав Южного федерального округа. Для целей анализа показатели Крымского федерального округа (Республики Крым и г. Севастополя) в статистической базе выделены, на все соответствующие даты исключены из показателей Южного федерального округа. Данные Северо-Кавказского федерального округа отдельно присутствуют в выборке начиная с 2011 года.

Таким образом, для целей исследования сформирована статистическая база анализируемых показателей (выданные банками кредиты физическим лицам, численность и среднедушевые доходы населения) в разрезе восьми федеральных округов (Центрального без г. Москвы, Северо-Западного, Южного, Северо-Кавказского, Поволжского, Уральского, Сибирского и Дальневосточного) с выделением г. Москвы, а также Республики Крым и г. Севастополя.

² См. Указание Банка России от 24.11.2016 года № 4212-У «О перечне, формах и порядке составления и представления форм отчетности кредитных организаций в Центральный банк Российской Федерации».

Результаты

Доходы как первичный источник погашения банковских кредитов определяют способность физического лица заимствовать средства в банке, выступают критерием кредитоспособности. Изменение доходов населения непосредственно влияет на объем и качество банковских кредитов, предоставляемых физическим лицам, определяет потенциал развития банковского кредитования соответствующей категории заемщиков.

В России среднедушевые денежные доходы населения значительно дифференцированы в разрезе территорий страны (*рис. 1*).

В соответствии с данными рисунка, наибольшие среднедушевые денежные доходы (с отрывом от иных территорий) приходятся на население г. Москвы. К концу анализируемого периода происходит рост среднедушевых доходов во всех регионах; наиболее быстрыми темпами увеличиваются среднедушевые денежные доходы населения Центрального (без г. Москвы), Дальневосточного, Северо-Западного и Уральского федеральных округов.

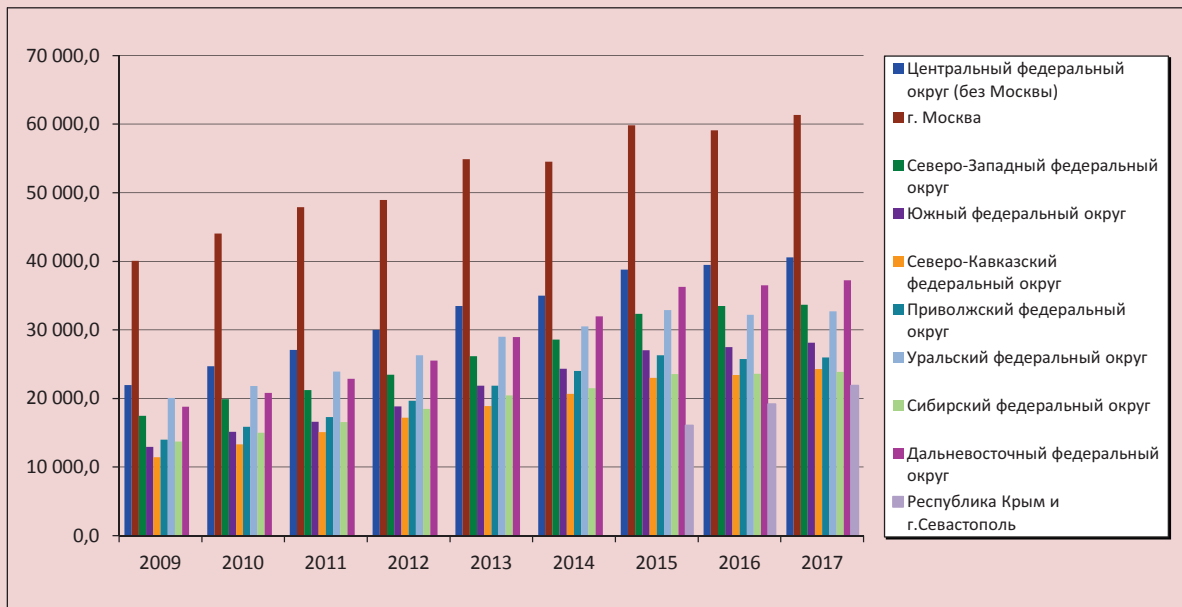
Банковские кредиты используются в качестве источника финансирования расходов населением всех регионов. Данные о банковских кредитах, выданных физическим лицам, в разрезе федеральных округов с выделением г. Москвы, Республики Крым и г. Севастополя, представлены на *рис. 2*.

Данные рисунка показывают, что наибольший объем кредитов, выданных банками физическим лицам, отмечен в Центральном, Приволжском, Сибирском федеральных округах и в г. Москве, что в целом соответствует распределению численности населения по территории страны (*рис. 3*).

Для сопоставления данных разных территорий используется показатель долговой нагрузки, рассчитанный как объем кредитов, выданных банками населению, на одного жителя, в региональном разрезе; результаты расчета представлены на *рис. 4*.

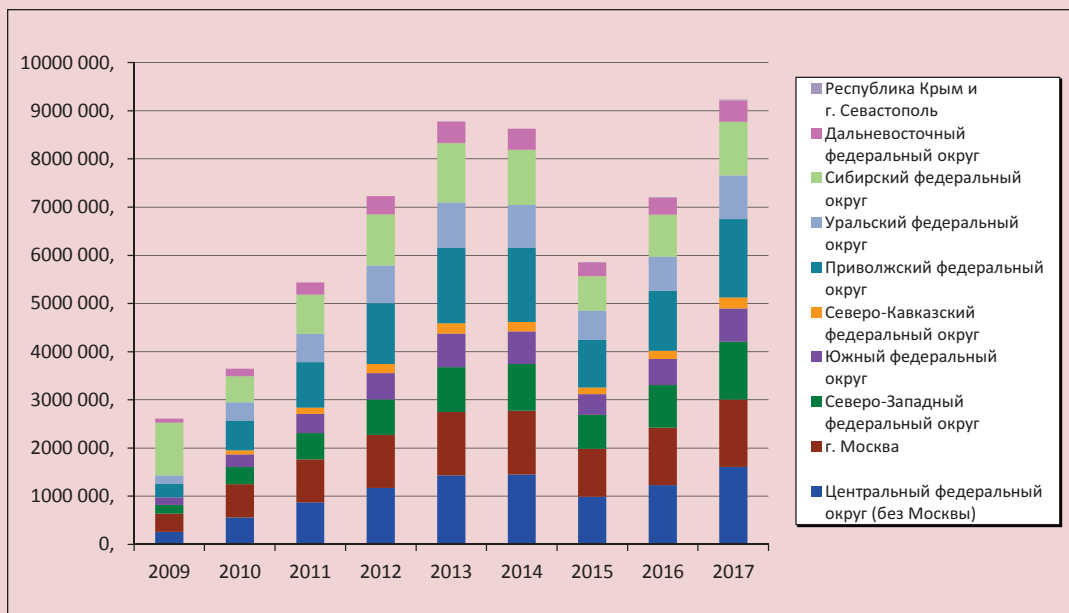
Согласно данным рисунка, на протяжении всего анализируемого периода наименьший объем выданных банковских кредитов в расчете на одного жителя отмечается в Северо-Кавказском федеральном округе, наибольший — в г. Москве, причем с явным отрывом от показателей других территорий.

Рисунок 1. Распределение среднедушевых доходов населения России в разрезе территорий, рублей

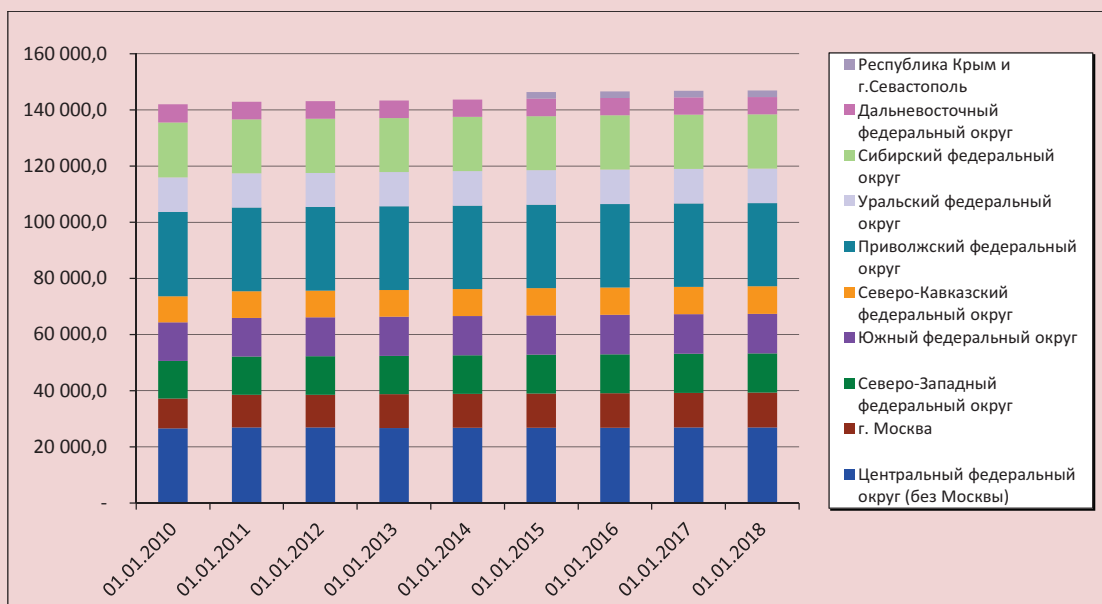
Источник: Среднедушевые денежные доходы по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_11sub.htm

Рисунок 2. Распределение банковских кредитов, выданных физическим лицам-резидентам в рублях и иностранной валюте, за период 2010–2017 гг., млн. рублей

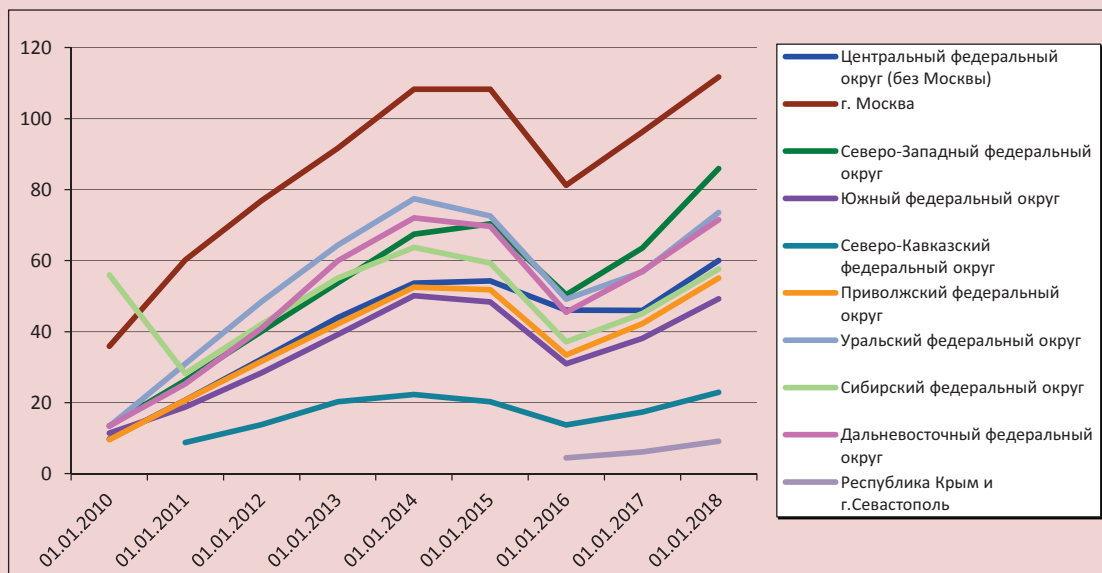
Источник: Кредиты, предоставленные физическим лицам-резидентам (региональный разрез) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=sors>

Рисунок 3. Распределение численности населения по территории России в 2010–2017 гг., тыс. человек

Источник: Демография. Численность и состав населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Рисунок 4. Банковские кредиты, выданные населению в 2010-2017 гг., в расчете на одного жителя, тыс. руб.

Рассчитано по: Кредиты, предоставленные физическим лицам – резидентам (региональный разрез) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=sors>; Демография. Численность и состав населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

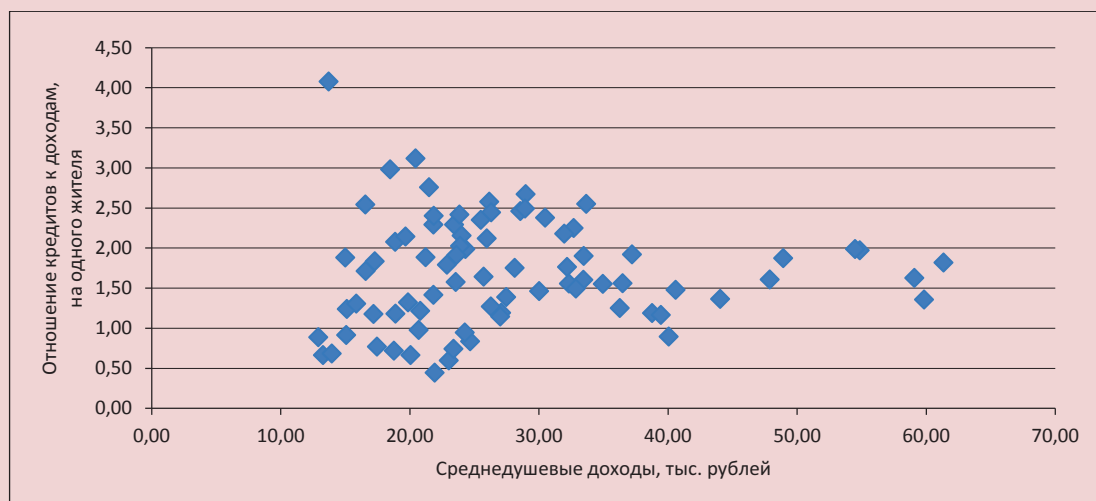
В течение 2010–2014 гг. банки всех анализируемых территорий (за исключением Сибирского федерального округа в 2010 г.) наращивали кредитование населения в расчете на одного жителя. В этот период средний объем выданных банковских кредитов на одного жителя примерно одинаков в Уральском, Дальневосточном, Северо-Западном и Сибирском федеральных округах, аналогично близки между собой значения показателя выданных банковских кредитов на одного жителя в Южном, Приволжском и Центральном (без г. Москвы) федеральных округах. В Сибирском федеральном округе сокращение кредитования населения в 2010 году обусловлено перегревом регионального рынка банковских кредитов населению в докризисном периоде и последующей стагнацией рынка в связи с развитием кризисной ситуации в 2009 году³. Начиная с 2011 г. ситуация в Сибирском федеральном округе выравнивается, динамика выданных населению кредитов в целом соответствует динамике аналогичного показателя по другим федеральным округам.

В 2015 году отмечается снижение анализируемого показателя во всех федеральных

округах и в г. Москве, однако наибольший спад отмечается в регионе – лидере по анализируемому показателю – в Москве, а наименьший спад – в регионе-аутсайдере – Северо-Кавказском федеральном округе. Причиной выступает наличие либо отсутствие у физических лиц возможности сокращения объема банковского кредита в составе источников бюджета домохозяйств, обусловленной различием в уровне доходов населения разных территорий. Иными словами, населению с невысокими среднедушевыми денежными доходами сложнее отказаться от банковских кредитов как источника собственного бюджета, чем сократить расходы. Наоборот, у населения с высокими среднедушевыми доходами больше возможности сократить расходы и, соответственно, сократить объем привлекаемых для финансирования расходов банковских кредитов.

Для оценки роли банковских кредитов как источника финансирования расходов домохозяйств, на рис. 5 представлено распределение отношения выданных кредитов к доходам, в расчете на одного жителя, как показателя долговой нагрузки, в зависимости от среднедушевых доходов.

Рисунок 5. Распределение отношения выданных банками кредитов к доходам, в расчете на одного жителя, в зависимости от среднедушевых денежных доходов населения, за период с 2010 по 2017 г.

Источник: составлено авторами.

³ См. Сибирское экономическое обозрение: информационно-аналитический выпуск. Январь-декабрь 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sibacc.ru/upload/iblock/bc3/issue25.pdf>

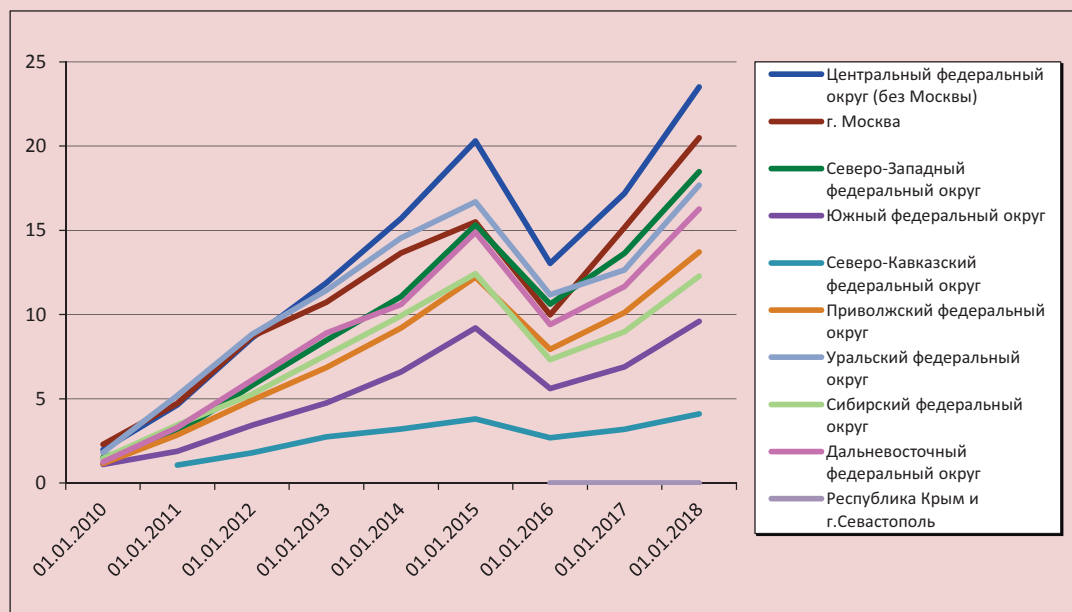
По приведенным на рисунке данным прослеживается тенденция к сокращению долговой нагрузки по банковским кредитам при росте среднедушевых денежных доходов. Наибольшая долговая нагрузка по банковским кредитам приходится на домохозяйства со среднедушевыми денежными доходами до 35 тысяч рублей.

Анализ кредитных предпочтений населения во взаимоотношениях с банком, оказывающих непосредственное влияние на развитие банковского кредитования, необходимо дополнить анализом выданных кредитов в зависимости от цели, для чего банковские кредиты населению разделены на две группы: жилищные кредиты и прочие (не относящиеся к жилищным) кредиты. Данные о жилищных и прочих кредитах, предоставленных банками населению, в расчете на жителя, представлены на *рис. 6 и 7*.

На основании данных *рис. 6 и 7* можно сделать следующие выводы. В анализируемом пе-

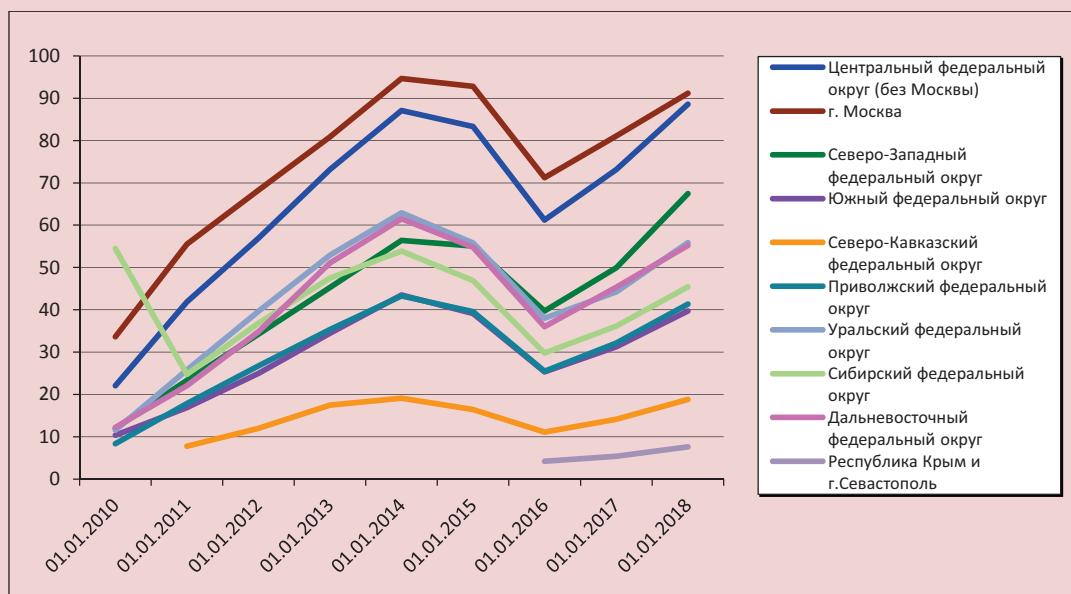
риоде в целом (за исключением 2015 года) отмечается рост задолженности по банковским кредитам в расчете на душу населения, однако характер роста по кредитам на разные цели различается. В течение 2015 года для всех выделенных территорий характерно сокращение кредитов, предоставленных населению независимо от цели кредитования, что связано с проявлением кризисных последствий шоковых факторов 2014 года, обусловленных изменением режима валютного курса, введением западных санкций и проявившихся, среди прочего, в девальвации курса рубля, росте инфляции и банковских процентных ставок, снижении реальных денежных доходов как критерия кредитоспособности населения. В целом в анализируемом периоде для жилищных кредитов характерен рост анализируемого показателя более высокими темпами по сравнению с ростом кредитов, предоставленных банками на прочие цели. Причина заключается в том, что

Рисунок 6. Банковские жилищные кредиты, предоставленные населению в 2010–2017 гг., в расчете на одного жителя, тыс. рублей

Рассчитано по: Объем кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам в рублях (по федеральным округам) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2018&TbIID=302-30>; Объем кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам в иностранной валюте (по федеральным округам) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2018&TbIID=302-31>; Демография. Численность и состав населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

Рисунок 7. Банковские прочие (помимо жилищных) кредиты, предоставленные населению в 2010–2017 гг., в расчете на одного жителя, тыс. рублей

Рассчитано по: Объем кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам в рублях (по федеральным округам) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2018&TbIID=302-30>; Объем кредитов, предоставленных физическим лицам-резидентам в иностранной валюте (по федеральным округам) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cbr.ru/statistics/UDStat.aspx?Month=01&Year=2018&TbIID=302-31>; Демография. Численность и состав населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

жилищные кредиты направлены на финансирование расходов, признаваемых заемщиками необходимыми, от которых заемщики готовы отказаться в последнюю очередь, и важнейшим фактором спроса на жилищные кредиты выступает именно резкое изменение условий предоставления таких кредитов, прежде всего резкое их удорожание, что и проявилось в 2015 году. Однако уже с 2016 года значение показателя объема банковских жилищных кредитов населению стабилизируется.

Что касается динамики прочих (помимо жилищных) кредитов, предоставленных банками населению в расчете на одного жителя, то она несколько отличается от динамики аналогичного показателя по жилищным кредитам. Уменьшение отношения прочих кредитов на жителя начинается с 2014 года, продолжается в 2015 году, происходит более плавно, чем сокращение аналогичного показателя по жилищным кредитам. Выявленное отличие обусловлено большей готовностью населения к отказу от привлече-

ния банковских кредитов для финансирования прочих целей, отличных от цели приобретения жилья, в условиях сокращения/ замедления темпа роста доходов. Наибольшее соотношение объема жилищных банковских кредитов на одного жителя отмечается в Центральном федеральном округе, прочих (кроме жилищных) банковских кредитов – в Центральном федеральном округе и в г. Москве. Это связано со стремлением населения указанных территорий обеспечить себе высокий уровень потребления при высоких темпах роста среднедушевых денежных доходов (см. рис. 1).

Динамика банковских жилищных кредитов на душу населения по г. Москве, лидеру по показателю среднедушевых денежных доходов, свидетельствует об отсутствии высокого спроса на соответствующие кредиты со стороны заемщиков, и не оказывает значительного положительного влияния на развитие потенциала банковского жилищного кредитования населения.

Что касается Сибирского федерального округа, то сокращение банковских кредитов в расчете на душу населения в 2010 году (см. рис. 4) было обусловлено перегревом регионального рынка именно прочих кредитов (см. рис. 7), и не находит отражения в показателе по жилищным кредитам (см. рис. 6).

Для выявления наличия связи между среднедушевыми денежными доходами и объемом выдаваемых банками кредитов населению, в расчете на одного жителя, с учетом цели кредита, рассчитаны показатели корреляции (таблица). Из-за незначительности количества наблюдений, для Республики Крым и г. Севастополя показатели корреляции не рассчитывались.

На основании данных таблицы можно сделать вывод о различии в характере связи среднедушевых доходов и банковских кредитов населению в целом и в разрезе разных целей. Для всех территорий отмечается тесная связь среднедушевых денежных доходов и размера жилищного кредита на одного жителя, что обусловлено наличием банковских стандартов предоставления жилищных кредитов, высоких требований банков к потенциальным заемщикам, осознанным отношением заемщиков к получению жилищного кредита, долгосрочным характером жилищных кредитов. Иной характер связи отмечается для прочих (помимо жилищных) кредитов. Наиболее существен-

ная связь между анализируемыми показателями (более 0,69) в Центральном (без г. Москвы), Северо-Западном, Приволжском, Уральском федеральных округах и в г. Москве. Так же, как существенную, следует оценивать связь среднедушевых денежных доходов и прочих (кроме жилищных) банковских кредитов на одного заемщика в Дальневосточном и Южном (без Республики Крым и г. Севастополя) федеральных округах, однако при кредитовании населения указанных территорий на цели, отличные от кредитования приобретения жилья, банки в меньшей степени учитывают доходы заемщиков, что потенциально влечет за собой повышение рискованности кредитных вложений.

Наименее тесная связь между доходами и прочими (кроме жилищных) кредитами отмечена в Северо-Кавказском федеральном округе. Меньшая теснота связи среднедушевых доходов и прочих (помимо жилищных) кредитов в расчете на одного жителя по сравнению со связью показателей по жилищным кредитам, обусловлена определенным отходом банков от оценки кредитного лимита в зависимости от официальных денежных доходов заемщиков, а также предоставлением банками прочих (помимо жилищных) кредитов ограниченному кругу заемщиков. Обе причины имеют негативный характер, поскольку первая приводит к росту высокорисковой задолженности, способствует формированию банковского портфеля креди-

Корреляция среднедушевых денежных доходов с показателями объема выдаваемых банками кредитов населению, в расчете на одного жителя, в разрезе территорий

Территория	Значение показателя корреляции среднедушевых денежных доходов		
	с объемом выданных банками кредитов, всего, на жителя	с объемом выданных банками жилищных кредитов, на жителя	с объемом выданных банками прочих (не отнесенных к жилищным) кредитов, на жителя
Центральный федеральный округ (без г. Москвы)	0,877046687	0,894418395	0,78486132
г. Москва	0,811653063	0,867667741	0,77789551
Северо-Западный федеральный округ	0,827503958	0,901726913	0,79225995
Южный федеральный округ (без Республики Крым и г. Севастополя)	0,729489162	0,87704183	0,66990952
Северо-Кавказский федеральный округ	0,544199941	0,828221918	0,4555237
Приволжский федеральный округ	0,765579623	0,893204469	0,69472228
Уральский федеральный округ	0,745231175	0,858979629	0,69640223
Сибирский федеральный округ	0,204132178	0,837943606	0,26357253*
Дальневосточный федеральный округ	0,710366917	0,861677582	0,64380227

* Без учета аномального значения в 2010 году.
Источник: рассчитано авторами.

тов физическим лицам низкого качества. Вторая причина выступает следствием либо недостаточной доступности банковских кредитных услуг для населения, либо низкого кредитного качества значительного круга потенциальных заемщиков, что иллюстрируется наименьшими среднедушевыми денежными доходами населения Сибирского и Северо-Кавказского федеральных округов в сравнении с доходами населения иных территорий (см. рис. 1).

Для всех территорий Российской Федерации, за исключением Сибирского и Северо-Кавказского федерального округов, отмечается наличие существенной связи (более 0,71) между среднедушевыми денежными доходами и общим объемом выданных банками кредитов в расчете на одного жителя. На корреляцию показателей Сибирского федерального округа оказало влияние аномальное для выборки сокращение банковских кредитов населению в течение 2010 года, причем в абсолютных цифрах резко снизились именно прочие кредиты, жилищные кредиты на одного жителя в динамике не снижались.

Аналогично слабая связь между кредитами в расчете на жителя по Северо-Кавказскому федеральному округу и среднедушевыми денежными доходами по территории обусловлена именно слабой связью доходов и показателем по прочим (помимо жилищных) кредитам, что не оказывает положительного влияния на формирование качественных банковских портфелей потребительских кредитов, способствует накоплению у банков потенциальных рисков, обусловленных кредитованием населения.

О накоплении банками повышенных рисков в связи с расширением банковского кредитования домохозяйств в современных условиях говорит и регулятор [34, с. 3]. Банки кредитуют заемщиков с низким кредитным качеством под повышенные ставки, не ориентируясь на заемщиков с высокой платежеспособностью, которые не интересуются дорогими банковскими кредитами. Результатом текущей ситуации с высокорисковыми банковскими портфелями кредитов населению могут стать рост просроченной задолженности, сокращение доходов от кредитования, возможные проблемы с ликвидностью, с достаточностью капитала [35, с.165] вследствие роста просрочки.

В свете этого представляется, что современная ситуация с кредитованием населения не способствует повышению рентабельности деятельности банков, поскольку связана со значительными финансовыми затратами на минимизацию кредитных рисков, определяет рост банковских расходов на доформирование резервов на возможные потери по ссудам и, соответственно, сокращение полученной прибыли. На развитии потенциала банковского кредитования населения положительным образом должно сказаться ожидаемое⁴ повышение доходов граждан, признанное одним из направлений, обеспечивающих достижение национальных целей развития на период до 2024 года.

Выводы

В результате исследования объемов банковских кредитов, предоставленных физическим лицам, и доходов населения в разрезе федеральных округов, с выделением г. Москвы, Республики Крым и г. Севастополя, позволяющих оценить активность населения в привлечении заемных средств банков в бюджеты домохозяйств, были получены следующие выводы.

Проблема повышения инвестиционной роли банковского кредита как источника финансирования расходов домохозяйств, направленных на развитие человеческого капитала, — комплексная, предполагает междисциплинарный подход к ее исследованию, охватывает различные направления, такие как макропруденциальное регулирование через установление показателей LTV, DSTI/PTI, волатильность доходов банков от ведения классической банковской деятельности — кредитования физических лиц — финансы, бюджеты домашних хозяйств, экономическое поведение населения, финансовая грамотность, социальные последствия привлечения банковских кредитов для финансирования персональных расходов.

Было установлено, что в современных российских условиях наиболее активно банковскими кредитами пользуется население со среднедушевыми доходами до 35 тысяч рублей. При

⁴ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201805070038>

сокращении реальных доходов население с более высокими среднедушевыми доходами активнее отказывается от банковских кредитов, в то время как в регионах с небольшими среднедушевыми доходами спрос на банковские кредиты в целом сохраняется. Банковский кредит в значительной мере используется домохозяйствами с небольшими среднедушевыми денежными доходами с целью покрытия разрыва между доходами и расходами для финансирования текущих расходов и не в полной мере выполняет инвестиционную, стимулирующую роль при финансировании развития человеческого капитала.

Для банков сосредоточение в кредитном портфеле ссуд, предоставленных заемщикам с низкими доходами, при одновременно высоком отношении объема выданных кредитов к доходам, обуславливает принятие повышенных рисков, не в полной мере способствует формированию финансовых источников для развития уже самого банка, ограничивает потенциал развития кредитования населения.

Привлечению заемщиков с высоким уровнем доходов, финансово грамотных, осознанно

использующих средства банка для инвестирования в развитие собственных знаний и умений, улучшение качества жизни, будет способствовать стабилизация макроэкономической ситуации, удержание инфляции в рамках инфляционного таргета, снижение процентных ставок по кредитам. Расширение кредитования таких заемщиков позволит банкам сформировать кредитные портфели высокого качества, получать стабильные доходы от кредитования, укрепит устойчивость банков, предотвратит накопление потенциальных рисков невозврата, ослабит давление на регулятивный капитал, тем самым повысит потенциал развития банковского кредитования.

Полученные результаты могут быть использованы при дальнейших исследованиях поведения физических лиц на рынке банковских услуг, при исследовании возможности введения в российскую практику макропруденциальных инструментов стимулирующей направленности в соответствии со стимулирующим принципом реформируемого в настоящее время банковского надзора.

Литература

1. Голиков Н.А., Голиков И.Н., Юманова Н.Н. Долговая нагрузка населения и риск суицидального поведения: есть ли связь? (Часть I. Федеральный уровень) // Суицидология. 2016. Т. 7. № 4 (25). С. 72–83.
2. Иваницкий В.П., Александров С.А. Формирование поведенческих финансов как закономерный этап эволюции модели человека в экономике // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 3. С. 658–671. DOI: 10.17059/2017-3-2
3. L'vova N.A., Pokrovskaya N.V., Ivanov V.V. Socially Oriented Taxation and How It Is Perceived (Case Study of a Survey of Economists-To-Be). *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 2017, vol. 10, is. 4, pp. 196–211. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.11
4. Rudenko D.Y. A comprehensive approach to the study of poverty in the region. *Regional Research of Russia*, 2014, vol. 4, is. 3, pp. 143–151. DOI: 10.1134/S2079970514030083
5. Davis A., Kim J. Explaining changes in the US credit card market: Lenders are using more information. *Economic Modelling*, 2017, vol. 61, pp. 76–92. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2016.11.025>
6. Экономическое развитие регионов: опыт России и Китая: монография / В.А. Ильин, А.А. Шабунова, Т.В. Ускова, К.А. Гулин, А.Н. Чекавинский, А.И. Поварова, Н.В. Ворошилов, Мао Чжиюн [и др.]. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2017. 402 с.
7. Гамукин В.В. Изменение структуры ВРП в субъектах Уральского федерального округа // Экономика региона. 2017. Т. 13. Вып. 2. С. 410–421. DOI: 10.17059/2017-2-7
8. Giltman M. Does location affect employment? Evidence from the High North of Russia. *Journal of Urban and Regional Analysis*, 2016, vol. VIII (1), pp. 21–36.
9. Воронова Н.С., Мирошниченко О.С. Региональные банки России: проблемы роста и перспективы развития // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 4. С. 40–53. DOI: 10.26794/2587-5671-2017-21-4-40-53

10. Мирошниченко О.С., Тарасова А.Н. Источники капитализации региональных банков // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 1. С. 303–314. DOI: 10.17059/2018–1–24
11. Российская экономика в 2016 году. Тенденции и перспективы / В. Мау [и др.]; под ред. Синельникова-Мурылева С.Г. (гл. ред.), Радыгина А.Д.; Ин-т экон. политики им. Е.Т. Гайдара. Москва: Изд-во Ин-та Гайдара, 2017. Вып. 38. 520 с.
12. Шарина Г.А. Проблема закредитованности населения регионов Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. 2017. № 3. С. 81–84.
13. Klapper L., Lusardi A., Panos G.A. Financial literacy and its consequences: Evidence from Russia during the financial crisis. *Journal of Banking & Finance*, 2013, vol. 37, pp. 3904–3923. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2013.07.014>
14. Gathergood J., Weber J. Financial literacy, present bias and alternative mortgage products. *Journal of Banking & Finance*, 2017, vol. 78, pp. 58–83. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2017.01.022>
15. Малкина М.Ю. Неравномерность обеспечения регионов России банковскими услугами // Финансы и кредит. 2017. Т. 23. № 36 (756). С. 2136–2158.
16. Хацкевич Е.М., Семерьянова А.Ю., Татарина Л.Ю. Доступность банковских кредитов в Сибири в условиях сжатия внутреннего спроса // Деньги и кредит. 2017. № 11. С. 35–42.
17. Клейнер Г.Б. От «экономики физических лиц» к системной экономике // Вопросы экономики. 2017. № 8. С. 56–74.
18. Ярашева А.В., Макара С.В., Решетников С.Б. Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6. С. 138–153. DOI: <http://dx.doi.org/10.26794/2587-5671-2017-21-6-242-249>
19. Петухов Н.А. Задолженность населения по кредитам в регионах Российской Федерации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2016. Т. 10. № 1. С. 51–57.
20. Ершов Э.Б., Кадрева О.Н. Моделирование организованных сбережений населения России: макроподход, учет кредита // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 19. № 3. С. 349–385.
21. Мамонов М.Е. Рынок кредитования населения: идентификация спроса и предложения в рамках VFCM-анализа // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017. Т. 21. № 2. С. 251–282.
22. Фёдорова Е.А., Нехаенко В.В., Довженко С.Е. Влияние финансовой грамотности населения РФ на поведение на финансовом рынке (эмпирическая оценка) // Проблемы прогнозирования. 2015. № 4. С. 105–117.
23. Бурдяк А., Гришина Е. Доходы населения и потребительское кредитование // Экономическое развитие России. 2016. Т. 23. № 1. С. 62–65.
24. Berisha E., Meszaros J. Household debt, economic conditions, and income inequality: A state level analysis. *The Social Science Journal*, 2017, vol. 54, pp. 93–101. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.soscij.2016.11.002>
25. Berisha E. Yield spread and the income distribution. *The Quarterly Review of Economics and Finance*, 2017, vol. 65, pp. 363–377 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.qref.2016.12.002>
26. Voronov V.S., Ivanov V.V. The Rise of Cyber Market for Stock Art: Assets Aggregation and the Wealth of Mass Creativity. *Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth Proceedings of the 27th IBIMA conference*. Milan, 2016, pp. 537–545.
27. Ampudia M., Vlokhoven H., Zochowsk D. Financial fragility of euro area households. *Journal of Financial Stability*, 2016, vol. 27, pp. 250–262. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2016.02.003>
28. Basnet H.C., Donou-Adonsou F. Internet, consumer spending, and credit card balance: Evidence from US consumers. *Review of Financial Economics*, 2016, vol. 30, pp. 11–22. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.rfe.2016.01.002>
29. Cerutti E., Claessens S., Laeven L. The use and effectiveness of macroprudential policies: New evidence. *Journal of Financial Stability*, 2017, vol. 28, pp. 203–224. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jfs.2015.10.004>
30. Alpanda S., Zubairy S. Addressing household indebtedness: Monetary, fiscal or macroprudential policy? *European Economic Review*, 2017, vol. 92, pp. 47–73. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2016.11.004>

31. Kukk M. How did household indebtedness hamper consumption during the recession? Evidence from micro data. *Journal of Comparative Economics*, 2016, vol. 44, pp. 764–786. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jce.2015.07.004>
32. Gross M., Población J. Assessing the efficacy of borrower-based macroprudential policy using an integrated micro-macro model for European households. *Economic Modelling*, 2017, vol. 61, pp. 510–528 DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2016.12.029>
33. Pokrovskaia N.V., Sokolov B.I., Ivanov V.V. Tax reforms for sustainable economic growth of the national economy: case of China. *Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth. Proceedings of the 27th IBIMA conference*. Milan, 2016, pp. 429–439.
34. Потребительское кредитование в России: перспективы и риски на основе обследований финансов домашних хозяйств: аналитическая записка Департамента исследований и прогнозирования Банка России // URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/23500/analytic_note_170928.pdf (дата обращения: 10.01.2018).
35. Мирошниченко О.С. Финансовая политика банка: портфельный подход к управлению капиталом. М.: Креативная экономика, 2016. 218 с. DOI: 10.18334/9785912921544

Сведения об авторах

Наталья Степановна Воронова – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9; e-mail: n.voronova@spbu.ru)

Ольга Сергеевна Мирошниченко – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры, Тюменский государственный университет (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6; e-mail: os_miroshnichenko@mail.ru)

Voronova N.S., Miroshnichenko O.S.

People's Incomes as a Potential for Development of Bank Lending: Comparative Analysis of Russian Regions

Abstract. The paper explores the development of bank lending to individuals in relation to Russian people's incomes. Using the data of the Central Bank of the Russian Federation, the Federal State Statistics Service, and with the help of EXCEL software, we carry out statistical analysis of the indicators characterizing people's satisfied demand for bank loans and compare them with the indicators of per capita income in 2010–2017, in the context of the federal districts of the Russian Federation, the city of Moscow, the Republic of Crimea and the city of Sevastopol (after 2014): we consider the volume of loans issued by banks during the year per inhabitant of the relevant territory, we calculate the correlation indicators of average per capita cash incomes and loans issued by banks per capita taking into account the purpose of lending; we estimate the distribution of the volume of loans issued per capita depending on the average per capita income. We find that the increase in per capita income is not accompanied by a proportional increase in bank loans per capita. The majority of bank loans are obtained by households with an average per capita income of up to 35,000 rubles. Having studied the development of bank loans provision to people depending on the purpose of the loan, we see that the correlation between incomes and housing loans is stronger than the correlation between incomes and other bank loans provided to people. In modern conditions, lending to individuals in Russia contributes to the adoption of high credit risks by banks, potentially reducing the possibility of improving their profitability. There are

no real regulatory incentives to shift the attention of banks to high-income borrowers when providing loans to households.

Key words: provision of loans to people, people's incomes, income inequality, LTV, DSTI, consumer behavior.

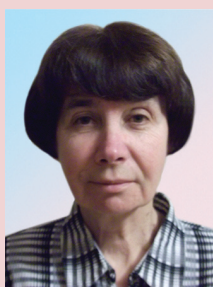
Information about the Authors

Natal'ya S. Voronova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor at department, Saint Petersburg State University (7-9, Universitetskaya embankment, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation; e-mail: n.voronova@spbu.ru)

Olga S. Miroshnichenko – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, professor at department, Tyumen State University (6, Volodarsky street, Tyumen, 625003, Russian Federation; e-mail: os_miroshnichenko@mail.ru)

Статья поступила 26.04.2018.

Экологизация биоресурсной экономики северного региона

**Тамара Евгеньевна
ДМИТРИЕВА**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра УрО РАН
Сыктывкар, Республика Коми, Российская Федерация, 167982,
ул. Коммунистическая, 26
E-mail: dmitrieva_tamara@list.ru

Аннотация. Статья представляет результаты коллективного исследования, нацеленного на поиск возможностей и ограничений эффективного использования возобновляемых биологических ресурсов, составляющих важную часть ресурсной основы экономики Республики Коми. Новизна подхода к достижению цели состоит в обращении к методологии зеленого курса, утвердившегося в качестве официального курса глобального устойчивого развития и набирающего силу в России. Логика исследования по модернизации биоресурсной экономики северного региона соответствовала традиционной схеме, включающей уяснение содержания, измерение параметров и направлений развития изучаемого процесса, и отражена в структуре статьи. Рассмотрены этапы развития зеленого курса, его связь с устойчивым развитием и подходы к их измерению. Опора на методологию зеленого курса устойчивого развития для целей модернизации биоресурсных отраслей позволила: обозначить ее как экологическую модернизацию, нацеленную на сохранение природного капитала, улучшение экологического качества жизни, повышение ресурсоэффективности экономической деятельности; оценить уровень экологизации исследованных объектов и выявить барьеры его повышения; обосновать направления сохранения и эффективного использования земельных, лесных и водных ресурсов и «озеленения» структуры биоресурсной экономики региона. Полученные результаты являются вкладом в работу по формированию зеленой экономики Республики Коми и стартом перспективных исследований по ресурсной эффективности ее возобновляемого природного капитала, а также будут способствовать активизации региональных исследований по зеленому росту российской экономики.

Ключевые слова: устойчивое развитие, зеленый рост, зеленый курс, биоресурсная экономика, экологическая модернизация.

Для цитирования: Дмитриева Т.Е. Экологизация биоресурсной экономики северного региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 160–172. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.10

For citation: Dmitrieva T.E. The greening of the bio-resource economy of the northern region. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 160–172. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.10

Введение

В настоящее время экономический рост связан с ростом загрязнения и деградации среды, истощением природных ресурсов, нарушением баланса биосферы, изменением климата, что ведет к ухудшению здоровья человека и ограничивает возможности дальнейшего развития. Необходимость смены парадигмы развития на глобальном уровне была осознана на рубеже третьего тысячелетия как задача построения послекризисной экономики — устойчивой в долгосрочном периоде вместо воскрешения неустойчивой и загрязняющей. Стартовая посылка устойчивости развернулась в мощное движение зеленого курса, главным признаком которого является сочетание экономического роста с экологической устойчивостью и социальным равенством.

Россия, сталкивающаяся с проблемами грязного экономического роста, встраивается в зеленое движение, обозначая «переход к модели экологически устойчивого развития, которая позволит обеспечить в долгосрочной перспективе эффективное использование природного капитала страны при одновременном устранении влияния экологических угроз на здоровье человека». По итогам заседания Государственного совета по вопросу «Об экологическом развитии Российской Федерации в интересах будущих поколений» (декабрь 2016 г.) именно такую цель Президент РФ поручил предусмотреть при разработке документов стратегического планирования и комплексного плана действий Правительства Российской Федерации на 2017–2025 годы. Ведомствам предложено обратить особое внимание «на использование системы индикаторов устойчивого развития, определение механизмов достижения целей и поэтапное решение задач экологически устойчивого развития территорий регионов на период до 2030 года и на перспективу до 2050 года; на установление целевых показателей энергоэффективности экономики в целом и по основным её секторам; на учёт влияния введения механизмов, обеспечивающих экологически устойчивое развитие, на деятельность хозяйствующих субъектов».

Для Республики Коми, как и для других северных регионов, характерны проблемы деградации земельных ресурсов, истощения лесного капитала, загрязнения атмосферы и водных ис-

точников в городах, низкого уровня переработки промышленных отходов от добычи угля и нефти, бессистемного обращения с твердыми коммунальными отходами, сравнительно низкой ресурсной эффективности лесной промышленности, отставания в формировании органического сельского хозяйства, сохранения традиционного жизнеобеспечения.

Региональные проблемы использования биоресурсов, быстрое развитие зеленых концепций в мире, неуклонное вовлечение России в их реализацию мотивировали коллективы лабораторий проблем территориального развития и проблем экономики природопользования ИСЭ и ЭПС Коми НЦ УрО РАН на разработку НИР «Модернизация биоресурсной экономики северного региона». Цель работы, выполненной под руководством автора в 2015–2017 годах, состояла в том, чтобы выявить основные позиции, ограничения и возможности развития зеленой экономики в северном регионе на основе эффективного использования возобновляемых биологических ресурсов. Основными материальными объектами исследования (с учетом объективной сегментации и состава исполнителей) стали земельные, водные и лесные ресурсы, базовые сектора биоресурсной экономики (сельское хозяйство, лесная промышленность, туризм) и традиционное жизнеобеспечение.

Актуальность и новизна данной НИР, очевидные на старте, сохраняются и в настоящее время. При растущем, особенно в последние два года, интересе к зеленой тематике в научных кругах и властных структурах, что проявляется в объеме публикаций, числе совещаний и конференций, пока нет стратегий зеленого развития регионов. Представляется, что знакомство с опытом вхождения в разработку направлений «озеленения» региональной экономики может быть полезно для коллег из других регионов, а их реакция — для исполнителей представляемого материала.

На всех этапах исследования в информации преобладал зарубежный опыт. Обзор источников выполнялся автором в связи с методологической ориентацией исследования [1] и всеми исполнителями в соответствующих разделах темы. В данной статье литература дополнена ссылками по ходу изложения материала и краткой справкой о публикациях на русском языке.

Зеленая экономика как научная тема появилась в России 10 лет назад и на первых порах была связана с представлением зарубежных докладов и документов, основной вклад в которые вносили бюллетени и обзоры Института устойчивого развития Общественной палаты РФ. Институт ныне не действует, но его лидеры, С.Н. Бобылев и В.М. Захаров, поддерживают данную тематику на площадке Центра устойчивого развития и здоровья среды Института биологии развития РАН. Предпосылки формирования и содержание зеленого курса логично вывели в первые ряды его проводников в России известных экологов и исследователей устойчивого развития. С.Н. Бобылев и его коллеги оперативно отзываются на основные позиции и тенденции зеленого курса устойчивого развития, внедряя конструктивные подходы в российскую теорию и практику природопользования [2–5]. Их обращение к показателю Всемирного банка «скорректированные чистые накопления», рассчитанного в качестве эколого-экономического индекса российских регионов [3], подтолкнуло наши исследования по оценке истощения регионального лесного капитала.

Последовательны в развитии зеленой темы Н.В. Пахомова и ее коллеги, с практических позиций раскрывающие эффекты перехода к зеленой экономике, роль инклюзивного зеленого роста в новой индустриализации, значение экологической модернизации как драйвера формирования спроса на инновации [6–8].

Анализируя международные индикаторы инклюзивного зеленого роста, специалисты научно-исследовательского и проектного института «Кадастр», давно и успешно работающего в сфере эколого-экономического учета в природопользовании, предлагают рассматривать данную систему, позволяющую оценить риски истощимости природного капитала, как базовую информационную платформу для расчета показателей зеленого роста в России не только на национальном, но и региональном и локальном уровне [9].

Существенное место в литературе занимают обзоры. Наиболее полный по источникам и глубокий по анализу содержания, измерения и стратегирования развития зеленой экономики и зеленого роста обзор выполнен Э.М. Зоной [10]. Данная работа содержит мето-

дику и расчет экологического следа (ecological footprint) на примере Республики Бурятия, показателя перспективного и нестандартного для отечественной оценки устойчивого развития.

Новые обзорные материалы затрагивают институциональные аспекты внедрения зеленого курса в России. Хронология идеологии и методологии зеленой экономики и зеленого роста представлена в анализе международных событий и документов, выполненном коллегами из РАНХ и ГС [11,12].

Важную тему политико-административных барьеров зеленого роста освещают М.В. Терёшина и М.В. Онищенко. Наряду с лоббизмом интересов крупных корпораций, не заинтересованных в переходе к «зеленому» росту, инерционным прессингом сложившейся сырьевой модели развития, господством в современном российском обществе культуры экологического оптимизма, непоследовательностью принятия стратегически значимых управленческих решений и нормативными «лакунами» в законодательстве о «зеленой» экономике авторы фиксируют проблемы научно-методического характера – неразвитость оценочных механизмов природного капитала, а также инструментов оценки полного экономического ущерба от негативного воздействия на окружающую среду [13].

Следует отметить, что в отечественной литературе последних лет стало меньше работ, раскрывающих содержание понятий и концепций зеленой экономики, а больше – связанных с условиями и предложениями внедрения «зеленых технологий» [14], формирования «зеленой промышленности», «зеленой энергетики», «зеленого туризма», «зеленых финансов», «зеленой логистики» и др.

Представители научного сообщества переходят от общих предложений реализации принципов зеленой экономики в регионах в кластерной форме [15] к обозначению программных задач по формированию российской национальной модели зеленой экономики, предлагая инструменты для их решения. Директор по природоохранной политике WWF России Евгений Шварц и его коллеги выделяют среди таких задач: снижение общей антропогенной нагрузки экономики на окружающую среду и формирование репутации России как наиболее экологически ответственного экспортера при-

родных ресурсов в мировом разделении труда; повышение эффективности потребления природных ресурсов и энергоэффективности экономики при одновременном обеспечении возможностей для технологической модернизации и формирования экономики более высоких переделов и при параллельном формировании финансовых механизмов и ресурсов для такой модернизации; улучшение правового регулирования с целью минимизации экологических рисков при реализации инфраструктурных мегапроектов [16].

Методы и материалы

Изучение модернизации биоресурсной экономики северного региона в глобальном тренде зеленого курса включало этапы идентификации (уяснения содержания), параметризации (количественной оценки) и стратегирования (обоснования направлений) развития изучаемого процесса, которые соответствуют теоретическому, методическому и практическому аспектам научного исследования.

Предлагаемая статья носит методологический характер. Ее цель — познакомить с опытом исследования региона с позиций формирования зеленой экономики — реализовать задачи представления структуры (материал организован в соответствии с указанными этапами), акцентирования ориентиров и фиксации основных результатов коллективного исследования, приведенных в заключительных тезисах теоретического и методического аспектов и в направлениях экологизации биоресурсной экономики (стратегический аспект).

Теоретический аспект. Для уяснения содержания модернизации биоресурсной экономики были проанализированы различные течения зеленого курса развития экономики.

Термин «зеленая экономика» впервые использован в 1989 г. в названии доклада группы ведущих экономистов-экологов правительству Великобритании о согласовании экономики и природоохранной политики и включении устойчивого развития в измерение экономического прогресса и оценку проектов, но в данной работе он не был раскрыт [17]. Позднее один из ее авторов, Дэвид Пирс [18], для всех форм зеленой экономики обозначил следующие общие свойства: ограничение человеческой жадности — необходимо изменить экономическое поведение, ответственно взвешивать затраты

и выгоды; устойчивость — возможность воспроизводить экономику на устойчивой основе; декаплинг — систематическое снижение влияния экономического результата на ухудшение природных активов, использованных при его получении. Именно на этих позициях зеленая экономика способна обеспечить не снижение человеческого благосостояния и устойчивое использование природных ресурсов.

В начале 2000-х зеленые концепции стали поддерживаться и развиваться ведущими глобальными структурами: ООН, ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития The Organisation for Economic Co-operation and Development), Всемирный банк, Глобальный институт зеленого роста (Global Green Growth Institute) и др. Различные зеленые концепции сопоставимы по содержанию и политическим рекомендациям: они направлены на то, чтобы примирить экономический и экологический векторы устойчивого развития, не игнорируя социальные аспекты. Общее видение получило развитие в материалах организованной указанными структурами Платформы знаний зеленого роста (Green Growth Knowledge Platform), где было подчеркнуто единство концепций зеленого курса (зеленого роста, зеленой экономики, новой климатической экономики, низкоуглеродного развития, циркулярной экономики), признающих, что экономическое развитие (рост) сочетается с экологической устойчивостью (зеленый) и не нарушает социальное равенство (инклюзивный) [19].

В настоящее время Платформа знаний зеленого роста¹ представляет собой активный структурный ресурс, включающий «темы» (два десятка различных аспектов деятельности), «сектора» (12 видов деятельности), «страны» (зеленая карта мира), «решения» (эксперты, проекты, лучшие практики), которые отражают глобальное продвижение зеленого роста по многим аспектам и содействуют ему.

Зеленый курс в составе отдельных концепций, а затем и платформ стал формироваться как ответ на исчерпание возможностей традиционного ресурсоистощительного экономического развития и согласуется с устойчивым развитием как конечной целью. В то же время

¹ Green Growth Knowledge Platform <http://www.greengrowthknowledge.org/page/explore-green-growth>

Алан Аткиссон, главный автор доклада «Жизнь за пределами роста» (2012), отмечал размытость философии устойчивого развития («все обо всем для всех») и слабость экономических решений национальных планов и стратегий [20]. В 2015 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», в которой были названы и конкретизированы 17 целей. Активность международных организаций и стран, связывающих эти цели с глобальным трендом зеленого развития, позволяет сделать вывод о том, что он стал официальным курсом преобразования нашего мира. При этом интенсивная разработка показателей и инструментов мониторинга достижения целей и задач обнадеживает в плане усиления «экономической философии» устойчивого развития.

В полные формулировки целей устойчивого развития (ЦУР) (табл. 1) входят слова «бедность», «голод», «здоровье», «образование», «пол (гендер)», «вода», «энергия», «работа»,

«инфраструктура», «неравенство», «города», «потребление», «климат», «океаны», «окружающая среда», «мир», «институты», «сотрудничество».

Как показывает анализ Повестки 2030, многие цели и их задачи одновременно отвечают экономическим, социальным и экологическим приоритетам развития. Непосредственно с зеленым ростом связаны задачи ЦУР-8, которая формулируется как «содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех». Согласно задаче 8.4, до конца 2030 г. в первую очередь развитым странам необходимо повышать глобальную эффективность использования ресурсов в системах потребления и производства и стремиться к тому, чтобы экономический рост не сопровождался ухудшением состояния окружающей среды.

Этапы становления зеленого курса обобщены в табл. 2. Подробно первые три этапа рассмотрены в работе [1].

Таблица 1. Цели устойчивого развития 2030

№ цели	Цели устойчивого развития
1	Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах
2	Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности, улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства
3	Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте
4	Обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех
5	Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек
6	Обеспечение наличия и рационального использования водных ресурсов и санитарии для всех
7	Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех
8	Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех
9	Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инновациям
10	Сокращение неравенства внутри стран и между ними
11	Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов
12	Обеспечение перехода к рациональным моделям потребления и производства
13	Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями
14	Сохранение и рациональное использование океанов, морей и морских ресурсов в интересах устойчивого развития
15	Защита и восстановление экосистем суши и содействие их рациональному использованию, рациональное лесопользование, борьба с опустыниванием, прекращение и обращение вспять процесса деградации земель и прекращение процесса утраты биоразнообразия
16	Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития, обеспечение доступа к правосудию для всех и создание эффективных, подотчетных и основанных на широком участии учреждений на всех уровнях
17	Укрепление средств достижения устойчивого развития и активизация работы механизмов глобального пространства в интересах устойчивого развития

Источник: [3, с. 9].

Таблица 2. Развитие зеленого курса

Концепция	Содержание	Проводники
Зеленая экономика Green Economy	Не снижение человеческого благосостояния и устойчивое использование природных ресурсов [18]	Д. Пирс, 1989 г., 1992 г.
	Низкоуглеродная ресурсоэффективная экономика, включающая социальные аспекты [21, 22, 23]	ЮНЕП*, 2008 г., 2011 г. Конференция Рио+20, 2012 г.
Зеленый рост Green Growth	Стимулирование экономического роста и развития при сохранности природных активов и бесперебойном предоставлении ими ресурсов и экосистемных услуг, от которых зависит наше благополучие [24]. Инвестиции и инновации, которые лягут в основу устойчивого роста и приведут к новым экономическим возможностям [25]	Стратегия зеленого роста. ОЭСР, 2011 г. От роста – к зеленому росту. Всемирный банк, 2012 г.
Инклюзивный зеленый рост Inclusive Green Growth	Экономическое развитие (рост) – экологическая устойчивость (зеленый) – социальное равенство (инклюзивный) [19]	Глобальный институт зеленого роста, ЮНЕП, ОЭСР, Всемирный банк, 2016 г.
Зеленый рост – путь к устойчивому будущему Green Growth & SDGs**	Зеленый рост означает экономическое развитие при сохранении окружающей среды, на котором основано наше благополучие http://www.greengrowthknowledge.org/page/explore-green-growth	ООН, Всемирный банк, Платформа знаний зеленого роста
<p>* ЮНЕП – Программа ООН по окружающей среде (UNEP – United Nations Environment Programme). ** SDGs – Sustainable Development Goals (ЦУР – цели устойчивого развития). Источники: составлено по: [18; 19; 21–25].</p>		

Таким образом, зеленый рост, содержательно объединяющий различные концепции между собой и с устойчивым развитием, обоснованно был выбран методологическим ориентиром исследования по модернизации биоресурсной экономики. В соответствии с его особенностями и тенденциями содержанием модернизации региональной экономики Республики Коми, использующей биоресурсы, определена экологизация, нацеленная на сохранение природного капитала, улучшение экологического качества жизни, повышение ресурсоэффективности.

Методический аспект. В ходе измерения параметров были выполнены задачи инструментального оснащения количественной оценки старта и прогресса экологизации биоресурсной экономики Республики Коми: адаптация и разработка показателей зеленого роста для сельского хозяйства, лесного сектора, туризма, оценки состояния биоресурсов и качества среды; разработка источниковой базы, методов и алгоритмов измерения; проведение стартовых расчетов уровня экологизации.

При этом широко использовался зарубежный опыт развития оценочной базы, отразивший основные этапы зеленого курса: зеленая экономика – зеленый рост – устойчивое развитие. Самый заметный вклад

в базу измерения зеленого роста связан с ОЭСР. В 2017 г. Организация представила новые улучшенные индикаторы зеленого роста по сравнению с набором 2014 г., который был стартовым для нашего исследования [26]. Продвижение к зеленому росту измеряют 25–30 показателей, характеризующих экологическую и ресурсную эффективность экономики, природные активы, экологические аспекты качества жизни, экономические возможности и политические инструменты и отражающие социально-экономический контекст и характеристики роста. Этот перечень составляет основу мониторинга зеленого роста базы данных ОЭСР (включая и Россию²), а также отдельных стран, которые оценивают свой прогресс в динамике и сравнении со странами ОЭСР³. Электронная база данных ОЭСР дает возможность сравнить ситуацию по странам по загрязнению атмосферы, эмиссии углерода, влиянию застройки на снижение земельных ресурсов, зеленым инвестициям и налогам, связанным с окружающей средой.

² OECD. Stat. Green Growth Indicators http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GREEN_GROWTH

³ Statistics Netherlands visualises green growth <https://www.cbs.nl/en-gb/visualisaties/green-growth#/>

Кроме ОЭСР зеленые индикаторы предложили Глобальный институт зеленого роста, ЮНЕП и Всемирный банк, который ежегодно издает справочник (*The Little Green Data Book*), характеризующий 200 стран мира (отдельно и по группам) по 50 показателям [27]. Важным этапом консолидации подходов и корректировки разных наборов для измерения инклюзивного зеленого роста стала работа специального комитета Платформы знаний зеленого роста [19].

Обширное поле измерения прогресса зеленого роста формируется в связи с новым этапом многолетней (с 1995 г.) работы с показателями и мониторингом достижения целей устойчивого развития 2030. Их разработкой в помощь странам активно занимаются Комиссии ООН [28, 29], дополняя мониторинг статистическими и картографическими приложениями⁴.

Насыщенные и полезные ресурсы для исследователей и практиков по мониторингу показателей и оценке тенденций их выполнения появились на сайтах глобальных структур⁵. Всемирный банк представил Атлас целей устойчивого развития, составленный по индикаторам мирового развития 2017 г. на статистических данных экономики и качества жизни 200 стран. Для каждой из 17 целей соответствующие показатели идентифицированы и визуализированы картами и диаграммами. Атлас нацелен на то, чтобы отразить широту целей устойчивого развития и представить национальные и региональные тенденции и «снимки» прогресса в движении к их выполнению, выделяя и подчеркивая наиболее важные, по мнению экспертов Всемирного банка, проблемы. В частности, здесь дан содержательный комментарий по выполнению показателей зеленого роста: 8.4.1 – совокупные ресурсозатраты и ресурсозатраты на душу населения и в процентном отношении к ВВП (*material footprint, material footprint per capita, and material footprint per GDP*) и 8.4.2 – совокупное внутреннее материальное потребление и внутреннее материальное потребление на душу населения и в процентном отношении к ВВП (*domestic material consumption, domestic material consumption per capita, and domestic*

material consumption per GDP). Анализ ресурсозатрат требует оценки зависимости деградации природной среды от экономического роста. В их состав включены ресурсозатраты за счет эмиссии CO₂ от минерального топлива, потерь от изменений в сельском хозяйстве, лесо- и землепользовании, перерубов древесины и смертности, вызванной воздействием факторов экологического риска – загрязнения воздуха и воды, антисанитарии, неблагоприятных условий труда. На основании оценки зависимости среднегодового роста ВВП и среднегодовых потерь от деградации природной среды для 178 стран за период 1990–2015 гг., проиллюстрированной графически, сделан очевидный вывод о том, что большинство стран показывают слабый декаплинг или усиление прямой связи роста и деградации [30, с. 48].

Интересная работа начата Международным Институтом устойчивого развития в Канаде (*International Institute for Sustainable Development, IISD*) в рамках проекта «Хаб знаний целей устойчивого развития» (*SDG Knowledge Hub*), где аккумулируются мировые новости, деятельность и публикации по достижению ЦУР. На портале индикаторов представлены сведения (пока по 16 странам), которые позволяют определить популярность целей, количество индикаторов, используемых для их измерения, а также их сходство с предложенными ООН. Там же отслеживаются данные в динамике по 38 индикаторам ЦУР на локальном уровне – по 13 канадским городам⁶.

В России методологическая работа по достижению целей устойчивого развития начата новой серией ежегодных докладов о человеческом развитии в Российской Федерации под редакцией С.Н. Бобылева и Л.Г. Григорьева. В докладе «Цели устойчивого развития ООН и Россия» представлен обзор хода достижения на глобальном уровне 17 целей на основе ряда показателей, по которым имелись соответствующие данные за 2016 г. [31]. В докладе «Экологические приоритеты для России» среди основных проблем формирования национальной системы индикаторов устойчивого развития по глобальным индикаторам отмечены пробелы в данных и методологии, а также в дезагрега-

⁴ Welcome to the Sustainable Development Goal indicators website <https://unstats.un.org/sdgs/>

⁵ WDI 2017: Sustainable Development Goals <http://datatopics.worldbank.org/sdgs/>

⁶ IISD's Own Work on the Sustainable Development Goals <https://sustainable-development-goals.iisd.org/#results>

ции показателей. Полная информация имеется лишь по 142 индикаторам глобального перечня, а по 88 индикаторам международных согласованных методик ещё не разработано [32].

По методологии и информационной базе показателей ЦУР проведено обследование мнения статистических служб стран СНГ⁷. Росстатом начата разработка специального ресурса, базы данных⁸ и соответствующего раздела показателей на ведомственном сайте. В этой работе Росстат опирается на детализированные метаданные ОЭСР⁹.

Важным методическим моментом мониторинга продвижения к целям устойчивого развития является ежегодная оценка ОЭСР, направленная на измерение «расстояния» стран от значений показателей 2030 г. [33]. Оценка позволяет сравнить свои позиции с уровнем других стран и средним по ОСЭР и выявить сильные и слабые места для корректировки планов развития, а также совершенствует статистику стран, гармонизирует общую статистику и улучшает инструментальный аппарат оценивания.

В исследовании 2017 г. оценивались 13 стран, использован 131 показатель, покрывающий 98 задач, причем наборы показателей, степень покрытия задач и стартовые позиции стран заметно отличаются. Результаты исследования выявили существенное расстояние до позиций 2030 г. Наиболее близкими оказались показатели по «здоровью», «воде» и «энергии», самый дальний путь – до гендерного равенства. Оценочный профиль стран кратко характеризует их положение: 1) по достижению определенных задач ЦУР; 2) степени покрытия доступными показателями соответствующих задач по отношению к принятому Статистической комиссией ООН общему набору в 232 показателя для измерения 169 задач; 3) влиянию страны на способность других стран достичь их целей.

⁷ Перечень показателей достижения Целей в области устойчивого развития для региона СНГ <http://www.cisstat.com/sdgs/CIS-SDG%20001%20indicators%20list%2025-11-2016%20rus.pdf>

⁸ Данные по показателям достижения целей устойчивого развития Российской Федерации http://www.gks.ru/free_doc/new_site/m-sotrudn/CUR/cur_main.htm

⁹ Detailed metadata <http://www.oecd.org/std/measuring-distance-to-the-sdgs-targets.htm>

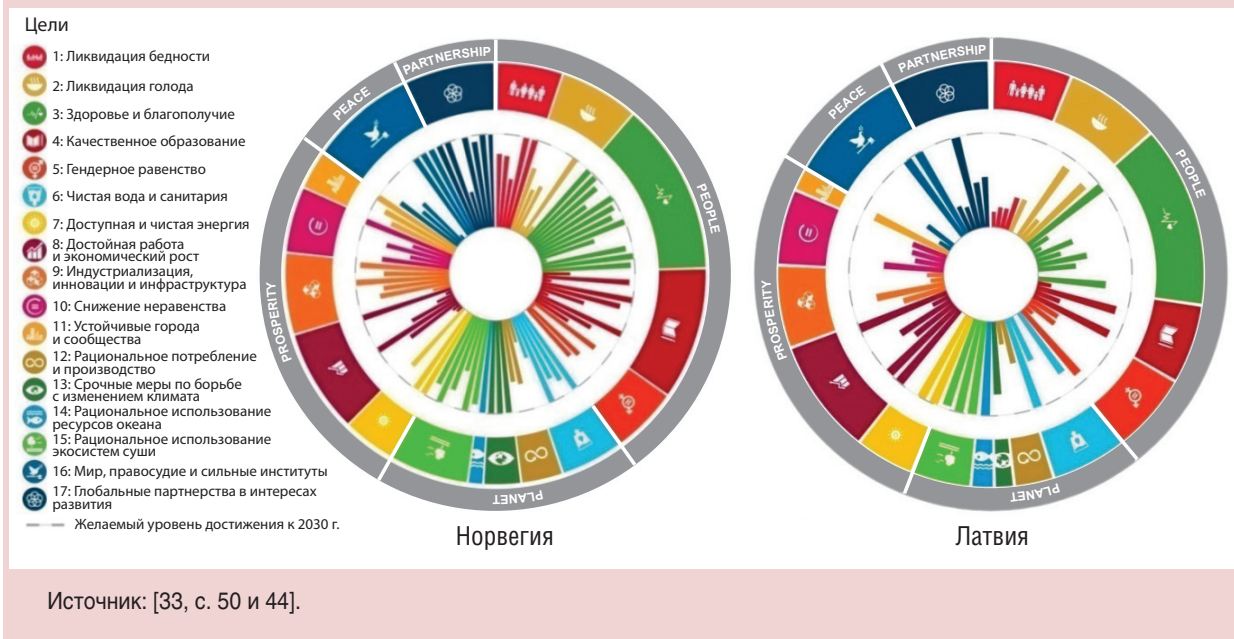
Для иллюстрации оценочного профиля по достижению ЦУР интересно сравнить страны с разных флангов – Норвегию и Латвию (*рис. 1*). Положение Норвегии оценивали 130 показателей, измеривших 98 задач, из которых на уровне 2030 г. выполнены 33 задачи. Латвия выполнила 11 задач из оцененных 66, для измерения были использованы 90 показателей. Успехи Норвегии не случайны: эта страна имеет четкую программу действий по Повестке 2030 [34].

Очевидно, что мониторинг достижения ЦУР будет складываться и в России по мере становления соответствующей статистической базы, подобный формат территориального сопоставления, по нашему мнению, целесообразен в перспективе для российских регионов.

Разработка показателей и методов измерения разных аспектов экологизации биоресурсной экономики Республики Коми проводилась с экспертизой указанных и широким привлечением других информационных ресурсов, с учетом специфики объектов оценки, сильных ограничений региональной и практически полного отсутствия муниципальной статистики ресурсопользования.

Были разработаны отраслевые наборы индикаторов для оценки состояния земельных, водных, лесных ресурсов, зеленого туризма, экологических оценок экономики и качества жизни (загрязнения, отходов). Определялись позиции измерения формирования органического сельского хозяйства и зеленого воздействия на экономику и среду жизнедеятельности информационно-технологических услуг. При оценках стартового состояния исследуемых ресурсов и секторов апробировались и адаптировались подходы и алгоритмы измерения. Методическая работа была продолжена на завершающем этапе в связи с включением в информационную базу исследования наработок по показателям для достижения глобальных целей устойчивого развития до 2030 г. При этом применением соответствующих показателей был скорректирован слабый потенциал индикаторов оценки качества земельных и лесных ресурсов, предлагаемых для измерения ЦУР, являющихся в силу большого контраста стран мира слишком общими и не позволяющими определить и объективно оценить территориальную дифференциацию деградации земли и истощение лесного капитала.

Рисунок 1. Текущее «расстояние» достижения показателей по задачам целей устойчивого развития

Главным методическим результатом исследования является формирование регионального комплексного набора индикаторов экологизации биоресурсной экономики, а также совокупность использованных методов, в составе которых международная модель оценки состояния окружающей среды «Движущие Силы – Давление – Состояние – Воздействие – Реагирование» (ДС-Д-С-В-Р); декаплинг, встроенный в указанную модель и оценивающий характер взаимосвязи экономической активности и основных показателей нагрузки на окружающую среду; использующая принцип декаплинга схема типов экономического роста П. Виктора.

Разработаны методики оценки истощения лесного капитала и состояния лесных ресурсов в средне- и долгосрочной перспективе с учетом совершенствования организации и технологии выращивания леса. На основе методологии Всемирной туристской организации и Европейской комиссии, при существующих информационных ограничениях, предложен подход к оценке уровня зеленого туризма.

Стратегический аспект предполагает разработку направлений экологизации биоресурсной экономики. Стратегическими векторами экологической модернизации Республики Коми обозначены:

- улучшение качества среды (воздуха, воды) и сохранение ресурсов (предотвращение деградации земли, восстановление лесного капитала);
- выявление и активизация факторов роста эффективности отраслей и видов деятельности, использующих биоресурсы – лесной промышленности, традиционного жизнеобеспечения;
- зеленая трансформация структуры региональной экономики за счет развития органического сельского хозяйства; зеленого туризма; производства и реализации экологических товаров, продуктов, услуг; формирования информационно-коммуникационного сектора, стимулирующего устойчивое развитие и ресурсоэффективность.

Продвижение по стратегическим векторам реализуют направления по видам деятельности, обоснованные с учетом оценки ситуации и региональных проблем. В данной работе автор на правах научного руководителя исследования приводит их краткое содержание.

Для сокращения деградации земель и обеспечения ресурсосбережения предложено формирование адаптивно-ландшафтной системы земледелия с применением почвозащитных элементов, которую можно апробировать в рам-

ках пилотных проектов по повышению плодородия почв в сельхозорганизациях при финансовой поддержке республиканского бюджета.

При восстановлении и сохранении лесных ресурсов применение экстенсивных и интенсивных методов формирования лесов в зависимости от их продуктивности необходимо сочетать с компенсационной стратегией лесопереработки, использующей лучшие технологии переработки древесины снижающегося качества.

Экологическая модернизация водопользования базируется на внедрении в систему регионального управления природопользованием модели ДС-Д-С-В-Р с использованием метода декаплинга, а также модернизации производства на принципах наилучших доступных технологий при создании соответствующей инфраструктуры.

В целях успешного выполнения функций по обеспечению занятости, доходов, продуктовой безопасности сельских домохозяйств, смысловому наполнению жизни селян традиционное жизнеобеспечение необходимо перестраивать, учитывая передовой опыт институциональных преобразований на зарубежном Севере, основанных на реализации права коренных жителей на земли, ресурсы и территориальное самоуправление.

Сокращению усиливающегося двукратного отставания России по ресурсоэффективности лесной промышленности от европейских стран будут способствовать полное выполнение инвестиционных планов по углублению переработки древесины на новых и действующих предприятиях, технологической модернизации и обновлению оборудования, полной переработке древесных отходов, а также расширение товарной структуры за счет новых видов продукции: ориентированно-стружечных плит, древесного биодизеля, «умной бумаги», вискозы и др.

Актуальная задача развития органического сельского хозяйства имеет в регионе благоприятные природно-ресурсные и потребительские предпосылки, но нуждается в научно обоснованной оценке потенциала органического земледелия, формировании нормативно-правовой базы производства и развитии регионального рынка органической продукции.

Ограничения в развитии зеленого туризма можно снять путём формирования зеленых турпродуктов на базе экологических туров; создания туристской инфраструктуры, соответствующей требованиям зеленой сертификации; соответствия продуктов историко-культурного туризма требованиям зеленых турпродуктов; разработки региональной системы управления зеленым туризмом с учетом соответствующих критериев и продвижения продуктов зеленого туризма.

Для решения информационно-коммуникационных проблем достижения целей устойчивого развития на основе зеленого роста необходимо обеспечить более широкое внедрение ИКТ для услуг дистанционной диагностики и превентивной медицины, для качественного и непрерывного образования; доступ к информационно-коммуникационным услугам, исключая гендерное и пространственное неравенство. Важная роль при этом отводится оснащённости организаций ИКТ, либерализации рынка, модернизации сетей, развитию связи в труднодоступных малочисленных населенных пунктах.

Заключение

Кроме изложения основных результатов исследования по модернизации биоресурсной экономики северного региона, представленных в классической триаде «теория – методика – практика» и обобщенных на схеме (рис. 2), необходимо отметить, что оно позволило:

- открыть на уровне региональных исследований важную тематику, к которой поворачивается Россия, а именно зеленый рост устойчивого развития;
- начать оценивать развитие в единстве экономического роста, экологической устойчивости и социального равенства (последнее в данном случае – через качество среды, доступность ресурсов и услуг);
- расширить арсенал средств исследования за счет освоения зарубежных подходов, а также международных (ОЭСР, Платформа знаний зеленого роста, Евростат) и региональных (Геопортал Республики Коми) баз данных;
- наметить перспективу исследований по ресурсной эффективности (актуальному направлению экологической тематики [35]) использования возобновляемого природного

Рисунок 2. Модернизация биоресурсной экономики Республики Коми в контексте зеленого роста

капитала северного региона с выходом на комплексный декарпинг ВРП и ресурсозатрат (финансовых потерь от ухудшения природных и человеческих ресурсов).

Полно и структурированно результаты экологизации биоресурсной экономики Республики Коми будут представлены в коллективной монографии, которая готовится к публикации.

Литература

1. Дмитриева Т.Е. Зеленый курс – методологические ориентиры модернизации биоресурсной экономики региона // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера – 2016: материалы V Всероссийского научного семинара (г. Сыктывкар, 22–23 сентября 2016 г.): в 2 ч. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2016. Ч. I. С. 16–26.
2. Бобылев С.Н. Устойчивое развитие в интересах будущих поколений: экономические приоритеты // Мир новой экономики. 2017. № 3. С. 90–96.
3. Бобылев С.Н., Соловьева С.В. Цели устойчивого развития: системный взгляд в будущее // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. С. 7–25.
4. Эколого-экономический индекс регионов РФ. Методика и показатели для расчета – WWF России / С.Н. Бобылев, В.С. Минаков, С.В. Соловьева, В.В. Третьяков. РИА Новости, 2012. 150 с.
5. Бобылев С.Н., Горячева А.А., Немова В.И. «Зеленая» экономика: проектный подход // Государственное управление: электронный вестник. 2017. Выпуск № 64. С. 34-44. URL: <https://cyberleninka.ru/journal/n/gosudarstvennoe-upravlenie-elektronnyy-vestnik#/987357>.
6. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышко Г.Б. Структурные преобразования в условиях формирования «зеленой» экономики: вызовы для российского государства и бизнеса // Проблемы современной экономики. 2012. № 3 (43). С. 7–15
7. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Малышко Г.Б. Инклюзивный устойчивый рост: приоритеты, индикаторы, международный опыт, потенциал согласования с моделью реиндустриализации // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 15–24.
8. Формирование спроса на экологические инновации: достаточна ли институциональная поддержка? / Н.В. Пахомова, К.К. Рихтер, Г.Б. Малышко, Ю.П. Бондаренко // Проблемы современной экономики. 2015. № 2 (54). С.15–27.

9. Измерение инклюзивного «зеленого» роста: особенности и проблемы / Г.А. Фоменко, М.А. Фоменко, А.А. Терентьева, Е.А. Арапова // Проблемы региональной экологии. 2016. № 5. С. 131–139.
10. Зомонова Э.М. Стратегия перехода к «зеленой» экономике: опыт и методы измерения. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2015. 283 с. (Сер. Экология. Вып. 104).
11. Липина С.А., Агапова Е.В., Липина А.В. Зеленая экономика. Глобальное развитие. М.: Проспект, 2016. 234 с.
12. Lipina, Svetlana and Shevchuk, A and Lipina, A and Agarova, E, Анализ Международных Документов По Вопросам Развития «Зеленой» Экономики и «Зеленого» Роста (Analysis of International Documents on the Development of 'Green' Economy and 'Green' Growth) (May 18, 2016). Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=2812603> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2812603>
13. Терёшина М.В., Онищенко М.В. Политико-управленческие барьеры «зеленого» роста в Российской Федерации // Человек. Сообщество. Управление. 2015. Том 16. № 3. С. 50–74.
14. Дудин М., Календжян С., Лясников Н. «Зеленая экономика»: практический вектор устойчивого развития России // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 2. С. 86–99. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-2-04
15. Лаврикова Ю.Г., Малыш Е.В. Зеленая экономика в кластерном развитии // Вестник УрФУ. Серия «Экономика и управление». 2014. № 3. С. 120–133.
16. Российская национальная модель «зеленой» экономики и добровольные механизмы экологической ответственности / Е.А. Шварц, М.В. Бабенко, П. Боев, А.С. Мартынов, А.Ю. Книжников, Л.Е. Аметистова, А.П. Пахалов // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год. Экологические приоритеты для России. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 189–211.
17. Blueprint for a Green Economy / D. Pearce, A. Markandya, E. Barbier. London: Earthscan Publications Ltd., 1989. 192 p.
18. Pearce, David. «Green economics». *Environmental Values* 1, no. 1 (1992): 3–13. Available at: <http://www.environmentandsociety.org/node/5454>.
19. Measuring Inclusive Green Growth at the Country Level. Taking Stock of Measurement Approaches and Indicators. GGKP Research Committee on Measurement & Indicators. U. Narloch, T. Kozluk, A. Lloyd. February 2016. Available at: http://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/resource/Measuring_Inclusive_Green_Growth_at_the_Country_Level.pdf.
20. Life Beyond Growth. Alternatives and Complements to GDP-Measured Growth as a Framing Concept for Social Progress. 2012. Annual Survey Report of the Institute for Studies in Happiness, Economy, and Society – ISHES (Tokyo, Japan). Available at: <https://lifebeyondgrowth.wordpress.com/>.
21. Глобальный зеленый новый курс. Доклад. Март 2009 г. Издано Программой ООН по окружающей среде в рамках Инициативы по зеленой экономике с участием большого числа партнеров и специалистов из разных стран мира. URL: http://greenlogic.by/content/files/GREENTRANSPORT/UNEP90_RUS.pdf.
22. Будущее, которого мы хотим. Итоговый документ Конференции ООН по устойчивому развитию. Рио-де-Жанейро, Бразилия, 20–22 июня 2012 года / Организация Объединенных Наций. 19 June 2012. 66 с.
23. Навстречу «зелёной» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности. ЮНЕП, 2011. 738 с.
24. Курс на зеленый рост. Резюме для лиц, принимающих решения. Май 2011. 26 с. URL: <https://www.oecd.org/greengrowth/48634082.pdf>.
25. Inclusive Green Growth: The Pathway to Sustainable Development. World Bank. 2012. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/6058>.
26. OECD(2017), *Green Growth Indicators 2017*, OECD Publishing, Paris, 2017. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264268586-en>.
27. World Bank. 2017. *The Little Green Data Book 2017*. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1034-3. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO.
28. Система глобальных показателей достижения целей в области устойчивого развития и выполнения задач Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Разработана Статистической комиссией ООН, принята Генеральной Ассамблеей 6 июля 2017 г. URL: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework_A.RES.71.313%20Annex.Russian.pdf (дата обращения 21.09.2017).
29. Ход достижения целей в области устойчивого развития. Доклад Генерального секретаря / Организация Объединенных Наций, Экономический и Социальный Совет. 11 May 2017. URL: <https://unstats.un.org/sdgs/files/report/2017/secretary-general-sdg-report-2017--RU.pdf> (дата обращения: 21.09.2017).

30. Atlas of Sustainable Development Goals 2017: From World Development Indicators. World Bank Group. 2017. Available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/26306>.
31. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2016 год. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2016. 298 с.
32. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2017 год. Экологические приоритеты для России. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. 292 с.
33. Measuring Distance to the SDG Targets. An assessment of where OECD countries stand June 2017. OECD, Paris. 2017. 62 p. Available at: <http://www.oecd.org/std/OECD-Measuring-Distance-to-SDG-Targets.pdf>.
34. Norway initial steps towards the implement of the 2030 Agenda. New York. 2016. Available at: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/10692_NORWAY%20HLPF%20REPORT%20-%20full%20version.pdf.
35. Distelkamp M., Meyer M. Pathways to a Resource-Efficient and Low-Carbon Europe. Ecological Economics. Article in Press. 17 p. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0921800917302720>, <https://doi.org/10.1016/j.ecolecon.2017.07.014>

Сведения об авторе

Тамара Евгеньевна Дмитриева – кандидат географических наук, зав. лабораторией, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26, ГСП-2, e-mail: dmitrieva_tamara@list.ru)

Dmitrieva T.E.

The Greening of the Bio-Resource Economy of the Northern Region

Abstract. The article presents the results of a collaborative study aimed at finding opportunities and limitations for effective use of renewable bio-resources, which are an important part of the resource base of the economy of the Komi Republic. The novelty of the approach to achieving the goal lies in addressing the methodology of greening established as an official course of global sustainable development and gaining momentum in Russia. The logic of the research into modernization of the bio-resource economy of the Northern region corresponded to the traditional scheme, including the understanding of the content, measurement of parameters and areas of development of the process under study, and is reflected in the structure of the article. The research covers the stages of green development, its relations with sustainable development, and approaches to their measurement. Relying on the methodology of green sustainable development for the modernization of bio-resource industries has helped: specify it as environmental modernization aimed at preserving natural capital, improving the environmental quality of life, improving the resource efficiency of economic activity; assess the level of greening of the objects under study and identify the barriers to its increase; justify the areas of conservation and effective use of land, forest and water resources and “greening” the structure of the bio-resource economy of the region. The research results represent a contribution to the formation of the green economy of the Komi Republic and the launch of promising research into the resource efficiency of its renewable natural capital, and contribute to regional studies on the green growth of the Russian economy.

Key words: sustainable development, green growth, greening, bio-resource economy, environmental modernization.

Information about the Author

Tamara E. Dmitrieva – Candidate of Sciences (Geography), head of laboratory, Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya street, Syktyvkar, GSP-2, 167982, Komi Republic, Russian Federation; e-mail: dmitrieva_tamara@list.ru)

Статья поступила 16.03.2018.

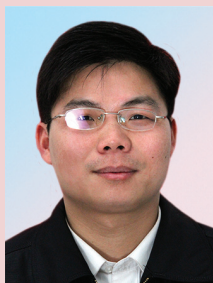
ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.11

УДК 332.1, ББК 65.049

© Хэ Сюнвэй

Оценка эффективности функционирования регионального экологического капитала Китая на примере использования эко-экономической зоны озера Поянху*

Хэ Сюнвэй

Академия общественных наук Цзянси
Китай

E-mail: Hxw529@gmail.com

Аннотация. В последние годы экологический капитал становится фактором, оказывающим существенное влияние на экономическое развитие. Для создания модели оценки эффективности использования экологического капитала и проведения комплексных измерений функционирования регионального экологического капитала можно эффективно измерить степень региональной экологической и экономической координации и обеспечить соответствующую основу для разработки региональной политики экономического развития и охраны окружающей среды. В целом количество ученых, проводящих исследования, посвященные использованию экологического капитала, невелико. Существуют разногласия касательно определения и режима эксплуатации экологического капитала. Таким образом, в Китае на основе исследований отечественных и зарубежных ученых на примере использования эко-экономической зоны озера Поянху была создана региональная система оценки эффективности функционирования системы экологического капитала с точки зрения трех аспектов: экономической, экологической и социальной ценности. Экспертная оценка представлена в статье в сочетании с методом объективного взвешивания и методом оценки энтропии для подтверждения значения индекса и последующего построения регионального индекса операций с капиталом с помощью эмпирического анализа регионального экологического капитала. Сделан вывод о том, что эффективность функциони-

* Статья подготовлена при поддержке проекта Национального фонда общественных наук Китая № 15CJY015.

Для цитирования: Хэ Сюнвэй. Оценка эффективности функционирования регионального экологического капитала Китая на примере использования эко-экономической зоны озера Поянху // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 173–184. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.11

For citation: He Xiongwei. Performance evaluation of regional ecological capital operation of China: taking Poyang Lake Eco-economic Zone of China for example. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 173–184. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.11

рования экологического капитала эко-экономической зоны озера Поянху постоянно увеличивается. Тем не менее в оценке эффективности экологического капитала определено, что темпы роста экономических показателей являются самыми высокими, вторая по темпам роста – социальная эффективность, а последняя – экологическая результативность, что означает недостаточность инвестиций в экологическую среду в процессе эксплуатации экологического капитала.. Это дает прекрасную возможность всестороннее изучить развитие региона Великих озер и обеспечить согласованность путей экономического развития и осуществления экологической защиты.

Ключевые слова: Китай, эко-экономическая зона озера Поянху, экологический капитал, система показателей, оценка эффективности.

I. Введение

12 декабря 2009 года Государственный совет КНР официально утвердил План развития эко-экономической зоны озера Поянху. Эта зона была модернизирована в соответствии со Стратегией развития Китая, определяющей стратегическую ориентированность на соблюдение экологических приоритетов и содействие скачкообразному развитию, что указывает на наличие новых возможностей для устойчивого развития эколого-экономического общества провинции Цзянси. Однако при значительном успехе в индустриализации, урбанизации и индустриализации сельского хозяйства эко-экономической зоны озера Поянху этот регион по-прежнему сталкивается с большими проблемами нехватки ресурсов и неблагоприятной окружающей среды [1]. Поэтому в ситуации все более обостряющихся противоречий между экономическим развитием, ресурсами и окружающей средой важной задачей стал поиск путей активного развития экологического строительства и содействия экологическому и экономическому устойчивому развитию. Ключом к решению проблемы является теория и практика инноваций. Функционирование экологического капитала служит отражением традиционного режима экономического роста. Из-за нехватки и уникальности экологических ресурсов экологический капитал становится фактором, имеющим значительное влияние на экономическое развитие. Поэтому в последние годы изучение функционирования экологического капитала стало новым важным направлением. В настоящее время Китай рассматривает эко-экономическую зону озера Поянху в качестве нового способа всестороннего изучения раз-

вития региона Великих озер и обеспечения координации между экологической защитой и экономическим развитием. Для продвижения функционирования экологического капитала также важна попытка реализовать скачок в региональном развитии. Необходимо создать модель оценки эффективности использования экологического капитала и провести всестороннюю оценку функционирования регионального экологического капитала для того, чтобы количественно определить, является ли социально-экономическое развитие устойчивым, а также эффективно измерить степень региональной экологической и экономической координации и обеспечить соответствующую основу для разработки политики регионального экономического развития и охраны окружающей среды.

II. Литературный обзор

Статус исследования

Экологический капитал также называют зеленым капиталом. Как недавно было предположено, существует большая разница в концепции экологического капитала в стране и за рубежом. Многие исследования основаны на концепции природного капитала и экологического капитала. Vogt (1948) полагает, что природные ресурсы на самом деле являются капиталом национального развития [2]. По мнению К. Smith (1988), природные и экологические ресурсы должны использоваться в качестве активов [3]. S. Eldin (1995) предполагает, что природный или экологический капитал относится ко всем природным ресурсам [4]. G. Daily (2000) считает, что экологический капитал относится к запасам природных ресурсов и экологическо-

го капитала, которые могут предоставлять полезные продукты или услуги в настоящем или будущем [5]. Как полагает С. Retal (1997), экологический капитал относится к количеству материала или информации, существующих в определенное время [6]. L. SiHua (1997) утверждает, что экологический капитал включает два аспекта: экологические ресурсы и экологическую среду [7]. По словам W. HaiBing (2009), экологический капитал является фактором качества экологической среды, структурой и тенденцией ценности экологической службы или поддержки производства [8]. По мнению Y. Lidong и др. (2011), экологический капитал относится ко всем природным ресурсам, искусственным ресурсам и экосистемным услугам, которые могут создавать выгоды [9].

Автор считает, что экологический капитал – это экологический ресурс и экологическая среда, которые могут принести экономические и социальные выгоды, которые включают в основном совокупные природные ресурсы, качество окружающей среды и способность к самоочищению и которые производят экологический потенциал с использованием ценности, качества экологической среды и общего использования ценности экологической системы и т. д. [10]. Тема функционирования экологического капитала является новой. При этом немногие ученые проводят исследования на тему использования экологического капитала; существуют разногласия в части определения и режима функционирования экологического капитала. Поскольку исследований по оценке функционирования экологического капитала очень мало, то в рамках данной статьи, на основе исследований отечественных и зарубежных ученых, была создана система региональных показателей научной оценки эффективности функционирования экологического капитала, что должно способствовать развитию функционирования экологического капитала в Китае.

III. Построение системы показателей эффективности функционирования регионального экологического капитала

(I) Определение функционирования регионального экологического капитала

Функционирование экологического капитала как новая концепция этого столетия была

подтверждена и принята многими учеными. Функционирование экологического капитала является практическим средством реализации ценности экологических функций. Функционирование экологического капитала заключается в развитии его общей экологической ценности, её эффективном и рациональном использовании для получения экономической выгоды, поддержки социально-экономического развития и строительства экологической среды в регионе, дальнейшего развития социальной экономики и обеспечения качества окружающей среды и непрерывного накопления экологического капитала и формирования положительного цикла взаимного поощрения и взаимного развития зелёной экономики и общества. Функционирование экологического капитала эко-экономической зоны озера Поянху зависит от её экологических ресурсов. Государство стимулирует рынок и управляет им, используя разумный режим преобразования ресурсов для сохранения и оценки экологических ресурсов в регионе, осуществляя непрерывное циклическое накопление экологического капитала, что способствует устойчивому экологическому развитию. Другими словами, делает всё возможное для экономии экологических ресурсов региона [11].

Хорошо известно, что в историческом процессе индустриализации западные развитые страны в основном идут по пути неустойчивости, жертвуя ресурсами и состоянием окружающей среды. Навязанный режим экономического развития представляет сложности для человеческой жизнедеятельности, обостряя проблемы «узких мест» в части ресурсов и среды, поэтому анализ предыдущего опыта существующего режима экономического развития обязателен. Так, для будущего экономического развития необходимо улучшать общую эффективность использования ресурсов и элементов окружающей среды, постоянно совершенствовать технологии в процессе улучшения общего уровня экономического развития и повышать способность к устойчивому развитию. В настоящее время различные регионы Китая, движимые стратегией его «зеленого» развития, осуществляют стратегическую структурную трансформацию экономического развития. Одна из

идей заключается в том, чтобы отказаться от прежнего традиционного способа развития с высоким потреблением энергии, расходом материалов и высоким уровнем выбросов и выйти на «зеленый» путь развития. Поэтому Правительство Китая выдвигает новые средства контроля над окружающей средой. Например, принятие нового закона об охране окружающей среды, предложение по расширению системы экологической ответственности и создание системы оценки ВВП представляют новый вызов местному экономическому развитию. В частности, большинство слаборазвитых регионов сталкиваются с дилеммой экономического развития, оптимизации промышленной структуры и охраны окружающей среды. Для ускорения повышения эффективности функционирования экологического капитала важно содействовать его расширению, что станет значительным прорывом для текущих экономических преобразований. Основываясь на принципе гармоничного развития человека и природы, необходимо в значительной степени способствовать защите окружающей среды и формировать систему экологической промышленности, чтобы сделать экологическую отрасль основным источником экономического роста. Система управления экологическим капиталом представляет собой сложную экологическую систему общества, окружающей среды и природы, включающую не только природную систему но и, что более важно, усиливающую роль социальной и экономической системы с человеком как основной её составляющей [12]. В связи с этим возникают следующие вопросы: каким образом можно количественно выявить степень устойчивого развития экологического капитала в регионе, какой регион развивается лучше и становится моделью устойчивого развития, как поддерживать режим устойчивого развития региона? Чтобы ответить на них, необходимо использовать метод количественных исследований. В статье делается попытка использовать метод количественных исследований для оценки эффективности функционирования регионального экологического капитала. Хотя количественные исследования могут действи-

тельно не отражать статус региона, научную попытку изучения все же следует предпринять, для того чтобы предоставить теоретическую основу для разработки рациональной политики по развитию экологии в регионе.

(II) Основные принципы построения системы оценки эффективности функционирования экологического капитала

При разработке системы оценки должны соблюдаться следующие принципы:

1. Направленность. Оценка функционирования экологического капитала, основанная на «зеленом» развитии, направлена на регулирование и контроль устойчивого развития в различных регионах. Оценка должна в полной мере отражать «зеленую» составляющую экологической цивилизации, учитывать устойчивое развитие и оценивать объективную доступность, с тем чтобы действительно отражать научный взгляд на развитие и объективные требования строительства экологической цивилизации [13].

2. Различия. Ввиду различных особенностей регионов при разработке системы показателей оценки экологической эффективности и экологической капитализации необходимо следовать основному принципу и требованиям оценки, сосредоточиться на научной составляющей, формировать показатели оценки в соответствии с местными условиями разных регионов, отражать местные особенности и соответствовать местным фактическим условиям, избегая принятия «одного общего метода» независимо от фактического состояния.

3. Научность. Система показателей должна устанавливаться в соответствии с принципом научности. Концепция должна быть ясной с научной точки зрения, полностью измерять и отражать степень регионального развития и обеспечивать подлинность и объективность результатов оценки. Система показателей оценки состояния окружающей среды должна быть определена количественно. Некоторые важные показатели, которые трудно измерить, могут быть определены качественно. Показатели должны быть взаимно независимыми, чтобы избежать повторных вычислений.

4. Целостность. Система показателей в целом имеет широкий охват и комплексно отражает основные характеристики устойчивого раз-

вития. Она должна отражать показатели развития подсистемы и показатели прямой координации подсистем. Система показателей оценки может быть разделена на несколько иерархических структур, чтобы сделать показатели четкими и обоснованными. Важно всесторонне рассмотреть структуру и логическую связь, провести системный анализ и подтвердить его результаты.

5. Динамичность. С точки зрения оптимизированной оценки системы показателей эффективности экологического капитала показатели оценки должны быть ориентированы на показатели результата и должны правильно рассматривать кажущуюся и потенциальную производительность. Важно правильно проанализировать текущее и долгосрочное развитие. Значимым ориентиром оценки является закладка фундамента долгосрочного устойчивого развития. Оценка не только уделяет большое внимание текущему состоянию, но и анализирует прошлый опыт и возможное будущее воздействие. Поэтому при разработке системы показателей общая система оценки должна постоянно меняться; для соответствующего уровня устойчивого развития всего региона существует соответствующий показатель динамических изменений [14].

(III) Система показателей оценки эффективности функционирования системы экологического капитала

Измерение потенциала оценки регионального экологического капитала зависит от ценностной ориентации, а стоимость функционирования регионального экологического капитала включает в себя три измерения: экономическую, экологическую и социальную ценность [15]. Поэтому, чтобы разработать систему показателей оценки эффективности функционирования экологического капитала, нужно установить конкретную систему показателей оценки эффективности по трем аспектам: экономике, экологии и обществу. В оценке эффективности функционирования регионального экологического капитала экономические, экологические и социальные показатели органически взаимосвязаны, незаменимы и дополняют друг друга. Гармоничное развитие всех трех аспектов может способствовать лучшему функционированию регионального экологи-

ческого капитала. Согласно вышеприведенным принципам и соответствующим исследованиям других ученых статья выделяет четырехуровневую систему показателей: уровень цели, контрольный уровень, критериальный уровень и уровень показателей (табл. 1).

Уровень цели: для того чтобы количественно отразить статус функционирования экологического индекса и разницу в развитии регионов, мы выделили уровень целей – систему оценки эффективности функционирования регионального экологического капитала. Система представляет собой всестороннее отражение промышленного развития, экономического потенциала, окружающей среды, использования ресурсов, жизнедеятельности и социальной культуры региона.

(2) Контрольный уровень: для дальнейшего отражения подсистем системы показателей функционирования экологического капитала статья представляет три подуровня цели: систему оценки экономических показателей, систему оценки экологических показателей и систему оценки социальных показателей. Это лучше отражает концепцию эффективности экономической, экологической и социальной составляющих.

(3) Критериальный уровень: система показателей оценки экономического функционирования в основном отражает уровень экономического развития и его этап по двум аспектам: промышленному развитию и экономическому потенциалу. Система оценки экологических показателей в основном отражает комплексное состояние окружающей среды региона по двум аспектам: использованию ресурсов и состоянию окружающей среды. Система оценки социальных показателей отражает региональный уровень социального развития по трем аспектам: жизнедеятельности населения и социальной культуре.

(4) Уровень показателей: после корректировки система показателей конкурентоспособности включает в себя 3 вторичных, 6 третичных и 31 четвертичный показатель (см. табл. 1). В этом случае экономическое функционирование отражается 11-ю показателями экономической, 11-ю показателями экологической и 9-ю показателями социальной эффективности.

Таблица 1. Региональная система показателей оценки эффективности функционирования экологического капитала

Уровень цели	Критериальный уровень	Контрольный уровень	Уровень показателей (ед. измерения)
Оценка эффективности функционирования регионального экологического капитала	Экономические показатели (0,4)	Промышленное развитие (0,2)	Валовой региональный внутренний продукт, 100 млн юаней
			Валовой выпуск продукции фермерства, лесной промышленности, скотоводства и рыболовства, (0 тыс. юаней)
			Суммарный выпуск продукции лесной промышленности, 10 тыс. юаней
			Доходы от туризма в иностранной валюте в регионе, 10 тыс. долларов США
			Доходы от внутреннего туризма, 100 млн юаней
			Уровень коммерциализации фермерства, лесной промышленности, скотоводства и рыболовства, %
		Экономический потенциал (0,2)	ВВП на душу населения, юаней/чел
			Инвестиции в основной капитал водного хозяйства, окружающей среды и управления общественными объектами, 10 тыс. юаней
			Бюджетные расходы на охрану окружающей среды, 10 тыс. юаней
			Производительность труда всего работников, юаней/чел
			Государственные средства на НТР, тыс. юаней
	Экологические показатели (0,3)	Состояние окружающей среды (0,15)	Всего водных ресурсов, 100 млн м ³
			Залесённость, %
			Доля заповедников в ведении, %
			Общий объем растущих деревьев, 10 тыс. м ³
			Площадь парковых насаждений на душу населения, м ²
			Коэффициент озеленения, %
		Потребление ресурсов (0,15)	Промышленное потребление энергии, 10 тыс. тонн условного топлива
			Степень обработки сточных вод, %
			Степень обработки бытовых расходов, %
			Коэффициент повторного использования технической воды, %
			Коэффициент использования промышленных твердых отходов, %
	Социальные показатели (0,3)	Жизнедеятельность населения (0,15)	Располагаемый доход городских жителей, юаней
			Располагаемый доход сельских жителей, юаней
			Плотность населения, чел./км ²
			Естественный прирост населения, ‰
			Темпы урбанизации, %
Социальная культура (0,15)		Количество публичных библиотек, ед.	
		Количество музеев, ед.	
		Охват радио и телевидения, %	
		Количество учреждений здравоохранения, ед.	

В статье объединены метод экспертной оценки, метод объективного взвешивания и метод оценки энтропии для подтверждения взвешивания показателей (показатели экономические, экологические и социальной эффективности – 40, 30, 30% взвешивания соот-

ветственно), отражен комплексный показатель оценки функционирования как конкретный элемент показателя, представлен региональный показатель функционирования капитала и проведен эмпирический анализ функционирования регионального экологического капитала.

IV. Анализ оценки эффективности использования экологического капитала

(I) Измерение эффективности использования экологического капитала

1. Метод измерения

В статье в первую очередь устанавливается система показателей эффективности функционирования экологического капитала, которая в основном содержит по десять экономических, социальных и экологических показателей. Поскольку исходные данные показателя сложны и единица исходных данных показателя отличается, необходимо стандартизировать исходные данные. После процесса стандартизации исходных данных есть положительный и отрицательный результат. Для наблюдения и сравнения в статье используется формула расчета стандартизации следующим образом:

Для положительного индекса:

$$U_{ij} = (X_{ij} - \min X_{ij}) \times 0.95 / (\max X_{ij} - \min X_{ij}) + 0.05 (j=1, 2, \dots, n);$$

Для отрицательного:

$$U_{ij} = (\max X_{ij} - X_{ij}) \times 0.95 / (\max X_{ij} - \min X_{ij}) + 0.05 (j=1, 2, \dots, n),$$

где X_i ($i=1, 2, \dots, n$) – количество экономических, экологических или социальных показателей i ,

X_{ij} – число показателей j ,

X_{ij} ($j=1, 2, \dots, m$) – число образцов i .

U_{ij} – данные после стандартизации, а $\max_{x_{ij}}$ и $\min_{x_{ij}}$ – верхний и нижний предел числа показателей i .

Уровни экономической, экологической и социальной эффективности могут быть получены методом линейного взвешивания:

$$U_i = \sum_{j=1}^m w_{ij} u_{ij} \quad \sum_{j=1}^m w_{ij} = 1,$$

где U_i – экономические, экологические или социальные показатели, w_{ij} – взвешивание различных экономических, экологических или социальных показателей.

2. Установка весов

Вес определяется с отсылкой на соответствующий опыт оценки авторитетной системы показателей с помощью качественного и коли-

чественного метода, что объединяет в себе метод оценки и метод объективного взвешивания энтропии, чтобы подтвердить результаты статистического анализа системы показателей, представленные в статье.

(II) Анализ эмпирических результатов

1. Источник данных

Эко-экономическая зона озера Поянху охватывает города Наньчан, Цзиндэчжэнь, Иньтан, некоторые округа (города и районы), включая Цюцзян, Синью, Фучжоу и т. д., в общей сложности – 38 уездов и городов. Учитывая удобство сбора данных и согласованность исследований, автор статьи использует данные городов Наньчан, Цзиндэчжэнь, Цюцзян, Синью, Иньтан и Фучжоу, в основном представленные статистическим ежегодником провинции Цзянси и статистическими ежегодниками других городов в 2013–2016 гг.

2. Результаты расчетов

Таблица 2 отражает динамику тенденции эффективности функционирования экологического капитала в эко-экономической зоне озера Поянху в 2012–2015 годах. Таблица показывает, что эффективность функционирования экологического капитала эко-экономической зоны озера Поянху постоянно возрастает независимо от всеобъемлющего показателя и детализированного показателя, который отражает тот факт, что способность к экологическому развитию постепенно увеличивается.

(1) Общая оценка эффективности

С точки зрения общей эффективности индекс эффективности функционирования экологического капитала в эко-экономической зоне озера Поянху составил 6,74 в 2012 году и увеличился до 9,23 в 2015 году, при этом среднегодовые темпы роста составили 11,06%. С точки зрения уровня экономической эффективности коэффициент экономической эффективности оценивался в 2,50 в 2012 году и увеличился до 3,78 в 2015 году, причем среднегодовые темпы роста составили 14,76%; для оценки экологических показателей коэффициент экономической эффективности составил 2,20 в 2012 году и увеличился до 2,67 в 2015 году, среднегодовые темпы роста – 6,65%; для социальной эффективности – 2,04 в 2012 году, 2,78 – в 2015 году, среднегодовые темпы роста – 10,93%. Согласно оценке эффективности функциониро-

Таблица 2. Показатели эффективности функционирования экологического капитала в эко-регионе озера Поянху в 2012–2015 гг. (общий показатель)

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Экономическая эффективность	2,50	3,22	3,70	3,78
Экологическая эффективность	2,20	2,48	2,38	2,67
Социальная эффективность	2,04	2,13	2,49	2,78
Общие показатели функционирования экологического капитала	6,74	7,83	8,57	9,23

Таблица 3. Эффективность функционирования экологического капитала в эко-экономической зоне озера Поянху в 2012–2015 гг. (элемент показателя)

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Промышленное развитие	1,20	1,56	1,82	1,94
Экономический потенциал	1,30	1,66	1,88	1,84
Окружающая среда	1,30	1,21	1,11	1,21
Потребление ресурсов	0,90	1,27	1,27	1,45
Жизнедеятельность	1,14	1,01	1,18	1,29
Социальная культура	0,90	1,12	1,31	1,49

вания экологического капитала темпы роста экономических показателей самые высокие, на втором месте – социальная эффективность, на третьем – экологическая.

(2) Детализированная оценка эффективности

В оценке эффективности функционирования капитала эко-экономической зоны озера Поянху при оценке экономической эффективности показатель промышленного развития составил 1,20 в 2012 году и увеличился до 1,94 в 2015 году, при этом среднегодовые темпы роста составили 17,28%; показатель экономического потенциала составил 1,30 в 2012 году и увеличился до 1,84 в 2015 году, среднегодовые темпы роста – 12,34%; при оценке экологической эффективности показатель состояния окружающей среды составлял 1,30 в 2012 году и снизился до 1,21 в 2015 году, среднегодовые темпы роста – -2,24%; значение показателя потребления ресурсов – 0,9 в 2012 году, 1,45 – в 2015 году, среднегодовые темпы роста – 17,33%; по оценке социальной эффективности показатель жизнедеятельности населения составлял 1,14 в 2012 году и увеличился до 1,29 в 2015 году, среднегодовые темпы роста – 4,27, а показатель социальной культуры – 0,9 в 2012 году и 1,49 в 2015, темпы роста – 18,36% (табл. 3). В элементе показателя эффективности функционирования экологического капитального

эко-экономической зоны озера Поянху показатель социальной культуры имеет самые высокие темпы роста, на втором месте – индекс промышленного развития. Показатель состояния окружающей среды, имеющий низкие темпы роста, снизился еще больше в 2012 и 2015 годах; это означает недостаточность инвестиций в окружающую среду в процессе эксплуатации экологического капитала.

V. Заключение и предложения

(I) Заключение

Эко-экономическая зона озера Поянху расположена в провинции Цзянси во внутреннем Китае, которая тем не менее является традиционной сельскохозяйственной провинцией с отстающим промышленным развитием. По уровню эколого-экономического развития в сравнении с Китаем в целом и с центральными провинциями провинция Цзянси занимает первое место в центральном регионе, но ниже среднего уровня самого Китая. Провинция Цзянси занимает первое место в центральном Китае по состоянию окружающей среды, уровню потребления ресурсов и возможностям экологической защиты с очевидными преимуществами. Однако по уровню экономического развития и комплексному уровню использования ресурсов она находится в неблагоприятном положении. Центральные регионы провинции Цзянси относительно отстают от Китая

в целом и испытывают сильное давление со стороны пост-экономического развития. Вышеприведенный анализ приводит к следующим выводам.

1. Эко-экономическая зона озера Поянху достигла хороших результатов в области функционирования экологического капитала, сельского хозяйства, промышленности и туризма, но концепция функционирования экологического капитала недостаточно развита. В течение долгого времени концепция развития окружающей среды без затрат была очень распространена. Отстающие технологии производства и неблагоприятные внешние явления представляют серьезные проблемы. С ростом численности населения и ускорением процесса индустриализации и урбанизации некоторые территории региона в одностороннем порядке пользуются экономическими выгодами и нерационально используют ресурсы, что приводит к свободному и чрезмерному использованию ресурсов окружающей среды, обезлесению, случайным выбросам, чрезмерному вылову, неконтролируемому использованию водных ресурсов, значительному ухудшению экологической ситуации и другим опасным последствиям. Поэтому улучшение экологической среды бассейна озера Поянху и реализация скоординированного развития экономики, общества и экологии на сегодняшний день представляются актуальными задачами. Разумное использование средств маркетинга полезно для улучшения концепции «затратной экологии», которая сдерживает экологический ущерб и мобилизует инициативы экологического строительства [16–17].

2. Что касается анализа меняющейся тенденции функционирования экологического капитала в эко-экономической зоне озера Поянху в 2012–2015 гг., то он показывает, что функционирование экологического капитала данной зоны постоянно усиливается независимо от общего показателя и детализации, постепенно развивая способность к экологическому развитию. В результате оценки эффективности функционирования экологического капитала самыми высокими оказались темпы роста экономических показателей, на втором месте — темпы роста социальной эффективности, медленнее всего растет экологическая результативность. В системе показателей эф-

фективности экологического капитального эко-экономической зоны озера Поянху самые высокие темпы роста имеет показатель социальной культуры, на втором месте — показатель промышленного развития. Показатель состояния окружающей среды, и так имеющий низкие темпы роста, еще более снизился в 2012 и 2015 годах, что говорит о недостаточности инвестиций в окружающую среду в процессе эксплуатации экологического капитала.

(II) Предложения

Функционирование экологического капитала эко-экономической зоны озера Поянху зависит от её экологических ресурсов и внедрения государственного стимулирования рынка, которое приведет к сохранению и оценке экологических ресурсов в регионе и, наконец, будет содействовать его устойчивому развитию.

1. Формулировка стратегии экологического капитала эко-экономической зоны озера Поянху.

Важно сосредоточиться на стратегической цели эко-экономической зоны озера Поянху, сформулировать *План развития экологической эксплуатации эко-экономической зоны озера Поянху*, поставить долгосрочную цель и задачи для каждого этапа, составить план действий и выделить приоритетные области эксплуатации экологического капитала эко-экономической зоны, постепенно осуществляя максимальный прирост экологического капитала в пороговом диапазоне экологического капитала экосистемы эко-экономической зоны озера Поянху. Формулирование поддерживающей политики функционирования экологического капитала и изменение существующей системы оценки достижений развития является основой политики управления экологическим капиталом. Предлагается сформулировать конкретный отраслевой каталог экологического капитала эко-экономической зоны озера Поянху, чтобы поддерживать ключевые отрасли экологического капитала в эко-экономической зоне. Предлагается усилить финансовую поддержку, активно увеличивать объемы ресурсов поглотителя углерода и осуществлять транзакцию поглотителей углерода для содействия реализации ценности стоимости экологического капитала на территории [18].

2. Детальная разработка механизма экологической компенсации эко-экономической зоны озера Поянху.

Экологическая компенсация эко-экономической зоны озера Поянху может быть завершена под руководством правительства. Установка механизма должна осуществляться сверху вниз. Центральное правительство утверждает механизм экологической компенсации, а Народное правительство провинции Цзянси внедряет этот механизм в городах региона; это должно быть сделано от большого к малому, т.е. координация защиты окружающей среды и социально-экономического развития должна осуществляться последовательно от региона в бассейне озера к провинции, городу и уезду.

Необходимо создать и усовершенствовать межправительственную систему платежей по финансовому трансферту. Центральным финансовым учреждениям следует, во-первых, усилить систему трансфертных платежей в области ключевых экологических функций в центральных и западных регионах, создать специальный фонд поддержки в области ключевых экологических функций; во-вторых, привести провинциальные или нижестоящие органы власти к созданию системы финансовых платежей: например, восточно-прибрежные развитые провинции выделяют экологические ресурсы для слаборазвитых провинций центральных и западных регионов. Также необходимо создать фонд, выпускать среднесрочные и долгосрочные специальные облигации экологического строительства или организовать аукцион для сбора средств; и, наконец, взимать «экологический компенсационный налог» для замены различных сборов, взимаемых различными ведомствами, включая плату за ресурсы, стоимость сохранения водных ресурсов и почв, плату за сточные воды и т. д.; сбор налогов может повысить налоговую мощность, снизить расходы на сборы и задействовать фонд для экологической компенсации.

3. Акцент на функционировании экологического капитала в промышленном развитии.

Существует три пути использования экологического капитала экосистемы озера Поянху: первый заключается в развитии экологического сельского хозяйства, управлении капиталом биологической производственной среды и соз-

дании базы снабжения зеленой сельскохозяйственной и побочной продукцией; другой путь заключается в развитии эко-туризма, управлении качеством природных ресурсов и окружающей среды с использованием главным образом ландшафтного капитала: например, базы отдыха и т. д.; последний вариант – развитие экологической промышленности, комплексное использование экологических ресурсов и окружающей среды, а также общая эксплуатация и циклическое использование экологического капитала. Надлежащим образом осуществленные экологическая деятельность и разработка продукта, внедрение рациональных проектов, подходящих для местных условий, могут эффективно способствовать классификации и интеграции экологических ресурсов эко-экономической зоны озера Поянху. Необходимо продвигать рыночную деятельность проектов, сохранять и осуществлять оценку экологических ресурсов эко-экономической зоны озера Поянху.

4. Повышение информированности граждан о защите окружающей среды

Важны следующие моменты: активное проведение различных образовательных мероприятий по охране окружающей среды, популяризация охраны окружающей среды и мотивация социальных сил на участие в охране окружающей среды. Необходимо в полной мере использовать возможности общественного мнения, активно продвигать политику и законы в области охраны окружающей среды, а также улучшать осведомленность общественности в этой области. Также необходимо внедрение всесторонней многоуровневой системы адаптации и создание режима производства и жизнедеятельности, отвечающего экологическим ресурсосберегающим и социальным требованиям. Значимой задачей является внедрение образовательных курсов по охране окружающей среды, повышение осведомленности населения, развитие способности осуществлять научные разработки и принимать решения в области охраны окружающей среды на различных уровнях, а также повышать подростковую осведомленность об охране окружающей среды; поощрять деятельность общественных организаций, касающуюся их активного участия в мероприятиях по охране окружающей среды,

проведения мероприятий массового масштаба: например, «зеленая школа», «зеленая семья», «зеленое сообщество» и т. д. Представляется важным пропагандировать «зеленое» потребление и в полной мере реализовать функции таких массовых организаций, как Союз рабочих, Коммунистическая лига молодежи, Женская федерация и т. д. [19, 20].

Литература

1. H. Xiongwei, S. Yuping. Industrial Structure Adjustment and Optimized Path Selection in Jiangxi Province under the Environmental Constraint. *Enterprise Economy*, 2012, (11), pp. 145–149.
2. Vogt W. *Road to Survival*. New York: William Sloan. 1948. Pp. 129–157.
3. V. K. Smith Resource Evaluation at the Crossroads. *Resources*, 1988, (90), pp. 2–6.
4. I. Sarag Eldin *Sustainability and the Wealth of Nations- First Steps in an Ongoing Journey*. Washington, DC: World Bank, 1995.
5. C. Retal The Value of the World's Ecosystem Services and Natural Capital. *Nature*, 1997, no. 38(7), pp. 253–260.
6. Daily G. The Value of Nature and the Nature of Value. *Science*, 2000, no. 289.
7. SiHua L. *Sustainable Development Economics*. Bei Jing: China Renmin University Press, 1997. Pp. 1–10.
8. HaiBin W. *Ecological Capital and its Operation Theory and Application*. Bei Jing: China Agricultural University, 2005. Pp. 23–27.
9. Cheng GungJu, Liu JiangLin, Yan LiDong. Research on the Value of Ecological Capital Operation. *China Population, Resources and Environment*, 2011, no. 1, pp. 141–147.
10. Xiaoyu L., Zhaobo M. Ecological Capital Operation based on Externality Perspective. *Journal of Nantong University (Social Science Edition)*, 2014, no. 7, pp. 121–126.
11. Xu Ch., Huajiao Q., Haibin W. et al. New Perspective of Realizing Ecological Service Value (III). Theoretical Frame and Application of Ecological Capital Operation. *Ecological Economy*, 2008, no. 8, pp. 36–40.
12. Yong G., Jun W. Comprehensive Assessment of Ecosystem of Cities, Integrative Industries Based on Gray Hierarchy Analysis. *China Population, Resources and Environment*, 2010, no. 1, pp. 112–117.
13. Wai He L. Research on the Performance Appraisal Mechanism of Fuling Area's Ecological Civilization Background. *Bridge of Century*, 2012, no. 8, pp. 95–97.
14. Yong D., FengXing L. Research Status of Sustainable Development Index System and Expectation Statistics and Prediction. 2003, no. 10, pp. 34–36.
15. JiangLin L., ShuJu L., BangWei Zh. Regional Ecological Capital Operation Performance Evaluation Index System And Empirical Study. *Journal of China University of Geosciences (Social Sciences Edition)*, 2014, no. 7, pp. 75–80.
16. Xiaoyu L. Research on Green Agriculture Ecological Capital Operation of Poyang Lake Eco-Economic Zone. *Enterprise Economy*, 2015, no. 10, pp. 127–130.
17. Xiaoyu L. Research on Ecological Tourism Capital Operation of Poyang Lake Eco-Economic Zone. *Enterprise Economy*, 2014, no. 10, pp. 127–130.
18. Xiongzhi Z. Research on Ecological Capital Operation Strategy of Poyang Lake Eco-Economic Zone. *Enterprise Economy*, 2014, no. 8, pp. 16–19.
19. Ministry of Environmental Protection of the People's Republic of China. The "12th Five-year Plan" of Environmental Protection in China. *China Environmental Protection Industry*, 2012, no. 1, pp. 7–12.
20. CaiHua M. The Public Participation in Environmental Management of Research with Chinese Characteristics. *QingDao: Ocean University of China*, 2007, no. 5, pp. 32–35.

Сведения об авторе

Хэ Сюньвэй – младший редактор журнала «Enterprise Economy» («Экономика предприятия»), Академия общественных наук Цзянси (Китай; e-mail: Hexw529@gmail.com)

He Xiongwei

Performance Evaluation of Regional Ecological Capital Operation of China: Taking Poyang Lake Eco-economic Zone of China for Example

Abstract. In recent years, the ecological capital becomes the factor that has important influence on the economic development. To establish the ecological capital operation performance evaluation model and to make comprehensive measurement of regional ecological capital operation, we can effectively measure the regional ecological and economic coordination degree and provide relevant basis for formulating the regional economic development and environmental protection policy. In general, there are few scholars making research on ecological capital operation; and also there are some disputes on the connotation and mode of ecological capital operation. Therefore, on the basis of domestic and foreign scholars' research, and taking Poyang Lake Eco-economic Zone in China as an example, the regional ecological capital operation performance evaluation index system was established from three dimensions including economic value, ecological value and social value in this paper. The paper combines the expert evaluation with objective weighting method and entropy evaluation method to jointly confirm the index weighting, then to construct the regional comprehensive capital operation index, therefore to perform empirical analysis of regional ecological capital operation. The conclusion is that the ecological capital operation performance of Poyang Lake Eco-economic Zone is constantly increasing. However, in the score of ecological capital operation performance evaluation, the growth speed of economic performance is the fastest, the second is social performance and the last is ecological performance, which means that the investment in ecological environment in the ecological capital operation process is insufficient. It provides a good idea to explore the comprehensive development of great lakes region and pursue the coordinated development path between ecological protection and economic development.

Key words: China, Poyang Lake Eco-economic Zone, ecological capital operation, index system, performance evaluation.

Information about the Author

He Xiongwei – associate editor of Editorial Office of Enterprise Economy of Jiangxi Academy of Social Sciences (China, e-mail: Hexw529@gmail.com)

Статья поступила 27.09.2017.

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.12

УДК 004 (410), ББК 32.81(4)

© Мачей Чаплевски

Состояние развития информационного общества в Словении, Хорватии и Польше на фоне средних показателей по ЕС

Мачей ЧАПЛЕВСКИ

Щецинский университет

Щецин, Польша, 71-034, ул. Tarnobrzaska, д. 44

E-mail: maciej.czaplowski@wzieu.pl, mcmac22002@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена развитию информационного общества – проблеме, актуальность которой все более возрастает. Основная цель статьи – представить развитие информационного общества Словении, Хорватии и Польши на фоне средних показателей по ЕС. Анализ охватывает отдельные показатели, характеризующие важные сферы цифрового общества: охват широкополосной информационной сетью, цифровые компетенции общества, доля населения и домохозяйств, пользующихся сетью Интернет и основными информационно-коммуникационными услугами, а также вовлечение предприятий в деятельность в сети Интернет и использование ими инновационных информационно-коммуникационных услуг. Основными используемыми методами являются дедукция, индукция и сравнительный анализ отчетов о развитии цифрового общества в Словении, Хорватии и Польше. Кроме того, автор использует критический обзор литературы, представляющий современные знания о природе и причинах развития цифрового общества, а также позволяющий всесторонне оценить состояние цифрового общества Словении, Хорватии, Польши в сравнении с ЕС в целом и выделить основные текущие проблемы. В данной работе используется отечественная и зарубежная литература, материалы исследований, проводимых институтами в рамках европейских исследовательских программ по заказу ЕС, и нормативно-правовые акты и документы ЕС.

Ключевые слова: информационное общество, Интернет, ИКТ, Словения, Польша, Хорватия.

Для цитирования: Чаплевски М. Состояние развития информационного общества в Словении, Хорватии и Польше на фоне средних показателей по ЕС // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11 № 4. С. 185–201. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.12

For citation: Czaplowski M. State of development of the information society in Slovenia, Croatia and Poland in comparison with the EU average. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 185–201. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.12

Введение

В эпоху возрастающей роли сети Интернет в развитии государств всё большее значение приобретает ее использование в социально-экономической сфере, что оказывает влияние на уровень развития информационного общества. Цель данной статьи — представить уровень развития информационного общества в трех странах ЕС: Словении, Хорватии и Польше. Для достижения поставленной цели нами проведен сравнительный анализ ключевых показателей, характеризующих основные направления информационного общества: охват широкополосной сетью; цифровые компетенции общества; участие физических лиц, использующих Интернет, и основные информационно-коммуникационные услуги, предоставляемые им; вовлечение предприятий в онлайн-деятельность и инновационные информационно-коммуникационные услуги, используемые предприятиями; а также развитие электронных государственных услуг. Для проведения исследования были использованы данные за 2010–2017 гг.

Помимо прямого сопоставления показателей трех исследуемых стран, проведено сопоставление этих показателей со средними показателями по ЕС. Такой подход позволяет указать, в каких сферах Словения, Хорватия и Польша наиболее близки к средним показателям по ЕС, в каких они превосходят ЕС и в каких отстают от средних показателей по ЕС. Выявив те сферы, где ситуация не является благоприятной, мы предлагаем меры по её улучшению.

Сущность информационного общества

Современный мир претерпевает значительные социально-экономические изменения. Их важность, а также их влияние на функционирование обществ и бизнеса приводят к кардинальным изменениям существующих моделей жизни. Исследователи пытаются определить эту форму социально-экономического развития и выявить степень возможных последствий. Известно, что приближающаяся трансформация является очень сложной проблемой, связанной с изменениями, которые происходят в обществе с позиций «мировоззрения, базовых ценностей, общественно-политического устройства, искусства и ключевых институтов» [1, с. 1]. Таким

образом, происходящие изменения касаются всех сфер жизни человека.

В научной литературе факторы, ставшие движущими силами преобразований, охватывающих весь земной шар, характеризуются по-разному. Однако, вероятно, наиболее известной является точка зрения Элвина Тоффлера (Alvin Toffler), представившего теорию трех цивилизационных волн (аграрной, индустриальной и постиндустриальной) [2, с. 48]. Похожую теорию представил Дэниел Белл (Daniel Bell). По мнению ученого, экономическое развитие общества происходило следующим образом [3, с. 19]:

- доиндустриальное общество, в котором рыболовы, охотники и скотоводы выживали в природе, используя ее потенциал;
- индустриальное общество, основанное прежде всего на использовании энергии для производства товаров;
- постиндустриальное общество, основанное на информации как фундаменте знаний и деятельности.

Описанные выше теории социальной эволюции являются взаимосогласованными и идеологически близкими. Они не вызывают принципиальных противоречий и являются общепринятыми среди ученых, занимающихся исследованиями в данной сфере. С другой стороны, выбор, характеристика и оценка факторов, определяющих и обуславливающих эволюцию общества, остаются спорными.

Большинство соображений, направленных на решение этой проблемы, связывают развитие человеческой цивилизации с реальным ростом знаний. Представляется очевидным, что с ростом знаний, с самого начала истории, человек мог решать все более сложные насущные проблемы. Это подтверждает и Карл Поппер (Karl Popper), который пишет, что «ход истории зависит от уровня развития знания» [4, с. 224]. Таким образом, чем быстрее приобретаются знания, тем быстрее и масштабнее происходят изменения.

В этом плане очень важна сама технология. И поэтому само влияние технологий как фактора, обуславливающего социальный прогресс, очевидно во всех концепциях. Следовательно, можно предположить, что «технические устройства естественным образом изменили жизненный уклад человека, а также структуру и функ-

ции общества» [5, с. 135]. Дискуссионным в основном остается вопрос о том, являются ли технологии определяющим фактором изменений или только способствуют им [6, с. 129].

Создаваемая сегодня цивилизация – это совершенно новое качество, которое определяется по-разному. В литературе, помимо наиболее известных терминов, таких как общество знаний, постиндустриальная, сетевая или третья волна, можно найти ряд более или менее точных терминов. Самые известные из них:

- цифровое общество;
- телематическое общество;
- общество информационной перегрузки;
- технологическое общество.

Тем не менее термин «информационное общество» получил самое широкое признание¹. Суть этого термина и представленного им философского подхода заключается в убеждении, что информация, понимаемая как «все, что может быть использовано для более эффективного выбора деятельности, ведущей к определенной цели» [8, с. 17], в экономическом, научном (а со временем и в культурном) смысле становится определяющим фактором функционирования и развития общества.

Однако это представляется слишком далеко идущим, поскольку общество всегда имело дело с информацией, а информация на протяжении веков была важным фактором, определяющим успех повседневной жизни людей, коммерческих или военных проектов, независимо от уровня развития обществ. Эффективное приобретение, передача, хранение и правильное использование информации является очень важным элементом деятельности индивидов и сообществ. Однако информация не могла бы должным образом «существовать в мире без надлежащих средств, которые бы эту информацию выражали» [9, с. 25]. Только в настоящее время, в результате развития телекоммуникаций, информационных и медиатехнологий, информация стала более доступной, дешевой и, самое главное, более актуальной.

¹ The term was introduced in 1963 by Japanese sociologist T. Umesao in an article about the theory of the evolution of a society based on information technology. Later it was popularized by K. Koyama in the dissertation entitled “Introduction to Information Theory” (K. Koyama, Introduction to Information Theory, Tokyo 1968).

Учитывая также тот факт, что информация является «единственным ресурсом, объем которого в ходе использования увеличивается, а не уменьшается» [10, с. 71], можно сказать, что широкий доступ к информации различного характера позволяет компаниям и индивидам принимать решения на основе большого количества факторов.

Обобщая вышесказанное, отметим, что, несмотря на осознание важности и роли знания в современном мире, необходимо признать универсальность информации, присутствующей во всех измерениях реальности, и подчеркнуть ее оригинальный характер. В связи с этим в данной статье будет использован термин «информационное общество», который, по нашему мнению, наиболее полно отражает смысл определяемых явлений. Кроме того, данный термин содержит некоторые характерные черты социально-экономических изменений, и в частности переход от процессов производства продукции, полученной в ходе переработки природных ресурсов, к процессам создания и хранения информации. В литературе по данной теме представлен ряд определений информационного общества:

– общество, которое имеет возможность широкого доступа к информации, услугам и развлечениям по запросу, возможность взаимодействовать и свободно управлять данными, возможность выполнять различные удаленные операции и начать общение в любое время и из любой точки мира, подключенной к виртуальному миру через телекоммуникационные сети [11, с. 11];

– общество, в котором качество жизни и перспективы экономического и социального развития всё больше зависят от информационных технологий и их использования; в таком обществе стандарты жизни, работы и досуга, система образования и экономика зависят от прогресса в области информации [12, с. 19];

– общество, которое не только имеет хорошо развитые средства обработки информации и коммуникации, но и в котором обработка информации является основой для создания национального дохода и обеспечивает жизнедеятельность большей части общества [13, с. 43];

– общество, достигающее уровня развития, а также масштабов и сложности социаль-

но-экономических процессов, требующих применения новых методов сбора, обработки, передачи и использования огромных массивов информации, генерируемой этими процессами. В таком обществе:

- информация, а также полученные знания и технологии являются основным фактором производства, а использование ИКТ – фактором всестороннего развития;
- рабочая сила состоит в основном из информационных работников;
- большая часть валового национального дохода приходится на информационный сектор, понимаемый в широком смысле [14].

Подводя итог, следует отметить, что информационное общество – это «явление», основанное на технологически развитой электронной коммуникации, определяющей всеобщий доступ к информации.

Трансформация, связанная с возникновением информационного общества, коренным образом меняет правила функционирования цивилизации во всех (или, по крайней мере, во многих) аспектах. Как следствие, «некоторые отрасли промышленности приходят в упадок, старые модели жизни исчезают, а на их месте сразу появляются новые» [15, с. 19].

Основные направления оценки информационного общества

Современный процесс формирования информационного общества многогранен. Однако мы можем определить силы, которые оказывают существенное влияние на его развитие. Наиболее важными из них являются следующие [16]:

- технический и технологический прогресс сферы информационных технологий;
- изменения в экономических и бизнес-структурах;
- политика государственных и наднациональных структур;
- заинтересованные группы: производители и операторы информационных технологий, виртуальные сообщества.

Характеристиками информационного общества являются:

- высокоразвитый сектор услуг, в первую очередь сектор современных услуг (банковское дело, финансы, телекоммуникации, информационные технологии, НИОКР и менеджмент), в некоторых странах в этом секторе работает более 80% экономически активных людей, тог-

да как в секторе традиционных услуг – немногим более 10%;

- экономика, основанная на знаниях;
- высокий уровень охвата общества;
- высокий уровень функционального алфавитизма в обществе;
- прогрессивный процесс децентрализации общества;
- возрождение местных сообществ;
- диверсификация общественной жизни;
- расширение прав и возможностей общества и содействие созданию открытого общества [17].

Как видим, потенциал развития информационного общества зависит от многих факторов. Однако наша статья в основном базируется на подходе ЕС к измерению текущего прогресса, достигнутого государствами-членами в области дигитизации (digitization). Он сочетает в себе количественные данные Индекса цифровой экономики и общества (Digital Economy and Society Index, DESI)² с качественной информацией о политике, реализуемой в отдельных странах. Кроме того, были учтены некоторые данные об экономическом развитии и об основных характеристиках каждой исследуемой страны.

Индекс DESI рассматривает пять параметров:

- 1) связь;
- 2) человеческий капитал;
- 3) использование сети Интернет;
- 4) интеграция цифровых технологий;
- 5) государственные электронные услуги.

Первый параметр – связь – измеряет разрыв в широкуюполосной инфраструктуре и ее качество. Он различает фиксированную и мобильную широкополосную связь и оценивает ее скорость и цены. Данный параметр представляет собой основу для всех остальных в связи с тем, что доступ к услугам быстрой широкополосной связи является необходимым условием конкурентоспособности.

² ЕС описывает DESI как составной индекс, который суммирует соответствующие показатели дигитизации Европы и отслеживает динамику цифровой конкурентоспособности государств-членов ЕС на основе расчета средневзвешенного значения пяти основных параметров с весами, выбранными пользователем. <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (дата обращения: 12.04.2018).

Второй параметр связан с человеческим капиталом и в целом с цифровыми навыками индивидов. Следовательно, этот параметр позволяет измерять навыки, необходимые для использования возможностей, предоставляемых информационным обществом. К таким навыкам относятся как базовые навыки пользователей, с помощью которых люди взаимодействуют в режиме онлайн и потребляют цифровые товары и услуги, так и передовые навыки, которые позволяют работникам использовать преимущества технологии в целях повышения производительности и экономического роста.

Третий параметр – использование интернета – рассматривает различные виды деятельности, осуществляемой гражданами в режиме онлайн, варьирующиеся от потребления онлайн-контента (видео, музыки, игр и т. д.) до современных видов коммуникационной деятельности, онлайн-покупок и электронных банковских операций.

Четвертый параметр имеет дело с дигитизацией бизнеса и электронной коммерцией. Интеграция цифровых технологий показывает степень дигитизации предприятий и использования ими электронной торговли и каналов онлайн-продаж в целом. Она исходит из предположения о том, что цифровые технологии могут повысить эффективность компаний, снизить затраты и наладить более эффективное взаимодействие с клиентами, сотрудниками и бизнес-партнерами, а также обеспечить более качественный доступ к широким рынкам и потенциальным клиентам.

Последний параметр, связанный с государственными электронными услугами, охватыва-

ет уровень дигитизации и модернизации таких услуг с упором на Электронное правительство. Это, в свою очередь, связано с предположением о том, что чем выше количество и качество электронных государственных услуг, тем выше прирост эффективности для всех участников (властей, граждан и бизнеса).

Индикаторы, используемые во всех параметрах индекса DESI, являются объективными в основном из-за того, что они должны удовлетворять различным требованиям. Прежде всего, сбор соответствующих данных по индикаторам производится с определенной периодичностью. Кроме того, все параметры, включенные в индекс, должны быть приняты в качестве соответствующих показателей в их конкретных областях политики и не могут быть избыточными.

Вместе с тем большое значение имеет объем самой национальной экономики. Одним из важнейших показателей уровня экономического развития страны является ВВП, а также ВВП на душу населения. Другие данные, позволяющие сравнить Словению, Хорватию и Польшу, – это количество жителей и площадь каждой страны (таблица).

Хорошо видно, что ВВП каждой из рассмотренных Балканских стран почти в десять раз ниже ВВП Польши, но с учетом количества жителей, ВВП на душу населения самым высоким он является в Словении и самым низким – в Хорватии (Польша находится прямо посередине между этими двумя странами). Однако эти цифры достаточно сопоставимы, чего нельзя сказать о площади исследуемых стран, т.к. среди них Польша характеризуется намного большей по размеру территорией.

Основные характеристики Словении, Хорватии и Польши по ВВП, ВВП на душу населения, количеству жителей и площади каждой страны, на конец 2016 г.

Страна	ВВП (в млн. долларов)	ВВП на душу населения (в международных долларах)	Население	Площадь, км ²
Slovenia	44009	32216	2 079 976	20273
Croatia	50441	22937	4 189 353	56594
Poland	467591	27690	38 170 712	312685

Источники: International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2017, <http://www.imf.org> (дата обращения: 12.04.2018); List of countries by area, https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_and_dependencies_by_area (дата обращения: 12.04.2018), World Population Prospects. The 2017 Revision, United Nations New York, 2017, https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (дата обращения: 12.04.2018).

Говоря о сходстве изучаемых стран, следует отметить, что все они имеют социалистическое прошлое и входят в состав ЕС. Однако Словения и Польша стали его членами почти на 10 лет раньше Хорватии (соответственно в 2004 и 2013 гг.).

Этот краткий обзор позволил нам заложить основу для надлежащего сопоставления и оценки развития информационных обществ в каждой стране.

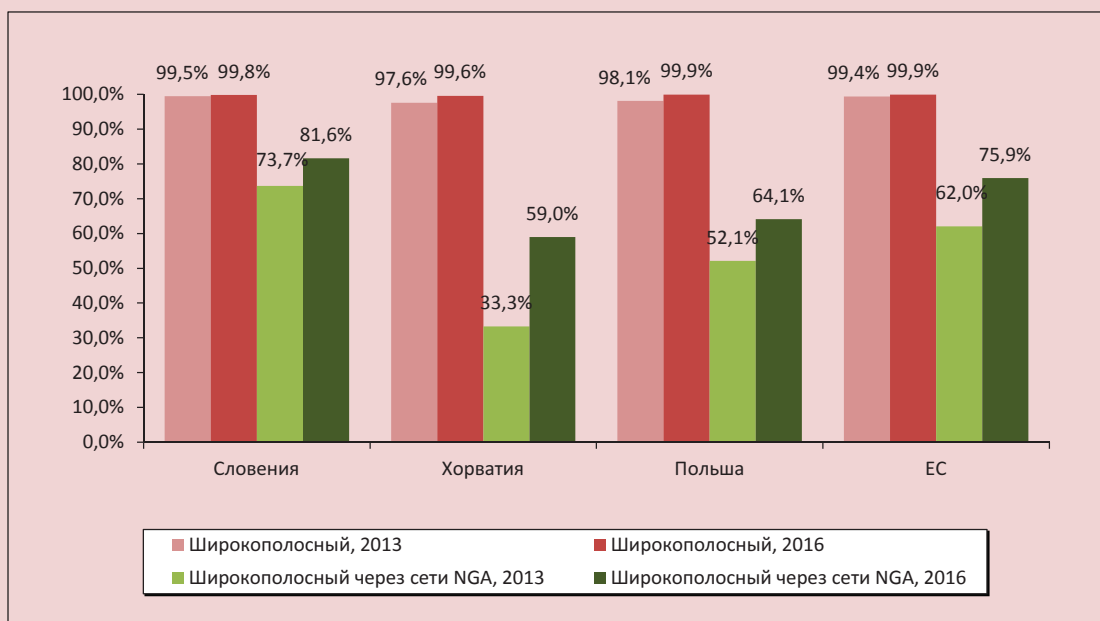
Оценка состояния развития информационного общества в Словении, Польше и Хорватии

Для оценки информационного общества в исследуемых странах необходимо прежде всего сравнить развитие инфраструктуры и охват широкополосным доступом в интернет. На *рисунке 1* показаны данные об охвате широкополос-

ным доступом в интернет и широкополосным доступом в интернет через сети NGA (Next Generation Access, доступ следующего поколения) в исследуемых странах на фоне показателей по ЕС.

В конце 2016 года Польша и Хорватия все еще отставали от большинства европейских стран во всех группах охвата, в то время как Словения была на уровне средних показателей по ЕС или даже выше. Различия в охвате интернетом среди исследуемых стран были еще более значительными по показателю доступа через сети NGA³. На *рисунке 2* показан охват фиксированными и мобильными технологиями доступа в интернет в Словении, Хорватии и Польше на фоне среднего показателя по ЕС на конец 2016 года.

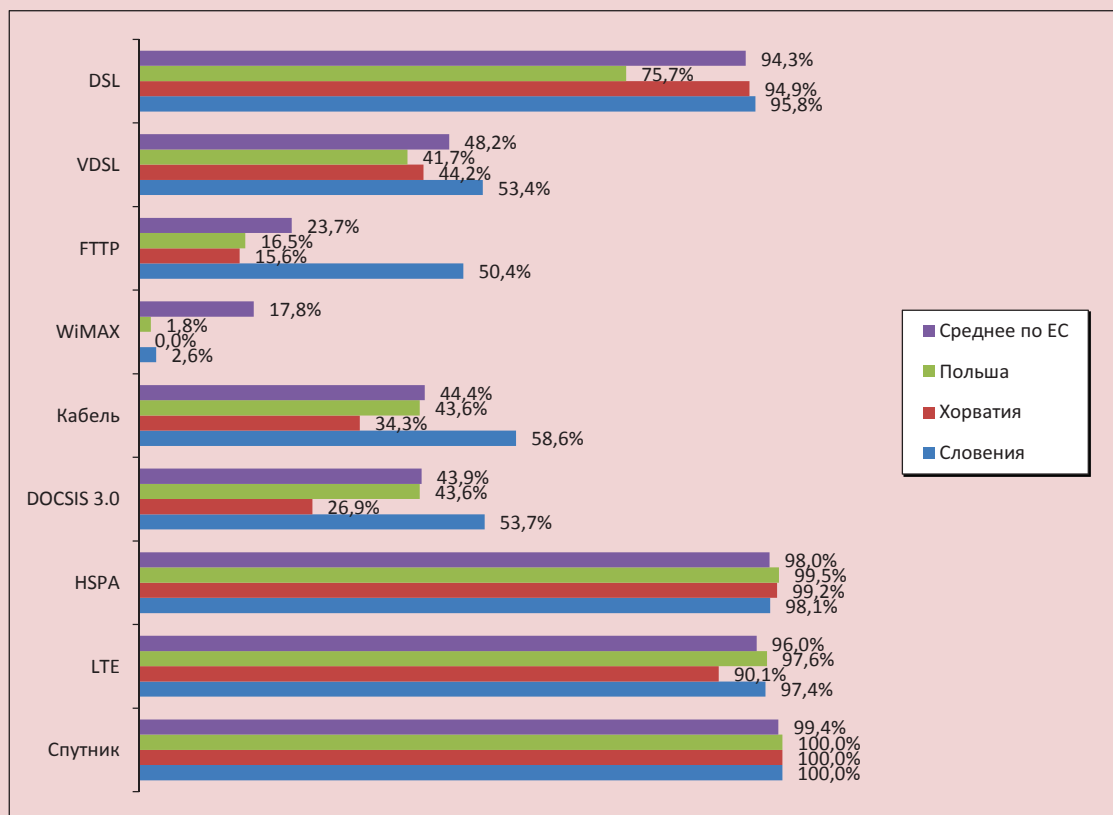
Рисунок 1. Охват доступом в интернет в Словении, Хорватии, Польше и в среднем по ЕС, по видам технологии доступа

Источник: расчеты автора на основе [22, р. 58, р. 151, р. 171; 23, р. 64, р. 147, р. 165].

³ Более широкое исследование итогового отчета об охвате широкополосным интернетом в Европе за 2016 г. также показывает, что различия огромны, особенно в сельских районах (источник: Broadband Coverage in Europe 2016, Final Report, A study prepared for the European Commission, DG Communications Networks, Content and Technology by: IHS Markit, р. 64, 147, 165. Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/study-broadband-coverage-europe-2016> (дата обращения: 29.06.2018).

Рисунок 2. Охват технологиями доступа в интернет в Словении, Хорватии и Польше на конец 2016 г.

Источник: расчеты автора на основе: [24, p. 65, p. 148, p. 166].

Как видно, DSL является наиболее распространенной технологией фиксированной широкополосной связи. Соответственно, ее доля достигла 95,8% в Словении, 94,9% в Хорватии и 75,7% в Польше. Охват DSL в Балканских странах немного выше среднего значения по ЕС (94,3%), но Польша значительно отстает по данному показателю (75,7%).

Согласно данным рисунка 2, охват доступом в интернет в Словении выше, чем в среднем по ЕС почти по всем типам технологий (за исключением WiMAX). Особенно заметен в этом отношении вдвое больший охват оптоволоконном до помещения (Fiber-to-the-Premises), достигающий более 50%. В то же время в двух других исследуемых странах охват составляет около 15%. Кроме того, Хорватия отстает в плане внедрения технологии LTE.

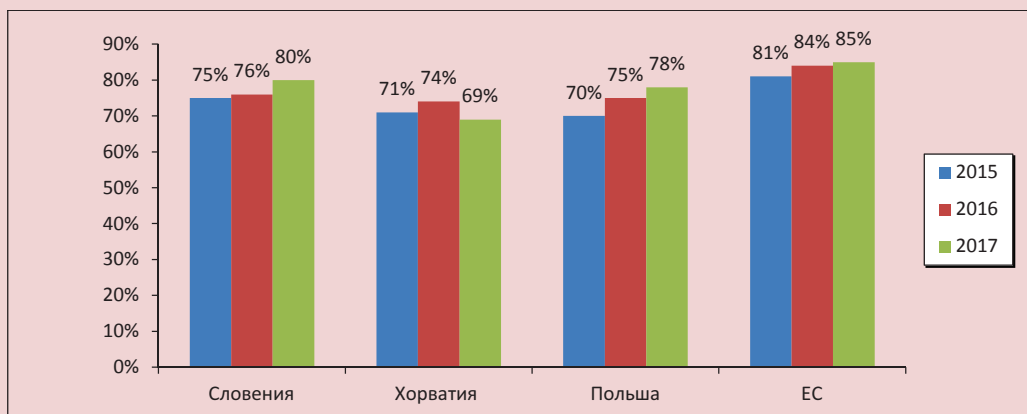
В целом, согласно отчету Digital Scoreboard, по параметру «связь» наиболее высоких показателей за 2016 г. достигли Нидерланды, за ними

следуют Люксембург и Бельгия. Вместе с тем, в Хорватии, Болгарии и Польше были зарегистрированы самые низкие показатели в отношении широкополосной инфраструктуры.

Инфраструктура является основным условием создания информационного общества в каждой стране. Однако очень важны также такие факторы, как готовность и желание использовать интернет и цифровые навыки населения. Данные по этим вопросам приводятся на рисунках 3, 4 и 5.

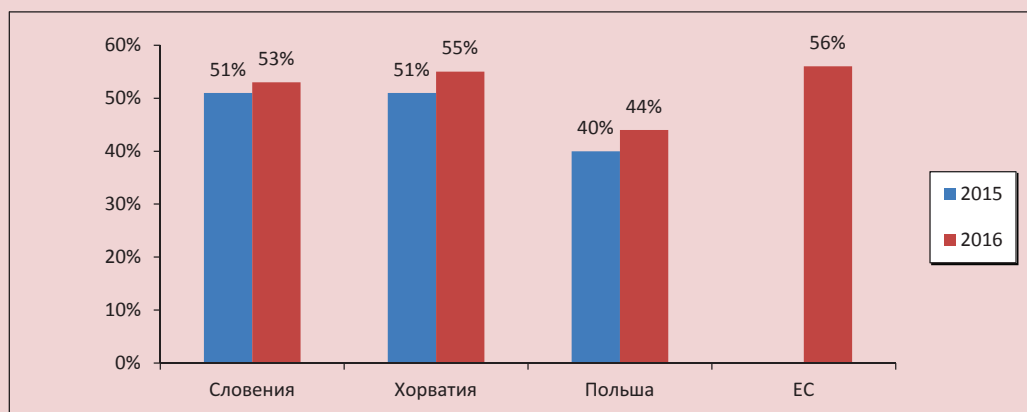
Польша и Хорватия отстают по всем трем представленным аспектам. Причем Польша значительно отстает по показателям базовых цифровых навыков (понимаемых как навыки, позволяющие индивидам взаимодействовать онлайн и пользоваться цифровыми товарами и услугами) и процентной доли специалистов, занятых в сфере ИКТ. Доля специалистов в этой сфере несколько выше среднего значения по ЕС только в Словении.

Рисунок 3. Доля тех, кто пользуется интернетом хотя бы раз в неделю, 2015–2017 гг.

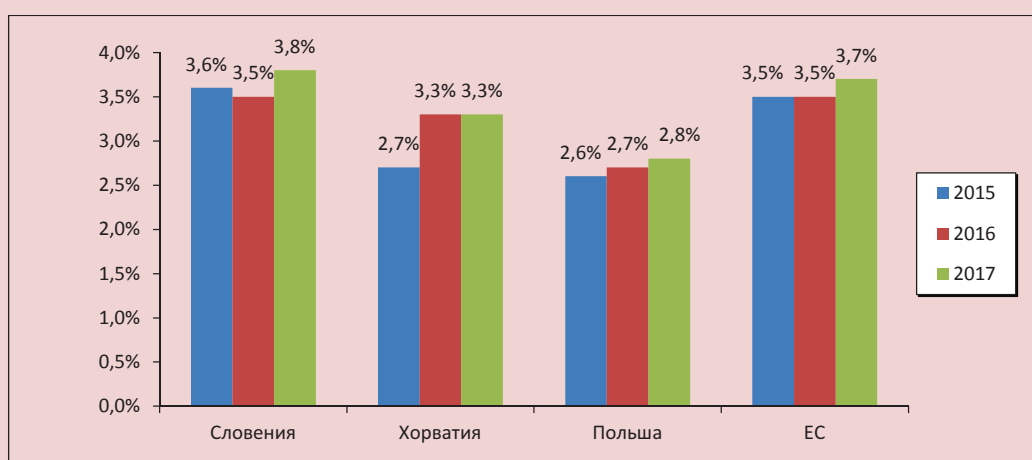
Источник: расчеты автора на основе [25].

Рисунок 4. Базовые цифровые навыки, 2015 и 2016 гг.

Источник: расчеты автора на основе [26, 27].

Рисунок 5. Доля специалистов, занятых в сфере ИКТ (в % от общей численности населения), 2015–2017 гг.

Источник: расчеты автора на основе [28].

Кроме того, следует упомянуть о выпускниках блока STEM⁴ в каждой из стран. В 2014 г. в Словении было 19 выпускников на 1000 человек в возрасте 20–29 лет. В Польше было столько же, а в Хорватии – всего на два человека меньше. Таким образом, все три страны находятся в пределах среднего показателя по ЕС, который также составляет 19 выпускников на 1000 человек.

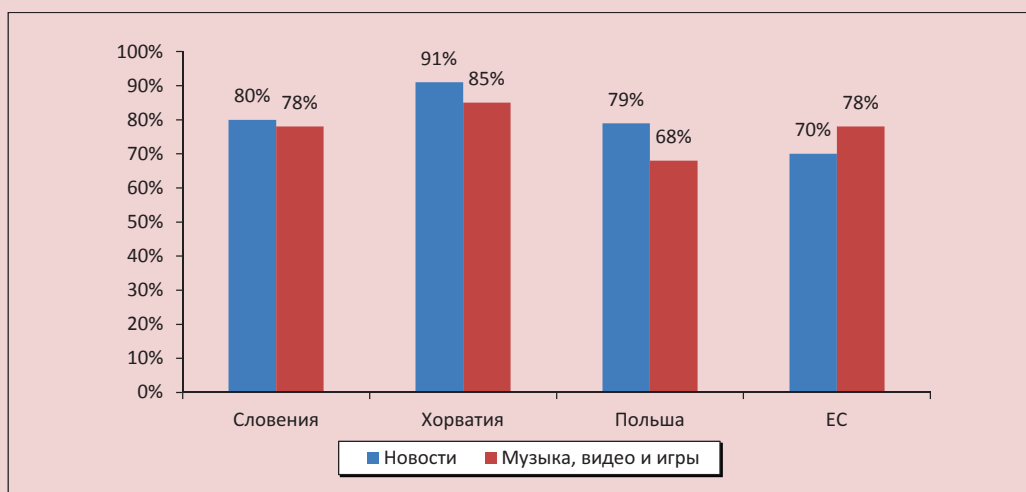
Прежде чем рассказать о следующем аспекте – использовании сети Интернет – следует упомянуть, что в 2017 г. около 79% европейцев регулярно выходили в интернет (что означает, по крайней мере, один раз в неделю). Это на 3 п.п. больше по сравнению с показателем предыдущего года [26]. Однако 44% европейцев до сих пор не имеют базовых цифровых навыков.

Использование интернета охватывает разные виды онлайн-деятельности, варьирующиеся от потребления онлайн-контента (видео, музыки, игр и т. д.) до современной коммуникационной деятельности, онлайн-покупок и электронных банковских операций. На рисунках 6, 7 и 8 показаны некоторые данные по этим вопросам по трем рассматриваемым странам.

Согласно данным об использовании сети Интернет, Словения и Польша отстают от среднего показателя по ЕС, а Хорватия немного опережает его в плане использования интернет-коммуникаций. Однако все три страны опережают ЕС по показателям использования интернет-контента. Хорваты являются более активными пользователями интернета, особенно они любят читать новости, слушать музыку, играть в игры или смотреть видео и фильмы онлайн. Однако они пользуются электронными банковскими услугами и электронной коммерцией в меньшей степени, чем поляки. В Словении число пользователей интернета, занимающихся онлайн-операциями, остается низким, особенно это касается использования электронных банковских услуг. В целом Хорватия является лидером среди исследуемых стран по показателю «использование сети Интернет».

Если рассмотреть аспект предложения на рынке, можно увидеть, что предприятия также внедряют различные ИКТ для повышения производительности и оптимизации структуры расходов. Среди наиболее значимых можно выделить обмен электронной информацией, RFID⁵, выставление электронных счетов, социальные

Рисунок 6. Использование интернет-контента: новости, музыка, видео и игры (% пользователей интернета за последние 3 месяца), 2017 г.

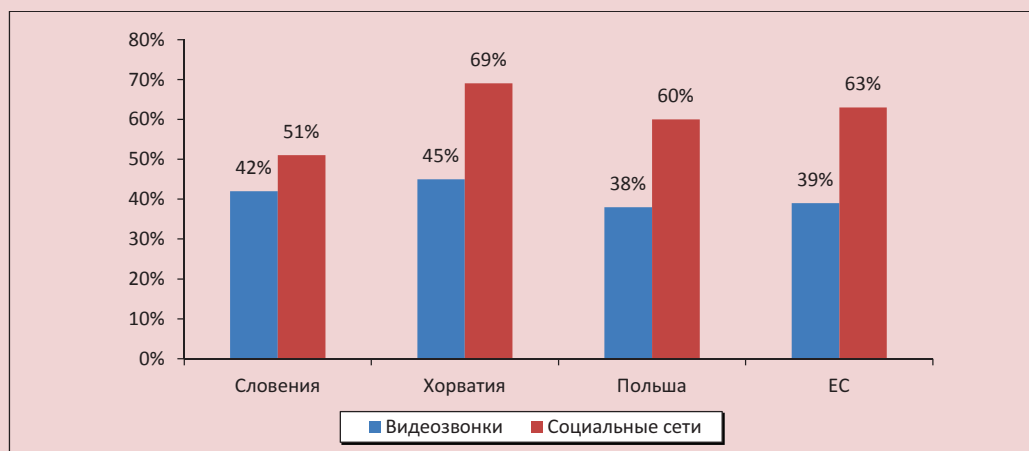

Источник: расчеты автора на основе [26].

⁴ Science, Technology, Engineering, and Mathematics – наука, технология, инженерия и математика.

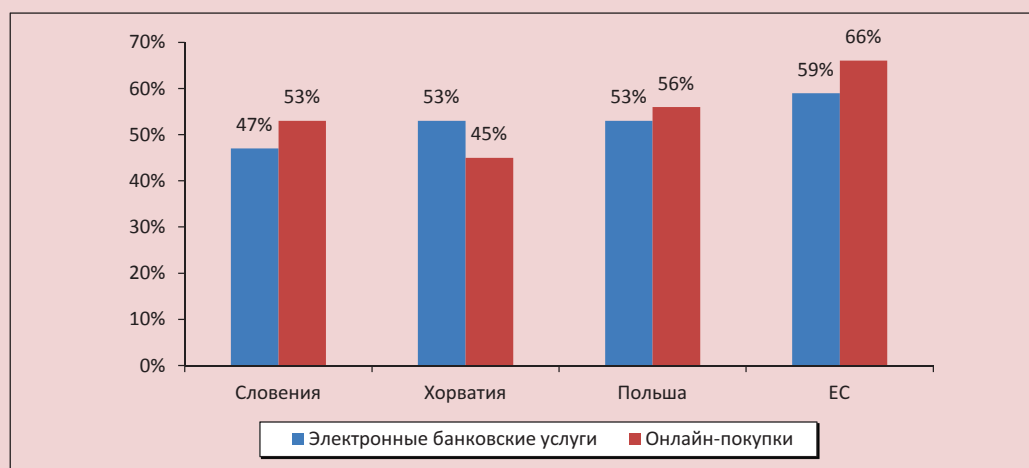
⁵ RFID – радиочастотная идентификация (Radio-Frequency IDentification).

Рисунок 7. Использование интернет-коммуникаций: видеозвонки и социальные сети (% лиц, пользовавшихся интернетом за последние 3 месяца), 2017 г.

Источник: расчеты автора на основе [26].

Рисунок 8. Использование интернета для транзакций – электронные банковские услуги (% физических лиц, которые пользовались интернетом за последние 3 месяца) и электронные покупки (% интернет-пользователей), 2017 г.

Источник: расчеты автора на основе [26].

сети и облачные решения. Данные об использовании этих технологий в Словении, Хорватии и Польше в 2017 г. на фоне средних показателей по ЕС приведены на *рисунке 9*.

Одним из основных направлений цифрового развития является внедрение онлайн-продаж, особенно для малых и средних предприятий. На *рисунке 10* показан оборот электронной торговли малых и средних предприятий по сравнению с крупными предприятиями.

Совершенно очевидно, что словенские компании значительно активизировали свои усилия в плане дигитизации, прежде всего в отношении работы с электронными счетами, а также в отношении числа предприятий, занимающихся трансграничной онлайн-торговлей. Тем временем Хорватия также добилась прогресса, но он идет там гораздо медленнее. Доля компаний-пользователей облачных сервисов в этой стране выше среднего показателя по ЕС,

Рисунок 9. Дигитизация бизнеса и интеграция цифровых технологий [26]

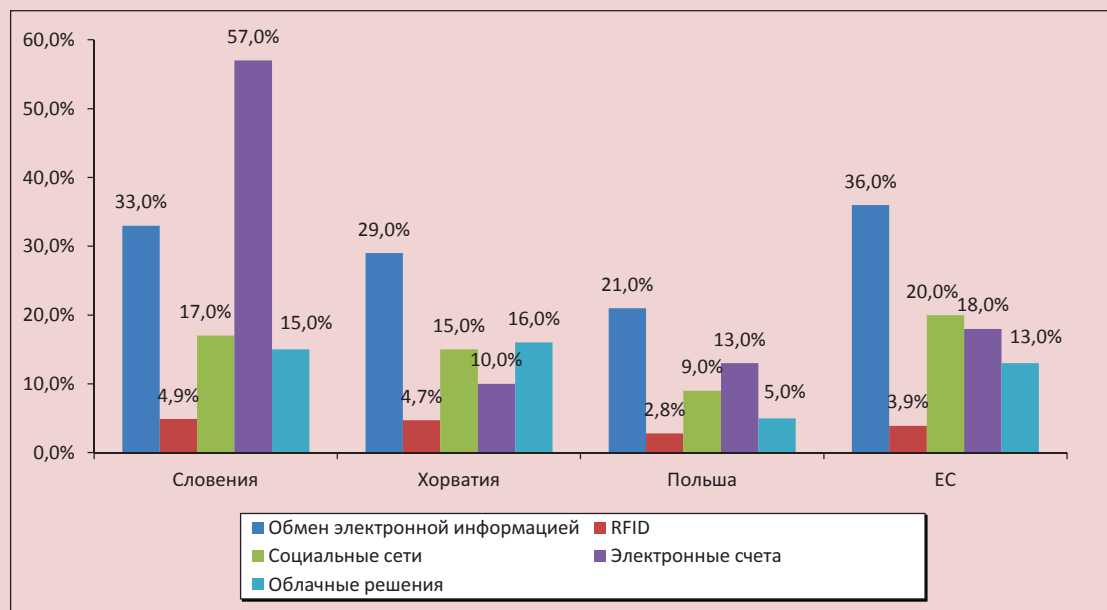
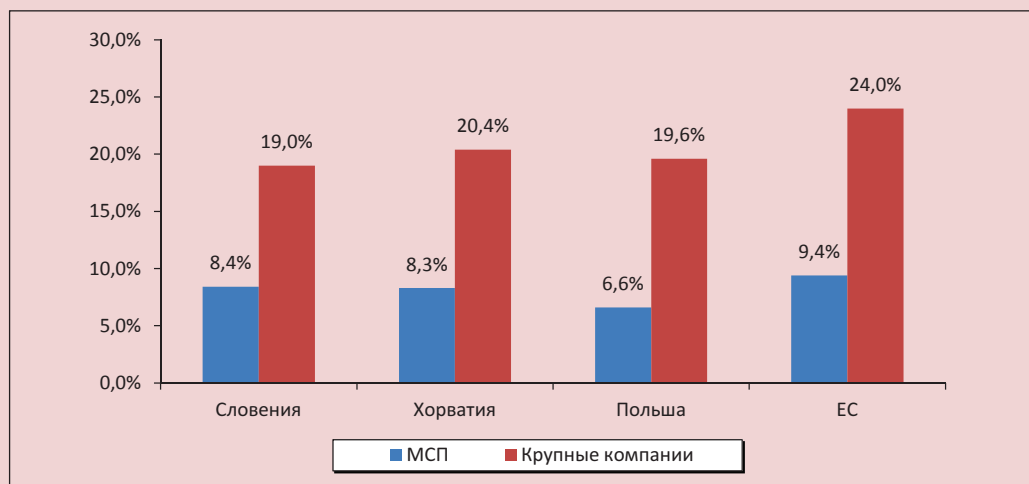

Рисунок 10. Оборот электронной торговли малых и средних предприятий (в 2016 г.) по сравнению с крупными предприятиями (в 2015 г.)

* Данные по Словении за 2015 г.

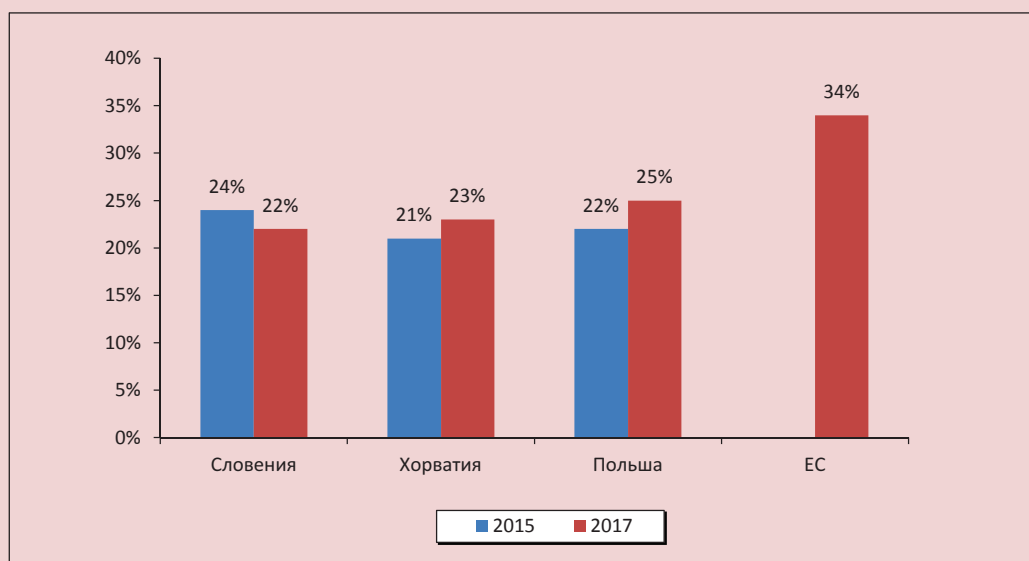
Источник: расчеты автора на основе [26].

объем онлайн-продаж возрастает. К сожалению, польские компании отстают как в плане используемых и внедренных технологий, так и в плане онлайн-торговли.

Данные об электронном правительстве и цифровых государственных услугах для трех исследуемых стран представлены на рисунках 11 и 12.

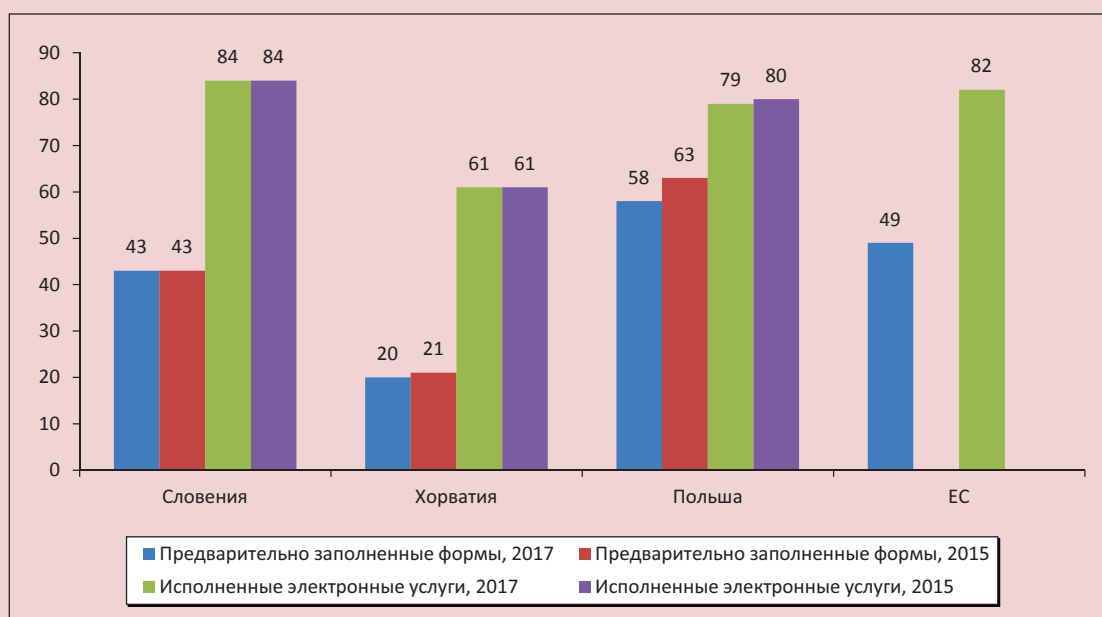
На основе этих данных можно сделать вывод об относительно низком уровне использования услуг электронного правительства в Словении по сравнению со средним показателем по ЕС. Кроме того, доля исполненных электронных государственных услуг не изменилась с 2015 г. Показатели Хорватии в области открытых данных остаются на уровне

Рисунок 11. Пользователи услуг электронного правительства

Источник: расчеты автора на основе [26].

Рисунок 12. Совершенствование электронного правительства в отношении цифровых государственных услуг [26]

среднего значения по ЕС. С одной стороны, число пользователей электронного правительства растет, а с другой стороны, практически отсутствует прогресс в предоставлении таких услуг. Аналогичная ситуация наблюдается и в Польше. В то время как общее число людей,

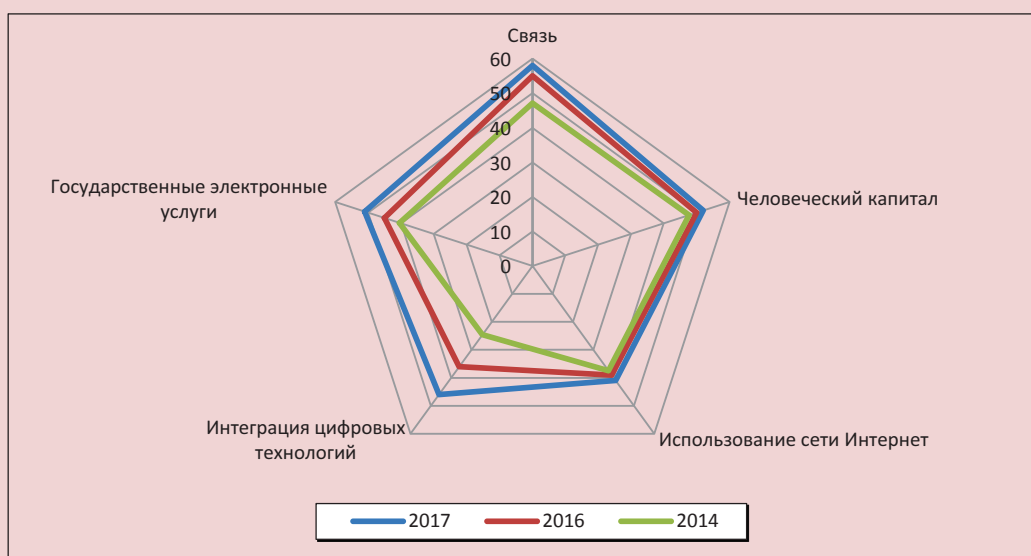
пользующихся услугами электронного правительства, увеличилось, а рейтинг Польши в области предоставления электронных государственных услуг приблизился к среднему показателю по ЕС, – общие показатели за период 2015–2017 гг. оставались на прежнем уровне.

Сопоставление состояния развития информационного общества в Словении, Польше и Хорватии

Представив ряд различных данных в области развития информационного общества и следуя общему подходу DESI, можно отметить, что в рассматриваемых странах имеются неко-

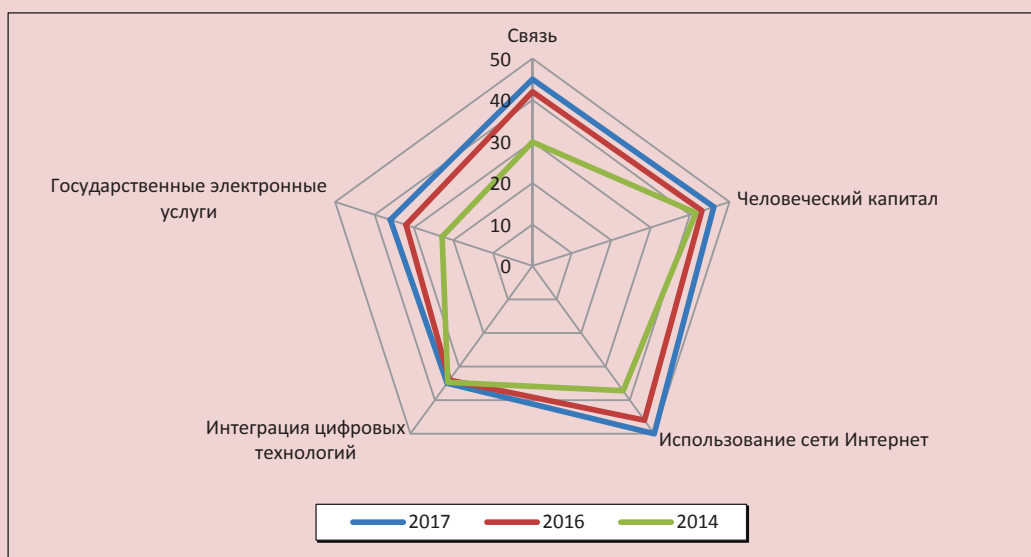
торые отстающие сферы, развитию которых необходимо уделить дополнительное внимание, для того чтобы достичь, по крайней мере, среднего показателя по ЕС (не говоря уже о том, чтобы догнать самые передовые цифровые экономики, такие как Дания, Финляндия, Швеция и Нидерланды). В то же время ни одна из трех

Рисунок 13. Показатели Словении по параметрам индекса DESI в 2017, 2016 и 2014 гг.

Источник: расчеты автора.

Рисунок 14. Показатели Хорватии по параметрам индекса DESI в 2017, 2016 и 2014 гг.

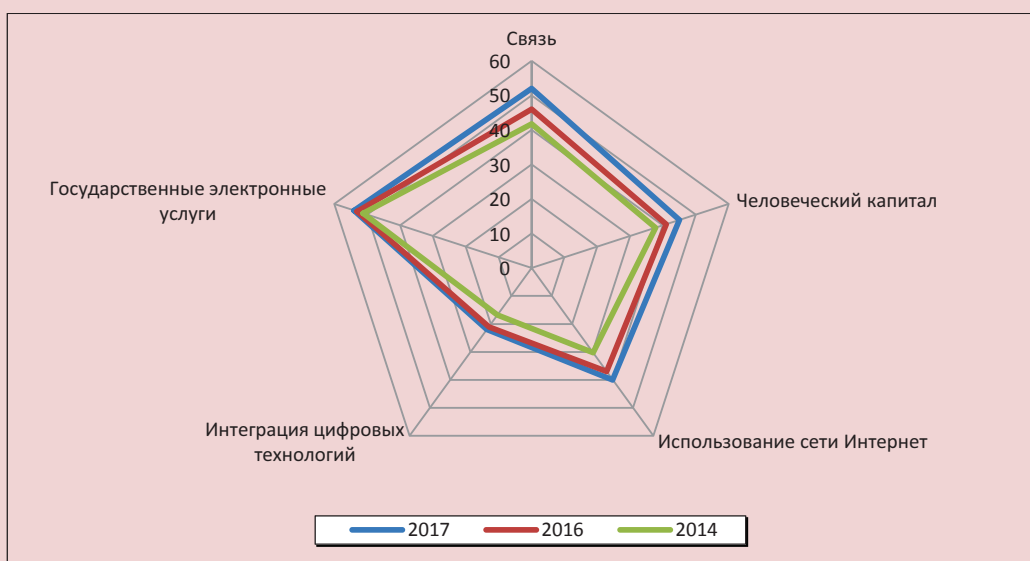
Источник: расчеты автора.

исследуемых стран не занимает самое низкое положение в Европе, и все они находятся немного впереди Румынии, Болгарии, Греции или даже Италии.

Кроме того, согласно индексу DESI, в 2017 году Словения⁶ достигла наибольшего прогресса в плане создания цифрового общества.

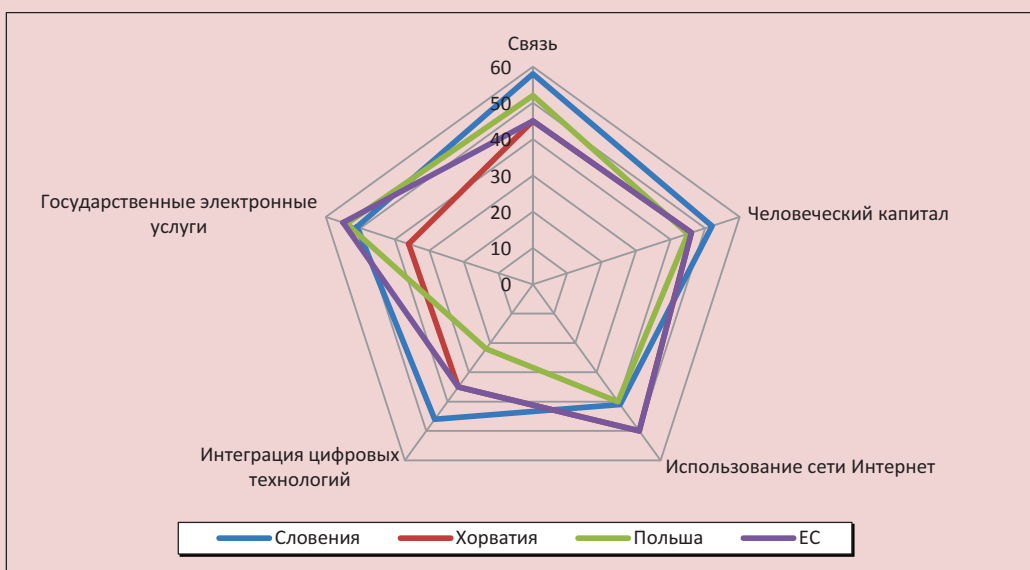
Учитывая эти факты, целесообразно сопоставить общее состояние развития информационного общества в Словении, Хорватии и Польше. На *рисунках 13* (для Словении), *14* (для Хорватии) и *15* (для Польши) приведены общие показатели для пяти параметров развития информационного общества в 2017, 2016 и 2014 гг.

Рисунок 15. Показатели Польши по параметрам индекса DESI в 2017, 2016 и 2014 гг.

Источник: расчеты автора.

Рисунок 16. Показатели Словении, Хорватии и Польши по параметрам индекса DESI в 2017 г. по сравнению друг с другом и со средним показателем по ЕС

Источник: расчеты автора.

На рисунке 16 представлены значения показателей Словении, Хорватии и Польши по параметрам индекса DESI в 2017 г. по сравнению друг с другом и со средним показателем по ЕС.

Выводы

Согласно проведенному исследованию, значения анализируемых показателей, характеризующих уровень развития информационного общества в Словении, Хорватии, и Польше, в целом близки к среднему по ЕС. В 2017 г. несколько лучшие показатели, чем в среднем по ЕС, были достигнуты:

- Словенией по индикаторам «связь», «человеческий капитал» и «интеграция цифровых технологий»;
- Польшей по индикатору «связь».

Кроме того, Польша и Словения почти достигли среднего показателя ЕС по индикатору «цифровые государственные услуги». Хотя по всем исследуемым параметрам показатели Хорватии не выше средних по ЕС, она достигла таких же значений, как в среднем по ЕС, по четырем параметрам: «связь», «человеческий капитал», «использование сети Интернет» и «интеграция цифровых технологий».

Более слабые результаты по сравнению со средними значениями по ЕС показали:

- Словения по индикатору «использование сети Интернет»;
- Хорватия по индикатору «цифровые государственные услуги»;
- Польша по индикатору «интеграция цифровых технологий».

В целом, несмотря на положительную оценку уровня развития информационного общества в исследуемых странах, необходимо искать пути для ускорения этого процесса. Ключевую роль в этом может сыграть развитие базовых цифровых навыков населения, повышение спроса на услуги электронного правительства, а также увеличение инвестиций в телекоммуникации.

Последний из перечисленных аспектов особенно важен для развития информационного общества в Словении, Хорватии, Польше. В то же время в этих странах целесообразно увеличить объем инвестиций в телекоммуникации, особенно в целях развития современных широкополосных сетей, являющихся основой развития информационного общества. Инвестиции в развитие инфраструктуры широкополосных сетей должны быть связаны с влиянием государственных органов:

- на поддержку государственными фондами малых и средних предприятий, заинтересованных в использовании современных широкополосных сетей и инновационных информационно-коммуникационных услуг;
- развитие электронного администрирования, которое дополнительно стимулирует компании и домохозяйства к использованию широкополосных сетей и инновационных информационно-коммуникационных услуг.

Литература

1. Drucker P.F. *Post-Capitalistic Society*. Oxford: Butterworth-Heinemann, 1993.
2. Toffler A. *Trzecia fala*. Warszawa: PIW, 1997.
3. Olędzki J. *Komunikowanie w świecie*. Warszawa: Aspra-jr, 2001.
4. Wright R. *Nonzero. Logika ludzkiego przeznaczenia*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2005.
5. McLuhan M. *Wybór tekstów*. Poznań: Zysk i S-ka, 2001.
6. Green J.O. *Nowa era komunikacji*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 1999.
7. Koyama K. *Introduction to Information Theory*. Tokyo, 1968.
8. Kiełtyka L. *Komunikacja w zarządzaniu. Techniki, narzędzia i formy przekazu informacji*. Warszawa: Placet, 2002.
9. Postman N. *Zabawić się na śmierć*. Warszawa: Muza S.A, 2002.
10. Kerckhove de D. *Inteligencja otwarta*. Warszawa: Mikom, 2001.
11. Kluszczyński R.W. *Spoleczeństwo informacyjne. Cyberkultura. Sztuka multimediuów*. Kraków: Rabid, 2001.
12. Olędzki J. *Komunikowanie w świecie*. Warszawa: Aspra-jr, 2001.
13. Goban-Klas T., Sienkiewicz P. *Spoleczeństwo informacyjne: szanse, zagrożenia, wyzwania*. Wydawnictwo Fundacji Postępu Telekomunikacji. Kraków, 1999.

14. *Spoleczeństwo informacyjne w Polsce. Wstęp do formułowania założeń polityki państwa*. Krajowa Rada Radiofonii i Telewizji, Warszawa, July 1996.
15. Kaku M. *Wizje czyli jak nauka zmieni Świat w XXI wieku*. Warszawa: Prószyński i S-ka, 2000.
16. Goliński M. Spoleczeństwo informacyjne – problemy definicyjne i problemy pomiaru. In: Conference proceedings „Polskie doświadczenia w kształtowaniu społeczeństwa informacyjnego. Dylematy cywilizacyjno – kulturowe”, Kraków, 2001.
17. Rogaliński P. *Spoleczeństwo informacyjne a dziennikarstwo obywatelskie*. Available at: <https://przepladdziennikarski.pl/spoleczenstwo-informacyjne-a-dziennikarstwo-obywatelskie-wywiad/> (accessed 09.04.2018).
18. European Commission, Digital Single Market. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (accessed 12.04.2018).
19. International Monetary Fund, World Economic Outlook Database, October 2017. Available at: <http://www.imf.org> (accessed 12.04.2018).
20. List of countries by area. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_and_dependencies_by_area (accessed 12.04.2018).
21. World Population Prospects. The 2017 Revision. United Nations. New York, 2017. Available at: https://esa.un.org/unpd/wpp/Publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf (accessed 12.04.2018).
22. Broadband Coverage in Europe 2013. Final Report. A study prepared for the European Commission, DG Communications Networks, Content and Technology by: IHS Markit and VVA Consulting. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/study-broadband-coverage-europe-2016> (accessed 29.03.2018).
23. Broadband Coverage in Europe 2016. Final Report. A study prepared for the European Commission, DG Communications Networks, Content and Technology by IHS Markit. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/study-broadband-coverage-europe-2016> (accessed 29.06.2018).
24. Broadband Coverage in Europe 2016. IHS Markit Study. Available at: https://ec.europa.eu/newsroom/document.cfm?doc_id=47090 (accessed 26.06.2018).
25. Eurostat Database, Individuals – internet use. Available at: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>, (accessed 28.06.2018).
26. Digital Economy and Society Index (DESI) 2017. Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/news/digital-economy-and-society-index-desi-2017> (accessed 26.06.2018).
27. Eurostat Database. Individuals’ level of digital skills. <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (accessed 20.08.2018).
28. Eurostat Database. Employed ICT specialists. Available at: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (accessed 20.06.2018).

Сведения об авторе

Мачей Чаплеwski – Ph.D., ассистент кафедры (адъюнкт), Щецинский университет (71-034, Польша, г. Щецин, ул. Tarnobrzaska, д. 44; e-mail: maciej.czaplewski@wzieu.pl, mcmac22002@gmail.com)

Czaplewski M.

State of Development of the Information Society in Slovenia, Croatia and Poland in Comparison with the EU Average

Abstract. The article touches on the area of increasing significance which is information society development. The main aim of the article is to present the development of information society Slovenia, Croatia and Poland on the background of the EU average. The analysis will cover selected indicators characterizing important areas of the digital society: broadband network coverage, digital competences of the society, share of people and households using the Internet and their main information and communication services as well as involvement of enterprises in Internet activities and their use of innovative information and communication services. Main used methods are deduction, induction and comparative

analysis of different reports concerning digital society development in Slovenia, Croatia and Poland. In writing this article, the author uses also a critical review of the literature, to present current knowledge about the nature of and reasons for digital society development, synthesis, allowing for a comprehensive evaluation of the Slovenian, Croatian, Polish and EU digital society state and an indication of the primary current dilemmas. While writing the article the author benefits from the domestic and foreign literature, studies carried out by institutes in European research programs commissioned by the EU as well as from the legal acts and documents of the EU.

Key words: information society, Internet, ICT, Slovenia, Croatia, Poland.

Information about the Author

Maciej Czaplewski – Ph.D., Assistant Professor (Adjunct), University of Szczecin (44, Tarnobrzaska street, Szczecin, 71-034, Poland; e-mail: maciej.czaplewski@wzieu.pl, mcmac22002@gmail.com)

Статья поступила 02.07.2018.

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.13

УДК 316.4, ББК 60.524

© Уханова Ю.В.

Экспертный образ гражданского общества в России

**Юлия Викторовна
УХАНОВА**

Вологодский научный центр РАН
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ukhanova4@rambler.ru

Аннотация. Гражданское общество играет все более важную роль в вопросах социально-экономического развития по всему миру. В настоящей статье предпринята попытка выявить условия функционирования гражданского общества в России и прогнозировать его развитие в ближайшее будущее. Эмпирической базой исследования послужили результаты экспертного опроса, организованного ВолНЦ РАН в феврале–марте 2018 г. Методически работа построена на двух принципах: во-первых, в основе процесса прогнозирования лежит процедура экспертного оценивания текущих условий, вероятности и предпочтительности возможных изменений состояния гражданского общества. Во-вторых, анализ проводится в результате интеграции оценок экспертов, представляющих различные общественно-политические сферы (органы власти, бизнес, третий сектор, наука, СМИ). В ходе выполнения исследования в целом выявлена высокая степень дифференциации мнений экспертов по поводу всех затрагиваемых аспектов функционирования гражданского общества, что, с одной стороны, может объясняться разницей в идеологических взглядах экспертного сообщества, с другой – свидетельствует о крайне неопределенных и противоречивых текущем состоянии исследуемой сферы и ее перспективах. На основе экспертного метода сформирован образ гражданского общества в России с учетом социального контекста его функционирования и перспектив развития в ближайшие пять лет. Получен вывод о том, что текущая и вероятная ситуации, а также условия для достижения предпочтительной ситуации в гражданской сфере во многом определяются высоким уровнем влияния государства. Вместе с тем предпочтительные изменения состояния гражданского общества в стране эксперты связывают с ростом конструктивной самоорганизации населения. Следовательно, представления экспертов о вероятных и желательных направлениях развития гражданского общества не совпадают. Обосновано, что перспективным для России является партнерский путь развития

Для цитирования: Уханова Ю.В. Экспертный образ гражданского общества в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 202–216. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.13

For citation: Ukhanova Yu.V. The expert image of the Russian civil society. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 202–216. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.13

гражданского общества, который характеризуется высоким уровнем гражданского участия и существенной поддержкой со стороны государства. Полученные результаты могут представлять интерес для специалистов, ведущих научные исследования по проблеме гражданского общества, и представителей органов государственного управления и общественности.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданское участие, социальное прогнозирование, экспертные оценки.

Введение

В современном мировом сообществе происходит демократизация всех областей общественной жизни: политической, экономической и социальной. Одной из важных форм управления становится развитие институтов гражданского общества, вовлечение населения в решение проблем местного, регионального и федерального уровней [1, с. 7]. В последнее время в российском общественном и научном дискурсах все больше внимания уделяется возрастающему значению гражданского общества в стране. Между тем для того, чтобы оно превратилось в заметный фактор развития, необходимо четкое понимание его целей и перспектив.

Прогнозирование перспектив развития, в том числе и гражданского общества, актуализируется в России в связи с выборами главы государства и, соответственно, новым политическим сезоном, с которым, возможно, начнутся фундаментальные изменения, затрагивающие большинство сфер жизни общества. Новый цикл всегда означает неопределенность, что, безусловно, повышает интерес к прогнозу. По определению, данному Э. Янчем, прогноз («forecast») – вероятностное утверждение о будущем с относительно высокой степенью достоверности [2, с. 19]. Интерес к социальному прогнозированию проявляется не только в любопытстве к будущему, но и в стремлении повлиять на него в желательном направлении [3]. Следовательно, значимость оценки перспектив развития гражданского общества состоит не столько в том, что она позволяет предвидеть, а сколько в том, что полученные результаты дают возможность разработать целенаправленные, научно обоснованные действия.

В тех случаях, когда объект настолько сложен и непредсказуем, что аналитически учесть влияние многих факторов практически нельзя, обоснованной является методика, ориентированная на социологический инструментарий – анкетирование (опрос, интервьюирование)

населения и экспертов. Особенно большую роль играет метод экспертных оценок (опросы населения в практике прогнозирования применяются редко): полученные индивидуальные и коллективные экспертные оценки используют как конечные прогнозы или в качестве исходных данных в комплексных системах прогнозирования [4, с. 20].

Оценка и прогнозирование перспектив развития общественной сферы на основе использования опыта и интуиции специалистов привлекает пристальное внимание западных исследователей. Получивший широкую известность в середине 1960-х гг. метод экспертных оценок был описан О. Хелмером и его коллегами, которые предприняли попытку при проведении экспертного опроса избежать вмешательства психологических факторов посредством анонимности и вместе с тем группового характера ответа [5; 6]. Значителен также вклад зарубежных ученых в изучение субъективности экспертных оценок и субъективной вероятности прогноза [7; 8; 9]. Социологические исследования, основанные на методе экспертных оценок, получают развитие и в современный период. В частности, Фрэнсис Ли и Стив Пай в 2017 г. осуществили проект по выявлению социально-политических и технологических перспектив достижения целевых показателей Великобритании в 2050 г. на основе полуструктурированных интервью с экспертами из правительства, промышленности, научных кругов и гражданского общества [10].

В России большой вклад в исследование проблемы социального прогнозирования на базе экспертных оценок внесли сотрудники Института социологии (сектор социального прогнозирования) и исследовательской группы ЦИРКОН, которыми в 1991–1995 гг. был реализован крупный научный проект «Россия: перспективы процесса трансформации» [11]. В итоге перспективность рассматриваемого ме-

тогда подтвердилась — в начале 1993 г. наиболее вероятными событиями экспертами были названы смена правительства, проведение внеочередных выборов и принятие новой конституции.

В дальнейшем данный метод использовался в рамках экспертного сценарно-прогностического мониторинга «Россия 2020. Стратегия перехода», выполненного под руководством М.К. Горшкова. В результате проведенного исследования ученые пришли к выводу об эффективности подобной методики для определения типовых представлений интеллектуального общества о будущем страны. В целом авторы отметили, что «вероятное будущее российского общества в тумане» [12, с. 345–346].

Не осталась без внимания российских ученых и проблема экспертного прогнозирования пространства гражданского общества. В 2009 г. исследовательской группой ЦИРКОН был реализован экспертно-аналитический проект «Краткосрочное сценарное прогнозирование развития гражданского общества в России». Основными результатами исследования стало определение ведущих тенденций в общественной сфере: ослабление финансирования организаций гражданского общества со стороны государства и бизнеса, усиление государственного контроля над гражданскими организациями, рост неформальной социальной активности граждан, что во многом и наблюдается в последнее время [13].

Как резюмировали исследователи, прогнозирование развития гражданского общества затруднено рядом методологических сложностей. Во-первых, важно учитывать, что работа гражданского сектора во многом зависит от протекающих макропроцессов. В частности, международные социологические исследования показывают зависимость гражданской активности от проводимой государственной политики, уровня демократического и экономического развития, эффективности правительственных структур, уровня коррупции, уровня расходов на социальные услуги, ценностных ориентаций в обществе и т.д. [14]. Вместе с тем, как нам представляется, обоснованных гипотез о характере влияния этих условий на развитие гражданского общества в настоящее время крайне мало.

Во-вторых, проблемы в прогнозировании создаются различиями в понимании самого существования гражданского общества [13, с. 145]. В связи с вышесказанным для научного анализа перспектив развития гражданского общества обоснованной, на наш взгляд, является методика, ориентированная на использование экспертных знаний.

Предмет настоящего исследования — состояние и перспективы развития гражданского общества в экспертных оценках. Мы придерживаемся определения, предложенного Всемирным альянсом в рамках исследовательского проекта по комплексной оценке состояния гражданского общества «Индекс гражданского общества — CIVICUS» (the Civil Society Index, CSI), согласно которому под «гражданским обществом» понимается арена за пределами семьи, государства и рынка, создаваемая индивидуальными и коллективными действиями, а также организациями и учреждениями для продвижения общих интересов [15, с. 7].

Целью работы является составление экспертного образа гражданского общества с учетом текущих условий, вероятных и предпочтительных изменений в среднесрочный период (5 лет).

Достижение цели предполагает последовательное решение ряда задач:

1. Рассмотреть социальный контекст функционирования гражданского общества в стране, в том числе вызовы для развития этой сферы, определить значимых активных субъектов гражданского общества.
2. Выявить вероятную ситуацию развития гражданского общества, в том числе наиболее вероятные действия ключевых субъектов.
3. Определить предпочтительную ситуацию развития гражданского общества и необходимые условия для ее достижения.

Методология и методика исследования

В настоящей работе используется инструментальный экспертный сценарно-прогностический мониторинг «Россия 2020. Стратегия перехода», выполненного Институтом социологии РАН совместно с исследовательской группой ЦИРКОН в июле — октябре 2015 года. За основу берется набор суждений, разработанный в рамках указанного проекта, о текущем состоянии различных сторон российского общества,

а также его вероятном и желательном развитии (120 высказываний), которые были преобразованы в форму анкетных вопросов. При анализе гражданского общества были отобраны 57 суждений, затрагивающих общественную сферу.

Таким образом, методически работа опирается на два ключевых принципа. Во-первых, в основе процесса прогнозирования лежит процедура экспертного оценивания текущих условий, вероятности и предпочтительности возможных изменений состояния гражданского общества. Во-вторых, анализ проводится в результате интеграции оценок экспертов, представляющих различные сферы.

По Вологодской области к экспертному опросу было привлечено 30 человек из 5 выделенных областей (по 5–7 экспертов): 1) власть: государственные и муниципальные служащие; 2) бизнес: представители бизнес-структур; 3) «третий сектор»: представители общественных объединений, НКО; 4) СМИ: руководители теле- и радиовещательных компаний, главные редакторы печатных СМИ, журналисты; 5) наука: учёные. Можно утверждать, что в исследовании приняли участие эксперты из различных сегментов российского общества, что позволяет охарактеризовать полученные результаты как представительные.

Высокий социальный статус экспертов в регионе для участия в анкетировании являлся обязательным, поскольку во многом этот фактор повышает уровень общественного доверия к результатам экспертного прогнозирования. В итоге к опросу были привлечены эксперты, занимающие руководящие позиции в организациях. Возможность участия в опросе и сроки заполнения анкет предварительно оговаривались с экспертами. Сбор анкет осуществлялся в период с февраля по март 2018 года. Коммуникация с экспертами происходила, как правило, заочно, с помощью пересылки анкет и получения их в заполненном виде по электронной почте. Ряд экспертов (5 человек) заполняли анкеты в печатном виде.

Результаты по каждому вопросу представлены экспертными оценками, распределенными по шкале от 1 до 10 баллов, на их основе рассчитывается средний балл. В исследовании используется условная шкала, согласно которой средний балл от 0–3 – низкий уровень, 4–6 –

средний, 7–10 – высокий уровень. Для построения модели экспертного образа гражданского общества отобраны суждения по каждому блоку со средним значением от 6,5 до 10 баллов (высокий уровень).

С целью выявления согласованности мнений экспертов по сгруппированным блокам вопросов рассчитан коэффициент конкордации Кендалла (коэффициент множественной ранговой корреляции). Коэффициент конкордации может принимать значения от 0 до 1, причём 0 означает полную несогласованность мнений, а 1 – их полную согласованность.

Результаты исследования

Условия функционирования гражданского общества: социальный контекст, внутренние вызовы, субъекты

При изучении гражданского общества первоочередным является вопрос о том, в каких условиях оно функционирует. Согласно экспертным оценкам социальный контекст развития гражданского общества характеризуется высоким уровнем патриотизма и готовности к защите Родины и ее интересов (средний балл – 6,6; *рис. 1*). Патриотизм в данном случае рассматривается как форма общественного сознания и способ политического поведения [16, с. 598]. Подчеркнем, что экспертные оценки согласуются с данными социологических опросов населения. В частности, по результатам исследования фонда «Общественное мнение» в России наблюдается рост патриотических настроений: доля респондентов, считающих себя патриотами, за 11 лет (с 2006 по 2017 г.) возросла на 21 п.п. (с 57 до 78%)¹.

Остальные суждения получили средние оценки: уровень межличностного и институционального доверия, уровень толерантности, социальной активности граждан, религиозности и межнациональной напряженности (среднее значение – от 4 до 5 баллов), при этом в наименьшей степени экспертами оценен уровень доверия демократическим ценностям и институтам (4,1 балла). Таким образом,

¹ Опрос населения РФ от 18 лет и старше проводился 5 марта 2017 г. в 53 субъектах РФ, 104 населенных пунктах; 1500 респондентов. Интервью по месту жительства. Статпогрешность не превышает 3,6% // Патриотизм: динамика мнений / ФОМ. URL: <http://fom.ru/TSennosti/13261#> (дата обращения: 03.06.2018).

полученные данные позволяют заключить, что эксперты более критично оценивают эффективность модели российской демократии и демократических институтов, которые призваны способствовать развитию гражданского общества. Общероссийские и региональные социологические исследования также выявляют противоречивую тенденцию — именно те институты, которые по своему предназначению должны представлять интересы людей (политические партии, судебная система, СМИ, общественные организации и т.п.), пользуются меньшей поддержкой, чем властные органы, включая силовые [12, с. 178; 17].

По интегрированным оценкам экспертов не выделены крайне актуальные и совсем неактуальные внутренние вызовы, представляющие потенциальную угрозу для развития гражданского общества. Все суждения получили среднюю оценку (от 5 до 6 баллов; *рис. 2*). В то же

время среди обозначенных высказываний как наименее актуальный отмечен кризис идентичности (5,2 балла). Это положительный момент, т.к. во многом именно составляющие идентичности (в частности, усвоение человеком ценностей конструктивного участия в социальных взаимодействиях) определяют жизнеспособность гражданского общества. Вместе с тем отчуждение населения от власти, отсутствие между ними диалога является серьезной проблемой для российского общества. По данным Европейского социологического исследования (ESS), в 2016 г. 74% россиян ответили, что не могут участвовать в политической жизни страны (в среднем по 16 странам — 64%)².

По мнению экспертов, наиболее активными субъектами гражданской сферы, которые смогут оказать влияние на будущее развитие российского общества, следует считать государственные СМИ (7,7 балла; *рис. 3*). Низкие

Рисунок 1. Социальный контекст функционирования гражданского общества*

Здесь и далее используются условные обозначения:

	Высокий уровень (6,5–10 баллов)
	Средний уровень (4–6 баллов)
	Низкий уровень (0–3 балла)

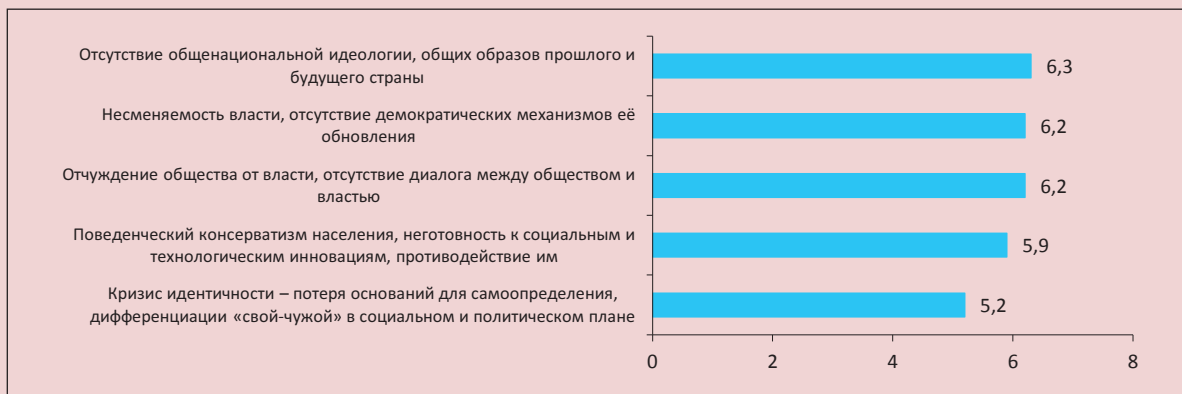
* Оценка уровня каждого показателя по 10-балльной шкале, где «1» — крайне низкий уровень, «10» — чрезвычайно высокий уровень. Ранжировано в порядке убывания среднего балла.

² The ESS // European Social Survey. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 04.06.2018).

оценки получили такие субъекты, как оппозиционные парламентские и непарламентские партии, иностранные фонды и НКО, признанные иностранными агентами. Таким образом, наиболее влиятельными субъектами об-

щественного сектора экспертами определены именно государственные СМИ (а, например, не общественные организации), частные и неправительственные СМИ находятся на втором месте.

Рисунок 2. Внутренние вызовы для развития гражданского общества*

* Оценка степени остроты каждой проблемы по 10-балльной шкале, где «1» – совсем неактуально, «10» – крайне актуально, «очень горячо». Ранжировано в порядке убывания среднего балла.

Рисунок 3. Влияние субъектов гражданской сферы на развитие российского общества в ближайшую пятилетку*

* Оценка степени влияния каждого субъекта (актора) по 10-балльной шкале, где «1» – какое-либо влияние отсутствует, «10» – очень сильное влияние. Ранжировано в порядке убывания среднего балла.

Согласно итоговым данным акторы институциональной части гражданского общества (НКО и общественные объединения) получили оценки ниже, чем субъекты неформальных обществ (локальных сообществ, инициативных групп и т.д.; средний балл составил 4,2 против 4,9), что свидетельствует о реструктуризации пространства гражданского общества, об усложнении современного ландшафта гражданской сферы.

Эти выводы согласуются с данными официальной статистики: в России наблюдается устойчивая тенденция снижения количества общественных объединений, которые наряду с НКО представляют основное пространство институционального гражданского участия. Так, на конец 2016 года в целом по стране насчитывалось 98 603 зарегистрированных общественных объединения, что составило 98% относительно уровня 2015 года (100 405 ед.) и 95% относительно уровня 2013 года (103 325 ед.) [18].

В последнее время в российском обществе, наряду с традиционными видами социального участия (деятельность общественных организаций), получают распространение «короткие проекты» – кратковременные событий-

ные формы участия, которые обеспечивают возможность повышения эффективности быстрых действий, общественной мобилизации [19]. Вместе с тем Б. Барбер при анализе форм гражданского участия пришел к выводу, что сокращение количества участников ассоциаций в пользу неформального участия является признаком кризиса общественных отношений [20].

Вероятная ситуация развития в сфере гражданского общества: действия субъектов и возможные события и процессы

Среди наиболее вероятных действий субъектов общественно-политических процессов в гражданской сфере в ближайшие 5 лет эксперты отметили ужесточение со стороны государства контроля над деятельностью СМИ и Интернета (6,7 балла; *рис. 4*). Маловероятной, по мнению экспертов, является новая волна демократических реформ, касающихся защиты прав граждан и бизнеса (3,8 балла), а также рост активности иностранных фондов (3,4). В меньшей степени вероятным эксперты считают развитие протестных движений (2,9). В подтверждение подобных мнений отметим, что согласно социологическим измерениям наблюдается спад потенциала протеста.

Рисунок 4. Вероятность действий основных субъектов общественно-политических процессов в ближайшие 5 лет*

* Ранжировано в порядке убывания среднего значения вероятности.

По результатам опросов населения, проведенных ВолНЦ РАН в Вологодской области, в 1997 г. к протестным действиям были готовы 33,4% респондентов, в 2007 г. — 20,7%, в 2017 г. — 17,4% [21, с. 170]. Из полученных данных следует, что и эксперты, и население в целом не оценивают протест как перспективную форму гражданского участия в развитии российского общества.

Наиболее вероятными событиями или процессами в сфере гражданского общества в ближайшие пять лет эксперты назвали смену поколений в среде общественных лидеров, появление новых публичных авторитетов (6,7 балла; *рис. 5*). Остальные суждения получили средние оценки (от 4 до 5,4 балла). К наименее вероятным процессам, по мнению экспертного сообщества, относится рост общественного доверия и склонности к самоорганизации, что составляет основу социального капитала (4,1 балла). Между тем социальный капитал служит важнейшим ресурсом для активизации модернизационных процессов, в том числе в сфере гражданского общества [22]. Как отметил Ф. Фукуяма, политическая активность населения во многом определяется доверием, а доверие, в свою очередь, влияет на активность в сообществах [23].

Предпочтительное развитие гражданского общества, необходимые условия для достижения желательной ситуации

С точки зрения экспертов наиболее предпочтительными процессами в гражданской сфере являются рост социально-политической активности граждан, развитие социального предпринимательства и социальных инноваций, повышение гражданского участия через формы электронной демократии, рост толерантности, общественные дискуссии по проблеме гражданской идентичности (средний балл — от 6,5 до 8; *рис. 6*). Менее желательными общественными процессами по оценкам экспертов выступают развитие социальных сетей в интернет-пространстве, снижение социальной активности молодежи, рост религиозности (средний балл — от 4 до 5,7). Таким образом, можно констатировать, что эксперты связывают успешное развитие общества прежде всего с конструктивной гражданской самоорганизацией, хотя подобные тенденции ими оцениваются как маловероятные.

Исходя из полученных данных, для достижения предпочтительной ситуации в сфере гражданского общества в большей степени необходимы те условия, которые связаны

Рисунок 5. Вероятность осуществления в ближайшие годы (5 лет) изменений в сфере гражданского общества*

* Ранжировано в порядке убывания среднего значения вероятности.

Рисунок 6. Предпочтительные изменения для успешного развития
российского гражданского общества в ближайшие 5 лет*

* Оценка желательности каждого события по 10-балльной шкале, где «1» – совершенно нежелательно, «10» – крайне желательно. Ранжировано в порядке убывания среднего балла.

Рисунок 7. Условия для достижения предпочтительной ситуации
в сфере российского гражданского общества*

* Оценка необходимости каждого фактора, условия по 10-балльной шкале, где «1» – нет никакой необходимости, «10» – совершенно необходимо. Ранжировано в порядке убывания среднего балла.

с деятельностью власти на различных уровнях (средний балл от 6,6 до 8,7%; рис. 7). При этом наименьшую роль в достижении предпочтительной ситуации сможет сыграть Русская Православная Церковь (4,4 балла). Как полагают ряд исследователей, XXI век станет «веком религиозности», и в будущем приоритетность религиозных идей будет только нарастать [24].

По мнению академика Г.В. Осипова, напротив, «наступивший век по прогнозам и выводам футурологии должен стать веком торжества научного мировоззрения» [25, с. 9]. Экспертное сообщество также не прогнозирует рост религиозности российского населения и соответственно не видит необходимости в усилении влияния Русской Православной Церкви.

В целом по оценкам экспертов успешное развитие российского общества определяется, в первую очередь, государством.

При оценке уровня согласованности экспертных оценок выявлено, что наиболее консолидированным выглядит восприятие экспертами роли различных субъектов гражданской сферы (коэффициент конкордации составляет 0,404) и вероятности их действий в ближайшие пять лет (коэффициент конкордации – 0,386), а также условий для достижения предпочтительной ситуации в сфере российского гражданского общества (коэффициент конкордации – 0,387; табл. 1). Другими словами, несмотря на значительную разницу в общественно-политической позиции участвовавших в опросе экспертов, понимание указанных аспектов является во многом схожим. Несколько менее согласованной выглядит оценка предпочтительных изменений для успешного развития гражданского общества в России в ближайшие 5 лет (0,305). Тогда как в большей степени мнения экспертов разделились при оценке вероятной ситуации и внутренних вызовов развитию гражданского общества – по этим суждениям согласованность оценок ниже, чем по другим вопросам (0,133 и 0,039).

В целом следует констатировать высокую степень дифференциации мнений экспертов по поводу всех затрагиваемых аспектов функционирования гражданского общества: ни по какому из вопросов коэффициент конкордации не приближается к единице. С одной

стороны, это может объясняться разницей в идеологических взглядах экспертов. С другой – может свидетельствовать о крайне неопределенных и противоречивых текущем состоянии исследуемой сферы и ее перспективах. Примечательно, что в 2008 г. ученые исследовательской группы ЦИРКОН в ходе реализации проекта по экспертному прогнозированию гражданского общества в России также отметили несогласованность оценок, что, на их взгляд, обусловлено неопределенностью самого объекта [13].

Объединяя суждения с высокими оценками (средний балл 6,5–10 баллов) по трем модулям – текущей, вероятной и предпочтительной ситуаций в сфере гражданского общества, – мы сформулировали экспертный образ гражданского общества (рис. 8). Анализ полученных результатов показал, что текущая и вероятная ситуации, а также условия для достижения предпочтительной ситуации во многом обусловлены ролью государства. По мнению исследователей, формирование и развитие гражданского общества при сильном влиянии государства может быть вполне состоятельным и эффективным. Однако в этом случае необходимо, чтобы гражданское общество не являлось «ни панацеей для государства, ни вынужденной необходимостью для социальных групп» [26, с. 11]. Предпочтительные изменения в сфере гражданского общества согласно полученным данным эксперты связывают в первую очередь с ростом

Таблица 1. Уровень согласованности экспертных оценок (коэффициент согласия Кендалла)*

№ п/п	Название блока	Коэффициент
1.	Характеристика социального контекста развития гражданского общества	0,292
2.	Внутренние вызовы для развития гражданского общества	0,039
3.	Влияние субъектов гражданской сферы на развитие российского общества в ближайшую пятилетку	0,404
4.	Вероятность действий основных субъектов общественно-политических процессов в ближайшие 5 лет	0,386
5.	Вероятность осуществления в ближайшие годы (5 лет) перечисленных ниже явлений, событий или процессов в сфере гражданского общества	0,133
6.	Предпочтительные изменения для успешного развития российского гражданского общества в ближайшие 5 лет	0,305
7.	Условия для достижения предпочтительной ситуации в сфере российского гражданского общества	0,387

* Коэффициент согласия Кендалла (коэффициент конкордации) – степень согласованности мнений экспертов. Коэффициент конкордации может принимать значения от 0 до 1, причём 0 означает полную несогласованность мнений, а 1 – их полную согласованность.
Источник: расчёты автора.

Рисунок 8. Схема экспертного образа гражданского общества*

* Средние оценки – 6,5–10 баллов.

Источник: составлено автором.

гражданской активности населения, хотя эти процессы они считают маловероятными. Таким образом, представления экспертов о вероятной и желательной ситуации в развитии гражданского общества не совпадают.

Отметим, что полученные выводы по анализу данных экспертного опроса в Вологодской области согласуются с результатами исследования экспертного сценарно-прогностического мониторинга «Россия 2020. Стратегия перехода», выполненного Институтом социологии РАН совместно с исследовательской группой ЦИРКОН [12, с. 315–346].

В этом контексте приобретает актуальность вопрос о том, насколько население готово к

гражданскому участию. По данным социологического измерения, выполненного ВолНЦ РАН в июне 2018 г., на вопрос «Могли бы Вы сами стать «общественником»? Если «да», то в какой ситуации?» почти треть жителей области ответили, что «не могли бы ни в какой ситуации» (28%), еще треть – «могли бы при определенных обстоятельствах» (32%; табл. 2). Кроме того, обращает на себя внимание, что подавляющая часть респондентов (40%) затруднились с ответом, т.е. при определенных обстоятельствах они могут составить резерв как первой категории населения региона (без интереса к гражданскому участию), так и второй (потенциально готовой к участию).

Таблица 2. Потенциал гражданского участия населения Вологодской области* (в % от числа опрошенных, N=1500)

Вариант ответа	Доля респондентов, выбравших вариант ответа, %
Не мог(ла) бы ни в какой ситуации	28,1
Мог(ла) бы в случае нарушения моих прав	15,5
Мог(ла) бы в случае нарушения прав окружающих	7,1
Мог(ла) бы, если бы нужно было добиться решения какой-то общественной проблемы	8,7
Другое	0,3
Затрудняюсь ответить	40,1

* Ответ на вопрос «Могли бы Вы сами стать «общественником»? Если «Да», то в какой ситуации?». Вопрос задавался в июне 2018 г.
Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН³.

Таблица 3. Основные препятствия для проявления гражданской активности в оценках населения Вологодской области* (в % от числа опрошенных, N=1500)

Показатель	2008 г.	2011 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	Изменение (+/-) 2017 г. к...	
								2016 г.	2008 г.
Неверие в возможность оказывать влияние на решения властей	20,7	24,3	27,2	22,7	21,0	22,3	20,0	-2	-1
Безразличие к общим делам, индивидуализм	43,5	26,2	24,1	23,5	19,6	24,5	19,5	-5	-24
Привычка надеяться на готовое, в том числе на власть	24,8	19,1	22,0	21,9	19,5	19,6	19,1	-1	-6
Недостаток знаний, некомпетентность	20,9	15,2	19,1	15,9	15,4	19,7	16,4	-3	-5
Недостаток времени, чрезмерная занятость	9,9	12,3	15,5	15,0	14,4	18,5	14,8	-4	+5
Боязнь наказания, преследований со стороны вышестоящих руководителей, властей, правоохранительных органов	-	15,9	19,9	19,7	11,8	13,2	14,6	+1	-
Отсутствие способности к организации	9,5	8,3	11,1	10,7	9,5	10,9	9,6	-1	0
Опасения негативной реакции со стороны окружающих	-	6,7	9,4	7,4	6,5	5,3	5,9	+1	-
Другое	0,5	0,6	0,3	0,2	0,1	0,3	0,4	0	0
Затрудняюсь ответить	14,9	27,3	29,7	29,9	35,1	35,3	37,0	+2	+22

* Ответ на вопрос: «Какие препятствия Вы считаете главными для проявления людьми своей гражданской позиции?». Вопрос задаётся 1 раз в год. Ранжировано по данным за 2017 г.
Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.

Согласно результатам социологического мониторинга ВолНЦ РАН основными препятствиями для проявления гражданской активности выступают «неверие в возможность оказывать влияние на решения властей» (в 2017 г. доля оценок составила 20%), «безраз-

личие к общим делам, индивидуализм» (19,5%), «привычка надеяться на готовое, в том числе на власть» (19,1%; табл. 3). Обращает на себя внимание тот факт, что в долгосрочной динамике (в 2017 г. относительно 2008 г.) удельный вес тех, кто среди барьеров гражданской активности

³ Мониторинг экономического положения и социального самочувствия населения Вологодской области проводится с 1996 года с периодичностью один раз в два месяца. При опросе используется модель многоступенчатой районированной выборки с квотным отбором единиц наблюдения на последней ступени. Первая ступень выборки – это выделение типичных субъектов Вологодской области, которое включает города Вологду, Череповец и районы: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский, Шекснинский. Вторая ступень представляет собой территориальное районирование внутри выбранных субъектов. На третьей ступени ведётся отбор респондентов по заданным квотам по полу и возрасту. Объем выборки составляет 1500 человек.

выделил неверие в возможность оказывать влияние на решения властей, сохраняется без положительных изменений (20–21%), в то время как происходит значительное сокращение (на 24 и 6 п.п. соответственно) доли респондентов, отметивших среди препятствий гражданской активности безразличие к общим делам и иждивенческие позиции.

Из суммирования полученных нами данных следует, что при создании необходимых условий, в первую очередь со стороны государства (формирование стабильной законодательной базы, проведение выборов власти с общественным контролем, изменение политики в культурной и научно-образовательных сферах, расширение народного представительства во властных структурах и т.д.; см. рис. 8), можно добиться желательных изменений в развитии гражданского общества в России, а именно роста конструктивного участия населения в преобразовании окружающей действительности.

Подобные выводы дают основание полагать, что для России может быть эффективным партнерский путь развития гражданского общества. Такое направление определяется, с одной стороны, высоким уровнем гражданского участия, с другой — сильным уровнем воздействия государства [13]. Следовательно, функционирование гражданского общества в этих условиях будет определяться как деятельностью государства, так и деятельностью граждан, при этом партнерство должно стать выгодным его участникам для решения собственных и общественных задач. В связи с этим и государство, и граждане взаимно заинтересованы в эффективности гражданского общества и соответственно будут способствовать его развитию. Как отметил В.А. Ильин, конструктивный диалог между государством и гражданским обществом в конечном итоге является залогом социальной стабильности, национальной безопасности и обеспечивает позитивную динамику конкурентоспособности страны во внешней среде [26, с. 10].

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет сделать ряд выводов.

Согласно обобщенному мнению экспертов установлено, что текущая и вероятная ситуации, а также условия для достижения предпочтительной ситуации в сфере гражданского общества во многом связаны с сильным влиянием и поддержкой со стороны государства, а предпочтительные изменения — с ростом гражданской активности населения. Сформированный нами экспертный образ гражданского общества характеризуется несовпадением представлений экспертов (как на уровне Вологодской области, так и в целом по стране) о вероятном и желательном развитии исследуемой сферы: по мнению «экспертных умов», будущее российского гражданского общества должно определяться, в первую очередь, населением. Полученные результаты дают основание предположить, что в России является перспективным партнерский путь развития гражданского общества, для которого могут быть характерны как высокий уровень гражданского участия, так и сильное влияние и поддержка со стороны государства.

В экспертных представлениях о гражданском обществе в России выявлена высокая степень дифференциации, что может объясняться разницей в идеологических взглядах экспертов или крайне неопределенными и противоречивыми перспективами этой сферы. В целом исследование подтвердило возможность прогнозирования развития гражданского общества, несмотря на всю сложность этого объекта для экспертного оценивания.

Представленные выводы носят предварительный характер. Собранный комплекс экспертных оценок о состоянии гражданского общества в России, а также прогноз его перспектив требуют дальнейшего углубленного анализа, в том числе в сравнении с общероссийскими и региональными социологическими исследованиями.

Литература

1. Шабунова А.А. Гражданская активность на селе: возможности развития // Проблемы развития территории. 2016. № 3 (83). С. 7–17.
2. Янч Э. Прогнозирование научно-технического прогресса. М.: Прогресс, 1974. 210 с.

3. Константиновский Д.Л. Социальное прогнозирование. Отбор факторов и реакция на прогноз // VII-я международная социологическая Грушинская конференция «Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях». М.: ВЦИОМ, 2017. С. 19–21.
4. Бестужев-Лада И.В. Рабочая книга по прогнозированию. М.: Мысль, 1982. 430 с.
5. Gordon T.J., Helmer O. *Report on a Long-Range Forecasting Study*. Santa Monica, Calif.: The RAND Corporation, Sept. 1964. 64 p.
6. Helmer O. *Social Technology*. Santa Monica, Calif.: The RAND Corporation, 1965. 70 p.
7. Attneave S.F. Psychological probability as a function of experienced frequency. *J. Exp. Psychol*, 1953 (46), pp. 81–86.
8. Alberoni F. Contribution to the study of subjective probability. Part I. *Journal of General Psychology*, 1962, vol. 66, pp. 241–264.
9. Benson P.G., Nichols M.L. An investigation of motivational bias in subjective predictive probability distributions. *Decision sei.* 1982, vol. 13, pp. 18–23.
10. Li F., Pye S. Uncertainty, politics, and technology: Expert perceptions on energy transitions in the United Kingdom. *Energy research & social science*, 2018, vol. 37, pp. 122–132. DOI: 10.1016 / j.erss.2017.10.003
11. Задорин И.В. Экспертный сценарно-прогностический мониторинг: методологические основания, методика и организационная схема // Вопросы социологии. 1994. № 5. С. 27–50.
12. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2016. 400 с.
13. Задорин И.В., Зайцев Д.Г., Римский В.П. Гражданское общество России в ближайшем будущем: результаты экспертного исследования // Полития. 2009. № 4 (55). С. 143–157.
14. Newton K. *Patterns of participation : Political and Social participation in 22 nations*. Berlin, 2008. 45 p.
15. Гражданское общество в модернизирующейся России / Л.И. Яковсон, И.В. Марсиянова и др. М.: НИУ ВШЭ, 2011. 60 с.
16. Бардин А.Л. Патриотизм // Идентичность, личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017. С. 598–607.
17. Морев М.В. Глобальные угрозы и национальные особенности формирования социального капитала в России // Проблемы развития территории. 2018. № 2 (94). С. 106–119. DOI: 10.15838/ptd/2018.2.94.7
18. Уханова Ю.В. Гражданское участие как элемент демократии в российском обществе // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.5.
19. Скалабан И.А. Общественное участие как социальный проект: дисс. на соискание уч. степени д.с.н. Новосибирск: НГТУ, 2017. 382 с.
20. Barber B. Participation and mass apathy in association. *Studies in leadership* / ed. by A. W. Gouldner. New York : Harper & Brothers, 1950. Pp. 477–504.
21. Гражданское общество – общество граждан: монография / М.В. Морев, Т.А. Гужавина, Е.О. Смолева, В.С. Каминский, К.Е. Косыгина, Ю.В. Уханова, М.А. Головчин, А.В. Попов, А.И. Россошанский / под науч. рук. чл.-корр. РАН, д.э.н., проф. В.А. Ильина. Вологда: ВолНЦ РАН, 2017. 190 с.
22. Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П. Доверие и общественное развитие России // Проблемы развития территории. 2015. № 2 (76). С. 7–19.
23. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: Ермак, 2004. 730 с.
24. Фролова С.М., Замчалова И.Ю. Роль и перспективы религиозного фактора в развитии российского общества // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков. Материалы XIV международной научной конференции: в 2 ч. Иваново: Ивановский государственный университет, 2015. С. 312–319.
25. Осипов Г.В. Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. М: ИСПИ РАН, 2013. 303 с.
26. Ильин В.А. Развитие гражданского общества в России в условиях «капитализма для избранных» // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 9–40. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.1

Сведения об авторе

Юлия Викторовна Уханова — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ukhanova4@rambler.ru)

Ukhanova Yu.V.

The Expert Image of the Russian Civil Society

Abstract. Civil society plays an increasingly important role in the economic and social development around the world. The article attempts to identify the conditions for the functioning of the civil society in Russia and forecast its development in the near future. The empirical framework of the research lies in the results of an expert survey held by the Russian Academy of Sciences in February–March, 2018. The research methods are based on two principles: first, the forecasting process is based on the procedure of expert evaluation of the current conditions, probability, and preference of possible changes in the civil society. Second, analysis is carried out as a result of integration of assessments of experts representing various socio-political spheres (government, business, third sector, science, the media). The research reveals that expert opinions on all aspects of functioning of the civil society are highly differentiated, which, on the one hand, can be explained by different ideological views of the expert community, on the other — indicates the current extremely uncertain and contradictory state of the sphere under study and its prospects. Based on the expert method the image of the Russian civil society taking into account the social context of its functioning and development prospects in the next five years has been formed. It is concluded that the current and probable situations, as well as the conditions for achieving the preferred situation in the civil sphere are largely determined by the high level of state influence. However, experts attribute the preferred changes in the state of the civil society in the country to the growing population's constructive self-organization. Therefore, the experts' ideas about the probable and desirable areas of development of the civil society do not coincide. It is proved that partnership development of the civil society characterized by a high level of civil participation and significant state support is the most promising for Russia. The results may be of interest to specialists conducting research on the problem of the civil society and the representatives of public administration and civil society.

Key words: civil society, civil participation, social forecasting, expert assessments.

Information about the Authors

Yuliya V. Ukhanova — Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ukhanova4@rambler.ru)

Статья поступила 03.07.2018.

© Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Наумов И.В., Козинская К.М.

Неформальная институциональная среда социального предпринимательства*

**Евгений Васильевич
ПОПОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, 29
E-mail: epopov@mail.ru

**Анна Юрьевна
ВЕРЕТЕННИКОВА**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, 29
E-mail: vay_uiec@mail.ru

**Илья Викторович
НАУМОВ**

Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, 29
E-mail: Iia_naumov@list.ru

**Ксения Михайловна
КОЗИНСКАЯ**

Уральский федеральный университет имени первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Ленина, 136
E-mail: ksush1@yandex.ru

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием ФАНО России для Института экономики УрО РАН на 2018 год.

Для цитирования: Неформальная институциональная среда социального предпринимательства / Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Наумов И.В., Козинская К.М. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 217–234. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.14

For citation: Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Naumov I.V., Kozinskaya K.M. Non-formal institutional environment of social entrepreneurship. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 217–234. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.14

Аннотация. Социальное предпринимательство как альтернативный способ решения социальных проблем стремительно приобретает свою популярность. Эффективность данного вида деятельности во многом зависит как от формальных институтов, действующих на рассматриваемой территории, так и от сложившихся ценностей, привычек, обычаев, свойственных социальным группам, не на ней проживающим, и формирующих неформальную институциональную среду. Целью данного исследования является моделирование влияния неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство в мировом пространстве. В статье проведен анализ подходов к анализу неформальных институтов, показано, что данная проблема поднимается в работах как зарубежных, так и отечественных ученых. При анализе неформальной институциональной среды использовалась концепция модернизации, культурных изменений и демократии Инглхарта – Вельцеля. Информационной базой исследования стали международные отчеты Global Entrepreneurship Monitor (Глобальный мониторинг предпринимательства), World Values Survey (Всемирный обзор ценностей), World Bank (Всемирный банк) за 2015 год в 30 странах мира. Из анализа распределения стран по критериям карты Инглхарта показано, что успешному функционированию социального предпринимательства способствуют развитие в обществе постматериалистические ценности. Авторами статьи построена нелинейная многофакторная модель, демонстрирующая влияние неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство. Обосновано, что наиболее значимыми факторами неформальной среды, оказывающими воздействие на социальное предпринимательство, является автономность членов в обществе, а также гендерное равенство. Значимость полученных результатов состоит в возможности использования выявленных закономерностей как непосредственно для развития социального предпринимательства, так и для решения социальных проблем в целом.

Ключевые слова: неформальная институциональная среда, социальное предпринимательство, факторы, концепция Инглхарта – Вельцеля, ценности.

1. Введение

Социальное предпринимательство, выступая сравнительно новым явлением для социально-экономических процессов различного уровня хозяйствования, обладает рядом особенностей, обусловленных трансформацией поведения экономических агентов в ходе реализации данного вида деятельности. Прежде всего, социальное предпринимательство ориентировано на достижение социальных, а не коммерческих целей. Потребителем результатов социально-ориентированной деятельности, в том числе социального предпринимательства, зачастую является не конкретный индивид, а некая группа лиц, обладающая общей социальной проблемой. Такое расширение объекта приложения усилий вносит изменения в механизмы привлечения ресурсов для развития данного вида деятельности. Социальный предприниматель получает моральное право привлекать общественные ресурсы для достижения социальных целей [1]. В данных условиях существенное влияние на результативность деятельности социального предпринимателя оказывают экономические, социальные, правовые условия, в

которых он действует. Однако не менее важное значение имеют отличительные черты, привычки поведения граждан, их ценности, обусловленные историческими, культурными, национальными и ментальными особенностями. Иначе говоря, особое значение приобретает потребность в рассмотрении неформальной институциональной среды, влияющей на развитие социального предпринимательства. Несмотря на существующую потребность в изучении неформальной среды социально-ориентированной деятельности, большинство исследований посвящены изучению преимущественно влияния формальных институтов [2] на социальное предпринимательство (М. Дасин [3], У. Стефан, Л. Уланер [4], Ш. Захра [5] и т. д.).

Исследование роли неформальных институтов важно по нескольким причинам. Во-первых, общественные ценности – это убеждения, связанные с действиями и целями экономических агентов [6], вследствие чего внедрение просоциальных ценностей мотивирует предпринимателей не только получать экономическую выгоду, но и решать социальные проблемы общества. Во-вторых, ценности

определяют стандарты и нормы, на основе которых делается оценка поступков и действий [6]. Поддержка общества осуществляется путем предоставления трудноприобретаемых ресурсов, что способствует снижению транзакционных издержек социальных предпринимателей [7].

Целью данного исследования является моделирование влияния неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство в мировом пространстве.

Для достижения данной цели проведен обзор подходов к анализу влияния неформальной среды на экономические процессы, описана карта Инглахарта, отражающая развитие неформальных институтов в различных странах мира, на основе анализа зарубежной и отечественной литературы, а также посредством регрессионного анализа, определены факторы, влияющие на социальное предпринимательство, построена многофакторная нелинейная модель, демонстрирующая выявленные закономерности.

2. Неформальная институциональная среда социального предпринимательства: теоретический анализ

2.1. Социальное предпринимательство и подходы к его измерению

Социальное предпринимательство, с одной стороны, понимается как вид деятельности, обладающий такими характеристиками, как принятие миссии для создания и поддержания социальной ценности; выявление и использование новых возможностей для реализации выбранной миссии; осуществление непрерывного процесса инноваций, адаптации и обучения; решительность действий, не ограничиваемая располагаемыми ресурсами; высокая ответственность предпринимателя за результаты своей деятельности [8]; с другой стороны, – это альтернативный способ решения общественных проблем, набор правил и норм, определяющих поведение между экономическими агентами, ориентированных на решение общественных проблем путем развития коммерческой деятельности. Следует отметить, что в зарубежной практике сформировались следующие школы, исследующие данный феномен: социально-инновационная школа, социально-предпринимательская школа, а также европейская и английская научные школы.

Социально-инновационная школа, основными представителями которой являются Дж. Томпсон, С. Элворт, Дж. Маир и И. Марти [9], рассматривает социальное предпринимательство как деятельность физических лиц, удовлетворяющих социальные потребности инновационными методами. Предметом исследования представителей социально-предпринимательской школы (Р. Макдональд, Р. Дарт, Р. Андерсон) являются некоммерческие (nonprofit) организации (НКО), обслуживающие социальную сферу и получающие при этом дополнительный доход [10]. В рамках данной школы ученые занимаются поиском новых способов финансирования НКО, а также внедряют эффективные методы управления в деятельность социально-ориентированных предприятий. Однако акцент на инновационности представители данной школы не ставят. Представители европейской научной школы социального предпринимательства У. Стефан и Л. Уланер [4], а также Р. Спир и И. Видал видят цель социально-ориентированной деятельности в удовлетворении интересов общества и делают вывод о том, что эффективность их существования затруднена. Согласно подходу английской научной школы социального предпринимательства (Д. Тернер, К. Лиминг, С. Диксон и А. Клиффорд, Л. Дарби и Х. Дженкинс [11]), решение социальных проблем должно полностью возлагаться на бизнес, при этом получаемый доход направляется, прежде всего, на удовлетворение социальных нужд.

Среди отечественных исследователей социального предпринимательства следует отметить Н.Ф. Кадол [12], изучающую особенности социального предпринимательства в российской экономике, Ю.Н. Арай и Т.А. Бурмистрову [13], рассматривающих особенности бизнес-моделей в социальном предпринимательстве, А. Московскую, возглавляющую Центр социального предпринимательства и социальных инноваций НИУ ВШЭ и др [14]. Коллектив авторов под руководством А. Московской подробно исследует практику развития социального предпринимательства как на национальном, так и международном уровне, демонстрируя и обосновывая особый вектор развития данного вида деятельности в отечественной практике. Следует отметить, что отличительной особенностью социального предпринимательства от предпри-

нимательства в целом является преобладание социальных целей над коммерческими [15], что предполагает наличие особых условий, стимулирующих предпринимателей придавать предпринимательству социальный окрас.

Поскольку феномен социального предпринимательства является новым, существует проблема его количественного измерения. В результате поиска информационной базы и методов измерения социального предпринимательства были выявлены три подхода, наиболее часто описанные в научной литературе: Панельное исследование динамики предпринимательства (Panel Study of Entrepreneurship Dynamics, PSED II), Глобальный мониторинг предпринимательства (Global Entrepreneurship Monitoring, GEM), а также анализ налоговых деклараций некоммерческих организаций в различных странах мира. Рассмотрим данные подходы более детально, а также проанализируем возможность их использования в качестве источника данных о социальном предпринимательстве в рамках представляемого исследования.

PSED является крупным исследовательским проектом, изучающим процесс создания фирм и их развития на ранней стадии своего функционирования [16]. PSED берет свое начало в 1993 г. с исследований взрослого населения в штате Висконсин США. Университет Мичигана, развив методологию PSED, продолжил изучение домохозяйств в США с помощью телефонного анкетирования 64 000 американцев. Несмотря на масштабность данного исследования, используемая методика не была ориентирована на исследование исключительно социального предпринимательства, а также реализована непосредственно на территории США, что препятствует ее применению для определения межстрановых особенностей социального предпринимательства.

Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) направлен на изучение социального предпринимательства в 2009 и 2015 гг. более чем в 50 странах мира. В основе данного подхода лежит опрос, который позволяет определить долю населения, непосредственно занятого в социальном предпринимательстве в той или иной стране. Недостатки данного подхода состоят в сложности проверки достоверности полученных данных, а также в различии подхо-

дов в разных странах в вопросе о том, что конкретно следует относить к социальному предпринимательству.

В рамках последнего метода применяются налоговые декларации некоммерческих организаций. При этом, несмотря на большое количество данных, понятие некоммерческой организации в налоговом законодательстве разных стран может различаться. Кроме того, использование данного метода представляет сложность для научных исследований с точки зрения унифицирования всех полученных данных. Этот метод использовался в работе по изучению развития социального предпринимательства в США с 1982 по 2002 гг. и влияния государственной поддержки на его развитие [17]. Данный метод также используется в работе Д. Кэрл и К. Статер, которые исследуют влияние диверсификации доходов на социально-ориентированную деятельность в США [18]. Таким образом, можно сделать вывод, что данный метод применим для исследования феномена предпринимательства только в рамках одной страны.

2.2. Неформальные институты и подходы к их анализу

Потребность рассмотрения неформальной институциональной среды при анализе социального предпринимательства обусловлена прежде всего значимостью социальных связей для развития данного вида деятельности.

Идея неформальных институтов и их роли в развитии экономических процессов не является новой. В частности, Т. Веблен, определяя институты как привычные способы осуществления общественной жизни в ее связи с материальным окружением, в котором живет общество [19], заложил в них и неформальную составляющую. Г. Шмоллер к институтам относил не только «права», но и «нравы», составляющие суть неформальных институтов. Д. Норт при определении института также, помимо формальных правил, выделял неформальные ограничения, в частности общепризнанные нормы поведения, достигнутые соглашения, внутренние ограничения деятельности [20]. У. Скотт при рассмотрении когнитивного источника институтов раскрывает непосредственно их неформальную составляющую. В этом случае имеет место исключительно культурная регламентация [21].

Согласно теории К. Уильямсона, ограничения варьируются от установок, убеждений, обычаев, норм и традиций, руководящих повседневным поведением индивидов, до частных судебных систем. Ключевое различие между формальными и неформальными институтами состоит в том, что неформальные правила возникают спонтанно и не являются частью юридической системы, установленной государством [22]. Теорию К. Уильямсона развивает С. Пейович, также указывая на такие признаки неформальных институтов, как спонтанность возникновения и особенности санкций [23].

Согласно работам Д. Норта и К. Уильямсона, такие неформальные институты как социальные ценности, нормы и традиции, вытекающие из культурного наследия, являются определяющими факторами экономического поведения. Вместе с тем, неформальные институты оказывают влияние на механизмы стимулирования и нормативные структуры формальных институтов [20, 22].

Интерес к данной тематике постепенно растет и среди российских ученых, отводящих особое место роли неформальных институтов в экономической жизни общества. Монография В.Л. Тамбовцева «Экономическая теория неформальных институтов» посвящена анализу дефиниций и подходов к исследованию влияния неформальных институтов на экономическую динамику. Экономист, при формировании авторского понимания неформальных институтов и определения однозначного критерия их отделения от формальных, предлагает в качестве неформальных рассматривать институты, включающие неспециализированные механизмы принуждения правил к исполнению, что означает, что «в функции гарантов неформального института выступает любой индивид, полагающий по какой-то причине, что адресаты должны следовать соответствующему правилу; и применяющий санкции к нарушителям в случае их обнаружения» [24]. А. Аузан в работах, посвященных анализу экономического развития в странах мира, обращается к таким неформальным институтам, как доверие в обществе, гендерное равенство, индивидуализм членов общества [26].

Таким образом, институциональная среда, состоящая из устойчивых правил, социальных

норм и когнитивных структур, устанавливает рамки для трансакций на рынке и определяет «правила игры» [20]. В то время как формальные институты характеризуют ограничения и стимулы, возникающими в результате государственного регулирования, неформальные институты формируются внутри общества и носят когнитивный характер, а также отражают общественные соглашения и договоренности, оказывающие влияние на взаимодействие и координацию между людьми внутри общества [20]. Неформальные институты тесно связаны с ценностями, принятыми в обществе: именно ценности отражают степень важности убеждений и целей членов общества [25]. А. Аузан подчеркивает, что ценности определяют поведенческие установки [26]. Л. Полищук рассматривает в качестве неформального института, влияющего на экономическое развитие общества, социальный капитал, то есть способность людей действовать совместно без какого-либо принуждения (в данном случае имеется внешний механизм принуждения). Так называемую «триаду социального капитала» составляют доверие, разделяемые в обществе нормы и ценности, различного рода социальные сети. Суть взаимодействия данных элементов состоит в том, что «сети укрепляют доверие между участниками и способствуют распространению и укреплению просоциальных норм, а общность ценностей и взаимное доверие расширяет социальные сети и контакты». Вследствие отсутствия социального капитала экономическая деятельность «атомизируется и становится более примитивной, а возможности экономики оказываются недоиспользованными» [27].

Одно из основных свойств неформальных институтов – это замещение дисфункций формальных институтов. При этом процедура формирования формальных и неформальных институтов существенно отличается. С одной стороны, культурные особенности, модели поведения, обусловленные обычаями и традициями, могут быть формализованы и, таким образом, неформальный институт будет преобразован в формальный; с другой – дисфункции институтов и институциональные пустоты способствуют формированию новых моделей поведения, которые зачастую носят неформальный характер [4].

Один из наиболее распространенных подходов к анализу неформальной институциональной среды представлен Г. Хофстеде в работе «Последствия культуры», посвященной изучению национальных культурных ценностей. Данное исследование было проведено в 60–70 гг. XX века [28]. Г. Хофстеде с помощью опросов более 88 000 сотрудников IBM в 72 странах мира определил четыре ключевых аспекта культуры: дистанцию по отношению к власти, индивидуализм, маскулинность и избегание неопределенности. Дистанция по отношению к власти описывает восприятие гражданами феномена власти, структуры распределения власти, а также важность власти в шкале личных ценностей людей. Показатель индивидуализма характеризует предпочтения людей в отношении заботы о себе, своих родственниках и семьях (высокий уровень индивидуализма) или стремления объединяться в группы, которые несут коллективную ответственность за приверженных им членов. Маскулинность характеризует доминирующие ценности в обществе. Маскулинистическое содержание представляет собой предпочтение достижений героизма, материальной награды за успех, самоутверждения, а не заботы о других. Избегание неопределенности свидетельствует о том, каким образом граждане относятся к ситуации неопределенности и неоднозначности и будут ли они пытаться контролировать будущее. Страны, демонстрирующие высокие показатели избегания неопределенности, поддерживают жесткие кодексы убеждений и поведения, а также нетерпимы к неортодоксальным идеям [28]. Данную методику изучения неформальных институтов социального предпринимательства использовали в своей работе ученые К. Пумалайнен, Х. Сьегрен, П. Сурья и Дж. Барракет [29].

Распространенной концепцией при исследовании неформальной институциональной среды также является теория Ш. Шварца, выделяющая три биполярных измерения культуры, представляющих альтернативные решения каждой из проблем, с которым сталкиваются все общества: «Принадлежность» против «Автономии», «Иерархия» против «Равноправия», «Мастерство» против «Гармонии». Для выявления культурных особенностей разных регионов мира Шварц совместил данные опроса учителей и студентов и получил результаты по семи

ценностным ориентациям культур для 67 национальных групп. В результате исследования, реализованного с 1988 по 2005 г., Ш. Шварц пришел к выводу, что социально-экономический статус и культура взаимно обуславливают друг друга [30]. Подход Ш. Шварца (Ценностный опросник Ш. Шварца) позволяет диагностировать структуру ценностных ориентаций личности или группы. Главная особенность данной методики состоит в дифференциации понятия «ценность». Автор говорит о наличии двух видов ценностей: 1) ценности, как абстрактные идеалы и убеждения, оказывающие влияние на личность; 2) ценности как руководство к действию, представляющие собой «профиль личности». Если первая группа ценностей анализируется посредством оценки респондентом свойственных ему качеств, представленных в форме существительных и прилагательных, то вторая – путем оценки конкретных действий индивидов [31].

Согласно концепции Инглхарта – Вельцеля изменение культурных ценностей является результатом социально-экономического развития общества. Изменение ценностей – это эволюционный процесс, в ходе которого «естественный отбор» проходят ценности, в наибольшей степени подходящие для жизни в конкретных жизненных условиях [32, с. 43]. Процесс социально-экономического развития состоит из двух этапов: этапа индустриализации – перехода от аграрного общества к индустриальному, и этапа постиндустриализации – вытеснения сектора производства сектором услуг. На постиндустриальном этапе модернизации преобладающую роль начинает играть сдвиг в культурной сфере – ценности выживания замещаются ценностями самовыражения, что приводит ко все большей эмансипации общества [32, с. 17]. Однако, по мнению Р. Инглхарта и К. Вельцеля, модернизационные процессы, несомненно приводящие к культурным и ценностным изменениям, нельзя считать жестко детерминированными. Помимо социально-экономического развития, здесь действует ряд других факторов [32, с. 76]. Авторы выделяют два исторических фактора системного порядка, являющиеся устойчивыми к изменениям: религиозные традиции данного общества и его колониальное прошлое. Так, страны с протестантскими традициями, как правило, зани-

мают на шкале «выживание/самовыражение» более высокие позиции, чем католические [32, с. 100] Развитие культурных ценностей происходит нелинейно с социально-экономическим развитием, поскольку степень присутствия в обществе секулярно-рациональных ценностей и ценностей самовыражения можно объяснить сочетанием воздействия сдерживающих и движущих сил; при этом традиции и процесс модернизации воздействуют на культурные изменения по обоим указанным направлениям [32, с. 100].

Согласно Р. Инглхарту и К. Вельцелю, изменение культурных ценностей на личном уровне проявляются и в изменениях на уровне социума, что способствует формированию новых институтов. Однако взаимосвязь между ними зачастую бывает не однозначной [32, с. 100]. Тем не менее неформальные институты отражают коллективное мнение, влияющее на сотрудничество и координацию индивидов в обществе [20]. Разделяемые ценности являются значимым отражением неформальных институтов [33]. Таким образом, данный подход учитывает широкий диапазон показателей, характеризующих различные сферы общества: от религиозной и политической до экономической и социальной. Как и подход Г. Хофстеде, он имеет глобальный охват, при этом проводится регулярно и позволяет отслеживать изменения с течением времени, что формирует базу более актуальной информации в отношении функционирования неформальных институтов. Следует отметить, что данный подход к исследованию неформальных институтов использован в работах как отечественных [26], так и зарубежных авторов [4].

2.3. Обоснование авторского подхода к анализу неформальной институциональной среды социального предпринимательства

При анализе институциональной среды, влияющей на социальное предпринимательство, помимо регулятивных и поддерживающих институтов, особое внимание следует уделять институтам когнитивной среды, то есть правилам и убеждениям, устанавливаемым между индивидами и их группами посредством социального взаимодействия [2]. Данные взаимодействия являются наиболее устойчивыми и неформальными, что позволяет говорить о важности исследования влияния неформаль-

ной институциональной среды на социальное предпринимательство. Когнитивные институты зачастую неформализованы, зависят от так называемого предшествующего развития (path dependance) и определяют поведение целых групп индивидов. У. Стефан и Л. Уланер демонстрируют, что социальные предприниматели высоко оценивают как просоциальный характер своей деятельности, так и автономность – черты, характерные для постматериалистического общества [4]. Отсюда следует, что высокий уровень постматериалистической культуры в обществе оказывает положительное влияние на социальное предпринимательство. Социально-поддерживающие культурные нормы, относимые к неформальным институтам, поощряют сотрудничество, основанное на многократном опыте поддержки, дружелюбия, полезности, что стимулирует развитие социального предпринимательства.

На основе представленных в параграфах 2.1 и 2.2. подходов как к анализу социального предпринимательства, так и неформальной институциональной среды, были сформулированы положения, которые легли в основу представляемого авторами подхода.

Во-первых, в качестве информационной базы о состоянии социального предпринимательства использовано описанное выше исследование GEM, что обусловлено тем, что это единственная база данных, содержащая данные о развитии этого вида деятельности на межстрановом уровне. В исследование включены данные опросов населения, принимающего участие в социальном предпринимательстве на операционной стадии развития организации в широком смысле этого значения, то есть в любой коммерческой деятельности, имеющей социальную и экологическую цель.

Во-вторых, для исследования была использована методология измерения культурных ценностей Инглхарта – Вельцеля по причине более свежих данных (2015 г.), широкого охвата исследуемых ценностей, измеряемых в количественных показателях. Следует отметить, что метод Хофстеде был отвергнут по причине того, что временной лаг между данным исследованием и исследованием GEM составляет 45 лет, что значительно больше одного поколения. Доминирующая культурная ориентация меняется в ответ на изменение позиции власти, хотя это

изменение и происходит значительно медленнее. Адаптация обществ к эпидемиям, технологическому развитию, росту благосостояния, контакту с другими культурами, войнами и другими экзогенными факторами ведет к изменениям в ценностных установках культуры [35].

Таким образом, на основе представленных положений был сформирован подход к анализу неформальной среды социального предпринимательства, более подробно представленный в следующем параграфе.

3. Авторский подход к анализу институциональной среды социального предпринимательства

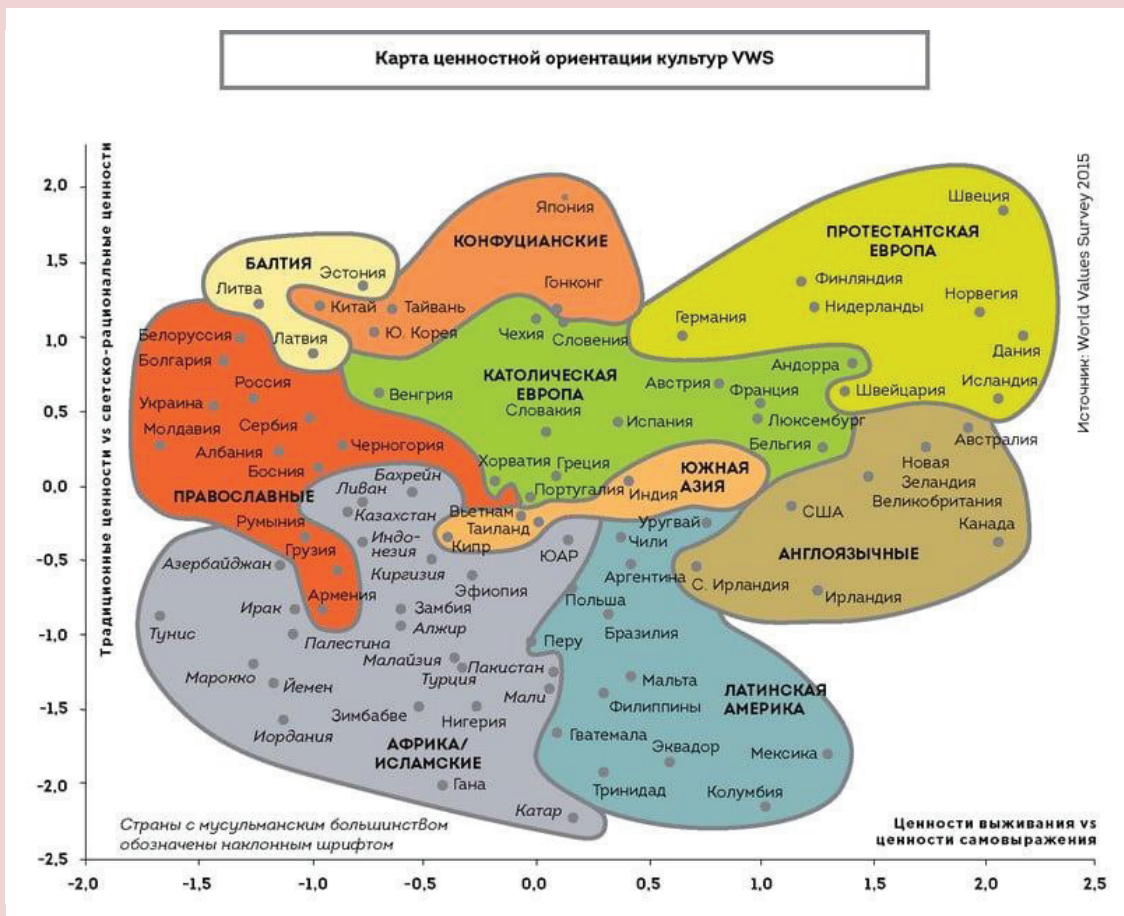
3.1. Применение карты культурных ценностей Р. Инглхарта – Вельцеля при анализе социального предпринимательства

На основе данных World Values Survey (WVS), в начале 70-х годов XX века, Р. Инглхарт и К. Вельцель сформулировали концепцию пост-

материалистических ценностей, в которой предложили новый подход к исследованию ценностей и их изменений от поколения к поколению. Согласно данной концепции, в западных странах молодые обеспеченные люди в меньшей степени интересуются проблемами доходов и безопасности в стране, а в большей – социальными проблемами, проблемами гражданских свобод и экологии. Р. Инглхарт отмечает, что «место экономических достижений как высшего приоритета в настоящее время в обществе постмодерна занимает все большее акцентирование качества жизни» [32]. Вследствие достижения высокого уровня экономической безопасности население стран, осуществивших индустриализацию первыми, сделали упор на постматериальные ценности.

Карта культурных ценностей Р. Инглхарта и Вельцеля представлена на *рис. 1*.

Рисунок 1. Карта культурных ценностей Р. Инглхарта – Вельцеля за 2015 г.

На карте отображены культурные ценности, систематизированные на 1) традиционные и секулярно-рациональные по оси У и 2) ценности выживания и саморазвития по оси Х. Движение снизу вверх характеризует переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, а движение слева направо – переход от ценностей выживания к самовыражению (постматериалистическим). Традиционные ценности включают значимость религии, абсолютных стандартов и традиционных семейных ценностей; секулярно-рациональные – предполагают снижение внимания традиционным семейным ценностям и авторитету. Ценности выживания сконцентрированы на аспектах экономической и физической безопасности, а также связаны с низким уровнем доверия и терпимости в обществе. Ценности самовыражения придают первостепенное значение субъективному благополучию, самовыражению и качеству жизни.

В рамках данного исследования мы проанализировали, каким образом сочетание описанных ценностей связано с уровнем развития социального предпринимательства.

Культурные особенности поведения отражают собой совокупность личных ценностей, которых придерживаются граждане [25]. Отсюда следует, что количество социально-ориентированных предпринимателей пропорционально количеству людей в стране, придерживающихся ценностей, согласующихся с социальным предпринимательством. Социальные предприниматели стремятся путем своей деятельности решать социальные проблемы и участвовать в деятельности по производству общественных благ, что объясняет интерес граждан с просоциальными ценностями к социально-ориентированной деятельности. Таким образом, основной мотивацией социального предпринимателя является создание социальной ценности (а не личного благосостояния), что соответствует ценностям постматериалистических обществ.

Таким образом, теоретическая гипотеза, которая легла в основу исследования, может быть представлена следующим образом: уровень социального предпринимательства в стране зависит от ценностей постматериалистических обществ. Для подтверждения правомерности выдвижения данной гипотезы было проанализировано, каким образом страны с различным

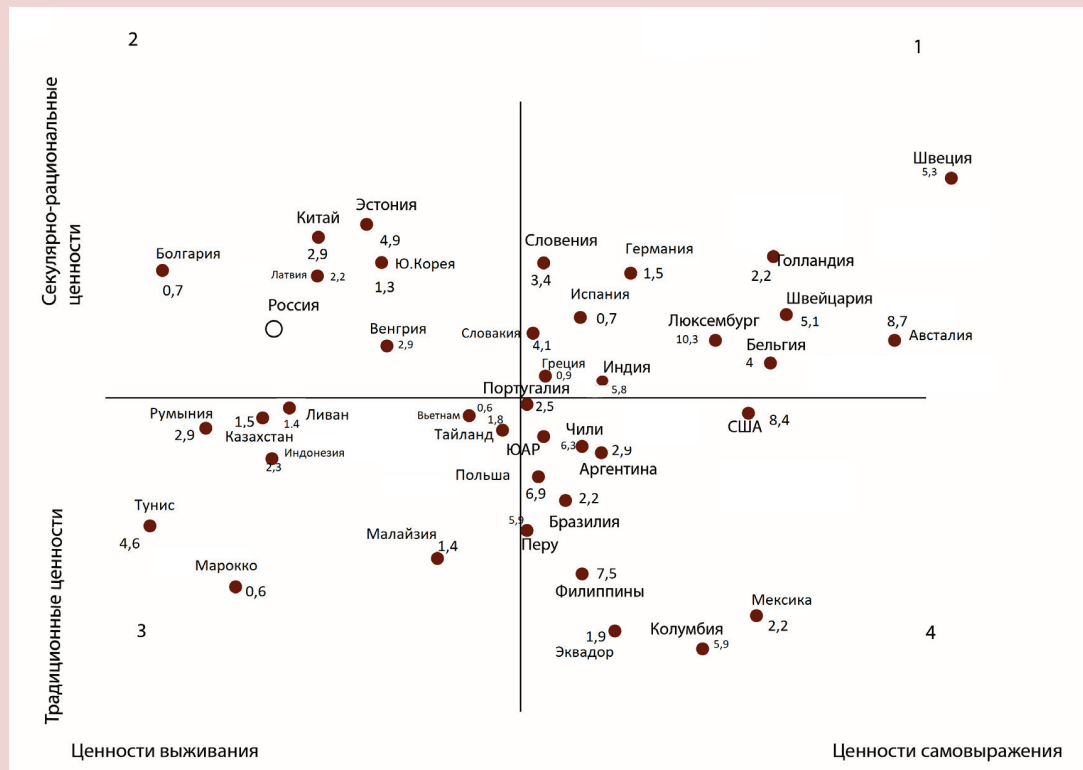
уровнем социального предпринимательства распределены по квадрантам карты Инглхарта (рис. 2). Уровень социального предпринимательства отмечен рядом точкой, показывающей положение страны на карте. Для этого были использованы корреляционный анализ и анализ статистических данных.

Прежде всего, было проверено, есть ли связь между уровнем социального предпринимательства и значением коэффициента, описывающим постматериалистические ценности на карте Инглхарта. Мы получили, что связь между данными переменными имеется, хотя она и является слабой ($r = 0,36$). Анализ средних значений в каждом из квадрантов показал, что в первом и четвертом квадранте среднее значение уровня социального предпринимательства 4,1% и 4,58% соответственно, в то время как во втором и третьем квадрантах – 2 и 2,63% соответственно. Также в 1 и 4 квадрантах находится 63% выборки.

Таким образом, предположение о том, что постматериалистические ценности влияют на уровень социального предпринимательства, определило дальнейшее направление нашего исследования, а также послужило обоснованием возможности применения опросника WVS для исследования социального предпринимательства.

Согласно последней волне исследования WVS, Россия на карте Инглхарта-Вельцеля находится в верхнем левом квадранте, что свидетельствует о высокой степени индустриального развития, но низком уровне постиндустриального. В отчете GEM за 2015 г., используемом в данной работе, показатели по России отсутствуют, однако доля населения, занятого в социальном предпринимательстве, в отчете за 2009 г. GEM составляла 1,23%, в то время как в США этот показатель был на уровне 5%. Если следовать концепции, что страны находящиеся на постиндустриальной стадии развития, имеют больше возможностей для изменения институциональной среды социального предпринимательства, то Россия находится на начальной стадии формирования социально-ориентированной деятельности, а, следовательно, с развитием постиндустриального этапа модернизации, изменением культурных ценностей и неформальных институтов будет развиваться и социальное предпринимательство.

Рисунок 2. Распределение стран с различным уровнем социального предпринимательства на карте Инглхарта – Вельцеля

Источник: составлено авторами на основе карты Инглхарта.

3.2. Факторы, влияющие на социальное предпринимательство

Для достижения цели данного исследования на основе теоретического анализа были определены факторы, характеризующие неформальную институциональную среду и в большей степени влияющие на уровень социального предпринимательства.

В качестве первого фактора рассмотрены социальные потребности общества. Как было отмечено ранее, приоритетность социальной миссии над иными целями является ключевым фактором принятия решения в пользу социально-предпринимательской деятельности [33]. При этом социальная миссия проявляется в выяснении неудовлетворенных социальных потребностей или формировании новых способов их решения. Переменная, отображающая социальные потребности, получена с помощью данных WVS, измеряющих ценности, которых придерживается общество с точки зрения при-

оритетных направлений развития их стран. Для исследования выбран показатель приоритетности социальных целей, отражающий процент взрослого населения, считающего достижение социальных целей более приоритетным, чем экономических.

В качестве второго фактора, характеризующего неформальную институциональную среду, использована активность населения в деятельности организаций с социальными целями. Данный выбор сделан на основе исследований С. Элворда, Л. Брауна и С. Летс, которые в качестве ключевого фактора развития социального предпринимательства рассматривают предшествующий социальный опыт предпринимателей, способствующий созданию поддерживающих сетей [34]. Предыдущие исследования показывают, что высокий уровень участия граждан в общественных организациях может позитивно влиять на увеличение количества социальных предпринимателей благодаря осоз-

нению общественных проблем и полученному опыту. Для измерения уровня социальной активности граждан мы использовали данные WVS, отражающие процент взрослого населения, являющегося частью ассоциаций или организаций с социальными целями, в частности религиозные, гуманитарные организации и группы взаимопомощи.

В качестве третьего фактора, характеризующего неформальную институциональную среду, была рассмотрена степень автономности общества. В обществах с сильными социальными связями между их членами отсутствует потребность в социально-ориентированной деятельности, так как все социальные проблемы решаются внутри семьи или общины. При высокой степени автономности общества, где наблюдается высокая обособленность членов общества, требуется особый механизм решения социальных проблем, которым, в том числе, может являться социальное предпринимательство. Кроме того, согласно концепции американской школы изучения социального предпринимательства, данный вид деятельности должен иметь инновационный характер [39]. В исследовании «Общественный договор» Г. Хофстеде приходит к выводу, что в странах с ярко выраженным индивидуальным началом наблюдаются высокие показатели инновационной деятельности. Для измерения степени автономности общества был использован показатель, характеризующий долю граждан, считающих себя автономными, то есть не рассматривающих себя как часть страны, региона или отдельного локального сообщества. В качестве информационной базы также использовались данные опроса WVS.

Четвертым фактором, анализируемым в научной литературе, является гендерное равенство в обществе. Культурные ценности и ожидания влияют на характер гендерных ролей, принятых в обществе, а именно на то, какие возможности для работы и карьеры приемлемы для женщин. Степень гендерных отличий – важнейший аспект социальной структуры, на который может воздействовать культура. Измерение равенства по гендерному признаку производится по таким параметрам, как социальное равенство, здоровье, трудоустройство. Гендерные роли значительно изменились за последние 25 лет, в то время как культура ме-

нялась не столь интенсивно. Однако культура обладает свойством ускорения или замедления изменения полоролевых отношений [32, с. 83]. В исследовании К. Николас и А. Рубио, посвященном распределению гендерных ролей в классическом и социальном предпринимательстве, сделан вывод, что в странах с неразвитой экономикой процент женщин, принимающих участие в социально-ориентированной деятельности на операционной стадии развития, в два раза ниже, чем мужчин. Разрыв между мужчинами и женщинами в развитых странах составляет 31% в пользу мужчин. Кроме того, хотя доля женщин, занятых в социальном предпринимательстве, постепенно увеличивается, инициативы, созданные женщинами в развивающихся странах, хрупки. Когда дело доходит до финансового обеспечения социальных предприятий, организованных женщинами, два из трех предприятий закрываются. В то время как предприятия, организованные мужчинами, прекращают свое существование только в половине случаев [37]. Представленные аргументы обосновывают правомерность включения данного фактора в модель.

Несмотря на общую тенденцию благоприятного устойчивого развития социального предпринимательства в странах с высоким уровнем гендерного равенства, в нашем исследовании есть исключения. Такие страны, как Индия и Ботсвана, имеют низкий показатель гендерного равенства, однако, по данным GEM, в этих странах высокий процент населения, занятого в социально-ориентированной деятельности. По данным исследования Фонда «Томпсон Рейтер», Индия является страной с огромным внутренним рынком и легким доступом к инвестициям. При этом иностранцы, особенно американцы, видят возможности инвестирования в проекты Индии¹. В то время как традиционные инвесторы могут скептически относиться к социальным предприятиям, существует сильная вовлеченность женщин и представителей населения в возрасте от 18 до 34 лет в данный вид деятельности. Согласно исследованию, проведенному Банком Америки в 2016 г., 85% молодежи были заинтересованы в том, чтобы их инвестиции привели к социальным изменениям. Было также установлено, что заинтере-

¹ <http://poll2016.trust.org>

сованность женщин в сравнении с мужчинами в данном вопросе выше. Согласно исследованию Фонда «Томсон Рейтер», получение доступа к инвестициям остается одной из крупнейших проблем для социальных предприятий. Однако Индия относится к странам с наиболее доступным финансированием, уступая только Канаде, Сингапуру, США и Бельгии². Высокий показатель социального предпринимательства в Сенегале обусловлен вовлеченностью власти в процесс привлечения иностранных инвестиций и упрощение легализации бизнеса. Так, упрощен доступ к недвижимости, а также созданы гарантийные фонды, покрывающие риски, связанные с сельским хозяйством и социальным предпринимательством [35]. Исследование о влиянии формальной институциональной среды, в том числе роли инвестиционного климата, также подробно изучается в настоящее время. Однако данные наблюдения могут являться признаком того, что инвестиции играют более важную роль, чем неформальная институциональная среда.

Для анализа данных о гендерном равноправии использован отчет The World Bank (CPIA Gender Equality rating) за 2015 год, в котором для каждой страны определен индекс равноправия женщин в обществе.

При определении влияния представленных факторов на социальное предпринимательство в качестве зависимой переменной использован показатель развития социального предпринимательства, приведенный в отчете Global Entrepreneurship Monitoring (GEM). GEM – это глобальное исследование предпринимательства, проводимое ассоциацией университетов. Цель данного исследования – межстрановое сравнение предпринимательской активности. В исследованиях GEM используется единая система измерений во всех изучаемых странах, к 2009 г. количество исследуемых стран достигло 80. GEM ежегодно проводит выборочные опросы случайных 2 000 человек взрослого населения в каждой стране, а затем аккумулирует информацию о всех сторонах деятельности социального предпринимательства. В данном исследовании используется отчет об исследованиях социально-ориентированной деятельности GEM за 2015г., в котором произведен

опрос 167 793 человек в 83 странах. GEM определяет показатели развития социального предпринимательства в странах мира с помощью процентного соотношения лиц, занятых в социально-ориентированной деятельности, и общего числа населения с 18 до 64 лет. Этот отчет является крупнейшим сравнительным исследованием социального предпринимательства в мире. С одной стороны, данная методология позволяет учесть неформальную предпринимательскую деятельность, но с другой – не дает гарантий объективных ответов респондентов.

4. Процедура исследования

С целью дальнейшего моделирования влияния неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство были сформулированы 4 гипотезы о воздействии теоретически выявленных факторов на уровень развития социального предпринимательства:

1) *при росте приоритетности социальных целей над экономическими растет уровень социального предпринимательства (X_1);*

2) *при росте активности населения в деятельности организаций с социальными целями растет уровень социального предпринимательства (X_2);*

3) *при росте автономности общества растет уровень социального предпринимательства (X_3);*

4) *при росте гендерного равенства растет уровень социального предпринимательства (X_4).*

Помимо представленных факторов при анализе влияния неформальной институциональной среды, нами было проанализировано более 10 показателей, характеризующих религиозные особенности, активность граждан, экономический рост, уровень равноправия и т.д. Однако в связи с тем, что корреляция между данными факторами оказалась крайне слабой, коэффициенты регрессии незначимы, а также не подтверждены теоретически, они были исключены из дальнейшего анализа.

В ходе проверки данной гипотезы авторами были использованы статистические данные, предоставленные GEM, WVS, World Bank за 2015 год в 30 странах мира. С помощью многофакторного нелинейного регрессионного анализа, была разработана эконометрическая модель, отражающая зависимость социального предпринимательства от неформальных институтов.

² <http://poll2016.trust.org>

При построении модели был сделан предварительный анализ исходных статистических данных, в результате которого выявлен наиболее подходящий тип функциональной зависимости между рассматриваемыми экономическими процессами. На втором этапе проведен корреляционный анализ исследуемых факторов, который позволил определить, присутствуют ли в модели факторы, формирующие такое негативное явление, как мультиколлинеарность. На третьем этапе была непосредственно построена многофакторная модель; на четвертом этапе – проведено исследование качества построенной модели. Пятый этап включал в себя проверку и устранение автокорреляции остатков в модели. На этапах обработки данных применялись такие программные продукты, как MS Excel и E-views. Полученные в ходе анализа эконометрические модели представлены в следующем параграфе.

5. Результаты исследования

Для проверки сформулированных гипотез и дальнейшего моделирования влияния неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство были рассмотрены следующие переменные:

Y – доля населения, занимающаяся социальным предпринимательством в конкретной стране;

X_1 – процент взрослого населения, считающего достижение социальных целей приоритетным над экономическим развитием;

X_2 – процент взрослого населения, являющегося частью ассоциаций или организаций с социальными целями, в частности религиозных, гуманитарных организаций и групп взаимопомощи;

X_3 – доля населения, считающая себя автономными членами общества.

На первоначальном этапе анализа данных было выявлено, что распределение случайных величин по тестируемым факторам и зависимой переменной Y является нелинейным. Распределение имеет форму степенной зависимости. В связи с этим исходные данные были преобразованы в нелинейный вид, а затем построена регрессионная нелинейная модель.

В результате анализа матрицы попарных корреляций установлено, что мультиколлинеарность в модели отсутствует (*табл. 1*).

После устранения факторов, не оказывающих существенного влияния по итогам проверки выполнения гипотезы незначимости коэффициентов регрессии, была установлена зависимость уровня социального предпринимательства от факторов X_3 и X_4 .

Результаты регрессионного анализа представлены в *таблице 2*.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа

	Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5
Y	1					
X_1	0,30350605	1				
X_2	0,222013327	0,643	1			
X_3	0,382891553	0,227	0,341	1		
X_4	0,481958601	0,321	0,221	0,015	1	

Таблица 2. Результаты регрессионного анализа

Variable	Coefficient	Std. Error	t-Statistic	Prob.
LN_X3_	0.370193	0.150195	2.464755	0.0204
LN_X4_	2.858845	0.914802	3.125098	0.0042
C	-3.559549	1.200329	-2.965477	0.0063
R-squared	0.373294	Mean dependent var		1.074841
Adjusted R-squared	0.326871	S.D. dependent var		0.722148
S.E. of regression	0.592483	Akaike info criterion		1.885649
Sum squared resid	9.477964	Schwarz criterion		2.025769
Log likelihood	-25.28474	Hannan-Quinn criter.		1.930475
F-statistic	8.041184	Durbin-Watson stat		2.019726
Prob(F-statistic)	0.001821			

После преобразования данная модель была представлена в следующем виде:

$$y = e^{-3,56} \times X_3^{0,37} \times X_4^{2,86}.$$

На следующем этапе проведена оценка адекватности и достоверности полученных результатов. Значимость коэффициента детерминации (F -statistic=0.0018) позволяет сделать вывод о том, что модель в целом достоверна, а также подтверждает репрезентативность выборки. Коэффициент детерминации $R^2=0,37$ указывает на то, что вариация показателей развития социального предпринимательства примерно на 37% зависит от показателей, отобранных на этапе моделирования матрицы парных коэффициентов корреляции. Проверка нулевой гипотезы незначимости коэффициентов регрессии показала, что выбранные факторы действительно оказывают влияние, их коэффициенты регрессии статистически достоверны и значимы. Значение F -критерия и уровень значимости p демонстрируют, что построенная модель значима при уровне значимости $\alpha=0,05$. На заключительном этапе выполнена проверка выполнения предпосылок метода наименьших квадратов Гауса–Маркова. В частности, математическое ожидание случайного отклонения остатков для всех наблюдений стремится к 0. Тест Дарбина-Уотсона, используемый для проверки модели на наличие автокорреляции остатков ($d_{расч} = 2,278$) показал, что зависимость между остатками отсутствует, они распределены случайным образом:

$$DW = \frac{\sum(e_t - e_{t-1})^2}{\sum e_t^2} = \frac{19,1429}{8,4043} = 2,278.$$

Также модель прошла проверку на гетероскедастичность с помощью визуального анализа графика остатков. Признаков непостоянства дисперсии и зависимости остатков не обнаружено, модель является гомоскедастичной.

Таким образом, проверка качества показала, что модель является достоверной, и подтвердила влияние факторов неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство.

6. Обсуждение результатов

Проведенный регрессионный анализ показал, что приоритетность социальных целей над экономическими и активность участия населе-

ния в деятельности организаций с социальными целями не оказывают влияния на уровень развития социального предпринимательства.

Согласно построенной модели значимыми факторами являются автономность членов в обществе и гендерное равенство. Это свидетельствует о том, что выполняются только третья и четвертая гипотезы.

Влияние автономности членов в обществе на уровень развития социального предпринимательства объясняется прежде всего тем, что в обществе с сильными социальными связями между ее членами решение социальных проблем зачастую происходит внутри семьи или общины, что свидетельствует об отсутствии потребности в формировании и развитии социального предпринимательства. При этом значение показателя степени при X_3 , равное 0,37, свидетельствует о том, что скорость роста автономности членов общества выше социального предпринимательства.

Влияния гендерного равенства на развитие социального предпринимательства подтверждает тезис Ф. Уилсона и Дж. Киккула о наличии «женского лица» у социального предпринимательства. Это связано с тем, что женщины более ориентированы на ценности самовыражения, чем на получение прибыли. Однако экономические и социальные мотивы не являются взаимоисключающими. Важно отметить, что для развития социального предпринимательства женщинам необходимо обладать правами, позволяющими вести социально-ориентированную деятельность. Значение показателя степени при X_4 свидетельствует о том, что значение данного фактора велико. Скорость роста социального предпринимательства выше скорости роста индекса гендерного равенства в обществе.

При анализе данной модели также следует упомянуть о значении свободного члена, равного $e^{-3,56}$ ($\approx 0,028$). Проверка качества данной модели показала, что свободный член для данной модели значим. Это свидетельствует о наличии других факторов, влияющих на социальное предпринимательство. Мы полагаем, что в величине свободного члена скрыто влияние формальных институтов на социальное предпринимательство. Более детально данный вопрос планируется изучить в будущих наших исследованиях.

Сопоставляя полученные в ходе моделирования результаты с картой Р. Инглхарта, правомерно сделать вывод о тесной связи степени автономности общества с формированием секулярно-рациональных ценностей в обществе (ось у), то есть чем выше показатель автономности, тем более вероятно развитие социально-ориентированной деятельности в данной стране.

Гендерное равенство влияет на формирование ценностей самовыражения, однако оно характеризует их не в полной мере. Таким образом, говорить о прямой зависимости между наличием ценностей самовыражения в обществе и гендерным равенством неправомерно. Но наиболее высокие показатели гендерного равенства, согласно данным Всемирного экономического форума, наблюдаются в странах Северной Европы, Северной Америки и Австралии. Все эти страны расположены в 1-м и 4-м квадранте карты Р. Инглхарта и им также присущи высокие показатели ценностей самовыражения.

7. Заключение

В данном исследовании с целью моделирования влияния неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство в мировом пространстве были получены следующие результаты.

Во-первых, был проведен анализ подходов к анализу неформальных институтов. Показано, что данная проблема поднимается в работах как зарубежных, так и отечественных ученых.

В работе рассмотрены различные подходы к анализу влияния неформальной институциональной среды на социально-экономические процессы и обосновано применение карты Инглхарта при исследовании социального предпринимательства.

Во-вторых, на основе данных о развитии социального предпринимательства в различных странах, а также посредством применения карты Р. Инглхарта была построена адаптированная карта для стран с различным уровнем социального предпринимательства.

В-третьих, построена нелинейная многофакторная модель, демонстрирующая влияние неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство. Обосновано, что наиболее значимыми факторами неформальной среды, оказывающими воздействие на социальное предпринимательство, является автономности членов и гендерное равенство в обществе.

Значимость представляемого исследования состоит в обосновании необходимости учета неформальной институциональной среды при исследовании социального предпринимательства. Данное исследование может быть развито посредством учета добавления факторов, описывающих формальную институциональную среду, а также факторов, определяющих данное влияние в различных группах стран. Данное направление будет реализовано в будущих исследованиях авторов.

Литература

1. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: same, different or both? *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2006, no. 30 (1), pp. 1–22. DOI: 10.5700/rausp1055.
2. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Социальное предпринимательство как объект институционального анализа // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика» = Perm University Herald. Economy. 2017. Том 12. № 3. С. 360–374. DOI:10.17072/1994-9960-2017-3-360-374.
3. Dacin M.T., Goodstein J., Scott W.R. Institutional theory and institutional changes. *The Academy of Management Journal*, 2002, vol. 45, no. 1, pp. 45–57. DOI: 10.2307/3069284.
4. Stephan U., Uhlaner L., Stride C. Institutions and social entrepreneurship: the role of institutional voids, institutional support, and institutional configurations. *Journal of International Business Studies*, 2015, vol. 46, no. 3, pp. 308–331. DOI: 10.1057/jibs.2014.38.
5. Zahra S., Gedajlovic E., Neubaum D., Shulman J. A typology of social entrepreneurs: motives, search processes and ethical challenges. *Journal of Business Venturing*, 2009, no. 24, pp. 519–532. DOI: 10.1016/j.jbusvent.2008.04.007.
6. Schwartz S.H. A theory of cultural value orientations: explication and applications. *Comparative Sociology*, 2006, no. 5 (2–3), pp. 137–182.

7. Estrin S., Mickiewicz T., Stephan U. Entrepreneurship, social capital, and institutions: social and commercial entrepreneurship across nations. *Entrepreneurship Theory and Practice*, 2013, no. 37 (3), pp. 479–504. DOI: 10.1111/etap.12019.
8. Dees J., Emerson J., Economy P. *Enterprising nonprofits: a toolkit for social entrepreneurs*. New York: John Wiley & Sons, 2001.
9. Mair, J., & Marti, I. Social entrepreneurship research: a source of explanation, prediction, and delight. *Journal of World Business*, 2006, vol. 41, no. 1, pp. 36–44.
10. Dees J., Anderson B. Framing a theory of social entrepreneurship: building on two schools of practice and thought [Электронный ресурс]. URL: <https://centers.fuqua.duke.edu/case/wp->
11. Hoogendoorn Br. *What do we know about social entrepreneurship: an analysis of empirical research?* Erasmus University Rotterdam, 2009.
12. Кадол Н.Ф. Социальное предпринимательство в рыночной экономике. Брянск: Дельта, 2009. 148 с.
13. Арай Ю.Н., Бурмистрова Т.А. Специфика бизнес-моделей в социальном предпринимательстве // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12, № 4. С. 55–78.
14. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / под ред. А.А. Московской; ВШЭ, М., 2011. URL: <http://parksqt.tsu.ru/upload/iblock/e78/e7831f3299fc0bdb41b45d08adc41e2b.pdf>
15. Попов Е.В., Веретенникова А.Ю., Козинская К.М. Эволюция социального предпринимательства в мировом пространстве // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2017. Т. 16. № 3. С. 379–402. DOI: 10.15826/vestnik.2017.16.3.019.
16. Gras D., Moss T., Lumpkin G. The use of secondary data in social entrepreneurship research: assessing the field and identifying future opportunities. In: Short J. (Ed.). *Social Entrepreneurship and Research Methods (Research Methodology in Strategy and Management)*. Emerald Group Publishing Limited, 2014. Vol. 9. Pp. 49–75.
17. Kerlin J.A. Pollak T. Nonprofit commercial revenue. A replacement for declining government grants and private contributions? *The American Review of Public Administration*, 2011, no. 41 (6), pp. 686–704.
18. Carroll D.A., Stater K.J. Revenue diversification in nonprofit organizations: does it lead to financial stability? *Journal of Public Administration Research and Theory*, 2008, vol. 19, no. 4, pp. 947–966.
19. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. С. 204.
20. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180с.
21. Scott W. R. *Institutions and Organizations*. Thousand Oaks: Sage Publications, 1995.
22. Williamson C.R. *Contracting Institutions*. Mississippi State University. December 18, 2012. Available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=219129S. P. 4.
23. Pejovich S. The effects of the interaction of formal and informal institutions on social stability and economic development, *Journal of Markets & Morality*, 1999, vol. 2, no. 2, pp. 164–181.
24. Тамбовцев В.Л. Экономическая теория неформальных институтов. М.: РГ-Пресс, 2014. 174 с.
25. Schwartz S.H. A theory of cultural value orientations: explication and applications. *Comparative Sociology*, 2006, no. 5 (2–3), pp. 137–182.
26. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // Журнал экономической теории. 2013. № 4. С. 48–57.
27. Полищук Л., Меняшев Р. Экономическое значение социального капитала // Вопросы экономики. 2011. № 12. С. 46–65.
28. Hofstede G. *Culture Consequences: 2nd edition*. Sage Publications, 2001.
29. Puumalainen K., Sjögrén H., Syrjä P., Barraket J. Comparing social entrepreneurship across nations: An exploratory study of institutional effects. *Canadian Journal of Administrative Science*, 2015, no. 32, pp. 276–287. DOI: 10.1002/cjas.1356.
30. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: theory and empirical tests in 20 countries. *Advances in Experimental Social Psychology*, 1992, vol. 25, pp. 1–65.
31. Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Ценности культуры и развитие общества / ГУ ВШЭ, М., 2007. С. 81.

32. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития – Фонд «Либеральная миссия», М., Новое издательство, 2011.
33. Dees J. G. *The Meaning of Social Entrepreneurship. Draft Report for the Kauffman Center for Entrepreneurial Leadership*. Stanford, CA: Stanford University, 1998.
34. Alvord S., Brown L., Letts C. Social entrepreneurship and societal transformation. *Journal of Applied Behavioral Science*, 2004, no. 40 (3), pp. 260–282.
35. Sara C., Minard L. Valuing entrepreneurship in the informal economy in Senegal. *Social Enterprise Journal*, 2009, vol. 5, no. 3, pp. 186–209.
36. Peng M., Wang D., Jiang Y. An institution-based view of international business strategy: a focus on merging economies. *Journal of International Business Studies*, 2008, vol. 39, no. 5, pp. 920–936.
37. Nicolas C., Rubio A. Social enterprise: gender gap and economic development. *European Journal of Management and Business Economics*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 56–62. DOI: 10.1016/j.redeen.2015.11.001.
38. Шварц Ш. Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий// Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5. № 2. С. 39.
39. Zahra S., Rawhouser H., Bhawe N., Neubaum D., Hayton J. Globalization of social entrepreneurship opportunities. *Strategic Entrepreneurship Journal*, 2008, no. 2, pp. 117–131. DOI: 10.1002/sej.43.
40. Lepoutre J., Justo R., Terjesen S., and Bosma N. Designing a global standardized methodology for measuring social entrepreneurship activity: the global entrepreneurship monitor social entrepreneurship study. *Small Business Economics*, 2013, no. 40 (3), pp. 693–714. DOI: 10.1007/s11187-011-9398-4.

Сведения об авторах

Евгений Васильевич Попов – д.э.н., чл.-корр. РАН, руководитель Центра экономической теории, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: erorov@mail.ru), профессор кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства

Анна Юрьевна Веретенникова – к.э.н., научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: vay_uies@mail.ru), доцент кафедры, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства

Илья Викторович Наумов – к.э.н., старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: Iia_naumov@list.ru), доцент кафедры, Уральский государственный экономический университет, Уральский государственный горный университет

Ксения Михайловна Козинская – магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 136; e-mail: ksush1@yandex.ru)

Popov E.V., Veretennikova A.Yu., Naumov I.V., Kozinskaya K.M.

Non-Formal Institutional Environment of Social Entrepreneurship

Abstract. Social entrepreneurship as an alternative way to solve social problems is rapidly becoming popular. The efficiency of this type of activity largely depends on the formal institutions operating in the territory under consideration, as well as on the prevailing values, habits, customs peculiar to social groups which do not live on it and form an informal institutional environment. The purpose of the study is to

simulate the impact of informal institutional environment on social entrepreneurship in the global space. The article analyzes the approaches to analysis of informal institutions; it is shown that this problem is raised in works of both foreign and domestic researchers. The Inglehart-Welzel concept of modernization, cultural change and democracy was used in analysis of informal institutional environment. The information framework of the research consists of international reports of the Global Entrepreneurship Monitor, the World Values Survey, the World Bank for 2015 in 30 countries. The analysis of distribution of countries according to Inglehart map criteria shows that successful functioning of social entrepreneurship is facilitated by post-materialistic values developed in the society. The authors of the article construct a non-linear multi-factor model demonstrating the influence of informal institutional environment on social entrepreneurship. It is proved that the most important factors of informal environment having an impact on social entrepreneurship is the autonomy of members in the society, as well as gender equality. The significance of the results is the opportunity to use the identified patterns directly for the development of social entrepreneurship, and solve social problems in general.

Key words: informal institutional environment, social entrepreneurship, factors, Inglehart-Welzel concept, values.

Information about the Authors

Evgenii V. Popov – Doctor of Sciences (Economics), RAS corresponding member, head of the Center for Economic Theory, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: epopov@mail.ru)

Anna Yu. Veretennikova – Candidate of Sciences (Economics), researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: vay_uiec@mail.ru)

Il'ya V. Naumov – Candidate of Sciences (Economics), Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: Ilia_naumov@list.ru)

Kseniya M. Kozinskaya – Candidate of Sciences (Economics), graduate student, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (13b, Lenin street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: ksush1@yandex.ru)

Статья поступила 12.04.2018.

Политическая экономия как теоретико-методологическая основа для выявления основных тенденций развития социального предпринимательства

Руслан Николаевич
ПАВЛОВ

Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский проспект, д. 47
E-mail: pavlovru@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые особенности генезиса социального предпринимательства как новой формы организации предпринимательской деятельности, направленной не на максимизацию прибыли собственников, а на реализацию социальных задач в условиях усиления неолиберальных тенденций в экономической политике и экономической теории. Показано, что, оставаясь в рамках неолиберальной идеологии, сохраняющей свое влияние в экономической науке, невозможно создать адекватную теорию, объясняющую значение социального предпринимательства в контексте процесса смены парадигм экономических отношений, поскольку под влиянием данной идеологии происходит утверждение ложных стереотипов, которое сопровождается фальсификацией исторических фактов. В этом смысле представляется, что методология политической экономии, учитывая современные тенденции трансформации общественно-экономических отношений и отклонения тенденции общественного развития от рамок формально сохраняющейся, но приходящей в упадок неолиберальной парадигмы, оказывается весьма востребованной, тем более что в число ее проблемных областей входят такие вопросы, как различение индивидуальной и общественной форм производства, соотношение между необходимым и прибавочным продуктом, распределение прибавочной стоимости (в случае ее возникновения), проблемы индивидуализации и социализации экономических явлений, соотношения между рыночными и нерыночными сферами производства и распределения ко-

Для цитирования: Павлов Р.Н. Политическая экономия как теоретико-методологическая основа для выявления основных тенденций развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 235–251. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.15

For citation: Pavlov R.N. Political economy – a theoretical and methodological framework for identifying main trends in social entrepreneurship development. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 235–251. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.15

нечного продукта, проблемы признания социальной значимости результата индивидуального труда. В настоящей работе данные методологические принципы применяются для анализа такого сложного, противоречивого явления, как социальное предпринимательство. Цель работы состоит в попытке обосновать необходимость применения политэкономического подхода для исследования основных тенденций развития социального предпринимательства в условиях ограниченности теоретико-методологических средств, которыми располагает неолиберальная экономическая теория. Это позволит решить следующие задачи: сформировать вполне объективную картину его развития, определить истинную природу данного явления и выявить некоторые особенности способа производства, лежащего в основе социального предпринимательства. Поскольку социальное предпринимательство представляет собой одну из форм снятия отчуждения, в контексте политической экономии, предполагая стремление к ассоциированному социальному творчеству, его вполне можно воспринимать как один из инструментов перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», о котором писал К. Маркс.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, политическая экономия, мейнстрим, производственные отношения.

Введение

В последнее время в социальной сфере в России происходят довольно тревожные явления, свидетельствующие о постепенном ослаблении роли государства как регулятора и основного финансового источника развития социальной сферы. Оптимизация в социальной сфере стала уже своеобразной доктриной нынешнего Правительства Российской Федерации, а ее корни следует искать в природе экономического курса, проводимого правительством на протяжении уже более четверти века. Следует сказать, что на эту тему существует огромное количество публикаций, в которых подвергается резкой критике экономическая политика руководства страны, в основе которой — неолиберальная модель экономического развития, и поэтому не имеет особого смысла вновь упоминать уже известные причины неудач российских реформ, являющиеся, по сути, следствием неусвоенных уроков мировой истории экономического развития. Стоит лишь отметить, пожалуй, главную особенность нынешнего развития стран Западной Европы и США, которые, в отличие от России, оказались вполне восприимчивыми к подобным урокам. В действительности, в экономических моделях этих стран в настоящее время наблюдается довольно серьезный сдвиг от неолиберальной модели конкурентной борьбы между всеми экономическими агентами в сторону модели консолидации общества с усилением роли государства, движение от экономики отчуждения к экономике солидарности.

Видимо, во многом это происходит благодаря осознанию правительствами данных стран после финансового кризиса 2008 г. того, что подобный курс неизбежно обречен на подобные исходы в виде постоянных, циклических кризисов. Наиболее ярко и обстоятельно данная позиция была выражена в книге нобелевского лауреата П. Кругмана, название которой оказалось квинтэссенцией данных умонастроений — «Возврат депрессивной экономической теории и кризис 2008 г.» [1]. Кругман указывает на то, что в основе любой экономической политики лежит соответствующая экономическая теория, которая, собственно, и является основным двигателем экономической политики. Проанализировав предпосылки возникновения Великой депрессии в США и сопоставив их с причинами возникновения мирового экономического кризиса 2008 г., он пришел к выводу о том, что факторы, породившие оба кризиса, фактически идентичны, — это факторы усиления либерализации в экономике, вернее, — постепенное нарастание хаоса, состояния дерегулирования экономической системы, когда система управления рынками, причем как в финансовом, так и в реальном секторе, фактически ослабеваает, и рынки постоянно находятся под воздействием внешних факторов, которые время от времени дестабилизируют их работу и тем самым вызывают цепную реакцию в экономике в целом. Подобное ослабление контролирующих позиций государства, таким образом, уже дважды привело к мощнейшим экономическим кризи-

сам и, в свою очередь, явилось причиной и системного кризиса в экономике, проявившегося в том, что сбой в работе одной подсистемы, такой, как, например, социальная сфера, неизбежно приводит к аналогичным последствиям и в других подсистемах.

В 1980-х годах в Великобритании, а позднее и в США наблюдается ренессанс неолиберализма. Приход к власти М. Тэтчер в Великобритании и Р. Рейгана в США ознаменовал возвращение идеалов неолиберальной политики, характеризующейся сокращением социальных расходов и политикой жесткой бюджетной экономии. Результатом этого стал довольно резкий рост уровня безработицы и бедности в этих странах, обусловленный также и ослаблением роли профсоюзного движения в обществе. В этом смысле возникновение социального предпринимательства как общественного явления следует воспринимать как ответную реакцию на подобную экономическую политику, поскольку в условиях необходимости выживания при сокращении бюджетных расходов требовались новые формы самоорганизации и самозанятости, адекватные существующим историческим реалиям. Однако, с другой стороны, по мере своего развития данное явление, по сути, сформировало и новую парадигму хозяйственной деятельности, не укладывающуюся в привычные рамки традиционного коммерческого предприятия, поскольку не ставило своей целью максимизацию прибыли, а, в первую очередь, было ориентировано на решение социальных проблем, с довольно жесткими ограничениями по возможностям извлечения прибыли, в силу того что одним из важнейших условий функционирования социального предприятия являлся принцип реинвестирования определенной доли дохода в дальнейшие социальные проекты. Основным объектом воздействия социального предпринимательства первоначально являлись именно те социальные категории, которые в наибольшей степени пострадали от политики ликвидации институтов социальной поддержки. К ним, в первую очередь, следует отнести малообеспеченные и низкоквалифицированные слои населения, которые традиционно подвергаются массовым сокращениям в период кризисов (прекариат), люди с ограниченными возможностями, со-

циально неблагополучные категории, нуждающиеся в социальной реабилитации, такие как бывшие заключенные, беспризорники, бездомные, трудовые мигранты, а также лица, подвергающиеся особой дискриминации по расовым, этническим признакам. Но учитывая, что в современных условиях нарастают процессы глобализации, усиливается конкуренция, обостряется социальная незащищенность и происходит безудержное обогащение крупного капитала при сокращении социальных гарантий, можно сказать, что массовые сокращения становятся довольно типичным явлением, особенно в связи с постоянным ростом процессов слияний и поглощений компаний и оптимизацией расходов на предприятиях. В силу данных обстоятельств, социальная база данного явления начинает стремительно расширяться. Бурный рост численности подобных категорий поставил на повестку дня вопрос о необходимости развития социального предпринимательства как одного из немногочисленных, но доступных способов обеспечения занятости в условиях стремительного сокращения государственного сектора в экономике.

С учётом того обстоятельства, что в настоящее время в экономической науке отсутствует единая теоретико-методологическая основа для характеристики такого сложного явления, как социальное предпринимательство, целью настоящей работы будет попытка обосновать необходимость применения политэкономического подхода для исследования основных тенденций развития социального предпринимательства в условиях ограниченности теоретико-методологических средств, которыми располагает неолиберальная экономическая теория.

Для реализации поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- доказать ограниченность подхода, применяемого современными исследователями, работающими в русле неолиберального направления экономической теории, путем проведения анализа соответствия представленной ими теории социального предпринимательства фактам, отражающим реальные тенденции его развития.
- определить основные формы проявления социального предпринимательства в современном мире за последние десятилетия;

- определить уровень финансовой устойчивости социальных предприятий и меры их зависимости от внешних источников финансирования;

- выявить способ производства, лежащий в основе деятельности социальных предприятий, и попытаться определить, насколько он соответствует критериям обычного коммерческого предприятия, функционирующего в рамках традиционной рыночно-капиталистической системы;

- определить характер распределения прибавочной стоимости на социальных предприятиях.

Методология исследования

Одной из причин актуализации политической экономии в качестве теоретико-методологической базы данной работы является попытка рассмотреть данное явление в более широком аспекте, чем могут это позволить рамки неоклассической экономической теории. В отличие от мейнстрима, акцентирующего внимание лишь на коммерческой составляющей социального предпринимательства, в рамках политической экономии можно рассмотреть диалектику данного явления, увидеть его другие стороны, в частности признаки пострыночных экономических отношений, которые отмечают в социальном предпринимательстве современные политэкономы А.В. Бузгалин и А.И. Колганов [2]. Однако специально данные авторы не рассматривали данное явление, а ограничились лишь данным замечанием, и потому здесь как раз и представляется возможность для его детального изучения как политэкономического феномена. Одним из важнейших принципов политической экономии, которые выделяет О.Ю. Мамедов, выступает принцип объективности, означающий, что каждое поколение может осуществлять свою деятельность только в рамках имеющихся производственных предпосылок [3], находясь в зависимости от конкретных исторических условий. Именно таким образом будет рассматриваться социальное предпринимательство в данной работе, в контексте объективных законов социально-экономического развития. Другим поводом для обращения к политической экономии в качестве теоретико-методологической основы является факт того, что социальное предпринимательство фактически принадлежит к рождающе-

муся в настоящее время новому, интегральному обществу, в котором будет соблюдаться баланс между элементами капитализма и социализма, на что указывает Г.Н. Цаголов [4], а ценности солидарности и активной роли государства как субъекта экономики будут играть гораздо более значительную роль, чем в условиях рыночной системы. Наилучший способ для познания законов развития такого общества может быть возможен только в рамках политической экономии, поскольку только она позволяет анализировать степень взаимодействия элементов различных экономических формаций в их диалектическом развитии.

Если проследить тенденции развития социального предпринимательства на протяжении последних трех десятилетий, можно вполне согласиться с теми исследователями, которые полагают, что оно не вписывается в рамки традиционной неолиберальной парадигмы, а служит элементом формирующейся в настоящий период в мире так называемой «экономики солидарности» [5], новой формы экономических отношений, в которой тенденция к конкуренции, характерная для привычных рыночных отношений, сменяется тенденцией к сотрудничеству, когда в мире постепенно происходит осознание разрушительных последствий неолиберальной идеологии, приводящей к усилению социального неравенства, обострению классовых противоречий и усилению отчуждения во всех сферах общественной жизни, которое со временем может привести к расколу общества как единого организма. В этом смысле бурный рост интереса к политической экономии, возникший в период после финансового кризиса 2008 г., является вполне обоснованным: подозрение о том, что в основе данного кризиса лежат механизмы, обнаруженные еще К. Марксом [6], вызвало необходимость пересмотреть отношение общества к политической экономии и вновь углубиться в исследование данных механизмов, о чем свидетельствует колоссальный рост популярности «Капитала», ставшего фактически бестселлером в первые годы после данного кризиса. В этом смысле представляется, что методология политической экономии, учитывая современные тенденции трансформации общественно-экономических отношений и отклонения тенденции общественного развития от рамок формально сохраняющей-

ся, но приходящей в упадок неолиберальной парадигмы, оказывается весьма востребованной. В этом смысле методология политической экономии представляется гораздо шире методологии неолиберальной экономической теории, поскольку она касается таких вопросов, как различие индивидуальной и общественной форм производства, соотношение между необходимым и прибавочным продуктом, распределение прибавочной стоимости, в случае ее возникновения, проблема индивидуализации и социализации экономических явлений, соотношения между рыночными и нерыночными сферами производства и распределения конечного продукта, проблемы признания социальной значимости результата индивидуального труда [7, с. 10-13], выявления экономического противоречия в каждом изучаемом явлении, его диалектической природы, проблемы свободы предпринимательства, вопрос о роли государства в экономике, вопрос о соотношении между эффективностью и справедливостью, который в условиях мейнстрима решается довольно своеобразно, путем абсолютизации эффективности во всех ее проявлениях, а также вопросом, существуют ли альтернативы критерию рыночного равновесия, — всё это составляет предмет изучения политической экономии и одновременно определяет и методологию политэкономического анализа, основанного на принципах диалектической логики и изучения любого рассматриваемого явления в развитии его основных свойств и во взаимодействии с внешней средой. В настоящей работе данные методологические принципы применяются для анализа такого сложного, противоречивого явления, как социальное предпринимательство. Это позволит сформировать вполне объективную картину, позволяющую определить истинную природу данного явления и выявить основные принципы формирования государственной политики в области социального предпринимательства для повышения эффективности его развития.

Говоря о природе социального предпринимательства как особого явления, необходимо учитывать, что оно возникло в мире именно в тот период, когда особенно остро стали ощущаться последствия применения неолиберальной парадигмы как системы, формирующей приоритеты экономической политики, предпо-

лагающей существенное сокращение государственного сектора, необходимое, якобы, ради обеспечения условий экономического роста. Собственно говоря, уже исходя из названия становится понятным, что социальное предпринимательство представляет собой способ удачного соединения некоммерческой деятельности и элементов предпринимательской практики, применяемой для обеспечения большей степени финансовой устойчивости предприятия. В настоящее время в экономической науке при оценке социального предпринимательства как нового актора современной экономики, к сожалению, пока что доминируют представители праволиберального направления, специалисты Высшей школы экономики [8], стремящиеся выделить именно коммерческую составляющую в системе социального предпринимательства, игнорируя при этом факт того, что оно имеет и ряд своих особенностей и очень часто не является самоокупаемым и коммерчески рентабельным. В этом смысле, если представители «мейнстрима» видят лишь то, что хотят увидеть, политэкономия содержит гораздо более широкие возможности для адекватного анализа: она позволяет рассмотреть данное явление в комплексе и диалектическом взаимодействии таких противоположных элементов, как коммерческая и некоммерческая деятельность, а также позволяет рассмотреть его в контексте элементов, образующих сущность капиталистического способа производства, и понять, соответствует ли оно им и в какой мере или же представляет собой зарождение нового, оригинального способа производства. С помощью метода научной абстракции, на котором, собственно, и основывается политэкономический анализ, будет предпринята попытка обобщить представление о социальном предпринимательстве как о новом типе производственных отношений, выявить меру его соотношения с капиталистическим укладом, в условиях которого оно зародилось, и определить тенденцию его эволюции как самостоятельного социально-экономического явления.

Многообразие форм проявления социального предпринимательства в современном мире

Поскольку понятие социального предпринимательства пока что является малоизвестным для широкой общественности, особенно в России, необходимо представить основные тен-

денции его развития для того, чтобы сложилась более или менее ясная картина об этом явлении. Согласно определению, представленному в «Википедии», оно представляет из себя предпринимательскую деятельность, направленную на смягчение или решение социальных проблем, которая, якобы, характеризуется такими признаками, как социальное воздействие, финансовая устойчивость и самокупаемость и предпринимательский подход, предполагающий способность предпринимателя находить возможности, аккумулировать ресурсы [9]. Следует отметить, что в основе данного определения довольно ясно просматривается идеологический подтекст, обусловленный значительным влиянием неолиберальной школы, создающей определенный имидж, вопреки реально существующей картине, которая явно расходится с этим определением, и можно привести доказательства, опровергающие данную характеристику. Признаки расхождения поведения социальных предпринимателей с привычной картиной поведения рыночных субъектов были отмечены Ч. Лидбитером, который назвал свою статью, посвященную данному явлению, «Мейнстрим инакомыслящих» [10]. Более мягкое определение, в котором не ставится акцент на самокупаемости, приводится в работе Е.С. Петренко, Ю.А. Кот, С.Г. Климовой и Е.В. Богомоловой. Эти авторы отмечают, что суть социального предпринимательства в изначальной нацеленности на решение или существенное смягчение остроты конкретной социальной проблемы, которое обеспечивается за счет сочетания бизнес-подхода и социального новаторства [11]. К числу признаков, отличающих социальные предприятия от обычных коммерческих, относится, в частности, тот факт, что далеко не все действующие социальные предприятия могут себя назвать полностью самокупаемыми и финансово устойчивыми (скорее, они являются финансово уязвимыми, поскольку для поддержания своей жизнедеятельности они постоянно прибегают к различным формам внешней поддержки, в том числе со стороны государства). Так, например, Э.Н. Рудык, говоря о такой наиболее типичной форме социального предприятия, как производственный кооператив, отмечает, что в мире порядка 90% таких кооперативов являются «неприбыльными» по закону, а 10% производственных ко-

оперативов дано право сделать выбор: быть «неприбыльными» или «прибыльными» [12, с. 264]. Во-вторых, предпринимательский подход как таковой не всегда является отличительной особенностью социального предпринимательства. В последнее время в мире появились случаи, когда социальными предпринимателями стали именовать себя люди, занимающиеся политической деятельностью, которая способна оказать долгосрочный положительный эффект на рост предпринимательской активности среди беднейших слоев населения и тем самым предоставить им шанс повысить свое благосостояние и улучшить качество жизни. В сущности, это является одним из направлений социально-предпринимательского воздействия, которое можно обозначить как интеграцию определенных слоев населения в гражданское общество (civic engagement), и у некоторых социальных предприятий подобное направление присутствует среди их основных видов деятельности. Одним из вариантов подобной политической деятельности является акция депутата греческого парламента Е. Панаритис, выразившаяся в проведении по ее инициативе реформы прав собственности на недвижимость в Перу в конце 90-х годов прошлого века, существенно улучшившей положение трудовых мигрантов в этой стране, и в связи с этим в своих многочисленных интервью она называла себя социальным предпринимателем [13], что выглядит вполне обоснованным.

Известный общественный деятель США К. Альтер для того, чтобы представить широту поля социального предпринимательства, на примере истории развития конкретных компаний приводит обзор ряда разительно отличающихся друг от друга моделей проявления данного феномена, возникших в разное время и сыгравших разную роль в его развитии. В данное поле включаются кооперативы, организации гражданского общества, соглашения о добросовестной торговле, корпорации развития местных сообществ, социальные компании (так называемый «аффирмативный» бизнес — affirmative business), микропредприятия, правительственные программы для поддержки частных социальных инициатив, организации «Основ Пирамиды» (Base of the Pyramide, BoP), венчурная филантропия и «филантропренерство» [14].

Д. Кикал и Т. Лайонс приводят следующее определение: социальное предпринимательство – это применение образа мыслей, процессов, инструментов и технологий обычного предпринимательства для деятельности на благо общества и экологии [15]. Данное определение довольно тесно переплетается с таким довольно оригинальным направлением в деятельности социального предпринимательства, как импакт-инвестирование, которое предполагает инвестирование с целью не извлечения прибыли, а достижения определенного эффекта социального воздействия. Данный вид инвестиций является дополнительным подтверждением того, что социальное предпринимательство, по сути, не является коммерчески-ориентированным видом бизнеса и его нельзя оценивать, ограничиваясь только терминами «самокупаемость» и «финансовая устойчивость». Его область воздействия гораздо шире. Как утверждает заместитель председателя Совета по социальному предпринимательству ТПП РФ М. Мамута, импакт-инвесторами становятся не те люди, которые хотят получить небольшой доход от своих капиталовложений, а те, кто стремится поддержать достижение тех целей, ради которых работает социальный бизнес [16].

Несколько расширяет наше представление об этом явлении опыт египетской компании «Секем», считающейся типичным образцом социального предприятия, приоритетное направление деятельности которой – производство лекарственных трав с применением новых биотехнологий в сельском хозяйстве, предполагающим отсутствие пестицидов. Однако со временем спектр ее социальной политики расширился благодаря тому, что она активно включилась в процесс благотворительной деятельности, в частности, учредила Египетское общество культурного развития, и через эту некоммерческую организацию она поддерживала детский сад, Институт дополнительного образования, медицинский центр, многие другие социальные и культурные мероприятия, а также оказывала содействие в создании университета [17].

Данные примеры вынуждают нас отказаться от традиционно используемого определения социального предпринимательства и несколько

расширить его границы с тем, чтобы включить в него такие явления, как политический процесс и благотворительность. Таким образом, мы можем утверждать, что под социальным предпринимательством следует понимать некую совокупность различных видов социальной политики, направленных на решение конкретных задач, реализующихся как посредством вмешательства в действующую институциональную структуру, так и с помощью традиционной предпринимательской деятельности. Слово «предприниматель» в обоих случаях имеет особый смысл, вопрос только в том, на каком уровне данное явление реализуется: в первом случае предпринимаются усилия, скорее, политического характера, но имеющие вполне реальные, ощутимые социальные последствия, во втором случае данное понятие имеет традиционный смысл, поскольку речь идет о предпринимателе, создающем новое предприятие и организующем весь процесс производства и распределения, который тем не менее отличен от применяемого на стандартных коммерческих предприятиях, и именно политическая экономия и позволяет раскрыть данную специфику, поскольку она предполагает дифференциацию различных способов производства, в отличие от замкнутости мейнстрима, концентрирующегося лишь на одном капиталистическом способе производства и признающего его в качестве вершины развития цивилизации.

Другим немаловажным аспектом социального предпринимательства является так называемое инклюзивное развитие, которое предполагает нивелирование высокой степени социального неравенства в мире за счет применения инновационных механизмов. В частности, один из таких инновационных механизмов – система микрокредитования, показавшая свою эффективность в таких странах, как Индия и Бангладеш, в которых местные банки выдавали микрокредиты бедным крестьянам при поручительстве всей общины, вследствие чего крестьяне получали реальную помощь, а невозврат долгов при этом был крайне низок [18]. К сожалению, в России успех микрокредитования не является столь заметным, ввиду неразвитости института микрокредитования, в особенности, систем ответственности и поручительства.

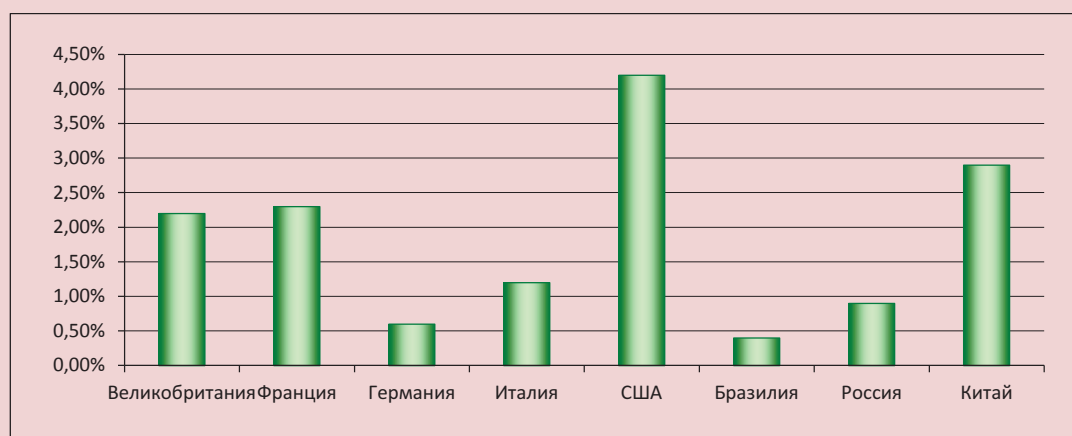
Условия возникновения социального предпринимательства в мире

Первые признаки социального предпринимательства как заметного массового явления в экономике относятся к 80–90 гг. прошлого столетия, когда некоммерческие организации стали проявлять инициативу по развитию коммерческого сектора в своих структурах, поскольку усиление конкуренции в обществе потребовало поиска более эффективных способов выживания в условиях ограниченности благотворительных ресурсов. Так называемому третьему сектору в экономике, включающему некоммерческие организации, необходимо было более активно вовлекаться в процесс решения проблемы бедности и безработицы, учитывая постепенное устранение государства от выполнения социальных функций, проявляющееся в устойчивом сокращении социальных программ и бюджетных расходов, уповая на всеильную «невидимую руку рынка», способную обеспечить наилучшее материальное положение для всего общества. Именно поэтому социальное предпринимательство следует воспринимать как реакцию на, по сути, безответственное поведение государства как субъекта экономики в условиях усиления глобализации и либерализации и прочих факторов, осложняющих жизнедеятельность в условиях нестационарной системы, а не как явление, характерное для стран якобы побежденного социализма, как это пытаются представить исследовательские коллективы Высшей школы экономики [8]. Для опро-

вержения данного тезиса достаточно привести статистические данные о динамике социально-предпринимательской активности на ранней стадии (SEA), показателя, который рассчитывается как процентная доля от всего трудоспособного населения страны тех лиц, которые активно пытаются создать социальное предприятие, а также тех, кто управляет социальным предприятием не более чем 3,5 года с момента создания на момент расчета индекса. Если рассматривать данный показатель как индикатор активности в сфере социального предпринимательства (*рисунок*), то мы видим, что наибольшая активность приходится отнюдь не на страны побежденного социализма, а как раз наоборот – наибольший всплеск активности в области социального предпринимательства приходится на страны, такие, как США, Великобритания, Франция, в которых либо традиции капиталистического уклада остаются неизменными в течение длительного времени, либо наблюдается конвергенция социалистических и капиталистических элементов в системе народного хозяйства, как, например, в Китае.

Низкое положение России в этом рейтинге можно отчасти объяснить недостаточным вниманием со стороны государства, поскольку в других странах, особенно в США, государство оказывает довольно активную поддержку социальным предпринимателям, в том числе и финансовую. Тем не менее в России в последние годы наблюдается довольно высокая активность в этой сфере. Как рассказывают в Перм-

Социально-предпринимательская активность на ранней стадии (SEA), 2009. [19]

ском фонде развития предпринимательства (ПФРП), за два года число социальных предпринимателей выросло более чем в два раза: в 2015 г. их было 250 чел., а в 2016 г. — уже 450. При этом, однако, доля субъектов малого и среднего бизнеса, занятых в социальной сфере, остается ничтожно малой — менее 0,5 % от общего числа предпринимателей. В целом в России социальные предприниматели составляют 1% среди субъектов малого и среднего бизнеса. В европейских странах этот показатель находится на уровне 3–3,5% [20].

Период возникновения социального предпринимательства в Европе и США — это период, который получил в англоязычной литературе довольно меткое название социального аутсорсинга, который подразумевал передачу государством функций по управлению учреждениями социальной сферы представителям частного сектора, и как свидетельствуют предварительные итоговые исследования, данная стратегия привела поистине к разрушительным последствиям для всего социального сектора в целом, коммерциализированного таким образом [21]. Новые владельцы стали обращаться с данными предприятиями как со своей личной собственностью, не считаясь с важностью социальных функций, выполняемых ими и не заботясь о повышении качества работы данных учреждений. Понятие эффективности, которое они применили в данном случае, — эффективный менеджмент — проявилось в самом негативном и пошлом смысле этого слова: это была эффективность с точки зрения экономии затрат, по своей жестокости вполне сравнимая с жестокостью нацистов третьего Рейха. Именно в таком смысле данная оптимизация наблюдается сейчас и в системе российского здравоохранения и образования, и последствия, которые мы наблюдаем в этих сферах, столь же разрушительны, как и в западных странах. Поистине прав был Г. Гегель, когда утверждал, что история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, а другой раз в виде фарса. То, что обернулось трагедией для Европы и США, оказалось, конечно же, не менее трагичным явлением и для России, однако, учитывая упорное продолжение курса либеральных реформ, несмотря на то что история многократно показывала их катастрофичность для экономики, можно сказать, что данное явление скорее выглядит как неле-

пый фарс. Говоря о последствиях социального аутсорсинга в Великобритании, нельзя не отметить один вопиющий случай, который произошел в Рочдейле после передачи детских домов в сферу частного управления. Новый «эффективный» менеджер мгновенно переселил данные заведения в районы, где цены на недвижимость были минимальными, игнорируя при этом факт того, что данные районы оказались самыми опасными с точки зрения криминальной ситуации, и результатом этого явились многочисленные случаи педофилии, детской наркомании и прочих пагубных действий в отношении несовершеннолетних [21]. Подобная ситуация жесткой экономии издержек бизнесом очень напоминает современные процессы по оптимизации системы здравоохранения в России. Другим результатом социального аутсорсинга стало резкое снижение оплаты труда медицинского персонала в Англии, когда частные компании, захватившие данные предприятия, фактически стали присваивать себе значительную долю финансовых ресурсов, ограничив их до беспрецедентно низких ставок, результатом чего оказалась высокая текучесть кадров и снижение качества обслуживания. В этой связи стоит вспомнить один громкий скандал, произошедший с генеральным директором предприятия А4Е Эммой Харрисон, которая выплатила себе 8,6 миллиона фунтов стерлингов, тем самым получив колоссальную прибавочную стоимость и сократив до минимума объем выплат работникам предприятия [22]. Именно в этой ситуации для социальных предприятий появляется шанс в какой-то мере противостоять подобным попыткам капитализации социального сектора, в силу того что их деятельность предполагает социально-ориентированный подход, а не удовлетворение частных интересов отдельной группы собственников или менеджеров предприятия. В определенном смысле их можно воспринимать как инструмент классовой борьбы с гегемонией крупных корпораций, монополизировавших рынок социальных услуг, в общем движении к экономике солидарности, так как они представляют собой альтернативный подход к решению социальных вопросов, предполагая в системе своих приоритетов отдавать «пальму первенства» не экономической, а социальной эффективности. Однако в условиях этой борьбы силы зачастую оказываются не-

равными. Социальные предприятия, которые стремятся выйти на этот рынок, чтобы конкурировать на равных с крупными корпорациями, не могут себе этого позволить, потому что их финансовые возможности, необходимые для того, чтобы участвовать в процедуре тендера по передаче социальных объектов в частное управление, очень ограниченные, и поэтому они вынуждены оставаться в стороне, а если и участвуют в этом процессе, то зачастую им приходится довольствоваться отводимой для них скромной ролью субподрядчиков на службе у крупного бизнеса. Тем не менее их альтернативная модель поведения, будучи подчиненной социальным, а не личным интересам, заслуживает отдельного изучения. Так, например, социальное предприятие *Sandwell* демонстрирует нам пример очень высокой степени демократичности в системе управления, которая выражается в том, что на предприятии практикуется модель работающего менеджера, при которой исключается возможность злоупотребления властью и, соответственно, избыточная эксплуатация, так как всё подчинено контролю со стороны персонала, а не Совету директоров, состоящему из внешних наблюдателей, как это принято в частных компаниях [23]. Другой пример коллективизма в системе управления и собственности – это знаменитая сеть кооперативов «Мондрагон», которая считается образцом социального предпринимательства в Испании. Кооперативы традиционно считаются наиболее демократичными предприятиями по форме управления и здесь данный принцип реализуется посредством руководящих советов первичных кооперативных компаний, члены которых представляют интересы трудовых коллективов. Такой совет нанимает и увольняет директора-распорядителя (эквивалент генерального директора) своего предприятия, утверждает распределение прибыли и принимает путем голосования другие крупные политические решения. В целом же эта система действует таким образом, что решения принимаются всем коллективом предприятия два раза в год, а распределяет прибыль и принимает стратегические решения Совет, избираемый на 4 года [24, с. 75-96]. Подобные предприятия также известны и коллективной формой собственности, и в этом смысле это подлинно народные предприятия. Данная форма обеспечивается механизмом паевых взносов.

Так, например, в «Мондрагоне» действует такое правило, что каждый его член должен внести паевой взнос в размере 9000 евро. В случае если кооператив получает прибыль, пайщики могут заработать 7,5% в виде дивидендов на паевые взносы, тем самым повышаются стимулы для привлечения новых пайщиков [25]. Таким образом, социальное предприятие – явно не предприятие «мейнстримовского» типа, и поэтому неолиберальный подход, применяемый некоторыми исследователями для его характеристики, здесь абсолютно не уместен.

Каковы последствия применения неолиберального подхода для характеристики социального предпринимательства?

Несмотря на то что социальное предпринимательство представляет собой довольно сложное и оригинальное явление, у ряда исследователей возникает соблазн описать его с помощью традиционного неолиберального подхода, вследствие того, что в последнее время в общественном сознании нарастает влияние про-буржуазной, коммерчески-ориентированной идеологии. Объяснение для подобного шага вполне очевидно: формирующаяся на наших глазах новая научная и образовательная элита в лице Высшей школы экономики (ВШЭ) всячески стремится утвердить в общественном сознании ложные стереотипы о различных явлениях, подчинив их рыночной парадигме и коммерческим ценностям, примерами чего, в частности, могут являться разработанные при её непосредственном участии ВШЭ рейтинги эффективности культурных учреждений, измеряемой по величине кассовых сборов, или показатели величия произведений мировой литературы, измеряемого по числу бестселлеров. В этом смысле данная организация, безусловно, представляет собой аппарат, необходимый для поддержания существующей коммерчески-ориентированной идеологии, активно утверждаемой нынешней государственной политикой в области науки и образования, и оправдания проводимого курса реформ, но при этом, вторгаясь в научную сферу, подобная идеология довольно часто затуманивает глаза исследователю и не позволяет оценить изучаемое явление должным образом. К числу явлений, пострадавших от подобного подхода, безусловно, следует отнести и такое явление, как социальное предпринимательство. Если рассматривать его

в широком контексте, то оно представляет собой своеобразную реакцию беднейших слоев населения на усиление тенденций неолиберализма в мире, и в условиях пассивности государства оно действует по принципу «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих», в этом смысле коммерческая составляющая скорее является вынужденной мерой, а не конечной целью, к которой надо стремиться, и уж, конечно, не главным критерием, отделяющим социальные предприятия от всех прочих организаций гуманитарной направленности, как настойчиво утверждают представители ВШЭ. В действительности палитра социального предпринимательства гораздо более пестрая и многообразная и отнюдь не ограничивается только лишь предприятиями, максимизирующими прибыль. В частности, Э.Н. Рудык выделяет в своей работе 8 типов социальных предприятий с точки зрения организационно-правовой формы: казенное (госбюджетное) предприятие, муниципальное предприятие, производственный кооператив, социальный кооператив, потребительский кооператив, другие формы коллективного предприятия, предусмотренные законодательством и учредительными документами предприятия, частное «неприбыльное» предприятие, «предприятие самопомощи граждан» [12]. Выше уже отмечался его вывод о том, что среди производственных кооперативов в мире только 10% предприятий имеют возможность стать «прибыльными» организациями, остальные же по закону являются «неприбыльными» организациями [12, с. 264]. Стремление сузить спектр охвата социальных предприятий до 10% означает, по сути, откровенный обман, фальсификацию, вызванную необходимостью создать иллюзию отсутствия противоречий между господствующей идеологией и новым явлением: отсюда возникают и ультралиберальные выпады исследователей из ВШЭ о том, что социальное предпринимательство возникло в странах *побежденного социализма* [8, с. 4] и что его появление объясняется низкой восприимчивостью социальных проблем к традиционным мерам воздействия, используемым в государственном секторе в отношении бедности, а также вообще весьма парадоксальный тезис об усилении либеральных социальных теорий на волне критики кейнсианства и государства благосостояния в 1970-е гг. [8, с. 18-19], что абсолютно не соот-

ветствует действительности, поскольку усиление либерализма в экономической политике отнюдь не сопровождалось усилением соответствующих теорий в обществе. Скорее, наоборот, возникло такое направление, как посткейнсианство, которое подчеркивало особую роль государства в экономике [26].

Таким образом, данный подход к анализу социального предпринимательства трудно назвать адекватным, учитывая стремление авторов подвести данное явление под критерии неолиберальной парадигмы, в результате мы имеем дело с достаточно большим числом искажений, встречающихся еще на этапе определения, и впоследствии они оказывают влияние на весь ход рассуждений, превращая труд исследователя в фальсификацию из-за желания увидеть то, что хочется, а не то, что есть на самом деле. Для тщательного и всестороннего исследования данного явления необходим поиск более масштабных теоретико-методологических основ, не допускающих подобного редуционизма, учитывающий специфику различных способов производства, и в этом смысле политическая экономия вполне может представлять собой пример подобного подхода.

Развенчание мифа об устойчивой самоокупаемости социальных предприятий

В качестве одной из ключевых особенностей социальных предприятий, которая отличает данные образования от НКО, исследовательская группа ВШЭ выделяет такую черту, как достижение устойчивой самоокупаемости. Для опровержения данного тезиса достаточно привести лишь несколько примеров. Так, например, известное в Мозамбике социальное предприятие АРОРО, специализирующееся на проведении работ по разминированию территорий, находящихся в районах боевых действий, которых достаточно много в этом регионе, учитывая постоянную эскалацию военных конфликтов на территории Ближнего Востока, в 2016 г. имела долю пожертвований и субсидий в размере 95 % от совокупного объема активов [27] (*табл. 1*), что абсолютно не говорит о ее самоокупаемости.

Для усиления нашего аргумента приведем еще пример с социальным предприятием *Benetech*. Данная компания, которая первоначально называлась *Arkenstone*, специализировалась на производстве машины для чтения с

Таблица 1. Финансовые средства компании «АРОРО» в 2016 г. [27]

Финансовые средства	Объем (в евро)
1. Фандрайзинг	727,101
2. Правительственные гранты	953,300
3. Поступления от различных фондов	1,770,730
4. Гранты от международных институтов	48,577
5. Корпоративные гранты	261,072
6. Исследовательские гранты	200,836
7. Другие неограниченные поступления	63,830
8. Финансовый доход	17,053
Совокупный объем активов	4,220,030

Таблица 2. Финансовая поддержка и доход компании Benetech в 2017 г. [28]

Финансовая поддержка или доход	Объем (в долларах США)
Пожертвования	793,147
Предоставленные услуги/продукты	412,078
Оплата за предоставление инженерных и консалтинговых услуг	5
Доходы от реализации программного обеспечения:	
• Bookshare	9,439,665
• Human Rights	569,102
• Route 66	99
• Benetech Labs	70,059
Процентный доход	6,413
Арендный доход	22,392
Общий объем финансовой поддержки и дохода	11,312,960

голосовым устройством для людей с ослабленным зрением, и социальная направленность проявилась также в снижении цены данного товара до 2,5 тысяч долларов, то есть вчетверо дешевле аналогичного товара, производимого компанией *Xerox*. Впоследствии данной компании удалось продать право на производство этой продукции коммерческому дистрибьютору и сосредоточиться на других проектах, но даже в этих условиях финансового благополучия ее трудно назвать устойчиво самокупаемой, поскольку по данным за 2017 г. в структуре ее источников финансирования доля пожертвований составила 7%, а всё остальное (93%) составил заработанный доход [28] (табл. 2).

Даже если такая успешная компания, как *Benetech*, которую можно считать образцом успешного социального предпринимательства, на 7% зависит от внешнего финансирования, то как же можно утверждать принцип устойчивой самокупаемости в качестве основополагающего критерия? По-видимому, стремление утвердить идеологию рыночного фундаментализма заставляет ее апологетов ради ее оправдания

закрывать глаза на многое, в том числе и на такие очевидные факты, и в итоге мы имеем дело с мифотворчеством, необходимым для манипулирования общественным сознанием.

Кстати говоря, здесь следует отметить и еще одну особенность социальных предприятий, свидетельствующую в пользу того, почему мы не можем утверждать, что это рыночное явление. Отличительной чертой социального предприятия является то обстоятельство, что оно не подчиняется принципу рыночного равновесия, то есть модель установления рыночной цены в точке пересечения кривых спроса и предложения совершенно не соответствует той системе ценообразования, которую применяют типичные социальные предприятия. Скорее, наоборот, мы имеем дело с сознательным понижением цены конечного продукта до определенного фиксированного уровня, гарантирующего лишь минимальную прибыль компании, и в этом состоит важнейшая особенность социальных предприятий: ограничение на долю прибыли в системе ценообразования ради выполнения социальной миссии, которая в дан-

ном случае является приоритетом. Ведь даже тот факт, что компания *Benetech* неоднократно имела возможность повысить цену до равновесной, поскольку не имела других конкурентов, кроме *Xerox*, говорит о том, что подобная коммерчески-ориентированная философия поведения совершенно не свойственна социальному предпринимательству, и в данном случае эта цена, которая оказывается существенно ниже равновесной цены на рынке, определяется совершенно иными, нерыночными критериями. И в этом сознательном ограничении, выражающемся в политике по занижению цены, также кроется причина недостатка ресурсов для того, чтобы подобное предприятие могло стать самокупаемым.

Какой способ производства лежит в основе социального предпринимательства?

Известно, что если применять политэкономический подход, то понятие «эффективность» следует определять в зависимости от конкретного способа производства, в котором она измеряется. Так, например, в условиях капиталистического способа производства эффективность оценивается с точки зрения создания прибавочной стоимости, а не просто создания товаров и услуг [29]. Первое впечатление, которое складывается даже при поверхностном изучении социального предпринимательства, говорит о том, что в основе его лежит совсем не капиталистический способ производства, так как здесь эффективность определяется несколько иначе: здесь во главу угла ставятся критерии общественного развития, а не создание прибавочной стоимости. Собственно говоря, если воспринимать понятие «прибавочная стоимость» как некий прирост стоимости, создаваемый производителем, но не распределяющийся в пользу последнего, то такой вид прибавочной стоимости существует в рамках социального предпринимательства. Однако его главное отличие от прибавочной стоимости, создаваемой на обычном коммерческом предприятии, заключается в следующем: если на обычном коммерческом предприятии данный вид стоимости присваивается капиталистом или той прослойкой, которую можно назвать топ-менеджментом или собственниками предприятия, то на социальном предприятии данный вид прибавочной стоимости реинвестируется в пользу реализации дальнейших со-

циальных проектов. Так, например, компания *Benetech* после передачи своего основного бизнеса по производству машин для чтения коммерческому дистрибьютору перешла на производство новых социальных проектов за счет образовавшейся прибыли, таких, как электронная библиотека и разного рода программное обеспечение для минимизации экологического ущерба, а также для защиты гражданских прав в развивающихся странах. Таким образом, в виде дохода, не распределяемого в пользу работников предприятия, а направляемого на его развитие, прибавочная стоимость на социальных предприятиях все-таки существует, однако это указывает на то, что если на обычных предприятиях, по сути, происходит частный способ присвоения прибавочной стоимости, то на социальных доминирует социально-ориентированный характер ее распределения. Таким образом, способ производства, который лежит в основе деятельности социальных предприятий, не капиталистический, а социально-ориентированный.

Если оценивать место социального предпринимательства в контексте современных трансформаций социально-экономического развития, то здесь можно воспользоваться периодизацией современной истории экономических отношений, предложенной известным марксистом Д. Лайбманом. Согласно данной периодизации получается, что социальное предпринимательство следует относить к стадии, которую он назвал «социализм-предтеча», которая, в частности, характеризуется следующей особенностью: возможности и сознание народных масс исторически ограничены, поскольку они проникнуты собственническо-индивидуалистической идеологией и практиками общества, из которого они вышли, смягчаемыми опытом кооперации в процессе производства, коллективной борьбы и солидарности – частично, но не полностью [30]. Все эти признаки можно вполне обнаружить у многих социальных предприятий. Кроме того, они приносят в хозяйственную практику и элементы новой системы оценки эффективности предприятий. Известно, что эффективность социальных предприятий измеряется с точки зрения создания не экономической, а социальной ценности (*social value*). В этом смысле данная система является предтечей формирования такого

механизма, как *многоуровневая демократическая итеративная координация* (Multilevel Democratic Iterative Coordination, MDIC), составляющего основу ядра зрелого социалистического общества, согласно концепции Лайбмана, которое, согласно его теории, является этапом, следующим за периодом социализма-предтечи [30]. Помимо других важнейших элементов координации социально-экономических процессов, данная система, в частности, включает в себя и критерии, характеризующие решение предприятиями ряда социальных задач: развитие самих работников, преодоление унаследованных от прошлого проявлений расслоения и угнетения по гендерному или расовому признаку, достижение намеченных целей, касающихся воздействия на окружающую среду, развитие отношений с местным сообществом, с другими предприятиями и т.д. Весь этот перечень как раз и является областью воздействия социального предпринимательства и, соответственно, объектом оценки, судя по последним публикациям в данной сфере [31]. В этом смысле, относясь к периоду социализма-предтечи, социальное предпринимательство несет в себе также признаки генезиса следующего этапа — зрелого социализма и поэтому, безусловно, вносит вклад в его формирование. Таким образом, скорее всего, можно определить способ производства, который представляет социальное предпринимательство, как переходный от капиталистического уклада к новой форме экономических отношений, в которых уже доминируют ценности солидарности и общества всеобщего благосостояния, а не индивидуалистические и частнособственнические интересы. Называть ли этот этап зрелым социализмом или как-то иначе, — покажет время. На сегодняшний день можно утверждать лишь одно: современное состояние капиталистических отношений достигло уже той стадии, когда для сохранения данной парадигмы и устранения всех ее противоречий государству приходится привносить в нее массу несвойственных ей элементов — элементов планирования, развития социального сектора и снижения значительного уровня социального напряжения, обусловленного ростом социального неравенства. Однако со временем все эти количественные изменения могут перерасти в качественные, и это может привести к процессу формирования нового интегрально-

го общества, в котором ценности солидарности и сотрудничества будут играть бóльшую роль, чем ценности индивидуализма и конкуренции. Признаки этой рождающейся на наших глазах новой технико-экономической формации совершенно справедливо отмечает в своей работе С.Д. Бодрунов, указывая, что для нее характерно приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально-ориентированного регулируемого хозяйственного развития [32]. Важнейшей задачей для нее он отмечает необходимость заимствования опыта зарубежных стран в области государственного регулирования и программирования рыночной экономики. Активная роль государства по поддержке развития социального предпринимательства в Великобритании и США говорит о том, что оно фактически регулировало его развитие, включая его, таким образом, в общую программу развития страны, следствием чего явился высокий уровень его развития в этих странах.

Заключение

Подводя итог всего вышеизложенного, хочется отметить, что в ходе исследования удалось установить, пользуясь политэкономическим подходом, что социальное предпринимательство — явление особое, отражающее не только признаки трансформирующейся рыночной парадигмы, но и несущее в себе своеобразный заряд изменений, направленных на преобразование общества в направлении экономики солидарности с меньшим значением таких ценностей, как прибыль, конкуренция, индивидуализм и т.д., с большим акцентом на таких категориях, как солидарность, коллективизм, социальная ответственность, социальное творчество. В этом состоит основной вклад настоящей работы в исследование данной проблемы и ее научная новизна. Отмечена ограниченность неоклассической экономической теории, определен способ производства, лежащий в основе социального предпринимательства, как социально-ориентированный и определена природа данного явления как межформационное переходное явление, относящееся к периоду «социализма-предтечи», выражаясь термином Д. Лайбмана. Выражаясь политэкономическим языком, социальное предпринимательство можно представить как ассоциированное социальное творчество,

поскольку переход из «царства необходимости» в «царство свободы», о котором пишут современные последователи учения К. Маркса А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, происходит в форме свободного добровольного ассоциирования граждан. К числу подобных форм данные авторы также относят различные формы участия рабочих в управлении и самоуправлении, направленные на преодоление одной из самых глубоких основ отчуждения – разделения деятельности по целеполаганию [2, с. 463]. Пример подобного снятия отчуждения на примере модели демократизации управления социальных предприятий *Sandwell* и кооперативной сети «Мондрагон» весьма характерен в этом отношении. Таким образом, социальное предпринимательство в контексте современной политической экономии вполне может восприниматься как одна из возможных форм перехода из «царства необходимости» в «царство свободы», как путь к новому, интегральному обществу, основанному на принципах преодоления отчуждения за счет ассоциированного социального творчества.

В работе были применены такие принципы политической экономии, как принцип объективности экономических процессов, принцип сочетания исторического и логического, а также принцип системного подхода [3], предполагающий рассмотрение социального пред-

принимательства как системного явления в экономике. Данные принципы развивались в контексте рассмотрения переходных, межформационных процессов в условиях технологического обновления экономики, учета цивилизационных особенностей социального предпринимательства. Так, например, принцип сочетания исторического и логического использовался как историко-формационный принцип выявления основных тенденций развития социального предпринимательства, а принцип системного подхода позволил расширить наши представления об этом явлении, поскольку позволил учесть все особенности его проявления в различных аспектах.

Представленная в работе попытка применения политэкономического подхода для исследования социального предпринимательства позволяет достаточно объективно оценить характер развития данного явления, и в дальнейшем, при разработке стратегии государственной поддержки социального предпринимательства, применение политической экономии даст возможность выявить адекватные меры государственного вмешательства в процесс развития данного феномена для повышения его эффективности. Однако это является уже одной из перспектив данного исследования, поскольку заслуживает отдельного обсуждения.

Литература

1. Crugman P. The Return of Depression Economics and the Crisis of 2008. New York: W.W. Norton & Company Inc., 2009. 214 p.
2. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). 3-е изд. М. Ленанд, 2015.
3. Мамедов О.Ю. Десять классических принципов политико-экономического анализа // Вопросы политической экономии. 2015. № 1. С. 38–47.
4. Цаголов Г.Н. Политэкономия будущего // Вопросы политической экономии, 2015. № 2. С. 39–51.
5. Mendell M., Nogales R. Solidarity Finance: An Evolving Landscape. *Universitas Forum*, vol. 3, no. 2, June 2012. Pp. 1–12. Available at: <https://www.ssc.wisc.edu/~wright/929-utopias-2013/Real%20Utopia%20Readings/Solidarity%20finance.pdf>
6. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 гг. (Первоначальный вариант «Капитала»): в 2 ч. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. 1216 с.
7. Мамедов О.Ю. Методология современного политико-экономического анализа (азы экономико-теоретического анализа) // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 10–13.
8. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / отв. ред. А.А. Москвитин; НИУ «Высшая школа экономики». М.: ВШЭ, 2011. 284 с.

9. Социальное предпринимательство // Материал из Википедии. 2011. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Социальное_предпринимательство (дата обращения: 20.04.2018).
10. Leadbeater С. Mainstreaming of the Mavericks. *The Observer*, 2007, March 25.
11. Петренко Е.С., Кот Ю.А., Климова С.Г., Богомолова Е.В. Социальные предприниматели на рынке социальных услуг: перспективы развития. М., Фонд «Общественное мнение», 2016.
12. Рудык Э.Н. Социальное государство и социальное предприятие // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / Под общ. ред. А.В. Бузгалина и М.И. Воейкова. М.: Экономика, 2011. 334 с.
13. Resta O.V. A conversation with Elena Panaritis. *Rivista online. The magazine of the Bologna Center*, 2010. Available at: <http://www.jhubc.it/rivista/spring2010/article6.cfm>
14. Alter К. *Social Enterprise Typology*. Virtue Ventures LLC. Wilmington, 2007
15. Кикал Дж., Лайонс Т. Социальное предпринимательство: миссия – сделать мир лучше. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014.
16. Кригер М. Импакт-инвестирование как новый паттерн // Новый бизнес. Социальное предпринимательство. URL: http://www.nb-forum.ru/social/social_investing/impact-investirovanie-patern.html (дата обращения: 30.05.2018).
17. Hatem T. Sekem: A holistic Egyptian Initiative. *Development Works for Business*, 2008. Available at: http://www.growinginclusivemarkets.org/media/cases/Egypt_Sekem_2008.pdf
18. Файншмидт Р. Инклюзивное развитие и инновации // Центр ОЭСР-ВШЭ. URL: <https://oecdcentre.hse.ru/nletter7.5> (дата обращения: 30.05.2018)
19. United Kingdom 2009 Monitoring Report, *Global Entrepreneurship Monitor 2009*. Available at: http://strath.ac.uk/media/departments/huntercentre/research/gem/GEM_UK_2009.pdf
20. Ефремова В. Социально не придумаешь. Пермский бизнес стал чаще оказывать социальные услуги // Коммерсант.ru. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3423674>
21. Williams Z., Richardson C. The Shadow State. *A report about outsourcing of public services*, 2012. Available at: http://wwwsocialenterprise.org.uk/uploads/files/2012/12/the_shadow_state_3_dec1.pdf
22. Guru-Murthy К. £46m payout for A4e – despite missing Work Programme targets, 24 October, 2012. Available at: <http://www.channel4.com/news/46m-payout-for-a4e-despite-missing-work-programme-targets>
23. Sandwell Community Caring Trust. *Social Business International*, 2012. Available at: http://socialbusinessint.com/wp-content/uploads/Sandwell_community.pdf
24. Эпштейн Д.Б. Модели социализма, общественная собственность и производственная демократия // Альтернативы. 2015. № 1 (86). С. 75–96.
25. Корпорация «Мондрагон». Libre.Life. 2010. URL: <https://libre.life/7521/1211/1/ru> (дата обращения: 26.10.2017).
26. Мурзакова А.А., Крайнов Г.Н. Основные идеи посткейнсианства // IV Международная студенческая электронная научная конференция «студенческий научный форум» 15 февраля – 31 марта 2012 г. URL: <https://www.rae.ru/forum2012/pdf/1860.pdf> (дата обращения: 22.09.2017).
27. *АРОПО Annual Report 2016*. Available at: https://www.apopo.org/annual-reports/АРОПО_annual_report_2016.pdf
28. *Benetech Annual Report 2017*. Available at: <https://benetech.org/wp-content/uploads/2018/05/BENETECH-2017-Audited-Financial-Statements.pdf>
29. Афанасьев В.С. Великое открытие Карла Маркса. Методологическая роль учения о двойственном характере труда. М.: Мысль, 1980. 284 с.
30. Лайбман Д. Зрелый социализм: структура, предпосылки, переходные периоды // Альтернативы. 2013. № 1. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/al-2013/19011-zrelyy-socializm-structurs-predposylki-perehodnye-periody.html> (дата обращения: 23.10.2017).
31. Young R. For what it is worth: Social value and the future of social entrepreneurship. *Social entrepreneurship: New models of sustainable social change*. Oxford: Oxford University Press, 2006. Pp. 56–73.
32. Бодрунов С.Д. Обновление российской экономической системы: политико-экономический аспект // Вопросы политической экономии. 2015. № 2. С. 52–57.

Сведения об авторе

Руслан Николаевич Павлов – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47; e-mail: pavlovru@mail.ru)

Pavlov R.N.

Political Economy – a Theoretical and Methodological Framework for Identifying Main Trends in Social Entrepreneurship Development

Abstract. The paper discusses some features of the source of social entrepreneurship as a new form of business organization, aimed at implementing social objectives in the context of strengthening neoliberal trends in economic policy and economic theory, rather than at maximizing the owners' profit. It is demonstrated that, remaining within the framework of the neoliberal ideology which retains its influence in the economic science, it is impossible to create an adequate theory explaining the importance of social entrepreneurship in the context of the process of changing paradigms of economic relations, since under the influence of this ideology false stereotypes are established, which is accompanied by falsification of historical facts. In this context it seems that the methodology of political economy, taking into account the current trends in the transformation of socio-economic relations and the deviation of the trend of social development from the framework of the formally preserved, but declining neoliberal paradigm, is very popular, especially since its problem areas include issues such as the distinction between individual and social forms of production, the relations between the necessary and surplus product, the distribution of surplus value (in case of its occurrence), the issues of individualization and socialization of economic phenomena, the correlation between market and non-market production areas and distribution of the final product, the issue of recognizing the social significance of the result of individual labor. In the present paper these methodological principles are applied for analyzing a complex, contradictory phenomenon of social entrepreneurship. The purpose of the research is to justify the need for a political economic approach to studying the main trends in social entrepreneurship development amid limited theoretical and methodological tools available within the neo-liberal economic theory. This will solve the following problems: form a completely objective image of its development, determine the true nature of this phenomenon and identify certain features of production method underlying social entrepreneurship. Since social entrepreneurship is one of the forms of alienation removal, in the context of political economy, assuming the desire for associated social creativity, it can be perceived as one of the tools for transition from the “kingdom of necessity” to the “kingdom of freedom”, according to K. Marx.

Key words: social entrepreneurship, political economy, mainstream, industrial relations.

Information about the Author

Ruslan N. Pavlov – Candidate of Sciences (Economics), senior researcher, Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation; e-mail: pavlovru@mail.ru)

Статья поступила 03.05.2018.

DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16

УДК 316.4, ББК 60.52

© Гужавина Т.А.

Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность*

**Татьяна Анатольевна
ГУЖАВИНА**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: tanja_gta@mail.ru

Аннотация. Формированию социального капитала городского сообщества способствует компактность проживания, включенность в разнообразные виды деятельности, многогранность возникающих задач и возможности их совместного решения. Целью нашего исследования стало изучение социального капитала городских сообществ двух крупных городов Вологодской области – Вологды и Череповца и выявление общих черт и отличительных особенностей. Теоретическим основанием анализа является концепция социального капитала, которая показала роль и значение социальных отношений для роста и развития. Дальнейшее расширение проблематики концепции обусловило интерес к конкретным средам его формирования, в том числе и к городу. Эмпирической базой исследования послужили результаты опроса общественного мнения в отмеченных городах, проведенного специалистами ВолНЦ РАН в июне 2017 г. Гипотеза исследования такова: различия культурного, экономического и социального характера влияют на состояние структурных характеристик социального капитала, и прежде всего на доверие, которое в свою очередь влияет на отношения солидарности и на уровень ответственности за состояние дел в городе. Анализу были подвергнуты такие характеристики социального капитала, как уровень межличностного и институционального доверия, включенность в общественно-политическую жизнь, готовность к объединению с другими. Отмечено, что состояние основных показателей социального капитала в городах различается. Анализ специфики его проявления может дать ин-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №16-03-00188/16. «Региональный социальный капитал в условиях кризиса».

Для цитирования: Гужавина Т.А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16

For citation: Guzhavina T.A. Social capital of the urban community: trust, solidarity, responsibility. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2018, vol. 11, no. 4, pp. 252–268. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.16

формацию о причинах существующих различий в восприятии населением властных структур, возможностях их взаимодействия, а также информацию для принятия обоснованных управленческих решений по избеганию конфликта между властью и населением, создания условий для укрепления их взаимодействия.

Ключевые слова: социальный капитал, социальное пространство, городское сообщество, территориальные особенности, доверие, солидарность, ответственность.

Введение. Город играет важную роль в развитии общества, оказывая большое влияние на образ жизни людей, создавая возможности для контактов, формируя сети отношений. По мнению ряда исследователей, «вплетенный в социальную ткань общества, город отражает и выражает его развитие» [1, 3]. Городские сообщества, вбирая в себя треть населения нашей страны, представляют собой наиболее распространенную в российских условиях форму территориального объединения. Современный город — это весьма сложное во всех отношениях образование. В нем объединены два вида пространства: физическое и социальное. Физическую составляющую (здания, памятник, улицы, площади и парки) дополняет социальная составляющая в форме человеческой активности и социального взаимодействия. Здесь раскрывается та «социальная реальность», о которой говорил Э. Дюркгейм и которая состоит из множества невидимых связей. Тех самых, что, по убеждению ученого, и формируют пространство позиций [2].

Как социокультурное пространство город представляет собой систему информационно-коммуникативных оснований для социальной деятельности индивидов. Они воплощаются в разнообразные знаково-символические продукты социокультурной практики [3]. Город, в то же самое время, скрепляется и разделяется сложной социальной сетью различного рода связей и взаимоотношений. Значение города усиливается и тем фактом, что в его границах происходит образование и накопление социального капитала, чему во многом способствует совместное проживание его жителей на компактной территории, их включенность в разнообразные виды совместной деятельности.

Теоретические основания анализа. Исследование феномена социального капитала, формирующегося в границах городского сообщества, опирается на значительную теоретическую базу. На сегодняшний день можно говорить о сфор-

мированности концепции, которая имеет достаточно глубокие теоретические корни. Ее истоки прослеживаются в теоретических построениях еще в XIX столетии. В концепции используются многие базовые положения теории капитала К. Маркса, И. Фишера, Г. Беккера [4, 5, 6].

В рамках постмодернизма было произведено дальнейшее расширение понятия. П. Бурдьё определяет капитал как накопленный труд, дающий возможность присваивать общественную энергию. Он обогатил данное понятие новыми характеристиками, выявив иные формы. Ими стали экономический, культурный и социальный капиталы [7, с. 60]. Есть специфика у каждой формы. Так, материальный капитал воплощен в материальные объекты и осязаем; человеческий капитал имеет своим выражением достижения индивида, получаемые благодаря его здоровью, интеллекту, квалификации, способностям индивида. Бурдьё связывает данную форму с телом [7, с. 60-61]. В отличие от названных форм социальный капитал неосязаем, поскольку имеет существенно иное происхождение. Он порожден отношениями, в которые актор вступает в процессе общения. Это отношения взаимного знакомства и признания, формирующиеся благодаря вхождению в группу, которая и «дает своим членам опору в виде коллективного капитала, “репутации”, позволяющей им получать кредиты во всех смыслах этого слова» [7, с. 66]. И в этом его принципиальное отличие от материального и человеческого капитала. Еще одно отличие связано с правом собственности на капитал. Из всех форм капитала только социальный трактуется как общественное благо, т.к. не может быть собственностью использующего его субъекта. Формируясь в сетях отношений, социальный капитал принадлежит всем участникам этих сетей.

Социальный капитал, включающий в себя общественные связи, взаимный обмен и взаимную помощь, дает человеку определенное

социальное положение (статус) в формирующейся общественной структуре. Его значение в том, что он открывает доступ к ресурсам, которыми располагают окружающие индивида члены сообщества, возможность их использования и распоряжения. Бурдьё полагал, что социальный капитал имеет символический характер и что выявить его можно через членство в каких-либо группах. Фактически это не что иное, как некая социальная практика. Анализируя выявленные формы, их способность перетекать из одной в другую, П. Бурдьё охарактеризовал капитал как динамический ресурс [8, с. 101-102].

Дальнейший углубленный анализ социального капитала содержится в работах Дж. Коулмена, который выдвинул идею о том, что основой отношений, создающих социальный капитал индивида, является доверие [9]. В этом и состоит основное отличие социального от других видов капитала. В ходе развития концепции перед исследователями встал вопрос о роли общественных объединений граждан. Любая совместная деятельность требует определенной организации. Изучая общественные ассоциации и результаты их деятельности, один из влиятельных исследователей социального капитала Р. Патнем увидел в них эффективный способ формирования социального капитала. Они обеспечивают включенность в общественную жизнь, расширяют контакты и связи, способствуют выработке и укреплению норм взаимодействия. По определению Р. Патнема социальный капитал – это «связи между индивидами, социальными сетями и нормами взаимности и доверия, которые вытекают из них» [10, с. 544]. Рассматривая жизнь сообщества через деятельность ассоциаций, создаваемых индивидами, Р. Патнему удалось выяснить значение сетевого взаимодействия.

Ассоциативная деятельность ориентирует акторов на солидарные действия, способствующие осознанию единства интересов. Именно солидарность лежит в основе социального взаимодействия и обеспечивает координацию взаимодействия индивидов и социальный порядок. Она служит предпосылкой любого коллективного действия, предстаёт как ведущий интегративный фактор [11, с. 226]. Доверие между членами группы порождает солидарные отношения, а те в свою очередь способствуют укреплению норм и ценностей в сообществе, слу-

жат основанием для коллективных действий. Сложившаяся в науке трактовка солидарности рассматривает ее как «связь, или слияние, индивидов в сплоченную группу или коллектив», как «эмерджентное свойство групп, способствующее социальной координации и социальному порядку и составляющее предварительное условие любого неспонтанного коллективного действия» [12, с. 14588]. Солидарность, по нашему убеждению, может быть отнесена к числу важнейших факторов, способствующих формированию социального капитала сообщества, и проявляет себя в готовности индивидов к совместным действиям.

Развитие концепции связано с расширением ее проблематики. Решение теоретических вопросов о сущности, формах, типах, источниках формирования, способах его измерения позволило исследователям сосредоточить интерес на конкретных средах его концентрации. В качестве одной из таких сред и было выделено городское сообщество. С точки зрения концепции социального капитала рассматриваются проблемы обеспечения устойчивости городского сообщества в условиях природных и социальных катастроф [13], городская бедность и инклюзия жителей городских трущоб [14, 15], положение этнических сообществ [16] и т.д. Интерес представляют исследования социального капитала с точки зрения территориальных особенностей его формирования [17], географические особенности возникновения сетевого взаимодействия в различных городских районах [18]. Ряд исследований социального капитала посвящен анализу ситуации в конкретных городах [19, 20].

Теоретические подходы к изучению состояния социального капитала территории и города содержатся в работах А. Караглиу, Ч. Дель Боро, П. Ниджкампа [21]. В частности, они отмечали, что конкурентоспособность города напрямую зависит от его социального капитала, что проявляется в способности городского сообщества адаптироваться к изменениям внешней среды, производить инновации. С. Циленбах отметил эффект социального капитала, проявившийся в том, что индивиды, демонстрируя более высокий уровень доверия друг к другу, более активно включаются в деятельность, способствующую развитию территории, а не только приносящую индивидуальную выгоду [22].

Исследования социального капитала в городском контексте стали привлекать внимание отечественных ученых. Так, например, М.В. Курбатова, С.Н. Левин, Е.Н. Каган проанализировали влияние типов социального капитала на развитие бизнеса и формирование бизнес-сетей в г. Кемерово [23]. Е.Л. Аношкина изучила ситуацию с социальным капиталом в городах Пермь и Екатеринбург [24]. Она определила социальный капитал города как его способность разрабатывать и реализовывать стратегию пространственного развития, привлекая внутренние и внешние ресурсы на свою территорию [25]. В этом огромную роль она отводит центрам принятия решений. Таким образом, развитие концепции позволяет говорить о социальном капитале города (городского сообщества).

В дальнейшем анализе мы основываемся на следующих тезисах. Во-первых, социальный капитал воплощен в социальных отношениях субъектов, а не в субъектах или объектах как таковых. Во-вторых, основа прочных социальных отношений — доверие, способствующее созданию общих ценностей и норм, являющееся их воплощением. В-третьих, проявляясь в общественных отношениях, социальный капитал отражает структуру связей и через нее делает доступным анализ социальной структуры общества. В-четвертых, включенность в сети отношений на определенном социальном уровне позволяет актору (индивиду или сообществу) использовать ресурсы этой сети для достижения своих целей. В-пятых, социальный капитал способствует солидарному объединению индивидов в сплоченную группу, что обеспечивает социальную координацию и социальный порядок. В этом заключены функциональные характеристики социального капитала. В-шестых, реализация социального капитала наблюдается через определение индивидом своей зоны ответственности за состояние дел в месте проживания.

И, наконец, определимся в трактовке социального капитала, понимая под ним, во-первых, наличие сетей социальных отношений, основанных на доверии и характеризующихся общими нормами и ценностями, и уровень вовлеченности в них людей. Во-вторых, полезные для общества, социальных групп (в нашем

контексте — для города) внешние эффекты и результаты, генерируемые социальным взаимодействием в рамках этих сетей и ассоциаций, основанных на доверии, общих нормах и ценностях [26].

Гипотеза нашего исследования сводится к следующему. Различные культурно-исторические и экономические условия, в которых существует то или иное сообщество, могут оказывать влияние на состояние и степень проявления основных структурных характеристик его социального капитала.

Анализ эмпирических данных. Изучение социального капитала городских сообществ имеет практическое значение, поскольку может дать ответы на вопросы относительно наблюдаемых различий в их социально-экономическом развитии. Рассмотрим эти различия и проанализируем имеющиеся данные относительно двух крупных городов Вологодской области — Вологды и Череповца. Особенностью территориальной организации населения области является двоецентрие [27]. Концентрация населения в двух крупнейших городах и их пригородных зонах привела к поляризации пространства. Вологда предстает как административная и культурная «столица» области, Череповец — как промышленный центр региона. Сложившуюся ситуацию можно считать во многом уникальной, что создает перспективные возможности для социологических исследований на территории региона.

Вологда и Череповец, находясь в границах одной области, имеют много общего, например, по таким характеристикам, как численность населения, численность занятых, транспортные коммуникации и т.д. Но все же у них больше различий. Наиболее существенные из них лежат в культурно-исторической и экономической сферах [28, 29].

Череповец рос быстрее в советское время, Вологда усилила свое развитие в переходный период. Череповец развивался на новой основе, по модели индустриальных городов советского периода: черная металлургия в комплексе с коксохимией стала стержнем функциональной структуры Череповца [30]. Строительство крупного предприятия черной металлургии при нехватке трудовых ресурсов обусловило масштабные миграционные процессы (*табл. 1*).

Таблица 1. Динамика численности жителей городов Вологды и Череповца в 1939–2016 гг. (тыс. чел.)

Год	г. Вологда	г. Череповец
1939	95,0	32,0
1959	139,1	92,4
1970	177,8	188,3
1979	236,5	265,9
1989	282,8	310,4
1999	301,0	324,0
2009	286,2	309,0
2015	311,2	318,1
2016	320,7	318,5

Источник: данные Вологдастата.

Таблица 2. Основные итоги социально-экономического развития городов Вологды и Череповца в 2016 г.

Показатель	Вологда	Череповец
Среднегодовая численность населения, тыс. чел.	320 701	318 536
Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами, млрд. руб.	55,2	424,9
Объем инвестиций в основной капитал, млрд. руб.	11,7	46,1
Среднемесячная номинальная начисленная зарплата, руб.	33 722	43 653
Среднесписочная численность работников (без внешних совместителей), чел.	86 449	85 994
Налоговые и неналоговые доходы бюджета, млн. руб.	2780,0	3040,5

Источники: Отчет о результатах деятельности мэра города и мэрии за 2016 год. Череповец. 2017 год». Режим доступа: <https://mayor.cherinfo.ru/>; Итоги социально-экономического развития МО «Город Вологда» за 2016 г. Режим доступа: <http://vologda-portal.ru>

В экономическом отношении рассматриваемые города различаются также весьма значительно (табл. 2). По совокупному объему производства промышленной продукции области 1 место занимает Череповец: его доля составляет 70%, 2 место – Вологда: её доля – 10%.

Большая часть населения Череповца занята на производстве и в строительстве. Структура занятости в Вологде – иная, поскольку именно там сосредоточены образовательные учреждения, областные и городские медицинские учреждения. Значительную долю составляют работники управленческих структур разных уровней. В 2011 г. в аппарате Правительства области было занято 3400 человек [31].

В определенной мере «столичный» статус города и его жителей в настоящее время поддерживается развитием новых брендов. Наиболее популярными стали проекты «Вологда – новогодняя столица России (Русского Севера)», «Вологда – кружевная столица России». На решение этой задачи направлен проект «Вологда – культурная столица Русского Севера»,

реализация которого заложена в соответствующую программу. Фактически между городами произошло разделение функций: административные и культурные сосредоточены в Вологде, экономические – в Череповце.

Наиболее ярко социальный капитал городского сообщества, его сформировавшийся тип проявляется в осознании населением степени ответственности за состояние дел в городе, в сформировавшихся кругах доверия, а способствует этому вовлеченность в сетевое взаимодействие. Частично данная гипотеза подтверждается исследованиями, которые проводились Л. Полищуком, Р. Меняшевым [32] и в которых они характеризуют Череповец как город с открытой гражданской культурой, как город, обладающий высоким потенциалом развития.

Для того чтобы более глубоко изучить влияние территориальных особенностей на формирование социального капитала, был выполнен сравнительный анализ результатов социологического исследования, охватившего население городов Вологды и Череповца. Опрос прово-

дился в июне 2017 г. Объем выборки составил 600 человек при генеральной совокупности 639 000 чел. Выборка репрезентативная, квотная, статистическая ошибка по квотным признакам не превышает 4%. Метод опроса – анкетирование по месту жительства.

Для оценки состояния социального капитала в качестве индикаторов были выбраны: состояние доверия в городских сообществах, готовность населения к объединению для решения имеющихся проблем (солидарность), уровень ответственности за состояние дел в месте проживания.

Под влиянием социально-экономических условий жизнедеятельности происходит формирование доверительных отношений в обществе, возникает настрой на общие действия, стремление улучшить эти условия. И доверие, и ответственность, и солидарность с окружающими во многом определяются социальными настроениями населения, о которых мы можем судить по самооценке респондентов. Уже здесь мы наблюдаем противоречивость ситуации. При более высоких экономических показателях в Череповце (см. табл. 2) можно было бы ожидать и более высоких оценок личного материального положения, и лучшего эмоционального состояния. Однако наблюдается противоположная картина. Очевидно, что

оценки настроения и оценки изменения материального положения коррелируют между собой (табл. 3 и 4).

Улучшение материального положения отмечают жители Вологды, несмотря на меньшую, чем в Череповце, среднюю зарплату. Показательным является и более высокий уровень оценок эмоционального состояния. В то же время доля тех, чье положение стало хуже, здесь больше. Этот факт отразился и на социальных настроениях. Что касается череповчан, то у них в большей мере оказались сохраненными достигнутые позиции. В целом же ситуация в Череповце более спокойная, чем в Вологде, где преобладают крайние оценки. Можем предположить, что за этим кроется более высокий уровень неравенства.

В рамках концепции социального капитала устоявшейся является точка зрения на доверие, с которой мы солидарны, как на его основной признак и структурный элемент [33]. Именно на доверии основано взаимодействие индивидов. Доверие рассматривается как метаотношение, поскольку оно сопровождает другие отношения [34]. Как показывает табл. 5, его уровень среди жителей городов невысок. На снижение доверия в обществе как на мировую тенденцию указывает П. Штомпка [35]. В нашей же стране, по мнению И.В. Соболевой, причина падения

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Как изменилось за прошедший год материальное положение Ваше / Вашей семьи?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Вологда	Череповец
Стало лучше	10,0	6,3
Не изменилось	40,3	56,3
Стало хуже	39,7	33,7
Затрудняюсь ответить	10,0	3,7

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Таблица 4. Распределение ответов на вопрос «Что Вы можете сказать о своём настроении в последнее время?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Вологда	Череповец
Эмоциональный подъём, бодрость	14,0	10,7
Обычное, ровное настроение	53,7	67,0
Тревожность, раздражение, злость	16,7	13,7
Безразличие, апатия	5,0	4,7
Затрудняюсь ответить	10,7	4,0

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Кому, на Ваш взгляд, можно доверять в наше время?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Вологда	Череповец
Никому нельзя доверять	17,4	27,8
Только самым близким друзьям и родственникам	62,9	48,5
Большинству знакомых людей можно доверять	15,1	17,7
Большинству людей, всем без исключения можно доверять	4,6	6,0
Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.		

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос «Скажите, пожалуйста, насколько Вы доверяете или не доверяете..?» в городах Вологде и Череповце (в % от числа ответивших)

Институт	Вариант ответа	Вологда	Череповец
Президенту РФ	Полностью и скорее доверяю	58,0	72,7
	Скорее или полностью не доверяю	27,4	23,3
	Затрудняюсь ответить	14,7	7,0
Правительству РФ	Полностью и скорее доверяю	47,7	52,7
	Скорее и полностью не доверяю	39,6	35,6
	Затрудняюсь ответить	12,7	11,7
Совету Федерации	Полностью и скорее доверяю	43,7	43,7
	Скорее и полностью не доверяю	40,6	38,3
	Затрудняюсь ответить	15,7	18,0
Государственной Думе РФ	Полностью и скорее доверяю	40,0	38,0
	Скорее или полностью не доверяю	46,7	46,7
	Затрудняюсь ответить	13,3	13,3
Губернатору	Полностью и скорее доверяю	34,0	37,6
	Скорее или полностью не доверяю	52,3	49,7
	Затрудняюсь ответить	13,7	12,7
Законодательному Собранию области	Полностью и скорее доверяю	33,0	34,6
	Скорее или полностью не доверяю	50,0	47,7
	Затрудняюсь ответить	17,0	17,7
Мэру города	Полностью и скорее доверяю	33,0	45,4
	Скорее или полностью не доверяю	51,7	41,6
	Затрудняюсь ответить	15,3	12,0
Городской Думе	Полностью и скорее доверяю	32,7	36,7
	Скорее или полностью не доверяю	49,7	45,4
	Затрудняюсь ответить	33,0	18,0
Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.			

доверия, прежде всего институционального, а вслед за ним и межличностного порождена практикой реформирования, которая привела к системному кризису [36].

Судя по данным таблицы об уровне доверия, жители городов Вологды и Череповца в основном настроены либо не доверять, либо доверять ограниченно; доверяющих всем людям среди них немного. Череповчане позиционировались как более недоверчивые, но их чуть больше среди доверяющих большинству. Во-

логжане в основном ориентированы на доверие близким людям. Несмотря на некоторые различия, доверие в городских сообществах имеет ограниченный радиус. Это подтверждается также тем, что 97% вологжан и 92% череповчан доверяют в первую очередь только своим родственникам. Достаточно высок уровень доверия друзьям – 82 и 80% соответственно. Около 50% респондентов в обоих городах доверяют своим соседям и коллегам по работе. Все выявленные категории составляют ближнее окружение.

Данный уровень доверия в основном при- сущ закрытому типу социального капитала, по- скольку ориентирован на родственные и друже- ские связи. Эти связи, не требующие от их участников значительных инвестиций, фор- мируются априори. По оценке А. Аузана, дан- ный тип социального капитала, получивший в концепции название бондингового или ограни- чивающего (в российских публикациях — огра- ниченный или закрытый тип), служит отраже- нием не столько социального начала, сколько биосоциального [37].

Межличностное доверие тесно связано с другой его формой — с институциональным до- верием. Наиболее ярко оно проявляет себя че- рез доверие к госструктурам разного уровня (табл. 6). Считать различия в уровне инсти- туционального доверия, установленные при анализе данных, существенными было бы пре- ждевременно. Они не столь разительны. Зна- чительными можно считать только отличия в оценках Президента.

Во много это объясняется несколько боль- шим уровнем доверия, оказанным череповча- нами институциональным структурам в целом. Здесь выше уровень доверия центральным ор- ганам власти и губернатору, который является уроженцем Череповца и был популярен в горо- де как мэр; больше доверия городской Думе и

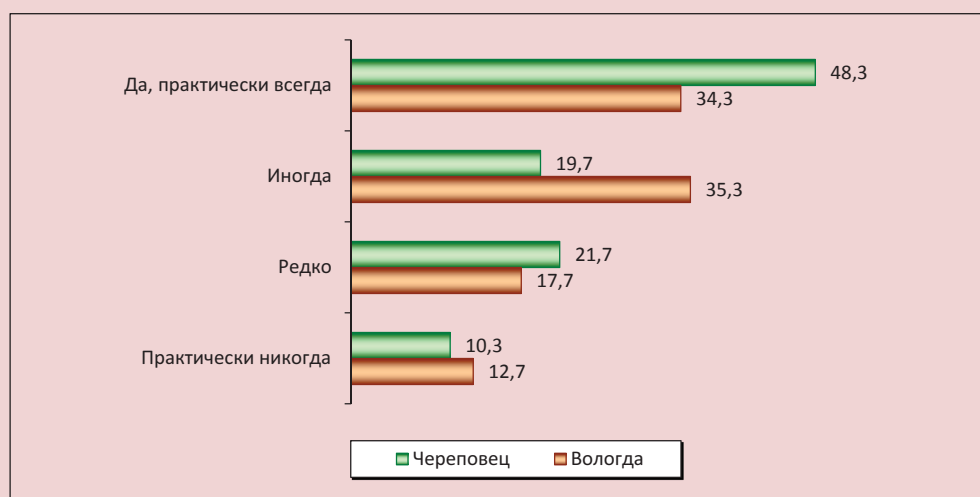
мэру города. Практически вся вертикаль власти пользуется поддержкой жителей города. Волог- жане более критичны в оценках деятельности как региональных, так и местных органов вла- сти. Уровень недоверия ими достаточно высок.

Сформировавшийся уровень доверия влияет на общественно-политическую активность ин- дивидов. Примером может служить электораль- ная активность. Среди жителей Череповца зна- чительно больше тех, кто регулярно участвует в выборах (рис. 1).

Доверие также оказывает существенное вли- яние на выбор гражданской позиции. Недове- ряющие составляют большую часть тех, кто практически никогда либо редко участвует в выборах. Как показывают полученные данные (табл. 7), независимо от места проживания ре- спондента наблюдается корреляция между уча- стием в выборах и уровнем доверия. Участни- ками выборной процедуры становятся прежде всего те, кто готов доверять своему окружению. Эта зависимость должна привлечь к себе вни- мание властных структур, особенно в периоды проведения предвыборных кампаний.

Более низкий уровень доверия жителей Вологды не означает, что они малоактивны в общественно-политической жизни. Так, напри- мер, они чаще, чем жители Череповца, при- нимают участие в акциях протеста (рис. 2).

Рисунок 1. Вы лично всегда участвуете в голосовании на выборах? (в % от числа опрошенных)

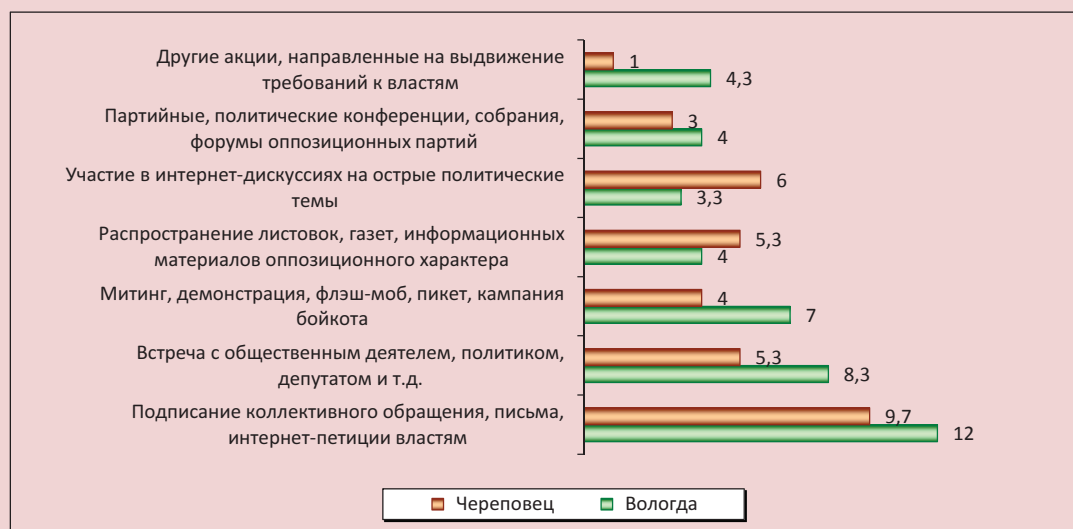
Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Таблица 7. Распределение ответов на вопрос «Вы лично всегда участвуете в голосовании на выборах?» (в зависимости от выбора ответа на вопрос «Кому, на Ваш взгляд, можно доверять в наше время?» (в % от числа ответивших)

Позиция	Да, практически всегда		Иногда		Редко		Практически никогда	
	Череповец	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец	Вологда	Череповец	Вологда
Никому нельзя доверять	37,3	23,1	22,9	19,2	21,7	38,5	18,1	19,2
Только самым близким друзьям и родственникам	47,6	35,1	17,9	37,8	24,8	15,4	9,7	11,7
Доверять можно большинству знакомых и незнакомых людей, всем людям	62,0	42,4	19,7	40,7	15,5	6,8	2,8	10,2

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Рисунок 2. Принимали ли Вы участие в каких-либо акциях протеста за последние 12 месяцев? (в % от числа ответивших)

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

В их активе подписание коллективных обращений, встречи с общественными деятелями, участие в акциях типа флешмоб и др. Череповчане активнее участвуют в интернет-дискуссиях, в распространении печатных материалов.

Активное участие в различных формах общественной жизни, создание различного рода ассоциаций с целью самоорганизации для достижения каких-либо целей служат источником формирования социального капитала любого

территориального сообщества. Спектр организаций общественной направленности весьма широк и разнообразен. Полученные данные дают нам представление о предпочтениях жителей Вологды и Череповца (табл. 8).

Череповчане, живя в промышленном городе, активно участвуют в профсоюзном движении, выше их интерес и к политическим партиям. Ветеранские, женские, религиозные организации выражают самые различные интересы

Таблица 8. Распределение ответов на вопрос «Участвовали ли Вы в каких-то мероприятиях и акциях, проводившихся различными общественными организациями?» (в % от числа ответивших)

Организации	Вологда	Череповец
Физкультуры и здорового образа жизни	14,0	16,0
Родительские (в школе, детском саду и т.п.)	11,7	19,0
Благотворительные	14,7	11,7
Творческие	8,0	11,3
Молодежные, студенческие	9,3	6,7
Досугово-развлекательной направленности	6,7	9,7
Профсоюзы	7,0	13,0
Профессиональные, предпринимательские организации и ассоциации	8,7	8,0
Общественные организации в сфере территориального, домового самоуправления или ЖКХ (ТОС, ТСЖ, совет дома и др.)	9,0	8,7
Ветеранские	4,3	10,3
Историко-культурной направленности	3,7	4,3
Экологические	6,3	7,0
Какой-либо группы, которая общается только через Интернет	4,0	6,3
Женские	3,7	5,7
Религиозной направленности	1,0	3,7
Правозащитной направленности и защиты прав потребителей	2,3	2,3
По защите различных незащищенных социальных групп (инвалидов, меньшинств, безработных)	1,7	2,0
Общественно-политические объединения, политические партии	0,3	1,3
Землячества, национально-этнической направленности	0,7	1,7
Другой группы, клуба или организации	1,0	4,0
<i>Нигде не состою/не участвовал(а)</i>	<i>57,7</i>	<i>48,7</i>
Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.		

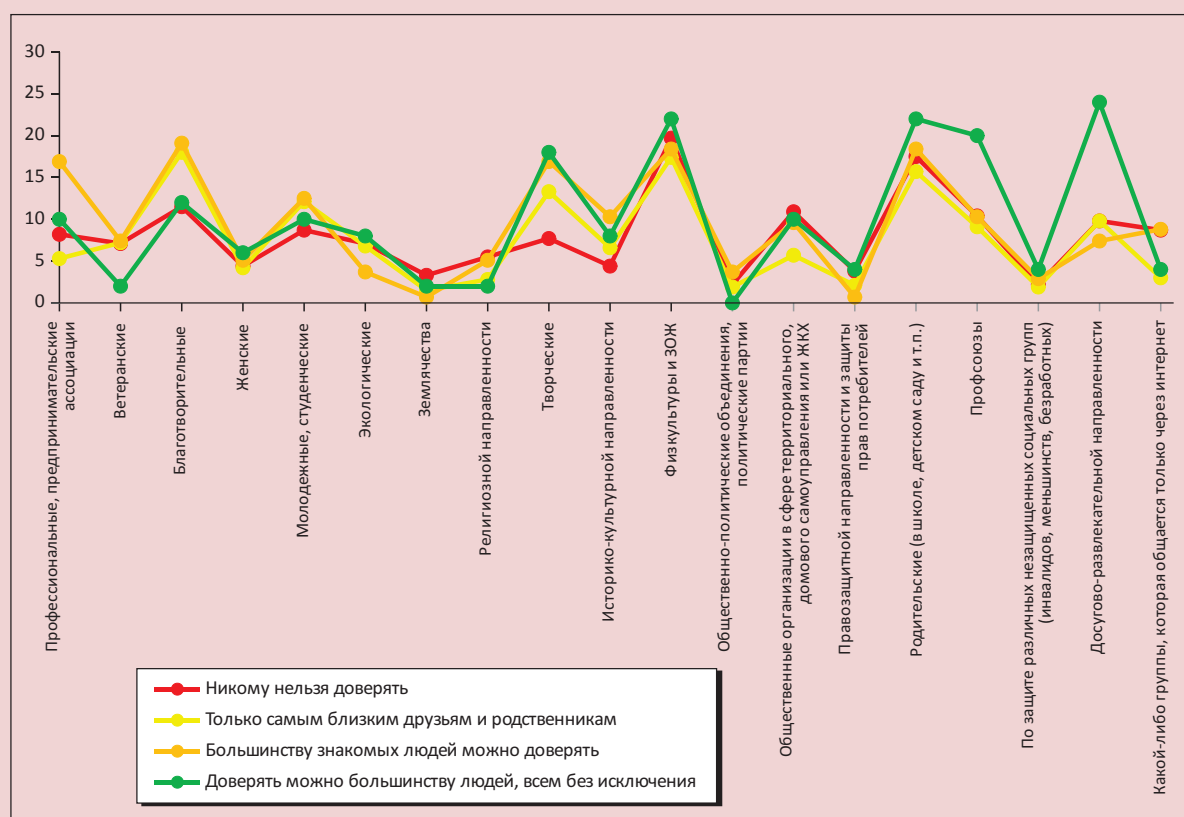
жителей города. Высок уровень их участия в родительских организациях. Данный факт вполне можно рассматривать как положительно влияющий на создание социального капитала. На значение участия родителей в делах школы и местного сообщества для формирования социального капитала указывал в своей концепции Дж. Коулмен [38].

Жители Вологды предпочитают благотворительность, борьбу за экологию, ЗОЖ. В Вологде, образовательном центре области, функционируют три крупных вуза и несколько филиалов, средние специальные учебные заведения. Этим и объясняется большая доля участия в молодежных организациях. Тем не менее значительная часть населения пассивна и не принимает участия ни в чем.

На участие горожан в общественной жизни значительно влияет доверие. С точки зрения концепции социального капитала доверие выступает как условие взаимодействия, так и про-

дукт этого взаимодействия. Степень активности в существенной мере связана с выраженным доверием (рис. 3). Недоверяющие в гораздо меньшей степени, чем доверяющие вовлечены в деятельность тех или иных структур. Они активны в основном в родительских комитетах и организациях ЗОЖ. По-видимому, судя по оценкам участников этих организаций, это наиболее значимые сферы и именно там необходимо договариваться. Умение договариваться способствует добровольной координации, открывает пути к созданию общественного блага, каковым и является социальный капитал. Доверие в данном контексте стимулирует подобную координацию, не смотря на тот факт, что основанием служит личный интерес. В данном случае мы наблюдаем горизонтальный уровень распространения социального капитала, который в значительной степени способствует формированию идентичности и поддерживает социальную солидарность.

Рисунок 3. Участие горожан в деятельности общественных организаций в зависимости от ответа на вопрос «Кому на Ваш взгляд, можно доверять в наше время?» (в % от числа ответивших)

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Таблица 9. Распределение ответов на вопрос «Есть люди, которые готовы объединяться для совместных действий по решению общих проблем, а есть те, которые не готовы объединяться с другими людьми. К каким бы Вы отнесли себя?» (в % от числа ответивших)

Вариант ответа	Вологда	Череповец
Конечно, я с теми, кто готов(а) объединяться	22,0	19,7
Скорее я готов(а) объединяться	37,7	32,0
Скорее я не готов(а) объединяться	12,3	18,3
Я категорически не готов(а) объединяться	3,3	11,0
Затрудняюсь ответить	24,7	19,0

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Еще одним индикатором проявления социального капитала сообщества служит осознаваемая людьми необходимость объединяться для решения общих задач (табл. 9). Нами уже отмечалось, что готовность к объединению рассматривается как проявление солидарности в социуме [11].

Среди жителей Вологды больше тех, кто заявляет о своей готовности к объединению с окружающими. На первый взгляд в этом есть некоторое противоречие с установленным уровнем их участия в общественной жизни, с характером проявляющейся активности. Однако, на наш взгляд, готовность к объединению

следует скорее рассматривать во взаимосвязи с доверием. Как было указано выше (см. табл. 5), уровень доверия среди вологжан выше (82%), чем среди череповчан (72%). Более высокий уровень доверия среди жителей Вологды обуславливает и более высокий уровень готовности к объединению. Соответственно готовность череповчан к объединению снижена.

Причины, на наш взгляд, кроются в различии тех социально-экономических ситуаций, что складывались в городах в условиях кризиса. Жители Череповца ограничивают круг своего доверия, но это следует рассматривать скорее как защитную реакцию, как проявление негативного опыта, приобретенного в условиях экономического кризиса. Как отметил Губернатор Вологодской области О.А. Кувшинников в своем выступлении в рамках Российского инвестиционного форума в Сочи, в Череповце в период кризиса 2009 года под угрозой увольнения оказались 12 тысяч человек [39]. Уровень безработицы в 2010 г. достигал 5%¹.

Доверие, участие в ассоциативной деятельности, готовность к объединению в совокупности факторов оказывают существенное влияние на возможности реализации городским сообществом своего социального капитала. По такому индикатору, как ответы на вопрос «*Как Вы считаете, влияют ли Вы лично сегодня на состояние дел..?*», мы можем наблюдать те ограничения в реализации социального капитала, которые связаны с низким уровнем доверия и низкой степенью участия в ассоциативной деятельности (табл. 10).

Основная масса респондентов ориентирована на влияние в ближнем окружении – в семье, на работе. Чем шире круг влияния – тем ниже оценки. На уровне страны они становятся минимальными. Здесь явно прослеживается взаимосвязь со сформировавшимся уровнем доверия (см. табл. 5). Мнение респондентов относительно расширения своих возможностей влиять на процессы, происходящие на том или ином уровне, характеризует имеющийся у них локус ответственности, который оказывается весьма ограниченным. Ответственность означает доступную актору сферу контроля, границы

социального пространства, которые находятся в зоне его влияния. Зона ответственности большинства респондентов ограничивается семейным кругом или контактами в границах производственной деятельности. Однако, как удалось установить в ходе анализа, существует непосредственная связь между типом социального капитала, носителем которого является индивид, и локусом ответственности

Дальнейшее исследование установило существенные различия в уровне накопленного индивидами социального капитала, отразившиеся и в высказанных респондентами суждениях. Для оценки уровня социального капитала был использован метод факторного анализа, что позволило выявить наличие среди респондентов носителей как открытого, так и закрытого типа социального капитала. Обоснование метода и его использование, а также результаты анализа были описаны нами ранее [40]. В ходе исследования респонденты были разбиты на пять групп в зависимости от рассчитанного индекса, характеризующего уровень накопленного социального капитала. В дальнейшем они обозначены: тип 1, тип 2, тип 3, тип 4, тип 5.

Представители выделенных групп существенно различались по ответам на те вопросы, которые стали социальными индикаторами. При расчете индекса социального капитала было использовано 46 индикаторов. Имеющие различия хорошо видны из данных, приведенных ниже (табл. 11).

Респонденты, относящиеся к типам 1 и 2, значительно отличаются по своим ответам от тех, кто вошел в группы 4 и 5. Показательно, что представители открытого капитала (типы 4 и 5) в той или иной степени доверяют прохожим на улице, тогда как среди носителей закрытого социального капитала (типы 1 и 2) таких значительно меньше либо совсем нет. Заметны и различия в доверии среди жителей Вологды и Череповца. Здесь снова отразился более низкий уровень доверия среди череповчан.

Существенными являются и различия между выделенными группами в отношении возможности влиять на дела в месте проживания, что характеризует возможности реализации накопленного социального капитала. Индивиды, относящиеся к 4 и 5 типам, демонстрируют расширение своей зоны ответственности за состояние дел в месте проживания. Выражается это в

¹ Официальный сайт города Череповца. Режим доступа: <https://cherinfo.ru/news/30654-bezrobotica-v-cherepovce-s-nacala-mirovogo-finansovogo-krizisa-dostigla-voodusevlausih-rezultatov-35>

Таблица 10. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, влияете ли Вы лично сегодня на состояние дел в указанных сферах?» (в % от числа ответивших)

Сфера влияния	Вариант ответа	Вологда	Череповец
В Вашей семье	В полной мере	62,0	56,3
	В значительной мере	26,0	25,3
	В незначительной мере	7,3	9,3
	НЕ влияю	2,7	5,3
	Затрудняюсь ответить	2,0	3,7
У Вас на работе	В полной мере	32,3	13,3
	В значительной мере	34,0	27,7
	В незначительной мере	15,3	19,0
	НЕ влияю	10,3	28,0
	Затрудняюсь ответить	8,0	12,0
В Вашем доме, дворе, микрорайоне, где Вы живёте	В полной мере	8,7	7,7
	В значительной мере	30,3	9,7
	В незначительной мере	31,0	28,3
	НЕ влияю	23,0	45,3
	Затрудняюсь ответить	7,0	9,0
В Вашем городе	В полной мере	3,3	6,3
	В значительной мере	16,7	7,0
	В незначительной мере	29,7	17,7
	НЕ влияю	39,7	57,7
	Затрудняюсь ответить	10,7	11,3
В области	В полной мере	0,3	2,3
	В значительной мере	4,7	4,3
	В незначительной мере	25,0	8,3
	НЕ влияю	58,3	73,7
	Затрудняюсь ответить	11,7	11,3
В стране в целом	В полной мере	0,3	2,3
	В значительной мере	4,3	2,3
	В незначительной мере	22,0	6,0
	НЕ влияю	62,0	77,0
	Затрудняюсь ответить	11,3	12,3

Источник: данные опроса населения г. Вологды и г. Череповца «Региональный социальный капитал в условиях кризиса», июнь 2017 г.

Таблица 11. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете или не доверяете прохожим на улице?» (в % от числа ответивших)

Тип социального капитала	Вологда				
	1	2	3	4	5
Полностью доверяю	0	0	0,9	2,2	9,7
В основном доверяю	0	1,9	15,7	29	41,9
В основном не доверяю	0	38,9	22,6	26,9	32,3
Полностью не доверяю	71,4	38,9	39,1	15,1	9,7
Затрудняюсь ответить	28,6	20,4	21,7	26,9	6,5
Тип социального капитала	Череповец				
	1	2	3	4	5
Полностью доверяю	0	0	0,9	0	0
В основном доверяю	0	8	9,6	23,9	41,7
В основном не доверяю	21,1	33	23,7	25,4	8,3
Полностью не доверяю	63,2	39,8	39,5	25,4	41,7
Затрудняюсь ответить	15,8	19,3	26,3	25,4	8,3

Источник: рассчитано автором.

их готовности и возможности оказать влияние на ситуацию. Среди них 50% ответили, что могут в полной или значительной мере повлиять на дела в месте своего проживания. Тогда как большинство входящих в 1 и 2 группы выбрали позицию «никак не могу повлиять» (табл. 12).

Наличие чувства ответственности за положение дел в своем населенном пункте является характеристикой открытого капитала, отсутствие – закрытого. Носители капитала открытого типа отличаются не только ответственностью, но и инициативностью, стремлением к инновационной деятельности, готовностью к объединению для достижения целей. Они демонстрируют более высокий уровень готовности к солидарным действиям. Как уже отмеча-

лось, солидарность лежит в основе готовности к коллективным действиям. Это подтверждается более высоким уровнем активности представителей данных групп, что было показано в приведенных выше данных (см. рис. 3).

Существенные различия мы наблюдаем и в самооценках респондентами своего материального положения (табл. 13). Вектор изменения материального положения у группы с отсутствием социального капитала можно охарактеризовать как отрицательный. Иная картина в группе с социальным капиталом высокого уровня. Здесь более стабильное положение, наблюдается тенденция к его улучшению.

Самооценка материального положения вполне коррелирует с уровнем дохода. Средне-

Таблица 12. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, можете ли Вы лично сегодня повлиять на состояние дел в Вашей деревне, посёлке, городе, районе?» (в % от числа ответивших)

Вологда					
Тип социального капитала	1	2	3	4	5
В полной мере	0	0	0	6	13
В значительной мере	0	0	8	27	52
В незначительной мере	0	30	30	37	13
Никак не могу повлиять	100	59	51	17	16
Затрудняюсь ответить	0	11	10	13	6
Череповец					
Тип социального капитала	1	2	3	4	5
В полной мере	0	0	4	15	42
В значительной мере	0	1	4	19	25
В незначительной мере	5	8	28	19	0
Никак не могу повлиять	90	78	59	28	8
Затрудняюсь ответить	5	13	6	18	25

Источник: рассчитано автором.

Таблица 13. Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете материальное положение свое/Вашей семьи сейчас?» (в % от числа ответивших)

Вологда					
Тип социального капитала	1	2	3	4	5
Хорошее	0	2	3	7	7
Скорее хорошее	43	33	27	40	61
Скорее плохое	57	37	39	32	19
Плохое	0	15	14	12	0
Затрудняюсь ответить	0	13	17	10	13
Череповец					
Тип социального капитала	1	2	3	4	5
Хорошее	0	4,5	1,8	3,0	16,7
Скорее хорошее	5	19	40	64	42
Скорее плохое	37	44	35	28	33
Плохое	58	17	14	0	0
Затрудняюсь ответить	0	15	10	5	8

Источник: рассчитано автором.

статистический доход, судя по результатам нашего исследования, на одного члена семьи в первой группе составил 11 тыс. руб., во второй – 15, в третьей – 17, в четвертой – 20, в пятой – 22 тыс. руб. при показателе 17 тыс. руб. в среднем по всем респондентам. Доходы 1 и 2 групп ближе к уровню прожиточного минимума, характеризующего бедность как экономическое состояние. Прожиточный минимум в 2017 г. составлял в среднем 10 718 рублей².

Выводы. Изучение городских сообществ Вологды и Череповца позволяет сделать ряд выводов. Во-первых, социальный капитал этих городских сообществ имеет определенные различия. Они проявляются в уровне межличностного доверия, структуре институционального доверия, степени вовлеченности в ассоциативную деятельность, в возможности реализовать свой социальный капитал через влияние на свое окружение. Однако охарактеризовать эти различия как существенные нельзя. Во-вторых, установлено, что в обоих городах преобладает социальный капитал закрытого типа, характеризующийся ограничениями в сфере доверия и влияния. В-третьих, в границах и одного, и другого сообщества сосуществуют разные типы социального капитала, дополняя друг друга. В случае и Вологды, и Череповца можно наблюдать закрытый и открытый типы социального капитала при преобладании первого из них. В-четвертых, социальный капитал открытого типа не является

укоренившимся в городских сообществах, его накопление ограничено. В качестве основного барьера выступает недоверие, порождаемое социально-экономической нестабильностью, а следовательно, высоким уровнем социальных рисков. Во многом данная ситуация могла бы быть преодолена при повышении качества жизни населения. В-пятых, исследование показало значительное влияние типа социального капитала на экономические установки респондента, что коррелирует и с уровнем имеющегося у него душевого дохода. В данном случае наблюдается подмеченная Бурдьё способность форм капитала конвертироваться друг в друга.

Таким образом, изучение социального капитала и анализ его состояния в городском сообществе с использованием индикаторной модели его измерения позволяет более глубоко понять и проанализировать складывающуюся систему социальных отношений. Очевидны различия в уровне накопления социального капитала, ярко видна зависимость социальной позиции респондента от типа капитала, носителем которого он является. Анализ данных позволяет определить различия в формах социального капитала в зависимости от территориальной принадлежности его носителей. Влиятельными факторами в этом случае выступают исторические, культурные особенности, в условиях которых проживает территориальное сообщество. При этом значительную роль играет социально-экономическая ситуация.

Литература

1. Город как социокультурное явление исторического процесса / В.Л. Глазычев, Г.А. Гольц, С.П. Карпов, Т.Б. Князевская, Э.В. Сайко, А.Л. Ястребицкая. М., 1995. 351 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 494 с.
3. Тулиганова И.В. Социокультурное пространство современного города: автореф. дис. ... канд. филос. наук.: 09.00.11. Саратов, 2009. 17 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. М.: Политиздат, 1960. Т. 23. 907 с.
5. Fisher I. The Nature of Capital and Income // Cover Copyright. Cosimo classic. 2007. 452 p.
6. Becker Gary S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education / Second edition / Becker, S. Gary // N.Y.: Columbia University Press. 1975.
7. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология: электронный журнал. 2002. Том 3. № 5. С. 60–74. URL: <https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc> (Дата обращения 20.11.2017).
8. Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.

² Об установлении величины прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в Вологодской области за III квартал 2017 года: Постановление от 13.11.2017 №998 // Официальный интернет-портал правовой информации. Режим доступа: <http://www.vologda-oblast.ru>

9. Coleman J. *Foundations of Social Theory*. Cambridge, MA: Harvard University Press. 1994.
10. Putnam R. D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York. Touchstone Books by Simon & Schuster. 2001.
11. Кузьменко И.С. К вопросу о социальной солидарности: общий обзор проблемы // Вестник КГУ МВД России. 2017. № 2 (36). С. 223–226.
12. Hechter M. *Solidarity, sociology of International encyclopedia of the social & behavioral sciences* / Ed. by N.J. Smelser, P.B. Baltes. Amsterdam: Elsevier, 2001. Vol. 21. Pp. 14588–14591.
13. Aldrich D.P., Meyer M.A. *Social Capital and Community Resilience* / *American Behavioral Scientist*. Published online 1 October 2014. Volume: 59 issue: 2, page(s): 254–269.
14. Richards P. and Roberts B. «Social Networks, Social Capital, Popular Organisations and Urban Poverty: A Research Note». Presented at the Seminar on Urban Poverty, sponsored by ALOP and the World Bank, Rio de Janeiro, May 14-16. 1998): [electronic resource] // URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.550.3346&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 3.08.2017).
15. *Social Analysis in the Urban Sector: A Guidance Note* / Social development department In partnership with the finance, economics and urban department. The world bank. 2008. URL: <http://siteresources.worldbank.org/EXTSOCIALDEVELOPMENT/Resources> (дата обращения 24.11.2017).
16. Smith-Morris C. *Social Capital In A Mexican-American Community In Dallas, Texas* // *Urban Anthropology*. 2007. Vol. 36(4): 1-32 // URL: <http://scholar.smu.edu> (дата обращения 24.11.2017).
17. Debertin D. L. *A Comparison of Social Capital in Rural and Urban Settings* [electronic resource]. URL: <http://www.uky.edu/~deberti/socsaea.htm>
18. Johnson J. *Mapping firing ranges as social capital generators in Houston, Texas* / A Thesis Presented to the Faculty of the USC Graduate School university of Southern California in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree master of science (geographic information science and technology) / December. 2014. URL: <https://spatial.usc.edu> (дата обращения 20.11.2017).
19. Dilworth R. *Social Capital in the City: Community and Civic Life in Philadelphia* // Temple University Press, Jun 4. 2010.
20. Fayong S. *Social Capital and Ordinary Social Movement in Urban China: A Case Study of Community Movement in Shanghai* / URL: <http://www.rrojasdatabank.info> (дата обращения 24.11.2017).
21. Caragliu A., Del Boro C., Nijkamp P. *Smart cities in Europe*. Amsterdam: University Amsterdam. 3rd Central European Conference in Regional Science – CERS, 2009. Pp. 45–59.
22. Zielenbach, S. *The Art of Revitalization: Improving Conditions in Distressed Inner-City Neighborhoods*. New York: Garland. 2000. 200 p.
23. Курбатова М.В., Левин С.Н., Каган Е.С. Структура социального капитала как фактор институционального развития региона // ОНС. 2006. №10. С. 37–51.
24. Anoshkina E. *Urban competitiveness and agglomeration development: A case study of Perm and Yekaterinburg* // *Regional Science Policy & Practice*. V. 4. Number 2. June 2012. Pp. 126–137.
25. Аношкина Е.Л. Развитие социального капитала крупнейших городов России // Региональные исследования. 2013. № 4. С. 48–52.
26. Афанасьев Д.В., Гужавина Т.А., Мехова А.А. Социальный капитал в регионе: к вопросу измерения и построения индикаторной модели // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 6. С. 110–125.
27. *Социальный атлас российских регионов. Вологодская область*. [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.socpol.ru/portraits/volgd.shtml#social_sphere (дата обращения 12.10.2017).
28. *Историко-культурное наследие Вологодской области*. URL: <http://cultinfo.ru/nasledie/register.htm> (дата обращения 16.03.2017).
29. *Вологда и Череповец: городская жизнь в восприятии населения: препринт* / кол. авт. под науч. рук. д.э.н. А.А. Шабуновой. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 120 с.
30. Колокольчикова Р.С. *Череповец как феномен индустриального города (сер.1960–сер.1980 г.г.): монография*. Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2009. 275 с.
31. Романов В. Чиновников пересчитали и попросили с вещами на выход // *Красный Север*. 2012. № 76.
32. Menyashv R., Polishchuk L. *Does Social Capital Have Economic Payoff in Russia?* Working paper WP10/2011/01. Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 44 p.

33. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ; Ермак, 2004. 730 с.
34. Антоненко И.В. Интегративный потенциал доверия: метаотношение и функции // Вестник Университета (Государственный университет управления). 2012. № 1. С. 104–108.
35. Штопка П. Доверие – основа общества / пер. с пол. Н.В. Морозовой. М.: Логос, 2012. 440 с.
36. Соболева И.В. Деформации социального капитала и перспективы их преодоления // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов / рук. проекта Б.Н. Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010. 800 с. С. 371–398.
37. Аузан А. Социокультурные коды в экономическом анализе // Журнал НЭА. 2013. № 1 (17). С. 173–176.
38. Коулмен Дж. Капитал социальный и человеческий // ОНС. 2001. № 3. С. 120–139.
39. Кувшинников: Череповец готов покинуть список моногородов. Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20180216/1514770866.html> (дата обращения: 20.02.2018).
40. Гужавина Т.А., Воробьева И.Н. Применение факторного анализа при измерении социального капитала [Электронный ресурс] // Социальное пространство. 2017. № 4. Режим доступа: <http://sa.vscs.ac.ru/article/2377> (дата обращения: 3.04.2017).

Сведения об авторе

Татьяна Анатольевна Гужавина – кандидат философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Guzhavina T.A.

Social Capital of the Urban Community: Trust, Solidarity, Responsibility

Abstract. Social capital formation of the urban community contributes to the compactness of living, involvement in a variety of activities, the diversity of emerging problems and the possibility of their joint solutions. The purpose for the study is to study the social capital of urban communities of two major cities of the Vologda oblast – Vologda and Cherepovets – and identify their common and distinctive features. The theoretical framework of analysis lies in the concept of social capital, which demonstrated the role and importance of social relations for growth and development. Further expansion of the concept's problems caused interest in specific environments of its formation, including the city. The empirical framework of the study includes the results of a public opinion survey in the mentioned cities conducted by the experts of the Russian Academy of Sciences in June, 2017. The hypothesis of the study is that cultural, economic, and social differences affect the state of structural characteristics of social capital, particularly trust, which in turn affects the relations of solidarity and the level of responsibility for the state of affairs in the city. Characteristics of social capital such as the level of interpersonal and institutional trust, involvement in social and political life, readiness to unite with others were analyzed. It is noted that the state of the main indicators of social capital in cities varies. Analysis of specific features of its manifestation can provide information on the reasons for the existing differences in population's perception of government bodies, possibilities of their interaction, as well as information for making reasonable management decisions to avoid conflicts between the authorities and the population, creating conditions for strengthening their interaction.

Key words: social capital, social space, urban community, territorial features, trust, solidarity, responsibility.

Information about the Author

Tat'yana A. Guzhavina – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: tanja_gta@mail.ru)

Статья поступила 10.01.2018.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области в июне – августе 2018 года, а также в среднем за последние 6 опросов (октябрь 2017 – август 2018 гг.). Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год второго президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011 г. (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год третьего президентского срока В.В. Путина). Представлена годовая динамика данных за последние 2 года (2016–2017). Проведен сравнительный анализ динамики общественного мнения о деятельности главы государства в первые месяцы (апрель – август) I, II, III и IV президентских сроков В.В. Путина. В связи с началом нового политического сезона, совпадающего с последним (согласно Конституции РФ) президентским сроком В.В. Путина, отдельное внимание уделяется анализу текущей (месячной) динамики общественного мнения о деятельности главы государства. Соответствующие таблицы представлены ниже.

В июне – августе 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно уменьшился (на 4 п.п., с 70 до 66%). Это самый низкий показатель поддержки главы государства за последние месяцы (с октября 2017 по август 2018 г.) и годы (2015–2017).

Доля жителей области, положительно отзывающихся о деятельности Председателя Правительства, за последние два месяца снизилась на 5 п.п. (с 52 до 47%). На сегодняшний день это также минимальный показатель в годовой и текущей динамике.

За период с апреля по август 2018 г. (первые месяцы IV президентского срока В. Путина) доля негативных оценок деятельности Президента увеличилась на 4 п.п. (с 18 до 22%), Председателя Правительства – на 5 п.п. (с 27 до 32%).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vssc.ac.ru/>.

Для справки:

По данным ВЦИОМ в июле – августе 2018 г. поддержка деятельности Президента существенно не изменилась (63 – 64%), однако стоит обратить внимание на то, что в мае доля положительных оценок деятельности главы государства составляла 81%, а в июне 73%.

Негативная динамика наблюдается и по данным Левада-Центра: в апреле 2018 г. деятельность Президента одобряли 82% россиян, в мае – 79%, в июле – 67%.

Таким образом, в целом за первые месяцы IV президентского срока В. Путина (с апреля по август 2018 г.) уровень поддержки деятельности главы государства снизился по данным ВЦИОМ на 18 п.п. (с 81 до 63%), по данным Левада-Центра – на 15 п.п. (с 82 до 67%).

Как Вы оцениваете в настоящее время деятельность..? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Президент РФ															
Одобрю	75,3	58,7	51,7	67,8	67,3	68,3	68,9	68,7	68,1	70,1	65,9	68,3	+1	+10	-7
Не одобряю	11,5	25,6	32,6	18,8	20,0	19,4	19,3	20,8	18,4	17,5	22,1	19,6	0	-6	+8
Председатель Правительства РФ*															
Одобрю	-*	59,3	49,6	52,3	49,5	51,5	49,9	48,3	49,9	52,0	47,4	49,8	0	-9	-
Не одобряю	-	24,7	33,3	27,6	31,1	29,9	31,3	30,8	27,8	27,5	31,9	29,9	-1	+5	-
Губернатор															
Одобрю	55,8	45,7	41,9	37,7	39,8	40,8	39,4	39,3	39,5	40,5	37,3	39,5	0	-6	-16
Не одобряю	22,2	30,5	33,3	39,3	39,3	39,2	40,1	37,9	36,1	35,3	36,9	37,6	-2	+7	+15

* Вопрос задается с 2008 г.

В июне – августе ухудшились оценки успешности действий Президента фактически по всем ключевым проблемам страны:

- ✓ доля людей, считающих, что В. Путин успешно справляется с укреплением международных позиций России, снизилась на 3 п.п. (с 56 до 53%);
- ✓ с наведением порядка в стране – на 4 п.п. (с 55 до 51%);
- ✓ с защитой демократии и укреплением свобод граждан – на 3 п.п. (с 43 до 40%);
- ✓ удельный вес тех, кто негативно оценивает работу Президента по подъему экономики и росту благосостояния граждан, возрос на 3 п.п. (с 38 до 41%).

За первые месяцы IV президентского срока В. Путина доля негативных суждений о работе Президента по всем вышеуказанным направлениям увеличилась на 2– 5 п.п.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами...?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Укрепление международных позиций России															
Успешно	58,4	46,2	43,1	51,2	55,7	57,6	56,5	55,2	56,1	55,6	53,3	55,7	0	+10	-3
Не успешно	24,9	33,7	37,9	29,9	26,8	26,3	28,3	26,9	26,9	26,7	29,1	27,4	+1	-6	+2
<i>Индекс успешности</i>	133,5	112,5	105,2	121,3	129,0	131,3	128,3	128,3	129,2	128,9	124,2	128,4	-1	+16	-5
Наведение порядка в стране															
Успешно	53,2	36,6	35,4	49,2	50,6	52,7	52,0	50,9	54,2	55,1	51,0	52,7	+2	+16	-1
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,7	36,1	35,1	34,6	32,7	30,8	32,9	36,2	33,7	-2	-16	0
<i>Индекс успешности</i>	119,2	86,6	84,7	112,6	114,5	117,6	117,4	118,2	123,4	122,2	114,8	118,9	+4	+32	0
Защита демократии и укрепление свобод граждан															
Успешно	44,4	32,4	28,8	36,6	40,3	42,5	43,3	42,8	42,9	43,4	39,8	42,5	+2	+10	-2
Не успешно	37,0	48,3	52,3	44,3	40,2	38,3	39,3	38,7	37,1	38,1	41,4	38,8	-1	-9	+2
<i>Индекс успешности</i>	107,4	84,1	76,5	92,3	100,2	104,2	103,9	104,1	105,8	105,3	98,4	103,6	+3	+20	-4
Подъём экономики, рост благосостояния граждан															
Успешно	47,2	30,7	28,5	27,2	29,3	32,3	31,6	31,0	31,3	32,3	30,6	31,5	+2	+1	-16
Не успешно	39,1	56,1	57,9	59,4	56,9	55,3	56,3	53,7	55,3	55,2	58,3	55,7	-1	0	+17
<i>Индекс успешности</i>	108,1	74,6	70,6	67,8	72,4	77,0	75,3	77,3	76,0	77,1	72,3	75,8	+3	+1	-32

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2016 г.

Результаты российских и региональных исследований позволяют говорить о том, что негативная динамика оценки деятельности главы государства в апреле – августе 2018 г. отмечается не впервые. По данным ВЦИОМ снижение поддержки Президента наблюдалось в соответствующий период второго президентского срока В. Путина (2012 г.); по данным Левада-Центра – на протяжении всех четырех президентских сроков; по данным ВолНЦ РАН – в 2000 и 2004 гг. Таким образом, ухудшение общественного мнения о деятельности главы государства в первые месяцы политического сезона – явление достаточно распространенное; можно даже сказать «стандартное» для российской действительности.

По-видимому, это связано с тем, что в начале нового политического цикла люди ожидают от власти конкретных шагов по выполнению предвыборных обещаний, однако реальных изменений в динамике уровня и качества жизни не наблюдают. Это, с одной стороны, делает вполне вероятным сценарий того, что и в 2018 г. (несмотря на столь резкое неприятие пенсионной реформы²) всё вернется «на круги своя» и в ближайшие месяцы 2018 г. динамика общественного мнения вновь стабилизируется. Однако, с другой стороны, нельзя не отметить, что

² По данным Фонда «Общественное мнение», 80% россиян отрицательно относится к проекту пенсионной реформы (источник: Повышение пенсионного возраста: реакция граждан // Пресс-выпуск ФОМ от 29.06.2018. URL: <http://fom.ru/ekonomika/14057>).

По данным ВолНЦ РАН, не поддерживают пенсионную реформу 73% жителей Вологодской области (противоположной точки зрения придерживаются лишь 7% респондентов); 55% считают, что повышение пенсионного возраста недопустимо в принципе; 27% жителей региона считают, что «рано или поздно пенсионный возраст нужно будет повышать, но не сейчас и не таким образом».

речь идет о многолетнем, можно сказать, системном игнорировании ожиданий и надежд населения, что, безусловно, усугубляет стабильность политической системы и в целом социальной ситуации в стране.

Следует также отметить, что по данным российских исследований (ВЦИОМ) уровень поддержки В. Путина на начало III и IV президентских сроков составлял 63% (в августе). Это значительно меньше, чем в августе 2000 и 2004 гг. (86 и 74% соответственно).

Динамика оценки деятельности главы государства в первые месяцы I – IV президентских сроков В. Путина (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2000 г.				2004 г.				2012 г.				2018 г.			
	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/–), авг. к апр.	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/–), авг. к апр.	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/–), авг. к апр.	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/–), авг. к апр.
ВЦИОМ																
Одобрю	-	79,5**	85,5	-	72,6***	69,8**	74,0	+1	65,8	65,8	62,9	-3	81,3	72,5	63,0	-18
Не одобряю	-	20,5**	14,5	-	18,9***	19,8**	17,8	-1	25,4	24,1	27,9	+3	11,2	18,0	26,5	+15
ЛЕВАДА-ЦЕНТР																
Одобрю	77	61	65	-12	79	72	68	-11	67	64*	63	-4	82	67**	н.д.	-
Не одобряю	15	26	26	+11	19	25	30	+11	32	34*	35	+3	17	32**	н.д.	-
ВолНЦ РАН																
Одобрю	67,3	62,5	61,5	-6	73,5	67,2	53,1	-20	50,3	54,5	53,7	+3	68,1	70,1	65,9	-2
Не одобряю	11,1	16,1	19,8	+9	13,0	19,0	27,1	+14	33,3	28,9	31,1	-2	18,4	17,5	22,1	+4
* С мая 2008 г. до июня 2012 г. Левада-Центр формулировал вопрос так: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Владимира Путина на посту председателя правительства?».																
** Данные ВЦИОМ за июль 2000 и 2004 г., данные Левада-Центра – за июль 2018 г.																
*** Данные ВЦИОМ за май 2004 г.																

В отличие от первых месяцев III президентского срока В.В. Путина, в апреле – августе 2018 года наблюдается негативная динамика оценок успешности решения Президентом ключевых проблем страны (доля отрицательных суждений увеличилась на 2–5 п.п.). Отрицательная тенденция общественного мнения отмечалась также в 2004 году, ознаменовавшемся широкими дискуссиями по поводу достаточно противоречивой реформы монетизации льгот.

Следует также отметить, что в апреле – августе 2018 г. (по сравнению с соответствующими периодами 2000, 2004 и 2012 гг.) фиксируется значительно более высокий уровень поддержки действий главы государства по укреплению международных позиций России (55% против 40–44%), наведению порядка в стране (53% против 35–37%), защите демократии и укреплению свобод граждан (42% против 25–30%). Однако это утверждение не касается, пожалуй, самой острой проблемы – подъема экономики и роста благосостояния граждан. На протяжении всех президентских сроков В. Путина оценка успешности ее решения не меняется: доля положительных суждений составляет 30%, отрицательных – 50–56%.

По последним данным (на август 2018 г.) индекс оценки деятельности главы государства по решению материальных проблем населения ниже, чем за соответствующий период всех предыдущих президентских сроков (в августе 2018 г. – 72 п., в 2012 г. – 83 п., в 2004 г. – 74 п., в 2000 г. 84 п.).

Оценка успешности решения Президентом ключевых проблем страны в первые месяцы президентских сроков В.В. Путина* (данные ВолНЦ РАН, в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	2000 г.				2004 г.				2012 г.				2018 г.			
	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/-), авг. к апр.	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/-), авг. к апр.	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/-), авг. к апр.	апр.	июнь	авг.	Изменение (+/-), авг. к апр.
<i>Укрепление международных позиций России</i>																
Успешно	-	-	38,1	-	50,1	43,9	35,4	-15	42,6	43,3	47,2	+5	56,1	55,6	53,3	-3
Не успешно	-	-	29,4	-	28,1	33,9	42,9	+15	37	37,8	34,9	-2	26,9	26,7	29,1	+2
<i>Индекс успешности</i>	-	-	108,7	-	122,0	110,0	92,5	-30	105,6	105,5	112,3	+7	129,2	128,9	124,2	-5
<i>Наведение порядка в стране</i>																
Успешно	-	-	33,5	-	42,6	36,1	28,9	-14	34,7	35,3	40,9	+6	54,2	55,1	51,0	-3
Не успешно	-	-	42,3	-	43,5	49,5	53,2	+10	51,5	51,8	45,6	-6	30,8	32,9	36,2	+5
<i>Индекс успешности</i>	-	-	91,2	-	99,1	86,6	75,7	-23	83,2	83,5	95,3	+12	123,4	122,2	114,8	-9
<i>Защита демократии и укрепление свобод граждан</i>																
Успешно	-	-	25,1	-	33	30,6	28,1	-5	26,9	30,1	33	+6	42,9	43,4	39,8	-3
Не успешно	-	-	38,1	-	42,3	46,1	47,6	+5	55	51,4	48,1	-7	37,1	38,1	41,4	+4
<i>Индекс успешности</i>	-	-	87,0	-	90,7	84,5	80,5	-10	71,9	78,7	84,9	+13	105,8	105,3	98,4	-7
<i>Подъём экономики, рост благосостояния граждан</i>																
Успешно	-	-	28,7	-	35,1	30,9	27,6	-8	28,5	29,1	34,7	+6	31,3	32,3	30,6	-1
Не успешно	-	-	44,4	-	49,2	50,7	53,7	+5	58,7	57,1	51,4	-7	55,3	55,2	58,3	+3
<i>Индекс успешности</i>	-	-	84,3	-	85,9	80,2	73,9	-12	69,8	72,0	83,3	+14	76,0	77,1	72,3	-4

* Вопрос задаётся с августа 2000 г.

Структура партийно-политических предпочтений населения остается стабильной. В частности, на уровне 38% сохраняется поддержка «Единой России». Тем не менее следует отметить незначительный рост доли людей, считающих, что никакая из представленных на сегодняшний день парламентских партий не выражает их интересы (в апреле 2018 г. доля разделяющих это мнение составляла 26%, в июне – 27%, в августе – 29%). Это может свидетельствовать о потере интереса или даже о разочаровании людей в деятельности партий, представленных в Государственной Думе.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	Выборы в ГД РФ 2007 г., факт		2011		2012		2016		Выборы в ГД РФ 2011 г., факт		2017		Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...			
		Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	2017	2011	2007								
Единая Россия	30,2	60,5	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	35,6	37,9	38,4	39,7	38,9	38,1	38,1	+3	+7	+8
ЛДПР	7,5	11,0	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	11,5	11,6	10,1	9,6	9,7	9,7	10,4	-1	+3	+3
КПРФ	7,0	9,3	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	7,3	8,1	7,1	8,1	8,7	10,3	8,3	+1	-2	+1
Справедливая Россия	7,8	8,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	4,5	4,3	3,5	2,5	2,3	2,7	3,3	-2	-2	-5
Другая	1,8	–	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,8	1,1	0,9	1,2	0,5	0,6	0,9	0	-1	-1
Никакая	17,8	–	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	26,2	28,5	28,8	26,2	26,7	28,5	27,5	-2	-2	+10
Затрудняюсь ответить	21,2	–	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	14,1	8,6	11,1	12,7	13,3	10,0	11,6	-1	-2	-10

Несмотря на ухудшение оценок деятельности Президента и Правительства, в динамике показателей социального самочувствия за последние два месяца существенных изменений не произошло:

- ✓ доля людей, характеризующих свое настроение как «нормальное, прекрасное, ровное», составляет 73%;
- ✓ удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – 78%.

Впервые за последние месяцы снизился индекс потребительских настроений (на 3 пункта, с 92 до 89 п.), что говорит о росте пессимистических ожиданий людей относительно динамики экономической ситуации в стране и своего личного благосостояния.

Рост негативных прогнозов на будущее пока не приводит к ухудшению оценок материального положения в настоящем. Однако удовлетворительной ситуацию тоже назвать сложно: на протяжении последних лет доля жителей области, субъективно относящих себя к категории «бедных и нищих», превышает удельный вес людей «среднего достатка» (45–49% против 40–43%).

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2016	2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Настроение															
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,0	70,5	68,6	71,5	72,5	72,5	71,1	+1	+8	+8
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	26,2	24,2	22,8	24,0	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	-1	-6	-5
Запас терпения															
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	78,0	77,7	74,4	77,1	76,2	79,0	76,5	78,0	76,9	-1	+2	+3
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,6	15,8	17,5	16,2	16,3	14,8	16,6	15,5	16,2	0	+1	+3
Социальная самоидентификация*															
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	42,1	43,1	43,0	41,7	41,2	41,8	43,1	43,3	42,4	-1	-1	-6
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	49,0	46,6	48,8	47,1	46,2	46,5	45,3	44,1	46,3	0	+2	+4
Индекс потребительских настроений															
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	77,7	84,6	86,7	87,3	89,2	90,3	92,2	89,2	89,2	+5	0	-17

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

В 9 из 14 социально-демографических групп существенных изменений социального настроения (более чем на 2 п.п.) не произошло. Вместе с тем следует отметить, что ни в одной из категорий в июне – августе 2018 г. улучшения эмоционального состояния не наблюдается (за исключением незначительного роста – на 3 п.п. – позитивных суждений о своем настроении людей, относящихся по самооценке доходов к 60% среднеобеспеченных жителей области).

Обращает на себя внимание ухудшение социального настроения тех, кто по самооценке своих доходов относится к группе 20% наименее обеспеченных жителей региона. За последние два месяца доля позитивных оценок в этой категории уменьшилась на 7 п.п. (с 60 до 53%). В целом же негативная динамика ухудшения социального настроения наименее обеспеченных слоев населения наблюдается с апреля 2018 г., то есть на протяжении всех первых месяцев IV президентского срока В. Путина.

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2016	2017	Окт. 2017	Дек. 2017	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Среднее за последние 6 опросов	Изменение (+/-), последние 6 опросов по отношению к...		
													2017	2011	2007
Пол															
Мужской	65,9	64,5	69,1	68,8	70,6	71,3	70,8	71,0	73,4	74,5	73,9	72,5	+2	+8	+7
Женский	61,7	62,0	65,8	67,4	70,2	70,8	70,3	66,6	70,0	70,9	71,3	70,0	0	+8	+8
Возраст															
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	76,4	78,1	79,4	82,2	74,2	79,6	81,3	77,9	79,1	+1	+9	+8
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	67,4	71,5	71,4	73,1	68,8	74,0	75,1	74,9	72,9	+1	+10	+8
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,0	64,9	66,4	61,4	65,6	64,2	64,7	66,5	64,8	0	+7	+10
Образование															
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	62,1	63,6	63,3	61,2	60,5	65,5	64,8	66,5	63,6	0	+6	+5
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	68,4	72,0	73,3	75,0	68,9	72,7	74,9	72,6	72,9	+1	+9	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	74,3	75,8	77,1	75,6	77,9	76,2	77,4	78,4	77,1	+1	+9	+9
Доходные группы															
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,5	52,9	57,9	50,7	47,7	61,8	60,0	53,1	55,2	+2	+10	+4
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	69,4	72,0	71,7	72,0	70,3	71,7	72,3	74,5	72,1	0	+7	+9
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	80,9	83,7	82,1	86,2	82,2	81,5	85,5	83,4	83,5	0	+8	+9
Территории															
Вологда	63,1	67,1	73,6	69,9	72,6	74,0	72,2	71,0	73,5	75,4	70,4	72,8	0	+6	+10
Череповец	68,1	71,2	76,2	71,7	75,7	76,9	75,2	71,5	75,0	76,7	79,1	75,7	0	+5	+8
Районы	61,6	57,1	59,8	64,8	66,1	66,1	66,9	65,6	68,3	68,6	69,8	67,6	+1	+10	+6
Область	63,6	63,1	67,3	68,0	70,4	71,1	70,5	68,6	71,5	72,5	72,5	71,1	+1	+8	+8

Заключение

Результаты социологических исследований, проводимых как на территориальном уровне, так и в национальных масштабах, позволяют однозначно утверждать, что правительственные законопроекты, которые принимались или обсуждались в первые месяцы четвертого президентского срока В. Путина, не находят поддержки среди широких слоев населения или, другими словами, не соответствуют национальным интересам.

Как следствие, наблюдается снижение уровня одобрения деятельности самого Президента; ухудшается оценка его действий по решению ключевых проблем страны; увеличивается недовольство людей партиями, представленными в парламенте; растут пессимистические настроения относительно перспектив российской экономики и личного материального положения; наиболее уязвимые категории населения всё реже испытывают позитивные эмоции.

В принципе можно согласиться с выводами экспертов ВЦИОМ о том, что «колебания показателей носят волнообразный и слабовыраженный характер... Такая ситуация, очевидно, будет сохраняться до конца лета»³. Однако, на наш взгляд, по такой динамике сложно делать вывод о том, что «налицо стабилизация ситуации» и что в стране сложилась «в целом спокойная политическая обстановка»⁴.

³ Рейтинги доверия политикам, одобрения работы государственных институтов, рейтинги партий: Пресс-выпуск ВЦИОМ 2018. № 3739. 20 августа. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9257> (комментарий руководителя практики политического анализа и консультирования Департамента исследований М. Мамонова).

⁴ Там же.

Сравнительный анализ динамики общественного мнения в первые месяцы президентских сроков В. Путина показал, что нынешнюю ситуацию можно сравнить с ситуацией 2004 года, одним из знаковых событий которого стало обсуждение реформы монетизации льгот (напомним, что сам закон, предполагавший замену льгот денежными компенсациями, был подписан Президентом в августе 2004 года⁵, хотя митинги против данной реформы начали происходить в стране уже в июле⁶). Однако нельзя не отметить, что внутренняя общественно-политическая ситуация в 2018 и 2004 гг. имеют принципиальные отличия: 14 лет назад перед страной всё ещё стояла задача стабилизации обстановки после событий 1990-х гг., сегодня же повестка дня, декларируемая властью и поддерживаемая обществом, совершенно иная.

В Послании Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. и позже в майских указах Президентом были поставлены цели и задачи по прорывному развитию внутренней политической и экономической ситуации в стране. Причем В. Путин неоднократно подчеркивал, что для их реализации «времени на раскачку нет»⁷. Однако достижение этих достаточно амбициозных и поддержанных общественностью планов невозможно в условиях фактически конфронтации между решениями, принимаемыми органами государственной власти, и общественным мнением.

В той ситуации, которая сложилась на сегодняшний день, вести речь можно разве что о более или менее успешном поддержании социальной стабильности в стране. Соответственно для того, чтобы динамика общественных настроений изменила свой вектор, нужны коренные изменения в самой идеологии и направленности внутренней государственной политики, хотя пока что для многих экспертов⁸ такой поворот представляется крайне маловероятным.

Следует также отметить, что негативная по многим ключевым вопросам динамика общественного мнения наблюдается в летние месяцы года, то есть в сезон отпусков и дачных забот. Однако если в ближайшие месяцы властью не будут сделаны соответствующие выводы и приняты решения, которые найдут поддержку у населения, остается только догадываться о том, какой характер будут иметь оценки общественных настроений в приближающийся осенне-зимний период, традиционно осложняющийся ухудшением климатических условий, началом нового рабочего цикла и сезонным повышением тарифов ЖКХ.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

⁵ Федеральный закон от 22 августа 2004 г. №122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”».

⁶ В частности, 29 июля в Москве прошел митинг протеста против законопроекта о замене льгот денежными компенсациями, который собрал около 3 тыс. человек. Организатором митинга выступил Союз «Чернобыль» России, однако в нем приняли участие представители других организаций и партий (КПРФ, ЛДПР, «Яблоко», СПС и др.). В целом на митинг в Москву приехали «чернобыльцы» из многих регионов России, в том числе Ростовской, Тульской, Белгородской, Тамбовской, Ленинградской, Ивановской, Калужской областей, Ставропольского края, Башкирии и других регионов. (Источник: Новости News.ru со ссылкой на агентство «Интерфакс» URL: <https://www.newsru.com/russia/29jul2004/miting.html>)

⁷ См. например: Выступление В.В. Путина во время инаугурации 7 мая 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57416>; Стенограмма «прямой линии» с В. Путиным от 7 июня 2018 г. // Официальный сайт Президента РФ. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57692>

⁸ См. например: **Деягин М.** Россию ведут к той же пропасти, что и Украину // Официальный сайт агентства политических новостей «Северо-Запад». Режим доступа: <http://www.apn-spb.ru/opinions/article27881.htm>; **Скоробогатый П., Гурова Т.** Мандат развития // Эксперт. 2018. №13. 26 марта – 1 апреля. Режим доступа: <http://pressa.ru/ru/reader/#/magazines/ekspert/issues/13-2018/pages/10/>; **Башкатова А.** Новое Правительство становится кабинетом одного министра // Независимая газета. 2018. 11 мая. http://www.ng.ru/economics/2018-05-11/1_7222_siluanov.html (мнение директора Института актуальной экономики Н. Исаева); **Дисциплинирующая сущность майских указов (редакционная статья)** // Независимая газета. 2018. 16 мая. http://www.ng.ru/editorial/2018-05-16/2_7225_red.html; **Коровин В.** Голгофа последнего срока // Завтра. 2018. 21 мая. http://zavtra.ru/blogs/golgofa_poslednego_sroka; Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь мир, 2016. 400 с.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьёй в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscs.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 250 до 300 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nrv1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полуторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____

_____ (наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов) именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключённому договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объёмом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приёма-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приёма-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____

Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____

Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсионного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);

2) на сайте <http://www.akc.ru>;

3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-10 (доб. 387), адрес электронной почты: bushmanova@vscc.ac.ru).

Редакционная подготовка	Л.Н. Воронина
Технический редактор, верстка	Т.В. Попова
Корректор	Н.В. Степанова

Подписано в печать 29.08.2018.
Дата выхода в свет 31.08.2018.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 33,3. Тираж 500 экз. Заказ № 271.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@vscs.ac.ru